Д. А. Баринов

ЗИНОВЬЕВ, ТРОЦКИЙ, УНИВЕРСИТЕТ

Левое движение в высшей школе Петрограда/Ленинграда (1918–1932 гг.)

КОНКУРС
ТРУДОВ МОЛОДЫХ
УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Д. А. Баринов

ЗИНОВЬЕВ, ТРОЦКИЙ, УНИВЕРСИТЕТ

Левое движение в высшей школе Петрограда/Ленинграда (1918-1932 гг.)

Книга посвящена политической борьбе в высшей школе Петрограда/Ленинграда 1920—начала 1930-х гг. На материалах архива ОГПУ, документов партийных ячеек ВКП(б) автор рассказывает об участии студентов и преподавателей вузов в сопротивлении авторитарным тенденциям в советском государстве. Проанализированный в книге материал позволяет указать на ошибочность распространенного представления о том, что многие партии левого толка (меньшевики, эсеры, анархисты и др.) сошли с политической арены после окончания Гражданской войны. Другой магистральной темой исследования стало участие вузовцев в работе левой оппозиции в ВКП(б). Рассмотрен процесс выстраивания сторонниками Г. Е. Зиновьева, Л. Д. Троцкого и Т. В. Сапронова параллельных ВКП(б) политических структур, которые после формального разгрома оппозиции продолжали работу в условиях подполья.

НАУКА

1727

ISBN 978-5-02-040938-5

9 785020 409385

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

КОНКУРС
ТРУДОВ МОЛОДЫХ
УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ

Д. А. Баринов

ЗИНОВЬЕВ, ТРОЦКИЙ, УНИВЕРСИТЕТ

Левое движение в высшей школе Петрограда/Ленинграда (1918-1932 гг.)

Санкт-Петербург
«Наука»
2023

УДК 94
ББК 63.3(2)61
Б48

Санкт-Петербургский институт истории
Российская академия наук

Рецензенты:
кандидат исторических наук *А. В. Гусев*
кандидат исторических наук *А. Ю. Стефаненко*

Баринов Д. А. Зиновьев. Троцкий. Университет. Левое движение в высшей школе Петрограда/Ленинграда (1918—1932 гг.) — СПб.: Наука, 2023. — 371 с.

ISBN 978-5-02-040282-9

Книга посвящена политической борьбе в высшей школе Петрограда/Ленинграда 1920—начала 1930-х гг. На материалах архива ОГПУ, документов партийных ячеек ВКП(б) автор рассказывает об участии студентов и преподавателей вузов в сопротивлении авторитарным тенденциям в советском государстве. Проанализированный в книге материал позволяет указать на ошибочность распространенного представления о том, что многие партии левого толка (меньшевики, эсеры, анархисты и др.) сошли с политической арены после окончания Гражданской войны. На деле они продолжали свою работу в СССР вплоть до середины 1920-х гг., пользуясь как легальными методами борьбы, так и прибегая к конспирации. Другой магистральной темой исследования стало участие вузовцев в работе левой оппозиции в ВКП(б). Рассмотрен процесс выстраивания сторонниками Г. Е. Зиновьева, Л. Д. Троцкого и Т. В. Сапронова параллельных ВКП(б) политических структур, которые после формального разгрома оппозиции продолжали работу в условиях подполья.

Разработка и размещение оригинал-макетов выполнено в рамках государственного задания № 075-01611-23-00 по теме «Научно-методическое обеспечение отбора и подготовки информационно-аналитических материалов по монографиям молодых историков»

ISBN 978-5-02-040282-9

© Баринов Д. А., 2023
© Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Уже в первое десятилетие XX в. началось активное изучение революционного движения в России, которое, получив еще более мощный импульс после окончания Гражданской войны, продолжается до сих пор. Среди множества исследовательских сюжетов, находящихся в рамках этой обширной и многоплановой темы, важное место занимает поиск истоков возникновения массовых нелегальных социалистических партий, ставших одной из главных движущих сил революции 1917 г. И историки социал-демократии, и историки движения социалистов-революционеров сходятся в том, что организационные формы будущих партий восходят к структуре «Народной воли». Опыт народовольцев, сумевших из множества разрозненных кружков создать подобие компактной партии с представительством в регионах, определил дальнейшую традицию подпольных движений, касающуюся как их генезиса, так и их внутреннего устройства.

РСДРП и ПСР[1] прошли в своем формировании несколько схожих этапов: появление низовых кружков и групп, исповедующих определенную политическую идеологию; их последующее объединение и/или создание протопартии; появление на заключительном этапе массовой нелегальной партии с разветвленной структурой.[2] В разные периоды политической жизни революционные движения имели свои особенности, связанные с представлениями о критериях членства в партии, вертикали принятия решений, текущих тактических задачах и т. д. Однако основные контуры этой структуры можно определить достаточно четко. Низовой организацией являлись небольшие кружки, которые привлекали к себе новых сторонников и отсеивали случайных людей и провокаторов. Подчинялись кружки городским отделениям (в крупных городах — районным), над которыми стояли губернские комитеты, подотчетные центральному руководству.

Лидирующая роль в кружках и комитетах отводилась профессиональным революционерам, находящимся на партийном содержании. Особое место в иерархии занимали технические работники, устроители типографий и конспиративной работы. Интеллектуальный центр движения находился за границей, группируясь вокруг главного печатного органа партии и отвечая за решение теоретических и стратегических вопросов.

По таким канонам, с учетом известных нюансов и оговорок, существовало большинство крупных и мелких революционных партий России конца XIX—начала XX в. Справедливо будет задаться вопросом, когда же прервалась традиция социалистического подпольного движения в России? В историографии существует определенный консенсус относительно начала этой традиции, связанного с землевольцами и народовольцами, однако можно ли определить ее конец? На первый взгляд, предельной границей может служить окончание Гражданской войны, определившее победу большевиков и взятого ими курса на строительство социализма и коммунизма. Кажется, что в условиях строительства бесклассового общества любое организованное политическое сопротивление будет неизбежно носить консервативный, антисоциалистический или, в выражениях советской историографии, контрреволюционный характер. Одна из задач нашего исследования состоит в том, чтобы на примере Петрограда/Ленинграда продемонстрировать, что в 1920-х и начале 1930-х гг. наиболее заметные политические группы и движения не только носили левый характер, но и в своей организации и структуре во многом следовали дореволюционным практикам.

Стоит подробнее остановиться на термине «левый», вынесенном в заглавие монографии. Поскольку в настоящее время это определение имеет самые разные толкования, уточним, какой смысл вкладываем в него мы. Под левым движением мы будем понимать все политические течения и группы, придерживающиеся антибуржуазной, антикапиталистической идеологии, в том числе поддерживающие Октябрьскую революцию или имеющие к ней компромиссное отношение. Применительно к политическим реалиям СССР 1920-х гг. изучение левого движения распадается на две магистральные темы. Первая связана с деятельностью партий социал-демократов, эсеров, анархистов, вторая — с различными оппозиционными объединениями внутри ВКП(б): троцкистами,

зиновьевцами, группой демократического централизма и т. д. Разумеется, названные партии и группы не составляли единого течения и, наоборот, подчас были враждебны друг другу. Тем не менее представляется возможным объединить их в рамках одного исследования, как: а) вольных или невольных последователей дореволюционных традиций подпольной борьбы; б) активных борцов за свое ви́дение развития Русской революции и последовавших за ней социалистических преобразований.

Нас будут интересовать вопросы организации названных партий и групп, их внутреннее устройство, характер работы с массами, обязанности ее членов, их быт. Несложно составить представление о нелегальной политической работе в Российской империи. Этому помогает огромное количество воспоминаний народников, социал-демократов, эсеров и анархистов, опубликованных как в Советской России, так и за рубежом. Куда бо́льшие трудности представляет описание советского политического подполья. Основная часть его членов осталась в СССР, где репрессии 1920—1930-х гг. лишили ее возможности оставить после себя большое количество эго-документов. Поэтому история низовой политической борьбы 1920-х гг. содержит множество белых пятен. До сих пор остаются неизвестными ни ее масштаб, ни ее содержание. Опираясь на совокупность источников личного происхождения, материалов ГПУ и партийных органов, мы постараемся определить, что собой представляло левое движение в СССР 1920-х гг., что значило в то время нахождение в нелегальном или полулегальном политическом движении.

Эти сюжеты будут рассмотрены нами через призму истории высшей школы. В позднесоветской и российской историографии сложился консенсус относительно студенчества как одного из союзников радикальных социалистических и анархистских движений. Большевики смотрели на демократическое студенчество как на застрельщика политического протеста, в который должен был включиться рабочий класс; из вузовской среды брались кадры для пропагандистской работы, интеллигенции в целом отводилась роль инспиратора движения.[3] Из этой же среды демократической интеллигенции старались набирать партийные кадры и меньшевики.[4] Одно из ключевых мест студенты занимали и в структуре партии социалистов-революционеров. В годы Первой русской революции состав отдельных городских ячеек от четвер-

ти до трех четвертей состоял из учащихся вузов.[5] Позднее, в годы реакции, даже когда студентов в среде эсеров стало значительно меньше, именно на них часто возлагалась наиболее ответственная техническая работа.[6] Идеи анархо-коммунизма также находили большое сочувствие в среде студенческой молодежи.[7] Таким образом, партии, апеллировавшие в своих программах к широким массам трудящихся (рабочих и крестьян), часто свой кадровый состав формировали из представителей интеллигенции, в том числе из студенчества. Продолжилась ли эта традиция уже в советское время? В нашем исследовании мы постараемся дать ответ на этот вопрос. Но прежде оценим состояние историографии и дадим характеристику использованных нами источников.

Историография

Историография исследуемой проблемы состоит из двух больших блоков. Первый связан с изучением деятельности социалистических (эсеровских и меньшевистских) и анархистских групп против советской власти. Изучение истории этих партий имеет богатую традицию. В последние десятилетия появились диссертации, монографии и статьи, посвященные только одной их историографии.[8] Конечно, ревизия всего многообразия этих публикаций не входит в задачи нашего исследования. Поэтому мы обратим внимание только на работы, затрагивающие историю социал-демократов, социалистов-революционеров и анархистов в Советской России уже после окончания Гражданской войны.

Советский историографический канон в отношении этих партий был создан еще в 1920—начале 1930-х гг. во время их запрета и последовавших судебных процессов. Первым началось «развенчание» политического портрета социалистов-революционеров во время московского процесса 1922 г.[9] Меньшевикам также на протяжении 1920—1930-х гг. посвящалось множество работ, рассказывающих об их «преступлениях» против революции. Особенно активно такие публикации появлялись в связи с процессом «Союзного бюро меньшевиков» 1931 г.[10] Вся литература того времени о меньшевиках и эсерах носила агитационно-пропагандистский характер и верхней хронологической рамкой, как правило, имела окончание Гражданской войны или подавление

Кронштадтского мятежа. Несмотря на то что некоторые анархистские организации вполне легально существовали вплоть до середины 1920-х гг., они оценивались в том же духе, что и социалисты.[11]

Продолжавшаяся подпольная деятельность социалистов и анархистов, хотя и несла куда большую опасность, чем споры о событиях 10-летней и даже 20-летней давности, практически не освещалась в названных публикациях. Однако инерция в оценках партий отразилась на всем периоде советской историографии. Их политическая и идеологическая работа до и после Октября оценивалась исключительно как вредительская, тормозящая развитие революции, в авангард которой помещались исключительно большевики. Эпизоды сотрудничества последних с меньшевиками, эсерами, анархистами в разные периоды времени либо затушевывались, либо преподносились, в данном случае не безосновательно, как проявление большевиками своего демократизма к союзникам по социалистическому лагерю. Причем этот демократизм в изложении советской историографии неизменно оборачивался предательством со стороны этих союзников. Постепенно к антисоветскому лагерю начали причислять и левую оппозицию как разновидность меньшевистского уклона.

Предметом исторических исследований, а не политической агитации социалисты и анархисты стали только в 1960—1970-е гг., когда об их деятельности был опубликован целый ряд работ, основанных на привлечении архивных источников. Тогда же стали появляться упоминания об их активности в советском подполье 1920-х гг. Остановимся на анализе именно этих работ, хронологически простирающихся за пределы Гражданской войны. Заметным вкладом советской историографии в изучение партии социалистов-революционеров являются многочисленные публикации К. В. Гусева. Отчасти он затрагивает и период 1920-х гг. Ученый расценивает его как агонию социалистов-революционеров, доказательство несостоятельности партийной теории и практики. Поэтому особый акцент делался на процессе перехода эсеров в РКП(б), на содержании эсеровских съездов, предлагавших отказаться от дальнейшей борьбы, на конфликтах внутри партии и т. д.[12]

В 1970-х гг. также появилось несколько основательных работ, пытавшихся свести все оппозиционные силы 1920-х гг. в единый

антисоветский фронт. Крупнейшая из них — многократно переизданный двухтомник Д. Л. Голинкова, в котором переплетаются контрреволюционные действия эсеров, кулачества и фигурантов «шахтинского дела».[13] На описании социалистической фронды большевизму сосредоточился П. А. Подболотов, который, как и К. В. Гусев, большее внимание уделял публичному (т. е. с публикацией в печати) отходу эсеров и социал-демократов от политической работы.[14] В последующих публикациях автор более подробно останавливается на истории меньшевизма в условиях советского подполья, повествуя, в частности, о мерах, предпринимаемых против распространения социал-демократических листовок,[15] о региональных отделениях меньшевистской партии и их роспуске.[16] Появлялись в этот период и работы, сливавшие воедино деятельность меньшевиков и оппозиционных групп внутри РКП(б) и отмечавшие, что оппозиция играла на руку меньшевикам, эсерам и даже нэпмановской буржуазии.[17]

Большей содержательностью отличаются публикации зарубежных специалистов. Особую ценность представляют работы, написанные и подготовленные при участии политэмигрантов, заставших не только революцию и Гражданскую войну, но и имеющих представление о партийной работе начала 1920-х гг. В 1974 г. вышел сборник «The Mensheviks: From the revolution of 1917 to the Second World War» («Меньшевики от Октября 1917 г. до Второй мировой войны»), обобщающий исследовательские материалы социал-демократической эмиграции.[18] В ходе его подготовки использовались материалы зарубежных архивов, авторами статей и воспоминаний выступили меньшевики-эмигранты: С. Л. Волин, Д. Ю. Далин, Б. М. Сапир, Л. С. Ланде и др. В 2009 г. сборник был переведен на русский язык.[19] История социал-демократии после окончания Гражданской войны (в том числе работа подпольных групп) рассматривается в монографиях А. Либиха,[20] В. Бровкина.[21]

В советской историографии 1970—1980-х гг. нашлось место и целой серии публикаций о воздействии «контрреволюционных партий» на молодежь. Наиболее содержательной работой из этого ряда, на наш взгляд, является монография А. Я. Лейкина. Опираясь на дореволюционную полемику В. И. Ленина с меньшевиками, он развивал идею «ложных друзей молодежи», т. е. тех сил, что сбивают молодых людей с революционного пути. В не-

большом по объему труде предпринята первая попытка описать взаимодействие эсеров и меньшевиков с вузовской молодежью и место последней в политической работе партий. А. Я. Лейкин пишет о прокламациях, организационном сближении двух партий, борьбе ВКП(б) за молодежь, попытках учета политических настроений вузов. Автор отметил одну из популярных тактик ведения борьбы, применяемых социалистами, — использование аполитичных кружков и организаций для прикрытия подпольной работы.[22] Особую ценность работе Лейкина придает тот факт, что она подготовлена на основе материалов партийных архивов, документов партячеек московских и ленинградских вузов. Схожие сюжеты затрагивает хрестоматийная работа А. П. Купайгородской о советской реформе высшей школы Ленинграда. Автор фактически впервые обратила внимание на существование в 1918—1920 гг. Петроградского центрального общестуденческого комитета, ставшего местом столкновения учащихся разных политических взглядов.[23] Тогда же появилось несколько заметных публикаций о борьбе комсомола и партии против влияния антисоветских партий на молодежь и студенчество.[24]

Резюмируя анализ советской историографии, отметим, что деятельность социалистических и анархистских групп не рассматривалась в этот период, как самостоятельный объект исследования. Работа этих партий (в особенности, анархистов) в подполье упоминалась в исследованиях крайне редко и рассматривалась исключительно как агония, наступившая в результате их политического поражения в годы Гражданской войны. Не случайно многие упомянутые нами публикации начинаются со слов «крах», «крушение» и т. д. Некоторые работы носили характер методических указаний, основанных лишь на анализе партийной печати. Только небольшой перечень научных исследований был написан с привлечением широкого круга источников, в числе которых были, прежде всего, материалы органов РКП(б)/ВКП(б).

Подобная ограниченность источниковой базы, а также идеологические особенности историографии советского периода приводили к тому, что социалисты и анархисты были, по существу, лишены субъектности и изучались только в контексте борьбы большевиков за спасение Октябрьской революции. Преломление этой историографической тенденции началось только в последние десятилетия. Историки обрели бóльшую свободу в выборе

исследуемых сюжетов и, что не менее важно, получили возможность работы с не доступными ранее материалами — зарубежными архивами и публикациями, документами партийных органов, материалами ВЧК-ОГПУ и др. Благодаря открывшимся перспективам обнаружился большой интерес к истории небольшевистских левых партий. Между тем по настоящее время известно лишь небольшое количество публикаций, затрагивающих период 1920-х гг. Исключением могут послужить только работы об анархистских группах. Большое значение для нашего исследования имеет статья А. Я. Разумова об анархистском кружке в ленинградском Институте истории искусств. Очевидно, интерес к этому делу обусловлен причастностью к нему Л. К. Чуковской — дочери известного литератора. Небольшая публикация Разумова обобщает ценнейшие материалы из архива ФСБ; при этом автору удалось самому пообщаться с Лидией Корнеевной. Из статьи мы также узнаем о содержании нелегальных листовок и журналов.[25] Фундаментальным трудом по истории отечественного анархизма в XX в. является монография Д. И. Рублева.[26] Автор изучил материалы многих зарубежных, а также российских центральных и региональных архивов, что позволило создать панораму анархистского движения с 1900-х по 2010-е гг. Девятая глава книги рассказывает о существовании анархистов в условиях становления сталинизма. Автор описывает особенности устройства движения, его идеологию, основные политические акции.

Эсеровское подполье 1920-х гг. исследовано в меньшей степени, чем анархистское. Первая попытка изучить работу левых эсеров в советский период была предпринята в докторской диссертации Я. В. Леонтьева.[27] Среди редких публикаций о правых эсерах можно назвать статью М. В. Соколова. Ценность этой работы заключается не только в том, что автор попытался закрыть один из пробелов в истории ПСР, но и в характере используемого им источникового материала. На основании следственных дел ОГПУ автор реконструировал деятельность эсеровской организации в Петрограде в 1923—1924 гг., руководимой в те годы Б. В. Черновым — студентом Технологического института, сыном одного из основателей партии социалистов-революционеров В. М. Чернова.[28] Менее всего исследовательский интерес был проявлен по отношению к меньшевистскому движению в СССР. К заметным исследованиям на эту тему можно отнести работы С. В. Тютюки-

на, который дает очерк структуры меньшевистского движения, описывает идейные связи с эмиграцией и сравнивает различные взгляды внутри социал-демократии на актуальную тактику борьбы.[29] Основные вехи истории Российского социал-демократического союза рабочей молодежи, одного из наиболее активных отделений меньшевистской партии 1920-х гг., описываются в статье А. А. Слезина.[30]

История социалистов и анархистов рассматривалась и в литературе, посвященной советской высшей школе. В большинстве случаев речь шла о борьбе за сохранение вузовской автономии в первой половине 1920-х гг., в которой не последнюю роль сыграли студенты — члены небольшевистских партий.[31] Вытеснение подобных студентов более лояльными пролетарско-большевистскими кадрами на примере вузов Ленинграда описывается в монографии П. Конечного.[32] Некоторые отрывочные свидетельства о работе социалистов и анархистов встречаются в литературе, посвященной сопротивлению советскому режиму и его подавлению органами ОГПУ.[33]

Обобщая анализ историографии о деятельности меньшевиков, эсеров и анархистов в советский период, нельзя не отметить целый ряд достижений. В последние десятилетия работа названных партий после окончания Гражданской войны стала полноценным объектом исследования и перестала быть лишь эпилогом к их дореволюционной истории или приложением к теме борьбы большевиков за укрепление власти. Постсоветский период изучения этой проблемы характеризуется активным привлечением нового круга источников — эмигрантских публикаций и архивов, материалов следственных дел, более основательной проработкой партийных документов. Однако, на наш взгляд, тема левого подполья по-прежнему содержит ряд существенных лакун. Так, не прослежена тактика движения, изменение отношения партий к Октябрьской революции и возможному сотрудничеству с большевиками. Изучение политической активности низовых членов партии и сочувствующих им ограничивается лишь отдельными эпизодами. Не выяснена связь между социал-демократами, эсерами и анархистами, которая, как мы покажем в дальнейшем, часто была довольно тесной. Наконец, не оценено взаимодействие партий с высшей школой и студенчеством, даже несмотря на то что в случае с меньшевиками и анархистами именно вузовцы составля-

ли наиболее заметный актив движения. Мы постараемся внести свой вклад в решение этих исследовательских проблем.

Второй блок литературы, задействованный в монографии, формировался по схожему пути. В последние годы появилось несколько исследований и диссертаций, которые подробно препарируют историю изучения внутрипартийной борьбы 1920-х гг., в их числе — труды А. В. Резника,[34] А. Ю. Стефаненко,[35] Д. И. Апалькова.[36] Поэтому мы остановимся на анализе работ, тема которых максимально приближена к нашему исследованию. Таким образом, нас будут интересовать публикации, затрагивающие: а) низовую работу оппозиционеров; б) их связи с высшей школой.

Публикации о левой оппозиции (и троцкистской, и зиновьевской, и периода их блока) активно появлялись еще во время ее работы в 1920—начале 1930-х гг. Многочисленные сборники документов, собрания статей, аналитические и статистические выкладки имели цель идеологического разгрома оппозиции со стороны большинства ЦК. Потому подобные публикации издавались многотысячными тиражами, которые в качестве методических пособий распространялись среди партийных ячеек. Пожалуй, главным «историографом» внутрипартийной борьбы в то время был Е. М. Ярославский, который не обходил вниманием ни одно отклонение от генеральной линии партии. Именно им было сформулировано расхожее представление об оппозиции как о молодежном движении: оппозиция — это «молодежь, которая в большинстве своем при царизме никогда подполья не вела, привлекаемая романтизмом антиленинского „подполья“, возглавляемая такими старыми подпольщиками как Зиновьев, Каменев, Преображенский, Серебряков».[37] Стараниями Ярославского впоследствии транслировалось решение XV съезда ВКП(б), определившее оппозицию как меньшевистский уклон. Его статьи обнаруживают хорошую осведомленность о нелегальной работе сторонников Троцкого—Зиновьева, в них цитируются тексты листовок, циркулярных писем и т. д. (что вполне объяснимо, учитывая членство в Президиуме ЦКК ВКП(б)).[38]

Первая попытка реконструировать борьбу Ленинградской партийной организации с оппозиционерами была предпринята в диссертации А. А. Голубева 1946 г.[39] Однако это исследование ограничивается только сведениями, почерпнутыми из опубликованных работ и периодической печати (при минимальном ис-

пользовании архивов), которые представляют картину триумфа тандема Сталина—Кирова над оппозицией. Тем не менее в диссертации впервые достаточно подробно воспроизведена основная хронология внутрипартийной борьбы в Ленинграде.

Более предметный исследовательский интерес к теме оппозиции возник, как и в случае с социалистами и анархистами, уже в 1960—1970-е гг. Прорывной работой в этом направлении стала монография В. М. Иванова 1965 г. Сохраняя традиционные оценки оппозиционеров как раскольников и оппортунистов, автор на богатом архивном материале исследовал работу сторонников Зиновьева и Троцкого в Ленинграде. Автор одним из первых подробно описал деятельность инициативных групп, подрывавших работу Ленинградской организации во время и сразу после XIV съезда ВКП(б),[40] процесс продвижения Зиновьевым своих сторонников на руководящие партийные посты,[41] противостояние зиновьевцев и делегатов из ЦК в декабре—январе 1925—1926 гг., ход дискуссии в партийных ячейках, в том числе вузовских.[42] В серии публикаций В. А. Сулемова обращается внимание на крайнюю популярность оппозиционных идей в среде молодежи 1920-х гг. и разбираются шаги ВКП(б), приведшие к победе в битве за новое поколение партии и ВЛКСМ.[43] Характерно, что здесь термин «ложных друзей молодежи» был применен уже к троцкистам. С. Л. Дмитренко подробнее остановился на принципах формирования оппозиционного блока в 1926 г. и проблеме объединения различных оппозиционных групп в ВКП(б).[44]

Публикации В. М. Иванова и В. А. Сулемова являлись примерами растущего в 1960—1970-е гг. интереса к сюжетам, связанным с подавлением оппозиций и уклонов и выправлением партийной линии в 1920-е гг. Как правило, эти работы имели заметное сходство не только в оценках, но и в содержании, привлекаемых материалах и даже названиях, которые редко обходились без слова «борьба».[45] Очевидно, такое внешнее многообразие при фактически унифицированном содержании объяснялось институциональными особенностями советской гуманитарной науки, в которой значимое место занимали кафедры/отделения по истории КПСС и марксизма-ленинизма, занимавшиеся изучением подобных сюжетов. Однако и среди этого перечня публикаций можно выделить работы, отличающиеся качеством содержания. Среди них — монография С. Л. Дмитренко об оппозиции в ВЛКСМ, ко-

торая продолжает его раннюю работу о борьбе с оппозицией в ВКП(б). Пользуясь материалам ЦА ВЛКСМ (ныне — отделение РГАСПИ), Дмитренко признает крайнюю востребованность оппозиционных идей в молодежной и вузовской среде. Более того, в работе указаны регионы и партийные коллективы, где в 1923—1924 гг. большинство ЦК потерпело поражение или было к нему близко.[46] Автор подробно разбирает ход дискуссий об оппозиции в центральном и региональном руководстве комсомола.

Зарубежные исследователи были более независимы в оценках героев внутрипартийной борьбы, однако сильнее испытывали недостаток источников, опираясь преимущественно на официальные советские сборники документов, партийную и зарубежную левую печать.[47] Однако для нас важен сам подход к теме, не сводящийся к изучению противодействия сталинского курса оппозиционному «вредительству». Среди перечня зарубежных публикаций выделяется трехтомная биография Троцкого, написанная И. Дойчером. Несмотря на отсутствие научно-справочного аппарата, известно, что биография была написана в том числе и с привлечением архива Троцкого.[48] Работу этого автора отличает литературный стиль и глубокий анализ ключевых моментов жизненного пути Троцкого, к которым он относит и период его оппозиции Сталину.

В 1990-е гг. с началом «архивной революции» и обретением большей исследовательской свободы изучение внутрипартийной борьбы получило новый импульс. Пионером в этом отношении стал В. З. Роговин. Несмотря на то что его работы имеют ряд заметных недостатков (использование только печатных источников, воспроизводство неподтвержденных гипотез), ему удалось посмотреть на оппозицию как на самостоятельное движение, предлагавшее свое ви́дение перспектив социалистического строительства. Исследователь описал основные вехи истории оппозиции, разобрал пункты ее расхождения с большинством ЦК, определил ее ключевых лидеров (помимо Троцкого и Зиновьева).[49] Он одним из первых обратился к изучению работы оппозиции в ссылке и подполье в конце 1920—начале 1930-х гг.[50] Впоследствии появились публикации с привлечением архивных документов, которые представляли более детальную историю противостояния внутри РКП(б)/ВКП(б). Однако большинство этих работ, часто перекликаясь друг с другом, ограничивались описанием

борьбы только в руководящих партийных органах — на съездах, в Политбюро, в ЦК; описывались личные взаимоотношения большевистских лидеров.

Другим жанром исследования левой оппозиции являются биографии крупных фигур большевистской партии — активных участников дискуссий 1920-х гг. Жизнеописания И. В. Сталина,[51] Г. Е. Зиновьева,[52] К. Б. Радека,[53] Х. Г. Раковского,[54] Л. Б. Каменева[55] так или иначе затрагивают эпизоды оппозиционной работы. Наиболее подробно внутрипартийная борьба исследуется в четырехтомной биографии Л. Д. Троцкого, написанной Ю. Г. Фельштинским и Г. И. Чернявским.[56] К неоспоримым заслугам авторов можно отнести обращение к материалам партийных и зарубежных архивов, многие из которых впервые введены в научный оборот. Однако четырехтомник не свободен от разного рода околонаучных спекуляций (относительно немецких денег в революции, отравления Ленина Сталиным и др.).

Периоды нахождения в оппозиции описаны также в биографиях многих оппозиционеров не из числа большевистской элиты, в частности преподавателей петроградских вузов И. М. Альтера,[57] Н. М. Маторина,[58] К. В. Нотмана,[59] Л. Г. Райского,[60] М. М. Цвибака,[61] М. Л. Ширвиндта,[62] Г. Я. Яковина[63] и др.

Первым комплексным исследованием низовой организации оппозиции стала диссертация А. В. Гусева, защищенная в 1996 г. Третья глава кандидатского исследования посвящена организации троцкистского подполья конца 1920—начала 1930-х гг.[64] Автор опирался не только на документы РГАСПИ, но и на материалы сторонников Троцкого, вышедшие в зарубежной печати. Долгое время исследование рядовых оппозиционеров не получало своего продолжения. К известному исключению можно отнести лишь работу В. В. Шабалина об оппозиции на Урале;[65] отдельные сюжеты затронуты в работе К. В. Скоркина.[66] Возвращение интереса к проблеме произошло уже в 2010-х гг. Большую роль сыграла монография А. В. Резника об оппозиции 1923—1924 гг. На примере партийных ячеек Москвы, Петрограда и Перми автор показывает, как дискуссия вокруг идей Троцкого и Сапронова—Преображенского проходила на низовом уровне. В монографии анализируются ход и методы партийной дискуссии, ее отражение в прессе; приведены подсчеты голосов, отданных в пользу оппозиции. А. В. Резнику удалось установить, что в Петрограде центр

оппозиционной пропаганды в это время находился на рабфаке госуниверситета; автор подробно рассматривает деятельность образовавшегося там кружка.[67] Методы ведения партийных дискуссий в Ленинграде рассматриваются в диссертации Т. Н. Ракова.[68] Заметный вклад в исследование внутрипартийной борьбы внесла диссертация А. Ю. Стефаненко. На материале Ленинграда ему удалось определить перечень оппозиционных групп, описать их структуру, взаимоотношения между собой, дать очерк коллективной биографии оппозиционеров.[69] Наше исследование будет часто перекликаться с трудом А. Ю. Стефаненко как с наиболее фундированной работой о ленинградской оппозиции. Зарубежная историография демонстрировала больший интерес к влиянию оппозиции на партийные массы. Диссертация К. Блэка касается политических симпатий рабочих Ленинграда,[70] монография И. Халфина описывает место Коммунистического университета в борьбе зиновьевской оппозиции.[71]

Краткий анализ литературы об истории внутрипартийной борьбы 1920-х гг. демонстрирует, что традиция изучения ее влияния на уровне регионов, отдельных профессиональных групп или учреждений находится в процессе активного формирования. Материалы партийных ячеек, контрольных комиссий, личных дел большевиков только начинают вводиться в оборот. Упомянутые нами работы по подобной тематике показывают, что изучение оппозиции «снизу» позволяет открыть новые перспективы в исследовании партийной истории. Ресурс подобного подхода далеко не исчерпан. Речь идет не только о потенциальных научных сюжетах, но и многообразии незадействованных источников. Так, специалистами по истории оппозиции практически не использовались материалы следственных дел ОГПУ, воспоминаний (помимо текстов Троцкого и Сержа), переписки, нелегальных листовок и т. д. В совокупности эти источники позволили бы восполнить множество исследовательских пробелов.

Источники

Основной массив свидетельств работы социалистов и анархистов в СССР 1920-х гг. относится к эмигрантской литературе. При этом наибольшее число воспоминаний принадлежит перу

меньшевиков. Мы уже упоминали вышедший в 1974 г. в США сборник, обобщающий публикации-воспоминания меньшевиков-эмигрантов о ранних советских годах. До нее отдельным изданием выходили записки Б. Л. Двинова;[72] в 1990 г. Ю. Г. Фельштинский опубликовал сборник воспоминаний меньшевиков о послеоктябрьской истории партии.[73] Важным для нас текстом являются воспоминания Т. И. Тиля, опубликованные в 1980 г. в парижском сборнике «Память». Настоящее имя автора — Д. М. Бацер. Будучи студентом в 1920-х гг., он успел поучаствовать в подпольной работе как в Москве, так и в Петрограде. Пережив эпоху репрессий, он написал воспоминания, которые удалось вывезти за границу и опубликовать. Автор описывает идеологию социал-демократического движения, принципы его работы, дает подробный перечень фамилий его соратников из числа петроградских студентов.[74]

Не так подробно в источниках личного происхождения освещена подпольная работа эсеров. Среди заметных текстов — воспоминания лидера студенческого протеста 1918—1920 гг. С. П. Жабы, описывающего борьбу за сохранение автономии высшей школы в условиях становления советской власти, а также работу крупного органа самоуправления — Петроградского центрального общестуденческого комитета (или ЦОКа, как коротко его называли современники).[75] Нами также будут использованы воспоминания московской эсерки Е. Л. Олицкой, арестованной в 1924 г.[76] О работе анархистского подполья периода нэпа пишет в своих мемуарах А. М. Гарасева, находившаяся в тесных отношениях со многими студентами-анархистами.[77] Некоторые герои нашего исследования фигурируют в воспоминаниях их однокурсников, никак не связанных с ними политически.[78]

Левая оппозиция также не нашла большого отражения в мемуарах. Этот факт тем более удивителен, что с недавних пор исследователям стали доступны воспоминания не только Троцкого, но и Г. Е. Зиновьева, т. е. двух главных лидеров оппозиции. Однако тексты этих авторов, рассматриваемые в ракурсе задач нашей книги, имеют ряд недостатков. «Моя жизнь» Троцкого мало затрагивает сюжеты с низовой организацией оппозиции и практически не касается ее сторонников второго и третьего рядов.[79] Сочинение Зиновьева куда более богато деталями: весь сюжет воспоминаний построен вокруг его столкновений со Сталиным. Однако этот текст был подготовлен им в тяжелых обстоятель-

ствах тюремного заключения. Состояние моральной подавленности, в котором Зиновьев находился в те месяцы, сказалось и на мемуарах, носивших характер письма о помиловании, полного раскаяния и самооговоров, которые автор, вероятно, хотел обменять на свободу. О характере сочинения говорит и его название — «Заслуженный приговор».[80]

Большой террор 1937—1938 гг. оборвал жизни многих оппозиционеров и не дал им шанса оставить после себя описание собственного политического пути. Поэтому долгое время краткий перечень авторов воспоминаний о внутрипартийной борьбе составляли те, кому удалось эмигрировать из СССР. Среди них, прежде всего, стоит обратить внимание на В. Сержа, входившего в руководящее ядро троцкистов Ленинграда.[81] Помимо собственных мемуаров В. Серж вместе с Н. И. Седовой подготовил биографию ее покойного мужа, также во многом основанную на воспоминаниях. Свои впечатления о работе в рядах децистов оставил Э. М. Дуне.[82] Позднее в эмигрантской печати стали появляться тексты выживших оппозиционеров. Так, например, в вышеназванном выпуске «Памяти» за 1980 г. были помещены мемуары студента Политехнического института И. И. Гаврилова (псевдоним). Уже с началом перестройки увидели свет воспоминания оппозиционеров и их родственников, доживших до начала 1990-х гг. Среди них мемуары А. Д. Войтоловской, супруги троцкиста Н. И. Карпова (преподавателя ЛГПИ им. Герцена);[83] воспоминания Н. А. Иоффе, дочери известного дипломата и соратника Троцкого А. А. Иоффе, которая в студенческие годы участвовала в оппозиционной работе в Москве.[84] До сих пор в контексте истории внутрипартийной борьбы не использовалась книга историка Н. П. Полетики, вышедшая в 1989 г. В 1923—1927 гг. он работал в «Ленинградской правде», где стал очевидцем многих событий политической жизни города.[85]

Есть основания полагать, что круг оппозиционной мемуаристики имеет перспективы к расширению. На последние десятилетия пришлись публикации материалов из фондов как научных, так и семейных архивов. Так, в Гуверовском архиве были найдены записки оппозиционера-эмигранта И. М. Павлова (настоящая фамилия — И. М. Хорошев).[86] В 2000-х гг. вышли обстоятельные воспоминания Г. И. Григорова — преподавателя Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева в Ленинграде;[87] а также

московского оппозиционера И. Л. Абрамовича.[88] В 2013 г. усилиями родственников были обработаны и выложены в открытый доступ дневниковые записи студента Института путей сообщения Б. Е. Беленького, исключенного из партии за участие в оппозиции.[89] Есть надежа, что публикация семейных архивов будет продолжаться.

Приведенный нами перечень источников личного происхождения слишком узок, чтобы послужить основной для реконструкции работы студентов-подпольщиков, но, на наш взгляд, привлечение архивных материалов способно компенсировать этот недостаток. Сложность работы с этими документами заключается в том, что они не представляют собой единого собрания, сосредоточенного в одном или нескольких фондах. Сбор сведений о низовой работе оппозиции в Ленинграде возможен только при массовой обработке разноплановых документов, хранящихся в ЦГАИПД СПб. (бывший Ленинградский партийный архив). Задействованные нами документы можно объединить в три основные группы: а) протоколы заседаний вузовских партячеек; б) личные партийные дела; в) материалы контрольных комиссий (КК) ВКП(б). Вкратце охарактеризуем каждую из групп. Протоколы бюро и общих собраний вузовских ячеек (ранее не вводимые массово в научный оборот) посвящены не только вопросам студенческой или академической жизни, они также фиксировали характер дискуссий по общеполитическим вопросам, в том числе выступления оппозиционеров. В конце 1927—начале 1928 г. ячейки университетов и институтов занимались так называемой проработкой оппозиции, т. е. устанавливали степень вины и меру взыскания (от товарищеского внушения до исключения из ВКП(б)). Резолюции подобных заседаний часто содержали краткую мотивировочную часть, по которой можно составить представление о характере «проступка» перед партией.[90] В компетенцию партячеек входило также наблюдение за небольшевистскими партиями, однако оно, как правило, ограничивалось оценкой их популярности среди студенчества и их деятельности по выборам в Совет старост или Совет университета/института в качестве представителей от учащихся.

В некоторых случаях сохранились стенограммы опросов отдельных оппозиционеров в губернской или районной Контрольной комиссии.[91] Цель вызова в КК заключалась в более подроб-

ном исследовании фракционной работы; опрашивались, как правило, группы оппозиционного актива, ответственные за работу на том или ином участке. Основная миссия КК состояла в том, чтобы добиться максимально подробных и достоверных показаний в обмен на смягчение партийного взыскания. В зависимости от характера оппозиционера менялся и характер опроса: кто-то старался запираться и односложно отвечать на вопросы, кто-то, страшась наказания, выдавал все, что было ему известно, кто-то вызывал членов КК на откровенный разговор, пытаясь вызвать в них сочувствие. Из совокупности этих бесед можно установить иерархию внутри оппозиционных групп, отношения между различными блоками оппозиции, причины разногласия с большинством ЦК, содержание агитационной работы и т. д. Часто члены КК сами участвовали в разгоне оппозиционных собраний, о чем составлялись специальные отчеты.

Многие личные партийные дела (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728) также содержат документы, связанные с контрольными комиссиями. Речь идет о специальных анкетах, содержащих раздел «Изложение дела», где оппозиционеры в вольной форме могли выразить свое отношение к выдвинутым обвинениям. Далеко не всегда эти «объяснительные» носили характер покаяния, часто сторонники Троцкого—Зиновьева позволяли себе довольно резкие выпады как в сторону вузовского партийного руководства, так и в сторону сталинско-бухаринского курса в целом, отстаивая тем самым свое право на мнение. В личных делах также попадаются стенограммы партийных чисток 1929 и 1933 гг., документы, связанные с исключением из партии во время «кировского потока» 1934—1935 гг., где могли разбираться прошлые взыскания. Материалами КК актуальность личных дел для нас не ограничивается. При исключении, восстановлении или чистке некоторые оппозиционеры добровольно подавали пространные письма о своих расхождениях с большинством ЦК и характере фракционной работы. Отметим, что названные источники встречаются далеко не в каждом личном деле, коих один член партии мог иметь во множестве (по количеству коллективов, к которым был прикреплен), что превращает поиск эго-документов в трудоемкий и непредсказуемый процесс. Одна из задач нашего исследования — дать голос низовым членам оппозиции, поэтому мы часто будем прибегать к обширному цитированию названных документов.

Сложно представить полноценное изучение истории оппозиции без обращения к фондам РГАСПИ. Материалы об оппозиционных течениях внутри ВКП(б) собраны в две описи фонда Центрального комитета партии (Ф. 17. Оп. 71, 171). В них обнаруживаются документы самого разного порядка: выдержки из протоколов заседаний высших партийных органов, сводки ОГПУ о работе оппозиции, листовки, брошюры и программные документы, переписка, списки подписантов оппозиционных заявлений и др. В работе нами также были использованы личные фонды крупных большевиков-оппозиционеров Г. Е. Зиновьева (Ф. 324), Л. Б. Каменева (Ф. 323), К. Б. Радека (Ф. 326) и их противников Н. И. Бухарина (Ф. 329), К. Е. Ворошилова (Ф. 74), В. М. Молотова (Ф. 82), содержащие документы схожего характера, что и в упомянутых выше описях, но отличные по содержанию. В личных фондах большевистских лидеров также отложились выборочные материалы о социалистах и анархистах 1920-х гг.: прежде всего, листовки, подпольная и эмигрантская печать.

Как нам представляется, недостаточное внимание исследователей уделено архиву Л. Д. Троцкого, хранящемуся в Гуверовском институте, который оцифровал и выложил в открытый доступ все документы, датированные до начала 1929 г. (т. е. до высылки бывшего наркомвоенмора). Для нашего исследования наиболее востребованными оказались документы алма-атинского периода.[92] Они дают представление не только о быте ссыльных оппозиционеров и дискуссиях в их среде, но и работе подпольщиков в 1928 г., чья корреспонденция также доходила до Троцкого.

Весь предшествующий обзор архивных материалов касался большевистской партии. Круг доступных источников, позволяющих исследовать работу меньшевиков, эсеров и анархистов, значительно уже. Несколько облегчают изучение проблемы опубликованные в последние десятилетия сборники документов по истории названных партий, затрагивающих в том числе начало 1920-х гг. Основу этих сборников составляют фонды зарубежных архивов (переписка, статьи, листовки); отдельное издание о меньшевиках полностью состояло из оперативных сведений ОГПУ из ЦА ФСБ. Помимо источников личного происхождения, именно материалы ОГПУ более остальных проливают свет на работу социалистического и анархистского подполья. Из-за специфики работы ведомственных архивов массовая проработка

их документов невозможна, однако в Отделении архива ФСБ по Санкт-Петербургу нам удалось изучить несколько десятков ключевых следственных дел, касающихся студентов и преподавателей. Это позволило более четко описать структуру этих партий, их тактику, идеологическую эволюцию, попытки объединения и т. д. Следственные дела применялись нами и для описания оппозиционного подполья 1928—1932 гг., так как после XV съезда участие во фракционной работе каралось уже не только контрольно-партийными органами, но и ОГПУ. Сводки о политических настроениях по предприятиям, составленные ОГПУ, отложились в ЦГАИПД СПб. в фондах районных партийных комитетов. Стоит упомянуть также фонды РГАСПИ, посвященные меньшевикам и социалистам-революционерам; период 1920-х гг. представлен в них собранием листовок, эмигрантской и подпольной периодики.[93]

В источниковедческой части введения дадим комментарии относительно представленных в монографии приложений. В них мы попытались обобщить весь обработанный нами материал и представить список студентов и преподавателей, участвовавших как в оппозиции, так и в работе социалистических и анархистских групп. Список последних представлен в Приложении 1. Одним из главных источников для него послужил словарь сайта «Русские социалисты и анархисты после Октября 1917 г.».[94] Он в значительной мере (количественно и качественно) был дополнен нами за счет воспоминаний и материалов следственных и личных дел. Список оппозиционеров приведен в Приложении 2 (преподаватели, научный и административный состав) и Приложении 3 (студенты). На такое разделение пришлось пойти, так как преподаватели, как правило, трудились в нескольких вузах одновременно. В этих таблицах мы постарались также проследить, в каких этапах оппозиционной работы принимал участие партиец или комсомолец.[95] Составление 2-го и 3-го приложений было значительно более трудоемким процессом, чем в случае с социалистами. С одной стороны, учет оппозиционеров был начат рано, еще в 1924 г., и закончился в 1937-м, что привело к появлению множества списков, таблиц, коллекции карточек и т. д. С другой стороны, ни один из этих документов (или их серии) нельзя считать ни достаточно полным, ни в полной мере объективным. Так, первый список оппозиционеров Ленинграда был составлен в 1924 г.,

но, как нам удалось установить (см. главу 2), он представлял собой лишь перечень тех, кто в ходе дискуссии высказывался не в пользу большинства ЦК; списки середины 1930-х гг. включали многих лиц, не имевших к оппозиции прямого отношения. При составлении приложения мы старались учитывать не поданные в пользу оппозиции голоса и не последующие репрессии, а факты активного участия в политической работе. В 1927—1932 гг. принадлежность к оппозиционной работе, за редким исключением, можно установить по наличию партийного взыскания или ареста органами ОГПУ.[96] К участникам дискуссии по «Новому курсу» и «ленинградской» оппозиции взыскания применялись крайне редко, поэтому каждый случай мы рассматривали отдельно и к оппозиции относили только тех, кто отличался политическим активизмом, т. е. организовывал кружки, распространял литературу, занимался вербовкой сторонников, срывал работу инициативных групп в 1925—1926 гг. и т. д. Биографические сведения, приведенные в таблицах, установлены по личным делам ЦГАИПД СПб., ЦГА СПб., ЦГАЛИ СПб., СПФ АРАН, ОА СПбГУ.

Наиболее достоверными можно считать списки оппозиционеров, составленные в 1926—1929 гг., так как они не содержат «мертвых душ», т. е. случайных людей. Эти списки составлялись как по районным комитетам Ленинграда, так и в отдельных вузах.[97] Но, как мы отмечали, ни один из них нельзя считать исчерпывающим, как из-за недостатков учета, так и по техническим причинам, когда, например, некоторые работающие студенты оказывались прикрепленными к другим коллективам. Поэтому для более полной картины мы вынуждены были учитывать всю совокупность источников — личные дела, протоколы ячеек, следственные дела ОГПУ. В ряде случаев мы привлекали и документы, касающиеся «кировского потока» 1934—1935 гг., там, где имелось указание на конкретный протокол заседания ячейки, исключившей члена партии за фракционную работу. Подчеркнем, что в силу ограниченности источников данные, приведенные в приложении, можно рассматривать только как минимальные. В случае с социалистами сложно судить о реальной численности подполья, при подсчете оппозиции трудности возникают с военными вузами и членами комсомола, так как материалы их ячеек сохранились лишь фрагментарно.

* * *

Опираясь на историографию и описанный круг источников, мы постараемся определить место преподавателей и студентов Ленинграда в работе левых политических партий и групп. Однако множество белых пятен заставляют нас обращаться и к более общим сюжетам. Не закрыв, хотя бы отчасти, существующие лакуны, вряд ли будет правомерно переходить к освещению более частных проблем. Так, мы опишем принципы устройства нелегальных партий в подполье, их связи с заграницей; обратим внимание на взаимодействие эсеров, меньшевиков и анархистов; подробнее будет сказано о группе сторонников философа Э. С. Енчмена. Отражение внутрипартийной борьбы в ВКП(б) на деятельности высшей школы также требует дополнительного обращения к эпизодам истории оппозиции. Среди них, например, работа инициативных групп после XIV съезда, конфликты лидеров оппозиции с рядовым членами после заявления лидеров блока Троцкого—Зиновьева 16 октября 1926 г., организация демонстрации к 10-летию Октябрьской революции в Ленинграде, дискуссия о создании второй партии в оппозиции и т. д. Все эти темы напрямую затрагивают тактику, структуру партий и групп, связи руководителей и низовых членов, позволяют выявить круг наиболее заметных активистов. Обращение к названным сюжетам позволит создать полноценный политический контекст для исследования места вузовцев в левом движении 1920-х гг.

Прежде чем обратиться к истории левых политических групп в студенческой среде, нужно вкратце обрисовать то положение, в котором находилась высшая школа Петрограда/Ленинграда в первое десятилетие после Октябрьской революции. Вузовская реформа, проведенная большевиками, кардинально изменила систему образования в стране. Принципиальную роль в деле переустройства высшего образования сыграл декрет СНК от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения». В его основе лежал демократический принцип набора в вузы: отменялись вступительные экзамены, сословные и национальные ограничения при приеме, девушки получили возможность обучаться вместе с юношами и т. д. Воплощение этого декрета в жизнь встречало известные препятствия, которые носили как субъективный характер в виде сопротивления старой, дореволю-

ционный профессуры, так и объективный — недостаток преподавательских кадров и учебных помещений.[98] В результате подобной реформы вузы заполнились крайне разнородной массой студентов, имевших разный уровень подготовки и мотивацию, не всегда связанную с получением образования. Вскоре от общедемократического принципа приема в вузы было решено отказаться в пользу классового и политического. С 1921 г. вводился принцип командирования студентов партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями; обладатели таких путевок получали первоочередное право зачисления в вузы.[99] Серьезным подспорьем для получения высшего образования выходцами из трудовых слоев (т. е. рабочих и крестьян) должна была стать система рабочих факультетов. В Петрограде первый рабфак возник осенью 1919 г. при университете, в последующие годы рабочие факультеты возникали и при других вузах. Статус рабфаковцев, их место в студенческом сообществе и органах самоуправления долго оставались неясными. Многие представители «старого» студенчества относились к рабфаковцам с подозрением, отказываясь считать их полноценными членами университетской корпорации. Совокупность принятых большевиками мер по реформе высшего образования сформировала крайне разнородный состав студенчества. Несмотря на то что государство старалось держать под контролем его классовый состав, доступ в вузы представителям бывших привилегированных сословий не был закрыт. Последние, очевидно, легче находили общий язык с преподавателями, подавляющее большинство которых сформировалось в старых дореволюционных традициях высшей школы.

Значительные перемены испытала на себе и структура высших учебных заведений. С 1918-го по середину 1930-х гг. для крупных ленинградских вузов началась практически непрерывная эпоха слияний и поглощений, разукрупнений и упразднений.[100] Помимо многочисленных попыток адаптировать старые вузы под нужды большевистского правительства, образовывались и новые высшие учебные заведения (часто путем объединения старых), изначально ориентированные на выполнение требований социалистического строительства. Так, в 1918 г. был основан Коммунистический университет и Институт политпросветработы, в 1919 г. — Военно-политическая академия, в 1920 г. — Институт

народного хозяйства, в 1922 г. — Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада и др.[101] Как мы покажем в дальнейшем, за политическими настроениями в этих «пробольшевистских» вузах велся особый контроль. Несколько обособленно от гражданских учебных заведений стояли военные вузы, подчинявшиеся Реввоенсовету или Наркомату по военным и морским делам (ВПАТ, Военно-морская и Военно-медицинские академии, Хозяйственная академия РККА и др.). Вероятно, особая подотчетность привела к тому, что их архивные материалы не составляют единых фондов; материалы Контрольных комиссий о деятельности оппозиции в военных вузах доступны лишь фрагментарно.

Во второй половине 1920-х гг. сеть ленинградских вузов после серии реструктуризаций на короткое время приобрела устойчивый вид. В соответствии с политикой большевиков, направленной на восстановление хозяйства и индустриализацию, наибольший импульс в развитии получили технические вузы. Так, на 1925 г. самым крупным учебным заведением был Политехнический институт, только за ним следовал ЛГУ, далее примерно с равным количеством учащихся шли Медицинский и Технологический институты, Институт медицинских знаний, Институт путей сообщения.[102]

Новой реальностью, пришедшей вместе с Октябрьской революцией, стало появление при учреждениях партийных и комсомольских ячеек. Становление регулярной работы партийных коллективов при вузах проходило сравнительно долго. Первые годы после революции в университетах и институтах не было достаточного количества членов партии, поэтому многие ячейки работали нерегулярно, перерывы в их заседаниях иногда достигали нескольких лет. Наладить полноценную и систематическую работу ячеек РКП(б) и ВЛКСМ удалось только к 1922—1923 гг. Произошло это во многом за счет студенчества, которое и составляло основную массу вузовских коллективов РКП(б). Поэтому активность и влиятельность вузовской ячейки часто определялись количеством студентов. Прослойка преподавателей — членов партии на общем фоне была крайне незначительной, что хорошо осознавалось самими вузовскими ячейками. Поэтому учет преподавателей велся в рамках подсчетов всех служащих университета (т. е. вместе с административными и техническими работ-

никами). Но и при таком подходе удельный вес коммунистов в лучшем случае превышал 15 %. Вместе с этим представительство членов партии в правлениях вузов было достаточно заметным — от 35 до 40 %. Такой процент также, как правило, обеспечивали студенты.[103]

В подобных нестабильных и неустойчивых условиях слома старой системы образования и ее адаптации под нужды революции и проходила политическая борьба ленинградского студенчества.

* * *

Ни один большой научный труд не появляется на свет без предварительных критических замечаний и взгляда на текст со стороны. Настоящая книга не исключение. Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе над монографией сотрудникам Отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, а также персонально А. В. Батасовой, А. В. Гусеву, Л. Ю. Гусману, И. П. Петухову, Е. А. Ростовцеву, Н. М. Саркисяну, А. Ю. Стефаненко.

Глава 1

СОЦИАЛИСТЫ ПРОТИВ КОММУНИСТОВ

Методы борьбы социалистического и анархистского движения и его студенческой части в первое советское десятилетие непрерывно менялись. Это было связано с политикой РКП(б) как по отношению к небольшевистским социалистическим партиям, так и по отношению к высшей школе. Постепенное сворачивание поля легальной борьбы и стремительное изменение классового состава вузов заставляли партии непрерывно подстраиваться под новые социально-политические реалии, изыскивая способы сопротивления большевикам. Под давлением обстоятельств менялась структура, тактика, программа партий. Поэтому история независимого левого небольшевистского движения закономерно распадается на два ключевых этапа. Первый (1918—1920 гг.) связан с использованием в политической борьбе легальных органов студенческого самоуправления; на второй этап (1920—1926 гг.) пришлось формирование и разгром подпольных организаций.

Студенческий «парламентаризм». 1918—1920 гг.

Февральская революция 1917 г. осуществила давнюю мечту российского студенчества о вузовском самоуправлении. Главным ее воплощением стало создание Совета старост. Этот орган студенческого представительства возник стихийно еще в 1902 г. и переживал период своего расцвета в 1905—1906 гг. во время организации протестной деятельности в годы Первой русской революции. Вместе с ее подавлением Совет старост почти прекратил существование и перешел на нелегальное положение. Однако идея об органе, координирующем работу самоуправления,

никуда не делась.[1] Вместе с падением самодержавия этот продукт низовой политической инициативы обрел официальный статус и получил возможность влиять на устройство академической жизни. После Октябрьской революции некоторые элементы политики Временного правительства, направленной на расширение вузовской автономии, сохраняли свою инерцию. Так, структура студенческого самоуправления стала более крепкой и разветвленной. На 1918 г. схема студенческого представительства выглядела следующим образом: при университетах и институтах существовали Советы старост, их представители входили в Центральный общестуденческий комитет (ЦОК), который подчинялся резолюциям ежегодных городских студенческих конференций. Советы старост также выбирали представителей в правления вузов и вместе с преподавателями участвовали в обсуждении актуальных проблем академической жизни.

Становление этой структуры происходило следующим образом. 10 ноября 1918 г. состоялась 1-я Петроградская общестуденческая конференция, проходившая в здании Института инженеров путей сообщения. На ней был учрежден Центральный общестуденческий комитет, а также принят его устав, согласно которому ЦОК являлся органом, объединяющим студенчество Петрограда «на почве экономических, академических и культурно-просветительских интересов».[2] Устройство комитета предполагало четко выстроенную иерархию. Главными органами «на местах», т. е. в отдельных учебных заведениях, являлись выборные Советы старост (Старостаты), над ними стоял комитет, куда представители Старостатов избирались тайным голосованием, а руководящим органом объявлялась городская конференция. В промежутках между ее заседаниями власть переходила к выборному исполнительному бюро.[3] В целом характер устройства комитета был предельно демократичным — его решения могли быть оспорены, предусматривались отчетность, работа ревизионной комиссии, пропорциональное представительство вузов и т. п.

Среди декларируемых функций ЦОКа были: экономическая взаимопомощь, представительство студенчества «в объединенных академических органах и государственных учреждениях», координирование деятельности старост и др. Комитет не был простым органом студенческой самоорганизации, он являлся юридическим лицом и имел все надлежащие права. ЦОК был

подотчетен Комиссариату просвещения Союза коммун Северной области, который выделял бюджет для деятельности комитета и даже платил жалованье его членам.[4]

На конференции 1918 г. также приняли несколько резолюций по актуальным проблемам. Было решено участвовать в просвещении народа, работая в начальных, воскресных и вечерних школах, детсадах, клубах и т. д. Важнейшей задачей признавалось «оживление деятельности научных кружков и создание в них той атмосферы научного воодушевления, в которой всегда развивались молодые научные силы».[5] Более значимой представляется резолюция о материальном обеспечении студенчества, которое ее авторами тесно связывалось с сохранением автономии высшего образования — идея, которая получит наибольшее развитие на конференции 1919 г. В этом же документе утверждалось, что «социальное обеспечение студенчества <...> гарантирует действительно широкую демократизацию высшей школы».[6]

Идеи и принципы работы, выдвинутые на конференции, не остались простыми декларациями. И Советы старост, и Общестуденческий комитет получили реальное финансирование и реальные полномочия для налаживания студенческого быта. Деятельность Старостатов была детально рассмотрена на примере Петроградского университета в диссертации А. Ф. Кривоноженко.[7] Вот перечень производимых ими работ: создание Общестуденческого кооператива, студенческих артелей; участие в выработке учебного плана, распределении материальной помощи; регулирование отношений между университетом и учащимися и др. Сам ЦОК занимался и более масштабными проектами, например — устройством центральной студенческой бани[8] или санатория,[9] под которые выделялся солидный бюджет. Т. е. советская власть не просто предоставляла автономию, но и активно поддерживала ее финансово.

Таким образом, в короткий срок были созданы все условия для приобщения студенчества к управлению вузами. Однако главной проблемой для большевиков оказался кадровый вопрос. В условиях мобилизации всех сознательных коммунистов на фронты Гражданской войны РКП(б) не имела достаточных ресурсов, чтобы полноценно контролировать вузы в политическом и идеологическом отношениях. Долгое время не хватало кадров даже для организации партийной ячейки. 10 декабря 1917 г. в

«Правде» появилось объявление о созыве учредительного собрания студентов-большевиков университета.[10] Однако никакого результата не последовало. Вторая попытка была предпринята 7 октября 1918 г., когда Петроградский комитет РКП(б) поручил районным комитетам организовать коллективы учащихся вузов.[11] 26 октября состоялось первое собрание университетской партийной ячейки, но и она не проработала долго.

В результате разветвленная система самоуправления была предоставлена социально и политически разнородной студенческой массе. Секретарь первой общестуденческой конференции 1918 г., будущий литературовед Е. Б. Чернова-Покровская так характеризовала присутствовавших делегатов: «...оказалось, что студенчество у нас весьма разноцветное — от кумачевого до чисто белого».[12] В таких условиях наиболее значимые и ответственные посты преимущественно занимали как белоподкладочники (т. е. выходцы из привилегированных сословий), так и студенты, близкие к партиям-оппонентам большевиков. Среди наиболее заметных активистов отметим: А. С. Вольпе, А. Ф. Абрамович — меньшевики, активные члены Совета старост Петроградского университета П. Ю. Яновский, Е. Айзенштадт и А. Ф. Соколов — кадеты.[13] Среди документов Совета старост удалось обнаружить резолюцию «революционно-социалистической группы». Скорее всего, этим названием прикрывались социалисты-революционеры, так как большевики в то время звались исключительно коммунистами.[14] Именно выходец из ПСР «вечный» студент С. П. Жаба, член партии еще с 1915 г.,[15] был одной из самых ярких фигур студенческого самоуправления 1918—1920 гг.[16] Он входил в Совет старост университета, Центральное бюро ЦОК, которое возглавил в 1920 г.

Стенограмма 1-й Общестуденческой конференции не сохранилась. Однако воспоминания современников позволяют говорить о том, что дискуссии велись не только относительно устройства ЦОКа: «В огромной аудитории открылся съезд, главным вопросом которого был вопрос о стипендии. Брать или не брать? Приняв стипендию, студенчество признавало право государства направлять на работу по своему усмотрению. Оказалось, что очень многие этого права признавать не хотели. <...> Один студент выступил с формулой: „Курица, которая сопротивляется, может быть, и не будет зарезана“, но большинство было за приня-

тие стипендий».[17] Это свидетельство показывает, что даже сугубо вузовские проблемы рассматривались в политической плоскости, так как фактически ставился вопрос о том, признавать или нет над собой советскую власть. Без давления сверху, без применения репрессий студенческие представительные органы наполнялись по результатам свободных выборов и по своей форме напоминали парламент в миниатюре, с присущим ему делением на политические фракции. С наибольшей очевидностью политическое расслоение проявилось в ходе 2-й Петроградской общестуденческой конференции, прошедшей в конце апреля—начале мая 1919 г. в помещении бывших Бестужевских курсов. Из частично сохранившейся стенограммы можно понять, что участники съезда были сгруппированы в три фракции-группы — правые (меньшевики), центр (эсеры) и левые (большевики).[18] В ходе выступлений и прений любой вопрос, в сущности, сводился к проблеме сохранения автономии университета, которая тогда стояла наиболее остро из-за введения партийных ячеек. После формального доклада Комиссии по социальному обеспечению начались прения. А. С. Вольпе, комментируя проблему обеспечения, требовал свободы в выработке правил уклада студенческой жизни и утверждал, что отнять студенческое самоуправление — значит устроить «погром» высших учебных заведений и всех политических организаций. Его фраза — «Диктатуры в высшей школе мы не признаем» — была встречена аплодисментами. В завершение докладчик отметил, что результатом сложившегося положения будет постоянно бунтующая школа, которая не даст ни специалистов, ни ученых людей, а будет представлять собой только развалившуюся «храмину».[19]

Продолжили сетовать на ограничение автономии и делегаты от Московского общестуденческого комитета — Брусиловский и Мининзон. Интересно мнение последнего. Он заявил, что возможность такого широкого обсуждения насущных проблем возникла только благодаря революции. Революция разрушила старую высшую школу, вернуть ее невозможно, и это должны признать все — от правых до левых. Основную задачу студенчества в революции Мининзон видел в организации масс и создании новой школы с новым духом. Вопрос об автономии высшей школы (т. е. воли революционного народа) должен решать Комиссариат народного просвещения, и надо его «громить», если он отказыва-

ется от своих обязанностей. В деле отстаивания автономии студенчество, разное по сути, должно стать единым.[20]

В борьбе с партячейками (тройками) студенты пошли на открытый и осознанный саботаж: они отказывались от материальной помощи (не готовили необходимые документы и заявления) в знак протеста против них. Об этом говорили и москвич Мининзон, и студент 1-го Петроградского университета А. В. Мачерет. Последний заявил, что раньше студенты вели соглашательскую политику ввиду тяжелого материального положения, но впоследствии, после сходки, решили вести себя жестче, не признавая троек и не выдвигая туда своих представителей.[21] Выступление Дмитриевского (заведующего отделом ученых учреждений и высших учебных заведений Комиссариата по просвещению РСФСР) в защиту троек как исключительно контролирующих органов было раскритиковано.[22]

Участники конференции пытались отбить нападки на Советы старост со стороны Комиссариата, обвинявшего их в неэффективности. Универсант М. Д. Волобринский эмоционально заявлял: «Мы должны вытащить платок из кармана и, обтеревшись от того плевка, который в нас попал, спросить не с неба ли это каплет, или же всей студенческой массой сказать: мы еще повоюем, черт возьми».[23] Надо отметить, что сами Старостаты выдвигали подобные замечания в адрес Общестуденческого комитета. В одном из заявлений отмечалось, что ЦОК руководит старостами слабо, поэтому сложились самые разные схемы выдачи помощи, а требуется унификация и специальные руководящие государственные органы при вузе, но только как временная мера.[24] Позиция конференции не спасла Советы старост от закрытия спустя пару месяцев, а, вероятно, только этому способствовала.[25] Впрочем, несмотря на эту меру, Советы продолжали действовать.

Отталкиваясь от характера выступлений, можно в общих чертах охарактеризовать политические настроения членов ЦОКа и студентов, принимавших участие в его работе. Практически каждый выступавший подчеркивал свои социалистические убеждения (не упоминая партийной принадлежности), большинство выражало согласие с трудовой организацией общества, проводимой советской властью. Но тем не менее они позволяли себе достаточно резкую и последовательную критику советской политики в области просвещения. Не отметая ее основ, заключающихся в

ведущей роли государства, они пытались одновременно и сохранить самостоятельность студенческих организаций, и найти пути взаимодействия с властью. Лучше всего эту позицию выражал москвич Мининзон. Он полагал, что высшая школа должна стать лабораторией, «где вырабатываются и создаются одновременно и Церетели, и Ленин, и Чхеидзе».[26] Тот факт, что лидеры студенческого самоуправления не были настроены консервативно-охранительски, подчеркивает их отношение к факультетской реформе. Советы старост не только поддержали слияние факультетов согласно их специальности, т. е. создание факультета общественных наук на базе бывших юридического, историко-филологического и восточного, но и шли в своих предложениях гораздо дальше. Они отстаивали уничтожение внутрифакультетских подразделений в пользу свободных учебных планов, составляемых студентами.[27]

Противостояние с большевистскими властями начало нарастать. Еще с дореволюционных времен важным днем в жизни студенчества было 8 февраля — годовщина основания Петром I университета. В 1919 г. эта дата имела особое значение, так как учебному заведению исполнялось 100 лет. Мероприятия, организованные по случаю юбилея, стали местом сбора всех сторонников независимой высшей школы. Непосредственно на торжественном акте речи А. В. Луначарского оппонировал профессор Н. С. Таганцев, закончивший свое выступление призывом: «Да будет свободная школа в свободной стране!»[28]

На проведенных в дальнейшем сходках члены ЦОКа пытались отстоять свою независимость от партии, дать отпор представителям Наркомпроса. Так, было сорвано решение о передаче экономических функций ЦОКа специальному комитету с участием членов партии. У вузовской оппозиции большевикам в наркомате просвещения были собственные агенты, которые, испытывая враждебные чувства к большевикам, шли туда работать на благо студенческого самоуправления, чтобы создавать в наркомате «невидимую фикцию, а здесь [в университете] видимые блага».[29] Одним из наиболее ощутимых ударов по самоуправлению стало закрытие Старостатов. Однако руководители ЦОК решили саботировать это решение и постановили продолжить его работу, а также договорились с профессурой о признании легитимности Совета старост.[30] В июле 1919 г. была проведена специальная

сходка в поддержку студенческой автономии. Помимо борьбы за независимость Общестуденческий комитет и Советы старост старались наладить связи со студентами рабфаков. Они же организовывали памятные вечера в честь декабристов, Л. Н. Толстого, Н. К. Михайловского, где выступали профессора и общественные деятели с рассказами о «старых заветах русской интеллигенции».[31] Такая недвусмысленная отсылка к дореволюционным вузовским традициям вечеров и чаепитий также, вероятно, была элементом политического фрондирования.[32]

В марте 1920 г. состоялась новая сходка, принявшая резолюцию с призывом прекратить эксперименты над высшей школой, и возложившая всю ответственность за текущие конфликты на Наркомпрос. Эту резолюцию направили в Москву. На той же сходке собравшиеся приняли решение о созыве новой Общестуденческой конференции, которая также состоялась 12—13 июня 1920 г. в зале бывших Бестужевских курсов. Третья городская конференция имела совсем иной, более широкий размах. На ней присутствовали несколько именитых гостей, в их числе Г. Е. Зиновьев, представители итальянской компартии (в том числе известный революционер Никола Бомбаччи).[33] С. П. Жаба так характеризовал расстановку сил на конфереции: «старое организованное студенчество» — 80 человек, коммунисты — 20, «болото» — 55. Однако, учитывая результаты голосования по итоговой резолюции, вряд ли подобная оценка справедлива.

Несмотря на то что одно из заседаний началось с приветственных слов эсеров и большевиков в адрес Красной Армии, отвоевавшей накануне Киев, последовавшие дискуссии не выявили такого же единодушия. Основные споры шли вокруг форм взаимодействия с советской властью. Большевики, разумеется, предлагали безоговорочное сотрудничество, в то время как их оппоненты отмечали, что конференция не может ставить политические вопросы, и отказывались от полного подчинения властям («протягивают два пальца, боясь протянуть руку»).[34] С первым докладом выступил Г. Е. Зиновьев, обозначивший раскол в высшей школе по вопросу поддержки советской власти. Председатель Петросовета также недвусмысленно намекнул на значительную враждебность со стороны большой части студенчества: «Студенчество в настоящее время не организовано по своей вине, так как оно хотело помогать тому классу, который умирает»;[35] «боль-

шинство студентов <...> готово работать с советской властью, но мешают этому люди, желающие протащить контрабандой линию эсеров».[36] Несмотря на предложения президиума, Зиновьев настоял на прениях по своему докладу, чтобы «столковаться с тем, с кем это можно сделать».

Кульминацией конференции стало заключительное выступление Зиновьева, который постарался подвести черту под прошедшими прениями. Он обвинял в непоследовательности студентов, отказывавшихся принимать политические решения, но произносивших политические речи. Однако в целом его речь одобряла энтузиазм и искренность многих выступавших. Он сказал, что студенчество, которое не поддерживает большевиков, но готово сотрудничать и развивать науку, будет приветствоваться «задушевным образом».[37]

Значительная часть речи главы Петрограда была реакцией на выступление С. П. Жабы. Отвечая на претензии и намеки, что, испытывая давление, студент не может сказать все, что хочет, Зиновьев привел в пример большевиков, которые до революции постоянно выступали под угрозой ареста. А вот «честные противники, если считают для себя борьбу неудобной, не выходят, а если выступают, говорят до конца». Зиновьев также предположил, что Жаба — кадет, но тот «с негодованием отверг знакомство с этими буквами и сказал, что относится к к.-д., как я к октябристам. Я должен сказать, что знающий историю революции за эти три года — знает, что буквы к.-д. от с.-р., ей-ей, недалеко в политическом алфавите расположены».[38] С. П. Жаба удивлялся, почему большевики работают с генералом А. А. Брусиловым, но не принимают руку помощи от эсеров. На это Зиновьев парировал, что Брусилов и многие другие союзники большевиков не называют себя социалистами, т. е. никого не вводят в заблуждение в отличие от эсеров. Дальнейшее выступление было направлено на разоблачение партии социалистов-революционеров, их союза с белыми и интервентами. Вернувшись к проблемам высшей школы, Зиновьев отметил, что сближению студенчества с советским правительством мешает не «нетерпимость», а «люди вроде с.-р. Жабы». Закончилась его яркая полемическая речь так: «Товарищи, призываю вас, бросьте все сомнения и без задней мысли подайте руку рабочему классу и будем вместе работать на счастье нашей великой страны».[39]

По завершении заседания большинство утвердило следующую резолюцию: «Петроградская общестуденческая конференция, заслушав и обсудив доклад тов. Зиновьева по текущему моменту о задачах студенчества, приветствует в своей среде после долгого перерыва, взаимного охлаждения и размолвки представителя государственной власти <...>. Конференция констатирует, что советской властью поставлена перед страной колоссальная задача переустройства общества». Текст резолюции также повторял выдвинутые Зиновьевым обвинения в адрес интеллигентов — сторонников белогвардейцев.[40] Эти положения были поддержаны 103 голосами против 26, при трех воздержавшихся[41] (С. П. Жаба вспоминал о 86 голосах из 155). После завершения конференции состоялось шествие и митинг на площади Урицкого.

Разумеется, оценки произошедшего разнились в зависимости от политических взглядов. Советская пресса писала о восторженном приеме резолюции. С. П. Жаба указывал на «взрыв негодования» и последовавшие обвинения делегатов конференции в предательстве.[42] Так или иначе конференция засвидетельствовала победу левого крыла в студенческой среде,[43] хотя и не окончательную. Так, на следующих выборах в Петросовет социалистической фронде в вузах удалось провести многих своих представителей (наилучших результатов достигли Медицинский институт и Военно-медицинская академия). С одной стороны, можно сказать, что поражение ЦОКа оказалось предрешенным, но было бы неправильно списывать его исключительно на политическую конъюнктуру. Методы завоевания симпатий и борьбы за студенчество разрабатывались партийными комитетами вузов, которые старались наращивать долю коммунистов в различных органах самоуправления.[44] Конференция 1920 г. стала последней для Петроградского центрального общестуденческого комитета. В августе некоторые его лидеры были отчислены. Точное время закрытия ЦОКа неизвестно. Очевидно, он был распущен в том же году, чему не в малой степени способствовал арест С. П. Жабы. Но это не привело к полной ликвидации студенческого представительства. Вопреки запретам продолжали действовать Советы старост, однако уже не в официальном статусе, поэтому в целом масштаб и полномочия самоуправления были значительно ограничены.

Период студенческого «парламентаризма» позволяет лучше представить политические настроения вузов первых советских лет. На первых этапах наиболее активная часть студенчества, участвовавшая в политической жизни, стояла на социалистических, антибуржуазных и антимонархических позициях и не была настроена контрреволюционно. Так, один из лидеров Общестуденческого комитета, эсер и универсант С. П. Жаба, говорил, что вел пропаганду вокруг трех основных требований: 1) необходимость победы над врангелевцами и интервентами; 2) скорое хозяйственное восстановление страны; 3) отстаивание гражданских свобод и неприкосновенности личности.[45] Нетрудно заметить, что в двух из трех пунктов его повестка совпадала с большевистской. При этом лидеры самоуправления не разделяли излишний, по их мнению, радикализм большевиков и их чрезмерный этатизм. В целом, будучи готовыми к сотрудничеству, они все же старались сохранить независимость взглядов и действий. Но давление советского правительства, зачисление в целом лояльных или аполитичных учащихся на рабфаки, возвращение молодых коммунистов с фронта и их поступление в вузы, а также чистки в значительной степени размыли «старое» студенчество.

Стоит сказать, что действия советского правительства по отношению к ЦОКу являлись продолжением логики Гражданской войны, так как в Комитете и подконтрольных ему Старостатах заседали представители враждебных большевикам сил — эсеров, меньшевиков, кадетов, которые, с точки зрения большевиков, в той или иной мере содействовали недавно разгромленному белому движению. Тот факт, что они воспользовались благосклонным расположением новой власти к студенчеству, во многом способствовал пересмотру большевиками своей политики в отношении высшей школы. При этом будет неправильно говорить исключительно о репрессивных мерах большевиков. Материалы заседаний партийных ячеек показывают, что главным стремлением университетских коммунистов было не задавить оппозицию, а привлечь ее на свою сторону путем пропаганды, убеждения и активного участия в самоуправлении наравне с небольшевистским студенчеством.[46] Тем не менее сокращение автономии вузов, фактическая ликвидация самоуправления, а также скорый запрет эсеровской и меньшевистской партий не оставляли им иного пути борьбы, кроме подполья. После этого большевики в их глазах

перестали быть оппонентами, с которыми можно было в зависимости от обстоятельств сотрудничать или расходиться, и превратились в принципиальных политических противников.

От легальности к подполью. 1920—1926 гг.

Еще в 1920 г., т. е. до фактического запрета меньшевистской партии, в крупных городах Советской России (Москва, Петроград, Харьков, Киев, Ростов) среди молодежи возникали многочисленные социал-демократические кружки, которые в этом же году были объединены в Российский социал-демократический союз рабочей молодежи (РСДСРМ).[47] Во многом это происходило стихийно, так как первое время главный орган меньшевистской партии ЦК РСДРП выступал против отдельных студенческих или молодежных организаций.[48] Тем не менее низовая инициатива оказалась сильнее партийных установок, и именно молодежь первая пошла на более радикальные методы борьбы. Так, московское отделение РСДСРМ в 1920 г. начало издавать нелегальный журнал, а его риторика, по мнению ЦК, была излишне жесткой, так как меньшевики на этом этапе старались занять место конструктивной оппозиции РКП(б) и избегали в адрес большевиков выражений вроде «жандармы», «убийцы», «палачи» и др.[49] Несмотря на преследования со стороны ОГПУ, первое время союз мог выступать вполне легально, чем он и пользовался, стараясь вести агитацию в комсомольской среде.[50] Это отражало положение РСДРП в этот период в целом. Не будучи запрещенной, партия не имела официальных органов печати, а любая заметная общественно-политическая активность грозила репрессиями.[51]

В сущности, у оппозиционных партий оставался единственный способ законного участия в политической жизни — это выборы в советы, а в случае студентов также в правления университетов и институтов. Были все основания рассчитывать на успех этой тактики, так как советизация высшего образования первое время носила весьма ограниченный характер, поэтому РКП(б) не могла в короткий срок составить конкуренцию социалистическому или беспартийному студенчеству. Влияние коллективов РКП(б) в это время было крайне слабым. В некоторых вузах состав партийных ячеек исчислялся единицами членов: на

1920/21 учебный год 8 человек — в Горном и Медицинском институтах, в Педагогическом институте и Институте путей сообщения по 6 и т. д.[52] В то время органы РКП(б) не строили иллюзий относительно популярности большевистской партии и трезво оценивали уровень своей поддержки в среде студенчества — их сторонники составляли от пятой до третьей части всех студентов в зависимости от вуза. Такое положение позволяло эсерам, меньшевикам, анархистам и беспартийным студентам создавать серьезные трудности в проведении коммунистов в советы университетов и институтов.[53] К этому сводился один из немногих легальных и действенных способов борьбы.

Разумеется, важным событием в жизни социалистических партий стало Кронштадтское восстание 1921 г.[54] Однако источники практически не позволяют говорить о том, каковой была активность студенчества во время кронштадтских событий. Исследователь «ложных друзей молодежи» А. Я. Лейкин пишет о том, что в ряде вузов были предприняты попытки организации выступлений и торжеств с поддержкой мятежа; в Петроградском университете были отпечатаны прокламации.[55] Однако проверка документов партийных ячеек, на которые ссылается автор, показывает, что об этих студенческих активностях говорилось как о слухах и пересудах. Впрочем, это не отменяет самой возможности акций солидарности в среде вузовцев. Пассивность студенчества в дни мятежа была связана с еще не оконченным переходом небольшевистских партий в новое подпольное состояние. Последняя попытка их примирения с большевиками была связана с введением нэпа, которую многие социалисты восприняли как возможность для сотрудничества с большевиками. Надо сказать, что и в среде коммунистов были похожие настроения, однако предложения легализовать, например, левых меньшевиков или дать им доступ к печати были отвергнуты В. И. Лениным весной 1921 г.[56] Сотрудничество коммунистов и социалистов так и не состоялось. Вскоре политическую деятельность меньшевиков запретили специальным постановлением «О меньшевиках», принятым Политбюро в декабре 1921 г. Эсеры окончательно оказались вне закона после московского процесса 1922 г. При этом ликвидации партий постарались придать демократический характер — состоялись конференции бывших эсеров и меньшевиков, объявлявших о самороспуске.[57] Таким образом, уже в 1922 г.

социалисты оказались лишены всякой возможности действовать в Советской России легально и были вынуждены сосредоточиться на подпольной борьбе.

Как свидетельства современников, так и материалы ОГПУ демонстрируют, что меньшевики лучше справились с задачей перевода своей работы в нелегальное поле. Этот факт можно считать удивительным, так как меньшевики были менее искушенными конспираторами, чем остальные партии. В октябре 1922 г. в Москве состоялось совещание местных организаций, на котором были определены основные принципы существования партии на нелегальном положении. Руководящим органом было определено бюро ЦК РСДРП, а издаваемый за границей «Социалистический вестник» провозглашался центральным печатным органом партии.[58] При этом подчеркивалась независимость работы бюро по отношению к заграничной делегации меньшевиков. Для нашего исследования важен тот факт, что именно в этот период произошло официальное признание РСДСРМ как части партии. К этому моменту активность социал-демократического студенчества была должным образом отрефлексирована, так как совещание отдельно постановило, что «особое внимание должно быть обращено на работу среди молодежи в вузах».[59] Основной упор в работе предлагалось делать на печатную агитацию, разъяснение политических и экономических вопросов.

На этом же совещании была разработана основная программа движения. В донесении ГПУ изложены ключевые тезисы программы действий меньшевизма. Меньшевики полагали, что в условиях нэпа РКП(б) отвернулась от пролетариата и из рабочей партии превратилась в «социальный конгломерат» и привилегированное меньшинство. При этом рабочий класс оказался в изолированном положении и потому в настоящий момент не способен сказать решающего слова. Поэтому основной целью меньшевиков ставилась защита «демократических итогов революции», т. е. гражданских свобод. Коалиция с буржуазией и военные методы борьбы отвергались.[60] Роль теоретиков движения была возложена на эмигрантов. Еще в начале 1920-х гг. сформировались два основных теоретических подхода к анализу советской действительности и соответственно две тактики сопротивления. Умеренную позицию сформулировал Ю. О. Мартов — он предлагал привлечение в экономику частного капитала, отказ от дав-

ления на крестьянство, выступал за соблюдение норм советской конституции, а также независимое профсоюзное движение.[61] Существовали и более радикальные программы. Д. Ю. Далин отрицал социалистический характер революции 1917 г.; в его представлении большевики являются не более чем «маскарадом истории», который вскоре выльется в бонапартистскую диктатуру. Ставку он предлагал делать не на подготовку масс, а на разложение коммунистической партии и скорый внутрипартийный политической переворот.[62] Редакция издаваемого в Берлине журнала «Заря» настаивала на необходимости ведения вооруженной борьбы против большевиков. Циркулярные письма ОГПУ свидетельствуют о том, что предлагаемые эмигрантами идеи обсуждались и внутри страны. При этом большей популярностью, судя по всему, пользовалась умеренная программа.[63] Дискуссии и ряд взаимных контактов между эмиграцией и подпольем привели в 1924 г. к появлению программной платформы, которая ставила перед собой цель бороться за установление советской демократии, но не путем переворота, а путем реформы и соблюдения действующей конституции. Интеллигенция при этом относилась к одной из наиболее пострадавших от большевистского авторитаризма групп населения.[64]

Первое время деятельность меньшевистской молодежи была сконцентрирована в Москве, куда приезжали из других городов перенимать опыт подпольной работы.[65] С 1922 г. центр был перемещен в Киев, где было создано Центральное организационное бюро (ЦОБ) союзов социал-демократической молодежи, которое должно было играть роль отделения РСДРП. Первоначально работа в подполье приносила локальный успех: в 1922 г. был организован ряд выступлений как на фабриках, так и в вузах.[66]

К 1923 г. в Петрограде была сформирована одна из наиболее влиятельных групп РСДСРМ. К осени эта неформальная группа была преобразована в Студенческое бюро Петроградского комитета РСДРП. В последующие два года она стала наиболее крупным коллективом меньшевистской молодежи в стране. На тот момент структура меньшевистского подполья фактически воспроизводила форму дореволюционных подпольных студенческих объединений. При вузах существовали кружки по 5-7 человек, один из их представителей входил в центральный кружок, который, собственно, и представлял собой Студенческое бюро

(или, как в некоторых источниках, фракцию). Часть кружковцев могла находиться в подполье, но один из них обязательно был на легальном положении — для выполнения технической работы.[67] Соблюдение строгой конспирации позволило социал-демократам организовать подпольную типографию, в которой печатались листовки, газеты «Голос социал-демократа», «Клич молодежи», также распространялась московская газета «Юный пролетарий» и материалы, привозимые из-за границы.[68]

К лету 1924 г. деятельность меньшевиков достигла своего пика, численность их сторонников исчислялась сотнями человек. Однако все активисты находились под пристальным внутренним и наружным наблюдением. На тот момент партийная иерархия петроградских меньшевиков выглядела следующим образом: во главе стоял Петроградский комитет, за ним следовало Студенческое бюро, которое подчиняло себе Центральную студенческую группу, занимавшуюся подготовкой пропагандистов; далее шли низовые кружки и отдельные сторонники.[69] Нетрудно заметить, что превалирование вузовского элемента среди наиболее активных членов партии напрямую отражалось на ее структуре — именно студенты оказались наиболее массовой и представительной частью меньшевиков. Эта особенность состава сказывалась и на характере партийной печати: у меньшевиков было два крупных издания — «Рабочий листок» (орган ЦК партии) и «Социал-демократ» (орган студенчества).[70] Даже после арестов середины 1924 г. доля студентов оставалась определяющей: существовало 13 вузовских коллективов против четырех заводских; при этом сообщалось, что петроградская группа меньшевиков являлась крупнейшей в стране.[71]

Студент университета Д. М. Бацер в своих воспоминаниях отмечает, что в Петрограде/Ленинграде работа студентов социал-демократов была узконаправленной. Несмотря на планы агитации в фабричной среде, в кружки приходили по большей части студенты; из них к работе в Центральном комитете партии допускался лишь ограниченный круг лиц.[72] Постепенно центр меньшевистского подполья (как и его молодежного крыла) переместился в Петроград, во многом потому, что здесь наладить конспиративную сеть оказалось проще. Г. Д. Кучин, организовывавший меньшевистские ячейки во многих городах Советской России, писал об обстановке, в которой проходила работа в се-

верной столице: «Маленький грязный двор, узкая лестница; со двора сначала смотришь сигнал в окне, на лестнице в квартиру долго звонишь (сразу не выходят, заняты работой, нужно все спрятать). Квартира из двух комнат, уютная мещанская обстановка, тихо так. Вторая комната полутемная, в ней всегда горит электричество. Вообще, вся квартира темновата, входишь действительно, как в таинственное „подполье“. Шрифт и ручной станок лежат на диване. За ширмой на кровати только что отпечатанные полосы. Две деревянные типографские кассы — все, как следует быть, все принадлежности. Живут тихо, никого не видят. <...> идиллическая обстановка <...> сразу тебя охватывает спокойствие».[73]

Предпринимались меры по расширению и укреплению организации. Осенью 1923 г. недалеко от Киева (г. Ирпень) состоялся учредительный съезд Российского социал-демократического союза рабочей молодежи. Однако его работу сорвало ОГПУ. Другим шагом по усилению сопротивления большевикам стало объединение усилий студентов из различных левых партий. Важным местом политического сотрудничества вновь стали органы студенческого самоуправления. В апреле—мае 1923 г. были произведены массовые аресты студентов, часть из которых обвинялась в «участии в организации, пытавшейся противодействовать нормальной деятельности Петроградского университета»,[74] а часть в причастности к «Совету старост».[75] При этом арестованные принадлежали к самым разным партиям — меньшевики, эсеры, анархисты. В историографии этому эпизоду уделялось мало внимания, очевидно, ввиду крайнего дефицита источников. Материалы следственных дел архива ФСБ позволяют в общих чертах воссоздать пеструю картину политической жизни студенчества начала 1920-х гг., которая нашла свое выражение в так называемом деле Совета старост госуниверситета. Документы ОГПУ показывают, что закрытие Старостата в 1919 г. оказалось краткосрочным. Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) настаивало на учреждении студенческого профсоюза, который наделялся бы функциями Старостата. Создание этого профсоюза активно саботировалось. Итогом сопротивления стало самовольное восстановление Совета старост в 1920 г. Для подготовки выборов в Совет был образован Временный совет. В него вошли 20 человек различных политических «фракций», в их числе четыре коммуниста (в том числе М. М. Цвибак — один

из героев дальнейших глав нашей монографии). Благодаря Совету старост в университете началось «сильное, кем-то сознательно вздуваемое брожение».[76] Студенческий актив занимался устройством сходок, где обсуждалось отношение к советской власти и к реформе высшей школы в частности. Свою основную задачу Совет видел в сохранении академической самостоятельности вузов, сопротивлении устройству профсоюзов (их создание допускалось только под руководством старост), ограничении влияния коммунистов на молодежь. В ходе дискуссий студенты пришли к тому, что выборы в Совет должны быть всеобщими, тайными, допускалась подача своих списков от группы более чем в 25 человек. На практике эти группы создавались не по факультетам и курсам, а по политической ориентации. В итоге студенчество, вовлеченное в работу Совета старост, распалось на два блока — демократическое и социалистическое.[77] К первому блоку относились молодые люди либеральных и консервативных взглядов (так называемое белое студенчество), ко второй — члены или симпатизанты партии эсеров, меньшевиков. Такое же политическое разделение наблюдалось в других вузах.[78]

Сложно сказать, в чем именно было принципиальное расхождение этих групп по отношению к проблемам высшей школы. Выдвигаемые ими претензии к политике советской власти в университетском вопросе практически совпадали: академическая свобода, свобода сходок, выборность профессоров, меньшая бюрократизация и партийное давление. Наиболее принципиальным разногласием было отношение к приему в вузы по классовому принципу, который требовала отменить демократическая группа и который не упоминали социалисты.[79] Камнем преткновения для социалистов стала проблема рабфаков. Среди организаторов Совета старост было принято игнорировать рабфаковцев, не приглашать на сходки и не рассматривать в качестве полноценных студентов. Однако полного единодушия в этом вопросе не было. Отдельные представители социалистического блока настаивали на том, что рабфаковцы должны иметь ограниченный доступ к участию в академических вопросах, но являться при этом полноценными участниками политической жизни.[80] Эсер Б. В. Чернов последовательно выступал за полное равноправие студентов рабочего и остальных факультетов, возлагая ответственность за существовавшую между ними напряженность на обе стороны.[81]

Из материалов следствия очевидно, что социалисты в отличие от либералов и консерваторов были более организованными. Ими была составлена программная декларация, разбитая на три секции: организационная, экономическая, академическая; на ее основании выпускались листовки. Например, «Ответ социалистов на коммунистическую листовку» критиковал большевиков за устройство в вузы по знакомству и рекомендациям, за распределение стипендий и пайков только среди коммунистов.[82]

Наличием демократической и социалистической групп политический спектр студенчества не ограничивался. Достаточно сильным было влияние нейтрального беспартийного студенчества. Материалы вузовских ячеек начала 1920-х гг. пестрят тревожными сообщениями о том, как в том или ином вузе на выборах в Совет старост или правление университета/института с треском проваливались кандидаты от РКП(б) или комсомола; им предпочитали политически нейтральных представителей. Известно о провалах коммунистов в университете, институте им. Крупской, Географическом институте, Институте путей сообщения, Медицинском институте и др. Причиной провалов называлась недостаточно эффективная работа партячеек.[83]

Первое время противодействовать этим тенденциям было довольно трудно. В конце 1920 г. в госуниверситете констатировали, что партячейка почти не работает, вырисовывается «картина полного развала». В этих условиях коммунисты и провалили выборы в правление университета. Дискуссии велись два часа, и когда стал очевиден неблагоприятный для ячейки исход, собрание пришлось сорвать усилиями рабфаковцев.[84] Все небольшевистское студенчество партийные органы часто пытались представить как некую единую контрреволюционную силу, для чего придумывались крайне своеобразные эпитеты вроде «эсерствующие монархисты».[85] Следствием такого подхода становилась неразбериха в описании реальных политических настроений. Так, в 1922 г. в одном из отчетных документов Института путей сообщения старое студенчество характеризовалось как на 95 % белогвардейское, в другом — как на 60 % близкое анархистам.[86] Неверно было бы утверждать, что социалистические группы Советов старост составляли исключительно представители небольшевистских партий, входили туда и нейтральные студенты, такие как, например, историк и поэтесса Н. И. Гаген-Торн, известный

в будущем харьковский физик С. М. Фертик и др.[87] Очевидно, и для ГПУ задача выявить всех «контрреволюционеров» оказалась не из легких, так как не все привлеченные по делу Совета старост эсеры и меньшевики были раскрыты как члены своих партий.

Несмотря на то что работа Старостатов и выборы в правление вузов стали важным инструментом антибольшевистской борьбы, когда в 1922 г. зашла речь о повторной ликвидации Совета старост, некоторые вузовские ячейки выступили против.[88] При слабости и ограниченной популярности коммунистов выборы и сходки давали возможность открыто наблюдать политические настроения, так как многие активисты были на виду и действовали вполне открыто; при Старостате сохранялся понятный механизм влияния на студенческую среду через организацию коммунистической фракции. Тем не менее Главпрофобр принял повторное решение о закрытии Совета, однако и оно не возымело действия. Аресты зимы 1922—весны 1923 г. стали финальной точкой в истории студенческого «парламентаризма». Только аресты главных активистов привели к ликвидации Совета старост, на этот раз окончательной. Произошло это не только в университете, но и в остальных городских вузах.[89] Теперь влиять на внутривузовскую жизнь стало возможно лишь через партийные и комсомольские ячейки. Десятки студентов, арестованных ГПУ, получили наказания разной степени тяжести. Более всего пострадали те молодые люди, чью связь с эсеровской, меньшевистской и другими партиями следствие смогло установить. Некоторым удалось избежать ареста, покинув Петроград накануне.

Советом старост перечень формально политически нейтральных организаций в вузах не ограничивался. Как и до революции, местом сосредоточения политических активистов были студенческие землячества, которые продолжали существовать и в советское время. Происходило это вопреки воле Наркомпроса, однако потребность студентов в экономической взаимопомощи, моральной поддержке оказалась сильнее, поэтому долгое время на существование землячеств закрывали глаза, пока вскоре не пошли на их легализацию. Так, в начале 1923 г. студенты Первого Политехнического института[90] создали Урало-Сибирское землячество, ядро которого составляли эсеры и меньшевики, представлявшие разные учебные заведения, или вовсе их выпускники.[91] Возглавлял коллектив Г. А. Садовский — технический работник инсти-

тута. Под видом заседания правления устраивались собрания членов двух партий, которые обменивались литературой. Обсуждались проблемы устройства высшей школы, отстаивались принципы выборности дирекции и профессорско-преподавательского состава.[92] К концу года в состав правления, в соответствии с общим требованием Наркомпроса, были включены члены РКП(б), и группа социалистов начала вести работу обособленно. В начале 1924 г. ее наиболее активных членов арестовали. В заключении ни один из них не дал признательных показаний. Только универсантка Л. В. Ионова (эсерка) призналась, что читала социал-демократическую литературу и передавала ее другим. Очевидно, что из-за недостатка показаний ОГПУ всю группу охарактеризовала как меньшевистскую, хотя в ней в равной степени были представлены и анархисты, и эсеры. У той же Ионовой при обыске были изъяты народнические брошюры.[93] В мае 1924 г. в Доме предварительного заключения студенты устроили голодовку, требуя остановить насилие над товарищами, которых увезли в неизвестном направлении, добиваясь политического пайка и проведения повторных допросов для пересмотра обвинений.[94]

Этот случай использования землячеств для прикрытия конспиративной работы не был единственным. В Горном институте меньшевики имели свои группы при землячествах,[95] таким образом, подтверждается высказанное нами ранее предположение о политических мотивах гонений на землячества в СССР.[96] ОГПУ также доносило в Ленинградский губернский комитет (Ленгубком) о существовании в Технологическом институте научного кружка, созданного эсерами; в Горном существовала «Единая студенческая комиссия», возглавляемая социал-демократами и эсерами; ОГПУ обращало внимание, что «реакционное» студенчество часто группировалось в научных кружках.[97] Объединение политических сил в среде вузовцев не было редкостью. Так, в 1922 г. в Московском университете действовал «Социалистический студенческий союз», в который принимали не только меньшевиков и эсеров, но и всех беспартийных, разделявших социалистические взгляды. Отказывалось в членстве только большевикам.[98]

Борьбой внутри вузов политическая работа студентов-социалистов и анархистов не ограничивалась. Помимо газет они занимались выпуском листовок, которые посвящались актуальным

проблемам — голоду,[99] высылкам и арестам членов партии,[100] распространялись материалы, посвященные университетскому вопросу. В июле 1923 г. в ходу была листовка с осуждением нападок на вузовскую автономию: «Университеты превратились в бараки стереотипного мышления и необоснованных привилегий. Они никогда не знали более реакционного режима. Вам дают читать Маркса, но кнут свистит у вас за спиной, и вы на коленях присягаете на верность бухаринской „Азбуке коммунизма“»[101]. Меньшевистские листовки распространялись даже в наиболее идеологически выдержанном Коммунистическом университете (их расклеивал неназванный вузовский лектор).[102] Важным моментом консолидации студенческого протеста стала чистка вузов 1924 г. К приезду А. В. Луначарского в Ленинград была подготовлена листовка, направленная против развернувшейся чистки. Эта мера, по мнению меньшевиков, привела к росту «мещанства, лживости, продажности» в вузовской среде и била главным образом по политически неблагонадежным элементам.[103] Выпуск подобных листовок носил массовый характер, и распространялись они преимущественно в студенческой среде.[104] Особая роль студенчества в меньшевистском движении определила и частое обращение к сюжетам, связанным с проблемами высшего образования. Осознавали эту роль и сами социал-демократы: «Есть еще причина, заставляющая власть торопиться с расправой над высшей школой. На кладбище общественно-политической жизни страны высшая школа с ее демократическим студенчеством, не желающим мириться с <неразборчиво> бесправием, как и в черные дни царской реакции, не перестает выводить из своих стен бойцов против гнетущего строя за лучшее будущее России».[105]

Отметим, что объединение усилий различных партий в деле противостояния большевизму не ограничивалось только стенами высших учебных заведений. Одна из наиболее заметных меньшевистских групп действовала на Путиловском заводе и имела представителей из числа эсеров. Эта группа старалась продвигать своих сторонников на руководящие посты, боролась за улучшение материального положения рабочих.[106]

Анализ содержания листовок и прокламаций показывает, что к середине 1920-х гг. риторика в отношении Октябрьской революции заметно ужесточилась. Меньшевики сокрушались, что большевистская партия «уничтожила политическую демократию, ве-

личайшее завоевание февральской революции». А «шесть кровавых лет» показали несостоятельность большевистской утопии.[107] О предательстве большевиками общедемократических идеалов Февральской революции писали и эсеры.[108]

По мере усиления репрессий часть социалистического подполья становилась все более радикальной во взглядах, т. е. ощутимо правела. Так, представители правых эсеров и социал-демократов создали Союз свободного студенчества, резко выступавший против советской власти и предлагавший переход в глубокое подполье. После ареста в 1923 г. его главных организаторов — студентов Б. К. Войта и Н. П. Зацкого (эсер и меньшевик) — Союз фактически развалился. Выйдя из тюрьмы, они пересмотрели программу Союза и отказались от любых социалистических лозунгов. Была организована Народно-революционная партия (первоначально — национально-революционная). Судя по всему, ее программа состояла из крайне разнородных лозунгов.[109] Партия успела выпустить несколько листовок (среди них «Ко всем русским гражданам»), занималась агитацией в вузах, под видом заседаний Красного креста собирала пожертвования в пользу ссыльных товарищей. Был сочинен свой гимн. Отдельным подразделением партии была пропагандистская Группа идеологической борьбы с марксизмом.[110] Необходимо отметить, что громкие названия вроде «партия» и «союз» вряд ли адекватно отражали реальный уровень организации коллектива единомышленников, насчитывавшего в лучшем случае несколько десятков человек. Нельзя исключать и того, что называть эти кружки «партией» или «союзом» было инициативой ОГПУ.

Ситуация начала ухудшаться во второй половине 1924 г. после первой волны массовых арестов. Об этом свидетельствует в том числе письмо Г. Д. Кучина, в тот момент находившегося на нелегальном положении после побега из ссылки. В августе он так описывал положение у «дяди Нади» (т. е. в Ленинграде — на языке конспиративного письма): «Явственен результат беспрерывного истребления с.-д. сил <...>. Если раньше работали широкой метлой, то сейчас, помимо этого, метелочкой выскребают по всем уголкам, изучают закоулки всех предприятий и учреждений, обследуют с лупой каждого отдельного подозрительного». В письме также ставилась задача скорого восстановления «Бани» (бюро ЦК РСДРП); а из положительных моментов отмечалась

активность студенчества.[111] Тем не менее на первом этапе аресты касались только периферии партии, и потому задача восстановления ее структуры была решена довольно оперативно. Основные трудности начались после декабря 1924 г., когда в заключение попал почти весь состав Петроградского комитета РСДРП.[112] Но и после этого удара к весне организации удалось восстановиться за счет членов низовых кружков. Однако ее уровень был значительно ниже, меньшевики стали замыкаться внутри себя, главной целью стало сохранение партии. Активизации работы способствовал перенос типографии из Москвы в Ленинград, обеспечивший выпуск листовок, которые, согласно новой стратегии, распространялись теперь только среди партийцев. В это же время через финское консульство удалось установить связь с заграничным ЦК. Туда отправляли материалы о положении рабочих Ленинграда, обратно получали теоретические и директивные письма.[113]

Еще одной переменой в деятельности партии меньшевиков стала попытка возврата к работе в фабрично-заводской среде. Планировалось развернуть агитацию, использовать недовольство пролетариев безработицей, высокими ценами и т. д. На предприятиях студенты занимались опросом рабочих, интересовались трудностями их быта и материальным положением. Такое направление потребовало внести изменение в структуру партии — было создано Рабочее бюро, подотчетное Центральной студенческой группе. Сам Петроградский комитет начал заметно праветь. Если ранее он разделял программу ЦК РСДРП, то с этого периода становился на позицию его менее компромиссного меньшинства.[114] Окончательно завершили работу меньшевиков аресты зимы—весны 1925 г.

До 1920 г. можно было говорить о том, что студенты-меньшевики в своей борьбе придерживались тактики союза с партией эсеров. Однако восстановить их дальнейшие отношения довольно затруднительно, прежде всего, по причине скудной источниковой базы. С одной стороны, существуют воспоминания, свидетельствующие о том, что в 1922 г. меньшевики порвали с эсерами из-за союза последних с кадетами.[115] Такая версия видится неправдоподобной. С другой стороны, эсеры и меньшевики вместе проходили по делу Совета старост, а доступные эпистолярные источники также говорят о попытках наладить контакт. Важно отметить, что об активности эсеров (всех, а не только студентов)

в советском подполье на настоящий момент известно немного. Правые эсеры, отказавшиеся подчиниться роспуску партии в 1923 г., были объединены в Центральное бюро ПСР, окончательно разгромленное в 1925 г. Сведения об эсерах-максималистах и эсерах-интернационалистах и вовсе фрагментарны.[116]

Тем не менее эсеровский фронт борьбы с большевизмом в студенческой среде все же существовал. В немалой степени он был связан с Борисом Викторовичем Черновым — сыном основателя партии ПСР В. М. Чернова. Чернов-младший был членом Центрального бюро эсеров в Петрограде.[117] Основная конспиративная работа социалистов-революционеров проходила в Колпино — в пригороде Петрограда. Там находилась типография, устраивались тайные встречи, хранилась нелегальная литература, издавался журнал «Революционная мысль». Б. В. Чернову и его сторонникам удалось вовлечь в партийную борьбу нескольких рабочих, а также студентов Технологического института и Педагогического института им. Герцена; агитация велась также в Институте политпросветработы им. Крупской и Сельскохозяйственном институте. Однако фабричные рабочие и студенты не были единственными адресатами эсеровской пропаганды: в 1920-е гг. они пытались воздействовать на членов партии с дореволюционным стажем; эта работа приносила отдельные успехи.[118] Приходилось также устраивать членов партии, вынужденных переехать от преследования ГПУ в другие города. Среди них, например, Е. Н. Еременко, бежавший из ссылки в Вятке и возглавивший ЦБ после ареста Чернова. Другим важным направлением работы эсеровского подполья было налаживание связей с заграницей. Для этого в деревне Большие Яколомяки (совр. Всеволожский район Ленинградской области) была «завербована» крестьянская семья, которая знала тайные переходы через финскую границу. Они привозили в Петроград письма, статьи и журналы, маскируя их среди дров, продуктов и т. п., и переправляли за границу очерки, написанные эсерами, о положении в СССР. Таким непростым способом осуществлялась связь с эсеровской эмиграцией.[119] Проблема проникновения антибольшевистских материалов через границу носила серьезный характер, о чем ЦК РКП(б) было известно еще в начале 1920-х гг.[120] Сохранились также донесения торговых представителей СССР в Швеции о книгах, издаваемых эсерами в Стокгольме, для перевоза через границу.[121] Одним из сподвижни-

ков Чернова по эсеровскому подполью был его товарищ по Технологическому институту Н. Н. Аловерт. Он отвечал за связь с киевской организацией социалистов-революционеров, с которой имел контакты во время каникул летом 1923 г., после чего помог одному из сопартийцев перебраться в Петроград на нелегальное положение.[122]

Содержание подпольной работы студентов-эсеров можно описать, опираясь и на воспоминания Е. Л. Олицкой. Хотя она была студенткой в Москве, представляется, что в Петрограде деятельность социалистов-революционеров в общих чертах носила схожий характер. Эсеры пытались занять видное место в разнородном по политическому составу студенческом протесте 1920-х гг., боролись за сохранение автономии и академических свобод. Благодаря их усилиям собирались средства в пользу Красного Креста, выпускались листовки, проводились собрания с сочувствующими. Заседания эсеровских кружков были строго конспиративными, участники не знали настоящих имен большинства присутствующих.[123] В листовках эсеры выступали против политической монополии большевиков, ратовали за сохранение советской демократии и противились ущемлению крестьянства.[124] Агитации в студенческой среде помогало активное участие Чернова в студенческом самоуправлении, где он занимал целый ряд ответственных постов: староста 1-го курса, секретарь химического кружка, член Совета представителей, секретарь студенческой фракции и др.; он же был постоянным автором стенгазеты «Бюллетень Совета представителей», регулярно выступал на сходках.[125]

До сих пор мы вели речь преимущественно о правом крыле некогда единой эсеровской партии. Между тем работу в студенческой среде вели и левые эсеры (ПЛСР). К 1922 г. завершился переход ПЛСР в подполье, образовалась Петроградская организация (с 1923 г. — комитет) партии. Левые эсеры не ограничивали себя пропагандой только в рабочей или крестьянской среде и прямо называли студенчество одним из источников для пополнения своих рядов. Предлагалась сложная трехступенчатая структура работы с вузовцами. Внизу иерархии находились кружки интересующихся современной политикой, далее студента определяли в группу, где знакомили непосредственно с левым народничеством. На вершину могли попасть только те, кто зарекомендовал

себя конкретной работой на пользу партии.[126] Сложно сказать, насколько успешно эта схема применялась на практике. 31 декабря 1922 г. состоялась Петроградская общегородская конференция ПЛСР, арестованная почти в полном составе. На ней присутствовали две группы: организаторы рабочих и студенческих кружков.[127] Есть основания полагать, что вузовское направление агитации было развито ощутимо слабее. Среди многочисленных эсеров, арестованных во время и сразу после конференции, не оказалось ни студентов, ни преподавателей, что вряд ли было бы возможно при активной работе в высшей школе.[128] Единственным, кто имел «связь» с вузами, был лидер петроградских эсеров Е. Н. Мальм, сбежавший из ссылки. В перечне найденных у него в ходе обысков поддельных документов оказалось удостоверение студента университета.[129]

Тем не менее вопросам автономии высшего образования левые эсеры уделяли большое внимание, так как полагалось, что она важна не только для сохранения политической демократии, но и как возможность для студенчества ощутить свою причастность к государственной и общественной жизни: «И если, товарищи, каждая кухарка у нас еще не правит государством, то мы полагаем, что мы достаточно созрели, чтобы управлять своею школой».[130] В эсеровских прокламациях, распространявшихся в Ленинграде уже в 1925 г., помимо прочего также обращалось внимание и на вузовские вопросы: «Мертвящий казенный марксизм, приспособленный нынешними профессорскими душонками ко всем без исключения наукам, внедряется в учащихся вузов со всей возможной энергией <...>. Только ленинизм — худосочное дитя узколобого марксизма является дозволенным идолом».[131]

Говоря о левом движении в высшей школе Петрограда/Ленинграда, нельзя обойти вниманием анархистов. Несмотря на традиционно более радикальные взгляды, чем у эсеров и меньшевиков, их положение в первой половине 1920-х гг. было достаточно комфортным. Обеспечивали этот комфорт Всероссийская федерация анархизма (ВФА) и Анархистская конфедерация (АК), которые благодаря активной поддержке советской власти долгое время существовали легально. Другим центром притяжения анархистского движения (также законным) был музей П. А. Кропоткина, открытый в 1921 г. в Дмитрове.[132] Анархисты имели собственные

книжные магазины, издательство «Голос труда» и официальный печатный орган «Почин», на который власти возлагали обязательство не прикрывать подпольщиков и публиковать выпады против анархистов, не принимающих СССР; критика советского строя допускалась, но без призывов к его свержению и актам саботажа. Даже при таких условиях цензуры содержание журнала не было лоялистским: «Полновластие развращает не одних царей», таким эпиграфом открывался каждый номер журнала.[133]

Однако в скором времени, вопреки обязательствам, официальные организации обросли сетью нелегальных кружков, которые не разделяли тактику союза с большевистской властью (в Петрограде с 1922 г. действовало Инициативное бюро анархистов[134]). Расцвет их деятельности пришелся на 1924—1926 гг., т. е. на несколько лет позже, чем у меньшевиков и эсеров. В апреле 1924 г. анархисты Петрограда объединились в Северную федерацию анархистов, которая имела кружки на многих заводских предприятиях и в вузах.[135] Членами Инициативного бюро и одними из лидеров анархистского подполья 1924—1925 гг. были студент Электротехнического института А. А. Малиновский, универсант А. П. Денисов и работница артели «Металл» М. П. Позднякова[136] (в некоторых публикациях ошибочно упоминается как студентка мединститута).[137] Последней удалось установить переписку с Группой русских анархистов в Германии (ГРАГ). Письма эмигрантов теоретического характера доходили до Ленинграда и обсуждались в кружках, пересылались в Россию также и денежные пожертвования.[138] Бюро предпринимало попытки наладить работу с левоэсеровским подпольем.[139]

В августе 1924 г. структура анархистского движения подверглась пересмотру, который, очевидно, привел к отказу от единого центрального бюро. Появилась сеть мелких групп при городских учреждениях. За полгода удалось создать группу при заводе «Стеньке Разине» (возглавлял студент К. К. Артеменко), «Русском дизеле», ЛГУ (А. П. Денисов), группу Петроградской стороны (студент М. И. Бадин) и др. Отдельно стояла теоретическая группа «Безвластие» во главе с А. А. Малиновским. Работу остальных коллективов координировала Позднякова.[140]

Анархисты Ленинграда предпринимали попытки создания «Черного креста» (помогавшего анархистам в заключении), «Черного профсоюза», издавали листовки (в том числе против

чистки вузов), вели агитацию в среде рабочих.[141] Пролетариев подталкивали к актам саботажа. Так, изданная в апреле 1924 г. листовка предлагала отказаться от участия в официальном праздновании 1 мая, подготовленного «изолгавшейся большевистской кликой во главе с мясником Зиновьевым», так как это «ихний [sic!] праздник — сытых паразитов, сосущих нашу кровь и соки. Ихний праздник — вампиров, сосущих нашу кровь».[142] При аресте Малиновского изъяли прокламацию «Большевизм, его классовая природа», «Анархический вестник», различные листовки, обращения петроградских рабочих и т. д.[143] Долгое время, имея за плечами ВФА, анархисты могли активно пользоваться вполне легальными методами для вербовки сторонников — большое внимание уделялось комсомолу. Через его структуру, куда более либеральную, чем у РКП(б), искались сторонники и устанавливались связи.[144]

Есть все основания полагать, что заграничные связи анархистов не ограничивались перепиской. В 1925 г. целой группе арестованных анархистов были предъявлены обвинения в организации встреч на советско-финской границе с эмигрировавшими матросами — участниками Кронштадтского восстания. В первом приближении подобные обвинения кажутся выдумкой ОГПУ. Однако существует ряд свидетельств в пользу реальности подобных встреч. В конце 1980-х гг. историку Я. В. Леонтьеву удалось побеседовать с выжившей участницей анархистского подполья А. М. Гарасевой. Она отказалась рассказывать об этом эпизоде, подчеркнув, что «ее не смогли расколоть ни ГПУшники, ни чекисты, и что эта тайна будет унесена ею в могилу».[145] Однако отрицать сам факт таких встреч она не стала. Намеки на реальность общения с эмигрантами можно встретить и в протоколах допроса А. М. Гарасевой в ОГПУ: она показывала, что во время поездок из Москвы в Ленинград вместе со своими товарищами (среди них были студенты Политехнического института Д. Г. Бобров и Л. Н. Штейнгауз) она совершала поездки в Токсово и Сестрорецк — тогда приграничные с Финляндией поселения.[146] Среди других свидетельств стоит обратить внимание на письмо М. Н. Поздняковой, отправленное за границу в 1924 г.: «Нам очень интересно было бы иметь адреса [анархистов. — *Д. Б.*] соседних с нашей стран, хотя бы скандинавских стран. Ефим может туда проникнуть».[147] Таким образом, можно с уверенностью говорить

о том, что по крайней мере намерения по устройству приграничных встреч были вполне реальным.

Менее обоснованными выглядят обвинения анархистов в подготовке покушения на Г. Е. Зиновьева, которые были выдвинуты ОГПУ в 1925 г.[148] Виной тому явилось стечение обстоятельств. Сняв квартиру на углу улицы Рентгена и Каменоостровского проспекта, группа анархистов вскоре обнаружила, что напротив (в доме трех Бенуа) живет глава Ленсовета, и даже окна его квартиры они могли разглядеть из собственного жилища. Этот факт во время следствия был использован против обвиняемых, которые, как предполагалось, намеревались прорыть подкоп под дом Зиновьева и устроить взрыв.[149] Однако в итоге за терроризм они не были осуждены, что только подчеркивает необоснованность этих обвинений.

После ряда арестов деятельность анархистского студенчества приняла более локальный характер. Наиболее крупная группа оказалась сосредоточена в Институте истории искусств в 1925—1926 гг. История этой группы достаточно хорошо известна, так как она серьезно сказалась на судьбе Лидии Корнеевны Чуковской, будущей писательницы и поэтессы, дочери известного литератора. Создателем анархистской группы в Институте искусств выступил Ю. В. Криницкий, участник подпольной работы в Туркестане. Ему удалось объединить вокруг себя более десятка студентов. Изначально кружок возник спонтанно. В 1925 г. Чуковская вместе с товарищами по институту А. Н. Сааковым и Е. А. Борониной[150] частным порядком собирались обсуждать проблемы текущей политики. В ходе работы осознали, что им ближе всего анархистская идеология, и начали искать контакты с другими анархистскими группам. Так возникла небольшая сеть городских кружков, из каждого выбирался представитель для контактов с остальными группами.[151] Коллектив анархистов Института истории искусств состоял из 16 человек, к ним же примыкали студент ЛГПИ И. И. Бударин и ряд лиц, не связанных с вузами, к примеру, одним из лидеров был работник типографии А. Г. Голоульников. Вскоре зашла речь о постановке пропагандистской работы. Так, были созданы редколлегия для издания журнала (Голоульников, Боронина, К. А. Штрюмер и др.), а также «Черный крест», который задумывался как анархистский аналог Красного Креста для помощи политзаключенным; была создана и библиотека под

руководством Чуковской.[152] Главным теоретическим органом кружка должен был стать журнал «Черный набат». Единственный номер этого журнала, по сохранившимся свидетельствам, был отпечатан студенткой Института искусств Е. А. Борониной и студенткой-медиком К. А. Штюрмер на «Ундервуде», принадлежавшем К. И. Чуковскому. Доступ к печатной машинке они получили благодаря знакомству с его дочерью. Известны отрывки из «Черного набата»: «Все тихо кругом, не слышно нигде набатного звона, а между тем все ярче и ярче разгорается пожар красной реакции в СССР и фашистской на Западе. Густые облака дыма разъедают глаза трудящимся, и они подчас не в состоянии разглядеть, что делается вокруг, а называющие себя коммунистами все больше и больше напускают едкого, вонючего дыма и одурманивают головы трудящихся». Советский строй анархисты оценивали как государственный капитализм: «Надо жестоко бороться со всеми видами капитализма. Но в СССР главные наши силы мы должны направить именно против государственного капитализма, который в данное время является наиболее мощным угнетателем трудящихся масс».[153] Журнал предназначался для распространения среди рабочих и крестьян прилегающих к Ленинграду уездов.[154]

Как мы уже отмечали, особое внимание анархисты уделяли комсомольским организациям. В ноябре 1924 г. Ю. В. Криницкий и его товарищи пытались провалить представленный горкомом список кандидатов в бюро РЛКСМ Института искусств. Криницкий призывал: «Если хотите, чтобы ваш представитель прошел в исполбюро, голосуйте против списка, представленного пролетарским студенчеством и комфракцией».[155] Эта акция привела к аресту шести анархистов.[156] В июле 1926 г. вся группа анархистов, сформированная вокруг Института истории искусств, оказалась арестована; были изъяты анархистские газеты, письма из-за рубежа.[157]

Интересно обратить внимание на мотивацию студентов, участвовавших в подпольной работе. Одна из очевидных причин политического активизма заключалась в несогласии или неприятии большевистской политики в различных сферах. Это объяснение лежит на поверхности и вряд ли может считаться исчерпывающим. У многих были основания испытывать недовольство в первые годы существования Страны Советов, однако лишь ограни-

ченное число из них пошло на открытое сопротивление режиму. Что руководило ими? В целом ряде случаев занятие политикой было семейным делом. В подполье участвовали дети многих революционеров, прославившихся еще в Российской империи. Помимо уже упомянутого нами Б. В. Чернова, можно отметить студентку университета меньшевичку Е. И. Герцык, ее отец был известным членом Бунда; отец Л. В. Ионовой — народник В. М. Ионов, Г. Р. Дмитриев — сын известного литературоведа-эсера Иванова-Разумника, меньшевичка М. Н. Гантимурова была невесткой эсера-боевика Р. М. Ерухимовича, студент университета и организатор меньшевистского подполья во многих советских городах А. С. Кранихфельд приходился племянником Ю. О. Мартову и др.

Втягивание в движение часто происходило не благодаря успеху политической агитации, а путем личных дружеских связей. Н. И. Гаген-Торн оставила воспоминания об университетской студенческой коммуне «Снарк», получившей свое имя по роману Дж. Лондона «Путешествие на „Снарке“». В нее входили одновременно и меньшевик С. М. Малятский, и эсер А. И. Розенблюм.[158] Нередким было участие в подполье супружеских пар (эсеры П. В. Высоцкий и Л. В. Ионова, А. Н. Аловерт и Е. А. Тудоровская, Г. Р. Дмитриев и А. А. Орлова, меньшевики А. М. Дудаков и Н. А. Климова, Н. М. и О. А. Кочкины), братьев (анархисты братья Бобровы и сестры Гарасевы). Важная роль дружеских и семейных связей в формировании кружков привела к политической специализации отдельных вузов. Так, социалисты-революционеры действовали в основном в Технологическом институте, анархисты в Медицинском и Институте истории искусств, социал-демократы в Политехническом и Педагогическом институтах. Только университет имел полное представительство названных партий.

Во многих случаях мотивацию протестной деятельности стоит искать в недовольстве излишним радикализмом РКП(б), а также в нежелании или неспособности ассоциировать себя с «темной» и непросвещенной рабоче-крестьянской массой, которая в эти годы активно входила в общественно-политическую жизнь. Среди молодежи возникал спрос на умеренную повестку. Д. М. Бацер отмечал: «...необычным был и тот факт, что критически относившуюся к существующему режиму молодежь — возрастную

группу, склонную поддаваться эмоциям и обычно тяготеющую к радикальным течениям, — привлекала социал-демократия, то есть относительно умеренная часть тогдашней оппозиции, взывавшая не столько к чувствам, сколько к рассудку».[159] При этом умеренность в политических взглядах вовсе не означала умеренности в средствах борьбы, так как именно студенты в ряде случаев держались наиболее радикальной и непримиримой линии. Есть основания полагать, что социалистическое подполье было в том числе попыткой отгородиться от сверхдемократической (в классовом отношении) политики большевиков в сфере вузовского образования. Так, Социал-демократический союз молодежи, несмотря на декларируемый рабочий состав, пополнялся по большей части выходцами из интеллигентской среды.

Разумеется, столь пестрая политическая палитра студенчества не могла не вызывать беспокойства у партийных органов. Партячейки вузов проводили учет неблагожелательных элементов. Весной 1923 г. состав студенчества Петроградского университета оценивался следующим образом: 25—30 % поддерживали советскую власть, 50—60 % — «болото, которое ничем не интересуется кроме науки», а доля тех, кто был настроен против РКП(б), равнялась 15—20 %.[160] Существуют сводные данные райкомов Петрограда, которые свидетельствуют, что на конец 1922 г. 17 % студентов являлись сторонниками эсеров и меньшевиков.[161] Таким образом, можно говорить о том, что в первой половине десятилетия примерно шестая часть студенчества сочувствовала или была вовлечена в деятельность левых антибольшевистских групп разного толка.

В партколлективах не занимались самообманом относительного того, что эсеры, меньшевики и анархисты станут поддерживать большевистские начинания. Поэтому основной упор в политической агитации предлагалось делать на нейтральную беспартийную массу. Вместе с этим под контролем старались держать устройство студенческих сходок, на которых избирались представители в Совет университета или института.[162] Таким образом большевики пытались не допустить повторения событий 1918—1920 гг., когда в Советы удавалось проводить крупные группы эсеров, кадетов и меньшевиков.

В историографии существует устоявшееся мнение о том, что главным инструментом борьбы против «мятежного» студенче-

ства стала вузовская чистка 1924 г. Это утверждение кажется не бесспорным. Всего в ходе исследований нам удалось установить биографические данные более чем для сотни участников эсеровского, меньшевистского или анархистского подполья, при этом примерно половина из них продолжала учиться до 1924 г. И ни один из известных нам персонажей не покинул вуз в результате чистки. В отчете, составленном ОГПУ, утверждалось, что из вузов было исключено 7368 человек, из них — 844 за политическую неблагонадежность.[163] Можно предположить, что чистка была направлена не против конкретных лиц, а против потенциальной социальной базы для протестных партий, чьей основой виделось «неблагонадежное» непролетарское студенчество.[164]

Конечно, наиболее эффективным средством в борьбе с подпольем стали массовые аресты, после которых движению было уже крайне сложно оправиться. Актив студентов-эсеров был арестован в 1923 г., но некоторые продолжали работу до конца 1925 г.[165] В этом же году воскресить работу эсеров пытался студент ЛГУ А. П. Светицкий, известный своей подпольной работой в Орле, но вскоре и он был арестован.[166] Меньшевики наиболее чувствительные потери понесли в 1924 г., когда помимо прочего была раскрыта партийная типография; отдельные студенты продолжали работу также вплоть до 1925 г. Разгрому анархистов помогло наличие агента ОГПУ: студент Института истории искусств Ю. В. Криницкий был завербован еще в Туркестане, перед переездом в Ленинград. Впоследствии он, однако, отказался от сотрудничества с политуправлением, хотя, очевидно, успел внести свой вклад в разгром группы.[167] После массовых арестов в начале 1926 г. группу непродолжительное время возглавляла Е. А. Боронина, которую также вскоре арестовали и приговорили к ссылке.[168] Значительное влияние на анархистское движение оказал роспуск в 1925 г. ВФА, причем случился он не только из-за давления большевиков, но и ввиду низовой инициативы, предлагавшей отказаться от легальных организаций в пользу подпольной борьбы.

Таким образом, следует говорить о том, что массовое левое движение в высшей школе Ленинграда продолжалось вплоть до 1925 г. Однако есть свидетельства о работе небольшой группы уже в 1927—1928 гг. Речь идет о так называемом «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса в России», куда входили

молодые люди, близкие по взглядам к эсерам и меньшевикам.[169] Из имеющихся материалов можно понять, что дальше частных встреч и обсуждений планов работы «Союз» зайти не успел. Хотя звучавшие на собраниях планы отличались крайним радикализмом. Предлагалось саботировать празднование 10-летия Октябрьской революции 7 ноября 1927 г. путем поджога Радиевого института.[170] Это предложение было отвергнуто как явная авантюра. В 1928 г. участники кружка были арестованы. Что в их работе являлось реальностью, а что для придания веса следственному делу было добавлено ОГПУ — тема будущих исследований.

Очевидно, что сворачивание работы левых групп было в том числе и результатом усиления деятельности политического управления. В самом начале 1920-х гг. оно действовало относительно либерально. Согласно справкам, составленным по нашим запросам Архивом УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, многие участники подполья арестовывались по 2-3 раза и отпускались за отсутствием доказательств. Например, Б. В. Чернова в 1922 г. дважды задерживали по обвинению в антисоветской деятельности, но освобождали «до поступления более конкретного обвинительного материала», только арест в декабре 1923 г. окончился ссылкой в Нарымский край.[171] Конечно, немаловажную роль в расправе над социалистами и анархистами сыграли провокаторы. Другой значимой мотивацией к прекращению борьбы стал тот факт, что в подполье постепенно приходили к мысли о тщетности принимаемых усилий, многие группы стали ориентироваться на сворачивание активной борьбы и сохранение кадров для лучших времен, которые для них так и не наступили.[172]

* * *

В условиях подполья и фактической изоляции от масс эсеры, меньшевики и анархисты были вынуждены искать пути сближения. Это происходило как на уровне личных связей, так и в ходе политического активизма (дело Совета старост, агитация на предприятиях). Несмотря на множество нюансов, можно определить и некоторое программное сходство этих трех ветвей левого студенческого движения. Главным лозунгом их борьбы была защита подлинных идеалов русской революции, к числу которых

они относили курс на социалистические преобразования, рабочую демократию, гарантию гражданских свобод и свободы слова. Очевидно, меньшевиков и эсеров возмущал тот факт, что, будучи социалистами, они не могут свободно высказываться в социалистической стране. Никто из участников движения не подвергал сомнению прогрессивный характер событий 1917 г. и их мировое значение. Однако большевистская политика виделась им искажением ценностей революции, которые должны быть возрождены. Советский опыт сам по себе находил у них сочувствие, поэтому они не прибегали к радикальным методам борьбы — терроризму или подготовке переворота (в отдаленной перспективе об этом говорили анархисты, отчасти воспринимая 1917 г. как первый этап в построении общества без государства). Постепенно с ростом репрессий компромиссное отношение к Октябрю сходило на нет, и в качестве идеала подлинной демократии стала рассматриваться исключительно Февральская революция.

Роль студентов в левом движении трудно недооценить. У социал-демократов вузовцы оказывались наиболее радикальной частью партии, студенты-анархисты и вовсе периодически оказывались главными лицами движения в городе. После разгрома Центрального бюро партии левых эсеров в 1922 г. именно студенты смогли некоторое время продолжать борьбу. При этом формы, которые принимала работа эсеров, меньшевиков и анархистов, были практически неотличимы от дореволюционных. Поэтому справедливо будет заключить, что, хотя революция 1917 г. была пиком освободительного движения в России, его основные формы в новых условиях и с новыми лозунгами продолжили существовать и на протяжении целого десятилетия после революции.

Глава 2

МЕЖДУ «НОВЫМ КУРСОМ» И НОВОЙ ОППОЗИЦИЕЙ. 1923—1926 гг.

Второй случай, когда, на наш взгляд, будет справедливо говорить о формировании левого движения, связан с оппозиционными течениями внутри ВКП(б) 1920-х гг. История левой оппозиции в ВКП(б), с точки зрения методов противостояния большинству ЦК, распадается на несколько этапов: период открытых предсъездовских дискуссий в 1923—1925 гг.; сочетание методов дискуссии и фракционной борьбы в 1926—1927 гг.; нелегальная конспиративная работа 1928—1932 гг. Говорить об оппозиции как о политическом движении будет справедливо только по отношению к последним двум этапам ее истории. Тогда оппозиционеров стало отличать не только идеологическое, но и организационное расхождение с партийным большинством, приведшее к формированию обособленной политической структуры, параллельной ВКП(б). Тем не менее на этапе дискуссий формировались ключевые черты оппозиции, определялись ее локальные лидеры, программа, основные линии разногласий. Поэтому в данной главе мы попробуем последовательно рассмотреть то, как в высшей школе Петрограда/Ленинграда проходила дискуссия вокруг идей Троцкого—Сапронова перед XIII съездом ВКП(б), а затем проанализируем действие зиновьевской (новой) оппозиции, сформировавшейся вокруг событий, связанных с последующим XIV съездом партии. В первую очередь нас будут интересовать не содержание программ и характер разногласий, а ход дискуссий перед съездами, ее восприятие студентами и преподавателями, появление первых оппозиционных кружков, выдвижение оппозиционных активистов и др.

«Новый курс» и студенческая молодежь

Партийная дискуссия 1923 г. внутри большевистского руководства началась осенью и проходила в рамках прений и переписки между членами Политбюро и ЦК РКП(б). Основные положения программы Л. Д. Троцкого были сформулированы им в письме к ЦК и ЦКК РКП(б) от 8 октября, которое, несмотря на секретный характер, получило довольно широкое распространение среди большевистских лидеров. Очевидно, по мотивам этого документа в середине октября было подготовлено «Заявление 46-ти», подписанное многими авторитетными большевиками и героями Гражданской войны (известно как письмо Т. В. Сапронова—Е. А. Преображенского). Результатом долгих и упорных прений в верхах партии стала резолюция «О партстроительстве», принятая Политбюро и президиумом ЦКК 5 декабря. Ее текст носил явно компромиссный характер и в общем виде отражал идеи Троцкого о расширении партийной демократии. До широкой публики взгляды Троцкого были донесены несколько дней спустя в статье «Новый курс», опубликованной 11 декабря. С этого момента обсуждение программы оппозиции вышло за ограниченный круг партийной элиты и распространилось на все коллективы РКП(б). Благодаря принципиальной позиции Г. Е. Зиновьева местом наиболее непримиримой критики Троцкого стал Петроград. 15 декабря на собрании представителей бюро партячеек и активных работников был заслушан и одобрен доклад Зиновьева, основные тезисы которого вышли в печати под названием «Письмо Петроградской организации». Его содержание явно диссонировало с примирительным тоном резолюции 5 декабря и призывало к осуждению фракционной работы Троцкого. Это письмо фактически составило антиоппозиционную платформу и конкурировало с текстами Троцкого и Сапронова—Преображенского за мнения партийцев.

В чем же заключались критические выпады оппозиции? И почему, как мы покажем далее, ее идеи нашли отклик в вузовской среде? Напрямую связана с проблемой партийной молодежи и студенчества была проблема поколений — одна из магистральных тем «Нового курса». Остановимся на этом сюжете подробнее.[1] Вопрос о молодом поколении большевиков нередко оказывался в центре внимания Троцкого.[2] Чаще всего молодежь

рассматривалась наркомвоенмором не в качестве отдельного историко-социологического явления, а в контексте актуальных проблем, стоявших перед большевиками, будь то проблемы быта, воспитания или партийного строительства.[3] Не стала исключением из этих правил и дискуссия 1923—1924 гг. Тема молодежи в статьях Троцкого конца 1923 г. имела вспомогательное значение, но впоследствии именно она станет ключевым объектом критики оппозиции. Постараемся выяснить, что побудило Троцкого обратиться к молодежи в этот период, и как в дальнейшем это обращение было проинтерпретировано его политическими оппонентами?

Центральной темой «Нового курса» являлась опасность бюрократизации партийного аппарата. Обращение к молодежи в этом контексте обосновывало значимость партийной демократии в качестве противовеса усиливающейся бюрократической тенденции. Этот многосоставной аргумент отражал более широкие — в том числе и теоретические — воззрения Троцкого не только на молодежь, но и на вопросы партийного строительства, социального состава РКП(б) и формирования революционной традиции в целом.

Свой анализ актуальной ситуации внутри РКП(б) Троцкий начинает с рассуждений о партийной демократии и взаимоотношениях разных возрастных групп большевиков.[4] При этом Троцкий вел речь не столько о противопоставлении молодых и опытных большевиков, сколько о диспропорции в отношениях между руководящими кадрами и рядовыми членами партии (т. е. пооктябрьским поколением, составлявшим основную партийную массу).[5] Эта диспропорция выражалась в отсутствии принципа демократизма; в том, что «партия живет на два этажа: в верхнем решают, в нижнем — только узнают о решениях».[6] От имени этого нижнего этажа Троцкий говорит: «Без нашего низового опыта, не просто учитываемого сверху, а нами активно вносимого в жизнь партии, руководящий партийный аппарат бюрократизируется, а мы, низовики, не чувствуем себя в достаточной степени идейно вооруженными перед лицом беспартийных». По мнению Троцкого, в случае, если низовой опыт этих людей не будет учтен, опасность перерождения грозила затронуть не только партийный аппарат в лице старой гвардии, но и новые кадры. Ситуация усугублялась тем, что со стороны руководящих кадров партийная масса вос-

принималась только как объект воздействия. Важно же, полагал Троцкий, чтобы приобщение масс к партийной работе происходило через реальное участие в ней, а не посредством «школьных, педагогических методов», предполагавших только просветительские меры. Такой подход помог бы избежать противопоставления двух поколений партии.[7]

Интересно, что, несмотря на многочисленные оговорки и уточнения, вопрос о поколениях противниками оппозиции был воспринят буквально — как попытка расколоть партию через противопоставление старой гвардии и партийной молодежи. В такой трактовке идея Троцкого носила «фракционно-стратегическое значение», целью которого было укрепить свой собственный авторитет на фоне «перерождающейся старой гвардии».[8] На страницах «Правды» с похожей критикой выступила группа из девяти комсомольских активистов. Они делали упор на то, что вопрос о молодежи всегда возникает в ситуации борьбы между пролетарским и оппортунистическим крылом в рабочем движении.[9] По их мнению, Троцкий ставил знак равенства между старой гвардией, аппаратчиками и бюрократизмом — одновременно искусственно возвышая молодежь.

Ответ на эти обвинения не заставил себя ждать. 16 января 1924 г. в «Правде» появилась статья «К вопросу о двух поколениях». Она принадлежала авторству другой группы комсомольцев из числа тех, кто разделял идеи «Нового курса». В статье указывалось, что критики приписывали Троцкому те мысли о молодежи, которые он не высказывал. Троцкий, отмечалось в статье, больше критикует молодежь, чем льстит ей; возможность перерождения существует не только для старой гвардии, но и для «молодняка». Наконец, реализация «Нового курса», наоборот, только усилит влияние старых большевиков на молодое поколение.[10] Как бы иллюстрируя этот тезис, здесь же было напечатано стихотворение А. Безыменского, одного из подписантов этой статьи, под названием «Молодой». Рефреном стихотворения были следующие строки:

Слышишь ли партия?
Я — молодежь.
Старая гвардия
Опыт даешь![11]

Позднее эта статья войдет в брошюру «Новый курс», опубликованную в январе.

Критика статьи была представлена в том же номере «Правды». В более резких формулировках авторы пытались установить следующие факты: «Была ли попытка со стороны Троцкого 1) противопоставить партийную молодежь старой большевистской гвардии; 2) поставить вопрос об оппортунистическом перерождении старого кадра большевиков актуально-политически?»[12] По первому вопросу отмечалось, что противопоставление поколений стало частью оппозиционной платформы, выгодной тем, кто выступает против единства партии. Закономерным продолжением этой идеи якобы должна стать организация фракции, где ключевую роль играла бы партийная молодежь.[13] Что касается второго вопроса, с «актуально-политической точки зрения», никакой угрозы перерождения старой гвардии не существовало. Более того, именно старая гвардия, по мнению авторов, благодаря своему опыту наиболее способна противостоять оппортунизму, который, вопреки мнению Троцкого, исходит от тех, кто имеет лишь краткосрочный опыт революционной борьбы или вовсе получил его из книг.[14] Подобную мысль позднее формулировал и И. В. Сталин.[15]

Эта заочная полемика между комсомольцами 17 января была закреплена резолюцией пленума ЦК РКСМ о внутрипартийной дискуссии. В ней пленум выразил сожаление, что среди вузовской молодежи нашлись те, кто встал на путь оппозиции партийной линии. Одновременно пленум выступил против попыток противопоставления молодого поколения руководящему костяку партии.[16]

Основным фронтом атаки на Троцкого в 1923 г. стали его идеи о роли вузовцев и партийной молодежи вообще.[17] В письме в «Правду» от 8 декабря прозвучало известное высказывание о молодежи как о барометре партии, чувствительном к росту бюрократии. Закономерно задаться вопросом, кого именно наркомвоенмор имел в виду, пользуясь многозначным термином молодежь? Вполне обоснованно было бы предположить, что в соответствии с классовой политикой большевиков речь шла о рабочих. Однако Троцкий подчеркивает, что социальное происхождение коммуниста имело большее значение до революции, после которой ситуация заметно поменялась. В актуальных условиях знаковую

роль начинает играть учащаяся в вузах молодежь, которая «отражает все социальные прослойки, входящие в нашу партию, и впитывает в себя их настроения. По молодости и отзывчивости она склонна этим же настроениям придавать активную форму». Не отвергая в целом приоритетного значения фабрично-заводских работников, Троцкий отмечает, что именно студенчество представляет собой общественный срез советского государства, и поэтому ее настроения заслуживают особого внимания. Не говоря об этом прямо, именно вузовцам как будущим подготовленным кадрам Троцкий отводит главную роль в противодействии бюрократизации аппарата.[18] Примечательно, что в «Новом курсе» не акцентируется внимание на высшем образовании, и вместо слова «студенчество» Троцкий использует выражение «учащаяся молодежь». Использовать подобное камуфлирование приходилось вполне сознательно, так как студенты и вузовская среда в целом в начале 1920-х гг. не воспринимались как лояльные большевикам. Нельзя при этом утверждать, что учащаяся молодежь рассматривалась Троцким как самостоятельная социальная база оппозиции.[19] Вопрос о ней ставился в контексте разнородности общественного состава партии. Эта разнородность усугублялась поглощением со стороны аппарата большей части подготовленных членов партии, что могло привести к появлению «корпоративного и ведомственного духа отдельных составных частей партии».[20]

«Теория барометра» станет одной из главных мишеней оппонентов Троцкого, давшей повод для обвинений в классовой близорукости. Критики говорили, что, делая акцент на вузовскую молодежь, Троцкий совершенно игнорирует молодежь рабочую, в то время как именно она — настоящий барометр для ЦК.[21] Вузовская молодежь по своим классовым характеристикам состояла из двух социальных групп: рабоче-крестьянской и мещанской. Первая была оторвана от своей социальной среды и не могла должным образом представлять свой класс. Вторая же, на фоне бедственных материальных условий студенчества, «обволакивала вузовцев-пролетариев»[22] и распространяла недовольство, несовместимое с партийной идеологией.[23] Все это в дальнейшем сформировало представление о Троцком как о выразителе интересов мелкобуржуазной среды.[24] Другая трактовка идей наркомвоенмора выставляла «теорию барометра» средством, с по-

мощью которого Троцкий льстил молодежи, пытаясь таким образом настроить ее против старой гвардии.[25]

Изложение проблем молодежи в «Новом курсе» завершалось рассуждениями о партийной традиции. По Троцкому, суть партийной традиции состояла в «революционной тактической инициативе», в «самостоятельном, инициативном, критическом применении методов большевизма в новой обстановке». Идейная преемственность, таким образом, заключается в постоянной практике; в ситуации, «когда на основании опыта принимается отвечающее обстановке решение, которое и обогащает традицию».[26] Партийный опыт в этой логике имеет исторически разноплановый характер. Он важен, но сам по себе не может служить средством для решения текущих задач. Здесь отчасти находит свое разрешение проблема партийных поколений. Если дооктябрьское и октябрьское поколение имели уникальный опыт борьбы против царского режима и организации социалистической революции, то новые кадры будут лишены этого опыта априори.

Идеи Троцкого не всегда воспринимались как единое целое ввиду их многосоставности. Зачастую объектами его критики становились отдельные аспекты теории, понимавшиеся оппонентами Троцкого буквально: вопрос о поколениях, обращение к учащейся молодежи, вопрос о традиции и т. д. Это можно проинтерпретировать тем, что Троцкий обращался к молодежи «по случаю», без создания законченной концепции роли молодежи в партийном строительстве. Такая фрагментарность могла порождать непонимание того, что же в конечном итоге наркомвоенмор имеет в виду. Звучали такие оценки: «Много трудно толковать у Троцкого и много написано так, как будто специально для того, чтобы можно было толковать по-разному. Мы думаем, что не так должен был писать тов. Троцкий, если он хотел, чтобы все поняли до конца, что ему нужно, и чтобы его письма и статьи можно было толковать только по одному».[27] Также и для большинства ЦК и его сторонников вырванные из контекста идеи Троцкого стали удобным предлогом для того, чтобы сместить фокус дискуссии с проблемы демократии в партии.

Вскоре нападки на Троцкого в связи с вопросом о молодежи были инструментализированы и стали составной частью антикульта революционера. Вопрос о поколениях во внутрипар-

тийной дискуссии 1923—1924 гг. стал рассматриваться в контексте «борьбы за молодежь» между оппозицией и партией.[28] Предложенная большинством ЦК критика «Нового курса» помогла закрепиться легенде о Троцком как о «вожде молодежи».[29]

Для полноты картины партийной дискуссии обратим внимание на то, что проблемы молодежи и угрозы раскола ВКП(б) поднимал в тот период не только Троцкий. Зиновьев писал о большом количестве новых членов партии, не обладающих соответствующей подготовкой, крестьянском слое, аполитичных попутчиках. Такая ситуация, по его мнению, создавала в партии своеобразное разделение труда, где каждый занят исключительно своим делом. Среди этих кадров он различал аппаратчиков, администраторов, хозяйственников, ведомственных и военных работников, студентов. Каждый из них «специализируется на своем узком фронте и не видит вполне отчетливо всего остального...».[30] По Зиновьеву, между этими группами существует реальная опасность надлома, что может привести к расколу в партии. Единственным средством от распада выступают — «партийная дисциплина, решения съездов, которые сплачивают генеральный штаб партии»[31]. Опасения Зиновьева заключались в том, что фракционность может усилить существующие центробежные тенденции — отсюда необходимость партийной субординации относительно большинства ЦК. Занимала проблема молодежи и Н. И. Бухарина. На XIII съезде РКП(б) в рамках освещения молодежного вопроса он выделил две основные проблемы, которые могли привести к брожению в вузах: это «катастрофический» недостаток квалифицированных коммунистических кадров на командных постах и крайне тяжелое материальное положение учащихся[32]. Совокупность этих причин вела к брожению в студенческих коллективах. Разрешение материального вопроса, полагал Бухарин, предотвратило бы появление уклонов, кроме самого опасного — связанного с ростом среди студентов «формации молодых людей нэпмановской идеологии» (данное явление, по его словам, было особенно характерно для Ленинграда)[33]. Решение этих проблем предлагалось не только оппозицией, но и большинством ЦК.[34] В их случае речь шла об усилении влияния старой гвардии на молодежь напрямую, в том числе и аппаратными методами. Например, через подчинение ЦК РКСМ политическим директивам

ЦК РКП(б) при особом значении резолюций съездов: «Изучение решений съездов нельзя заменить никакими, даже самыми блестящими докладами, без изучения этих решений нельзя выработать из себя коммуниста-большевика <...>. Никакой книгой, даже самой лучшей, марксистской книгой, изучение решений съездов заменить нельзя».[35] Единство партии, по мнению большинства, должно быть обеспечено верховенством старой гвардии, ведь именно она обладает тем опытом, которого так не хватает молодежи.

Таким образом, в 1923—1924 гг. были сформулированы два подхода к проблеме молодежи. Для Троцкого решение заключалось в реализации принципов партийной демократии, которая должна была обеспечить продолжение политической традиции, сохранение старой гвардии в качестве «революционного фактора».[36] Условием созревания молодого поколения партии виделась его известная самостоятельность, выстроенная на фундаменте опыта старших поколений. Такому пониманию противостояла достаточно консервативная позиция большинства, реализация которой подменяла живую партийную мысль апелляцией к догмам и авторитетам.

Хотя «Новый курс», как и «Заявление 46-ти», вызвали волну критики, авторитет оппозиционеров в тот момент был настолько высок, что отмахнуться от их предложений не получилось: в конце 1923 г. в ячейках РКП(б) по всей стране началась дискуссия. Большинство партийцев высказалось в поддержку ЦК, но в вузовской среде оппозиционеры имели заметный успех. В Москве за программу Троцкого проголосовали 40 вузов из 72, в Киеве — 5 из 7, в Краснодаре голосование проходило в рамках общегородского собрания студентов-коммунистов, которое подавляющим большинством (187 голосами из 193) поддержало оппозицию.[37] Т. е. вольно или невольно обращение Троцкого к молодежи было ею услышано и поддержано. Однако в Петрограде идеи Троцкого не пользовались такой популярностью. Из 29 вузовских ячеек в пользу оппозиции проголосовало только 5: Медицинский и Лесной институты, Институт народного хозяйства, Государственный институт медицинских знаний и рабфак Петроградского университета. Известно, что лишь единицы голосов перевеса получили сторонники ЦК в Военно-инженерной академии.[38] Результат может показаться скромным, однако

именно вузовские ячейки оказались фактически единственными заметными коллективами, высказавшимися в пользу оппозиции. Помимо них, «троцкистское» большинство нам удалось обнаружить только в малочисленных коллективах Машинной школы и Артиллерийских складах Балтийского флота.[39] Оппозиция также победила на Лесопильной фабрике им. Халтурина, но вскоре ячейка объявила повторное заседание, на котором уже была принята резолюция в поддержку ЦК.[40] Такой нажим оправдывался стремлением Зиновьева не допустить победы оппозиции ни в одном из рабочих коллективов. Тот факт, что именно студенты выступили главными симпатизантами оппозиции, подтверждает и составленный Петроградским губкомом по итогам дискуссии список «проблемных» коллективов, состоявший исключительно из вузовских ячеек. Помимо перечисленных нами вузов, в него вошли Петроградский университет, Технологический и Сельскохозяйственный институты.[41]

В ряде случаев выявить действительное политическое настроение того или иного вуза не представляется возможным. Осознавая уязвимость студенчества перед оппозиционными идеями, губком допускал явные манипуляции при ведении дискуссии. Так, в Московско-Нарвском районе голосование по вопросу о «Новом курсе» в среде учащихся проходило не в рамках отдельных ячеек, а для всех вузов разом.[42] То же самое произошло в Петроградском районе. Официально это было мотивировано начавшимися каникулами, во время которых разъехалась значительная часть студентов.[43] Такое объяснение выглядит крайне неубедительным, учитывая, что в остальных районах собрание ячеек прошло в стандартном формате. Можно предположить, что «районный» формат голосования был связан с оппозиционными настроениями, распространившимися в отдельных учебных заведениях.

О высокой доле вузовцев в числе голосовавших за оппозицию говорят и обобщенные данные по дискуссии 1923 г., собранные губкомом.

Таблица 1

Распределение голосов в Петрограде в пользу оппозиции по коллективам[44]

Всего против письма Петроградской организации	Всего воздержалось	Коллективы							
		Рабочие		Советские		Вузы		Красная армия	
		За оппозицию	Воздержались	За оппозицию	Воздержались	За оппозицию	Воздержались	За оппозицию	Воздержались
1134	296	66	98	89	47	608	109	369	26

Данные Таблицы 1 демонстрируют, что половина всех голосовавших не за ЦК приходилась на вузовские коллективы (717 из 1430). Это соотношение потенциально может быть еще более внушительным, так как не вполне ясно, к какой категории в этой статистике отнесены военные академии и институты. Из-за отсутствия протоколов сложно в полной мере воссоздать ход дискуссии в военных учебных заведениях, однако существуют свидетельства, что только в этих вузах за оппозицию проголосовало больше, чем в заводских коллективах.[45]

Сама процедура ведения дискуссии в коллективах оставляла широкое поле для манипуляций при голосовании. Материалы протоколов партийных ячеек позволяют говорить, что, по существу, партийцам предоставлялась возможность проголосовать четырьмя разными способами: 1) в поддержку резолюции ЦК «О партстроительстве»; 2) в поддержку письма Петроградской организации (т. е. за резолюцию ЦК и с персональным осуждением Троцкого); 3) за программу Троцкого; 4) в пользу «Заявления 46-ти». Нетрудно заметить, что ни один из четырех вариантов не отрицал необходимости расширения партийной демократии, вокруг которой строилась значительная часть дискуссии. Суть разночтений в формулировке конечных резолюций (по итогам голосования) крылась в деталях, которые могли не иметь особого значения для рядовых большевиков, но были принципиальны для сталинской «тройки» и, очевидно, для Зиновьева лично. Глава Петросовета стремился не только отвергнуть платформу Троцкого, но и нанести удар по его партийному авторитету. Таким образом, обилие вариантов для голосования позволяло докладчикам

из губкома или райкома, ответственным за ведение дискуссии в рядовых коллективах, маневрировать. Так, если ячейка проявляла симпатии к оппозиционной платформе, то ее склоняли к простой поддержке резолюции ЦК. Если же тот или иной коллектив отличался негативным отношением к Троцкому или вовсе не проявлял выраженного интереса к прениям, то докладчик мог предложить голосовать уже за письмо Петроградской организации, которое предполагало еще и осуждение «фракционной» работы оппозиции. Так, большинство студентов, участвовавших в прениях общего собрания коллективов вузов Московско-Нарвского района, выступало в защиту демократии и возможности широкой дискуссии. Ответственность за разговоры о групповщине и фракционности возлагалась на ЦК, так как он не ставит рядовых большевиков в курс партийной жизни. Поэтому по итогу собрания была принята нейтральная резолюция, т. е. без поддержки письма и осуждения Троцкого.[46] Более того, учет голосов, поданных в пользу той или иной резолюции, был довольно слабым. За редким исключением все голоса, поданные не в пользу Троцкого, объединялись в одну категорию, поэтому верить обобщенным данным нужно с осторожностью, так как в точности не ясно, что именно они отражают.

Уязвимость официальных данных наглядно проявляется при определении численности Петроградских оппозиционеров в 1923—1924 гг. Всего в поддержку программы Троцкого или Сапронова—Преображенского в Петрограде проголосовало 1134 партийца (296 воздержалось от голосования против них). Важно иметь в виду, что количество голосов в пользу оппозиции нельзя приравнивать к общему числу оппозиционеров. Разумеется, большинство из них не были убежденными сторонниками Троцкого, так как дискуссия 1923 г. происходила в относительно демократических условиях, при сохранении возможности высказывать свое мнение, не опасаясь обструкции или репрессий. Поэтому подсчет реальных оппозиционеров в 1923—1924 гг. встречает ряд сложностей. В фонде Петроградской контрольной комиссии сохранился список, составленный по городским предприятиям, который включает в себя более 250 фамилий (без учета повторов).[47] Формально этот документ мог считаться отправной точкой для подсчетов, как это уже было сделано в некоторых публикациях.[48] Однако анализ протоколов партийных

ячеек показал, что этот список составлялся путем элементарного перечисления фамилий тех, кто явно или осторожно высказывался в пользу идей Троцкого или Сапронова. Такой принцип выявления оппозиции, применяемый контрольной комиссией, нельзя считать адекватным, так как он учитывает не только убежденных, или в терминологии самой комиссии «злостных» оппозиционеров, но и тех, кто просто участвовал в обсуждении текущих дел партии. Тем более что составлен список крайне небрежно. Так, в число оппозиционеров был внесен слушатель Военно-медицинской академии А. И. Ханов, предложивший осудить «поход оппозиционных групп против старейших ленинцев, составляющих ЦК нашей партии».[49] Очевидно, поводом для включения в список противников ЦК стал его призыв обсуждать не личность Троцкого, а его программу. При этом в списке не оказалось другого слушателя академии, выступавшего в защиту Т. В. Сапронова. Очевидно, эту вылазку пропустили из-за плохого качества печати протокола.

Таким образом, нам пришлось вырабатывать собственные критерии оппозиционности. Принципиальное значение для нас имеет не простое высказывание или голос в пользу «Нового курса» или «Заявления 46-ти», а, прежде всего, политический активизм. Руководствуясь таким подходом, к числу оппозиционеров этого периода мы отнесли: 1) партийцев, получивших взыскание за фракционную работу (иногда этот проступок формулировался как невыдержанность); 2) участников кружков, распространителей литературы и людей, активно искавших сторонников; 3) составителей оппозиционных резолюций; 4) тех голосовавших за курс Троцкого, кто пришел к активной политической борьбе в дальнейшем. Применяя эти критерии, можно говорить о не менее чем 55 оппозиционерах-активистах в вузах Петрограда на рубеже 1923—1924 гг. По сравнению с другими городами результат более чем скромный.

Определив сущность программы противников линии ЦК и их численность, обратимся к содержанию оппозиционной работы и ходу дискуссии в вузовских коллективах РКП(б). Справедливо будет начать с университетского рабфака, где находился основной центр оппозиционной работы в Петрограде. Главным ее вдохновителем являлся заведующий рабфаком Т. И. Харечко. Перевод на эту должность в 1922 г. был для него своего рода по-

четной ссылкой. Член партии с 1914 г., герой Гражданской войны на Донбассе, он занимал видные должности в компартии Украины. Еще в 1921 г. Харечко примкнул к группе демократического централизма (так называемая пролетарская оппозиция) и за резкие выступления против курса ЦК был переведен на низовую работу. Однако и на новом месте он не перестал отстаивать свои идеи, в 1923 г. оказавшись единственным петроградцем, подписавшим «Заявление 46-ти». Его деятельность по организации оппозиции на рабфаке подробно рассмотрена в монографии А. В. Резника, поэтому мы опишем ее в общих чертах, дополнив новыми свидетельствами. Харечко создал вокруг себя кружок студентов, который занимался оппозиционной агитацией, распространял запрещенную литературу (очевидно, поданные в ЦК письма Троцкого) и искал сторонников. При этом члены кружка пытались распространить свою работу и за пределы Петрограда — Харечко готовил сторонников на Украине и в Москве, рабфаковец В. В. Виктор вел агитацию в «конном корпусе» (вероятно, кавалерийская дивизия в Петергофе).[50] Примечательно, что некоторые студенты по своим взглядам и применяемым методам борьбы оказывались радикальнее самого Харечко. Так, рабфаковец Н. С. Степанов предлагал переиздать «Новый курс», но с собственными добавлениями для усиления эффекта; он же уверял товарищей, что имеет связи с КК, где якобы также есть оппозиционеры. Прикрываясь этими «связями», он пытался отстранить Харечко от руководства кружком. Последний сам решил выдать Степанова контрольным органам, намекая на то, что имеет дело с провокатором.[51] По результатам разбирательства в КК обоих исключили из партии за фракционную работу. Вскоре Харечко восстановили в ВКП(б), не в последнюю очередь благодаря заступничеству Г. Л. Пятакова, который выразил готовность собирать подписи в защиту своего товарища по революционной работе на Украине.[52]

К группе Харечко были привлечены и студенты-комсомольцы. Как отмечается в донесении, отправленном в Василеостровский райком, после публикации «Нового курса» ряд рабфаковцев из числа членов РКСМ установили связь с Харечко и с оппозиционерами университета (через студента Н. В. Вихорева).[53] После этого они начали «регулярно снабжаться письмами Троцкого». В результате к январю 1924 г. возникла сплоченная группа во главе со студентом Б. В. Александровым, занимавшаяся распростра-

нением нелегальной литературы, устройством кружковых собраний и т. д. Она же пыталась продвигать оппозиционные резолюции в ячейках РКП(б) и РКСМ рабфака и выдвигала свои списки кандидатов для обновления бюро. Однако эта работа не принесла успеха, хотя оппозиционная группа пользовалась популярностью и стала чем-то вроде «жалобного бюро», к которому стекались все студенты, недовольные работой партийного коллектива.[54] Многие выпускники кружка Харечко вошли в состав «троцкистско-децистского центра», небольшой оппозиционной группы, которая вплоть до образования блока с Зиновьевым в 1926 г. сохраняла внутренние связи, но не вела пропаганды. Помимо бывших рабфаковцев в начальный состав группы входили преподаватели Н. И. Карпов, А. Л. Бронштейн и др.

К нелегальному распространению литературы прибегали и в других вузах. Студенты Военно-политической академии им. Толмачева В. И. Горб, П. И. Шмуняк, М. В. Бушмелев самовольно отпечатали «Заявление 46-ти» и распространяли его среди слушателей академии.[55] Выговор за использование в дискуссии материалов, не подлежащих публикации, получила О. Е. Юргенс — супруга Н. И. Карпова, занимавшего должность председателя учебной и предметной комиссий Коммунистического университета им. Зиновьева (КУЗ).[56]

Высокое положение КУЗа в вузовской иерархии требовало приглашения статусного докладчика на собрание, посвященное дискуссии. Им стал П. А. Залуцкий, в тот момент — ответственный секретарь Петроградского губкома. В своей критике оппозиции Залуцкий зашел довольно далеко, заявив даже об ошибочности резолюции ЦК и ЦКК от 5 декабря 1923 г., которая в отдельных пунктах, по его мнению, носила излишне примирительный характер.[57] В целом оппозиция характеризовалась им как «идейно-безголовая». Оппонировал ему Н. И. Карпов, защищавший принципы партийной демократии и возможность высказываться без угрозы репрессий, полагая, что «те, которые искренне пытаются поговорить с партией, которые желают установить связь, ту связь, которая существовала раньше, они должны высказаться» без зажима и без клеветы в их адрес.[58] В целом Карпов пытался отвести спекуляции Залуцкого по поводу отрыва троцкизма от ленинизма. Содокладчик отмечал, что разногласия между двумя лидерами революции разрешились в 1917 г. Выступление Кар-

пова было встречено многими сочувственными откликами. Студент Г. Ф. Федотов призывал не смешивать всех несогласных в единую оппозицию, и если критиковать их, то выдержанно, а не как в сталинских статьях в «Правде».[59] Высказанные Н. И. Карповым опасения в отсутствии партийной демократии оправдались, так как его выступление в форме содоклада было осуждено ячейкой. Контрольная комиссия, однако, встала впоследствии на его сторону, отметив, что ничего предосудительного в его словах не было. Особая значимость Коммунистического университета, готовившего будущих советских управленцев, заставляла тщательно следить за политическими настроениями его студенчества, в том числе беспартийного. Так, было опрошено более 150 студентов, из них примерно треть относилась к идеям Троцкого благожелательно или нейтрально. Некоторые и вовсе не видели принципиальной разницы между ЦК и оппозицией.[60]

Отпор, полученный П. А. Залуцким в Коммунистическом университете, произвел на него впечатление и заставил выступить в «Петроградской правде» с критической статьей «Среди зиновьевцев». Очевидно, дополнительными поводом для особой публикации стали личные выпады Карпова против Зиновьева: ему припомнили его поведение в октябрьские дни 1917 г., а также указали на хозяйственные проблемы Северо-Западной области, хотя это даже не являлось темой полемики. Залуцкий оказался вынужден вступиться за своего патрона. Его статья содержала крайне нелестные отзывы об оппозиционерах, характеризуя их как начетчиков, карьеристов и выходцев из мелкобуржуазной среды, «которые затравили большинство пролетариев-студентов».[61] По существу, текст являлся откровенной казуистикой, переворачивающей с ног на голову само содержание дискуссии: те претензии, что оппозиционеры предъявляли партаппарату, ставились теперь перед самой оппозицией. Она обвинялась в недопустимых способах ведения дискуссии, зажиме чужого мнения и объявлялась результатом мелкобуржуазного перерождения. Но Залуцкий в своих выпадах пошел дальше Троцкого—Преображенского. Их сторонники (прежде всего из числа вузовцев) ставились в один ряд с представителями бывших партий (меньшевиков, бундовцев и т. д.), которые в настоящий момент затаились и ждут ослабления большевиков, чтобы дорваться до власти. Студенты Комвуза, писал Залуцкий, затыкали студентов-пролетариев, которые

общались с ним после прений и просили приходить чаще и защищать их от «травли». Разумеется, такое представление дискуссии было явным передергиванием, хотя бы потому, что и среди студентов-оппозиционеров многие были выходцами из рабочего класса. Так, бывшим рабочим К. И. Гарину и Г. И. Горохову Залуцкий отказывал в умении «понимать душу, стремление и желание рабочих масс <...> по-пролетарски познавать и объяснять объективную историческую обстановку классовой борьбы».[62] Эту же линию противопоставления студентов-интеллигентов и студентов-пролетариев проводили и другие видные сторонники Зиновьева.[63] Такой подход помогал формироваться крайне извращенному представлению о синонимичности классового чутья и линии партийного большинства.

Адресаты этих претензий написали ответное письмо, которое, однако, не было опубликовано в «Петроградской правде» и вышло лишь в университетском журнале «Зиновьевец». Его авторы сочли несправедливым выдвинутые в адрес выходцев из рабоче-крестьянской среды обвинения в мелкобуржуазности, так как многие из них имели опыт Гражданской войны. Залуцкому выдвигали встречные претензии в недооценке значимости дискуссии, использовании ее только для выявления «случайных» большевиков, т. е. несогласных с ЦК членов партии. Заявление Залуцкого, указывалось в письме, ведет к противопоставлению различных групп партии и подавлению рабочей демократии: «...ведь монолитность партийного мнения вырабатывается не путем казенного выслушивания докладов и механического поднятия рук, а путем действительно активного участия в разрешении вопросов всей партийной массой». Именно таким «казенным» путем планировалось провести дискуссию в университете. О том, что собрание студентов должно было стать лишь декорацией для принятия заранее одобренной резолюции, по мнению авторов, свидетельствовал тот факт, что заседание назначили на дату начала каникул.[64] Свою подпись под письмом поставили 35 студентов. Примечательно, что это был единственный материал оппозиционного характера, опубликованный в «Зиновьевце», но и он шел в соседстве с критическим разбором. Основной посыл этого разбора заключался в том, что оппозиционеры только рядятся выходцами из пролетариата. Для доказательства этого тезиса использовались материалы автобиографий и анкет, которые авторы

сопровождали нескрываемым ерничаньем и ехидными комментариями.[65] Сложно представить, что доступ к конфиденциальным документам и публичное препарирование биографий членов партии были бы возможны без участия университетского начальства.

Анализируя протоколы вузовских ячеек, можно с уверенностью сказать, что никакой дискуссии в строгом смысле этого слова не состоялось. Несмотря на заявляемое обсуждение вопросов внутрипартийного положения, доклады строились вокруг личностей оппозиционеров и, прежде всего, Троцкого. Его публикации назывались «гигантской ошибкой», «преступлением», выдвинутые предложения характеризовались как «не марксистско-ленинские», представляющие собой лишь «вывески и фразы». Сапронова и Преображенского также обвиняли в сколачивании фракции. Доклады в подобном духе, естественно, задавали не вполне здоровый тон всему обсуждению, так как а) ставили оппозиционеров в позицию оправдывающихся; б) все желающие проголосовать против резолюции ЦК фактически приравнивались к соучастникам «преступлений» Троцкого. Разумеется, в таких условиях вести речь о предметном разборе политических программ было затруднительно. Но даже при таком давлении студенчество могло оказать видимое сопротивление сторонникам ЦК. Так, дискуссии в Институте медицинских знаний и Военно-инженерной академии растянулись на два дня.[66] В Сельскохозяйственном институте заседание по вопросам партстроительства проходило с 6 вечера до полчетвертого утра.[67] Ячейка Хозяйственной академии РККА рапортовала о единогласной поддержке ЦК и о том, что за оппозиционную резолюцию (в защиту Сапронова) не проголосовал, «очевидно, смутившись», даже ее автор С. Е. Плисс. Однако вряд ли при таком единодушии дискуссия продолжалась бы восемь с половиной часов.[68] Имело место и прямое нарушение порядка заседаний — та, в Коммунистическом университете П. А. Залуцкий отказал в голосовании многочисленных поправок к резолюции.[69] В Военно-инженерной академии оппозиционеров заставляли не просто голосовать за ЦК, но и заявлять о покаянии.[70] В Военно-артиллерийской академии перед голосованием ораторы бросали угрозы: «Кто изменит старому ленинскому знамени?» Разумеется, после таких призывов многие несогласные боялись выражать свое мнение.[71]

Локальные успехи оппозиция имела как раз в тех коллективах, где не было давления посланников из райкома. Так, в Институте медицинских знаний, где победила оппозиция, докладчик (личный секретарь Зиновьева и известный этнограф Н. М. Маторин) не явился на второй день дискуссии. В Горном институте докладчика от районного комитета не дождались вовсе, поэтому представитель бюро ограничился читкой письма Петроградской организации и тезисов из «Нового курса». В результате оппозиционная резолюция уступила лишь несколько голосов (22 против 28).[72] В Лесном институте с докладом о внутрипартийной демократии выступала первая супруга и сподвижница Троцкого А. Л. Бронштейн, что также обеспечило победу оппозиции.[73] Очевидно, глава партколлектива Лесного института чувствовал свою ответственность перед губкомом за столь разочаровывающий результат, поэтому составил нечто вроде объяснительной. В ней вина за оппозиционную резолюцию возлагалась на докладчицу. Она-де сначала «с пеной у рта» произносила оправдательную речь в пользу Троцкого, а в заключении, растроганная до слез, едва смогла закончить выступление. Проголосовавшие в пользу оппозиции аттестовались как люди, не читающие газет и абсолютно не знакомые с положением вещей.[74]

Помимо репрессий и давления на партийные массы в ЦК принимали и превентивные меры для того, чтобы дискуссия шла в нужном для них русле. Так было предотвращено обсуждение вопросов о партстроительстве в комсомольских ячейках. После ряда собраний бюро ЦК РКСМ в декабре 1923 г. решило ограничиться только устройством разъяснительной компании по итогам дискуссии. Тот факт, что этот вопрос в ЦК комсомола поднимался трижды, говорит об отсутствии единства по этой проблеме в руководстве. Решение о запрете дискуссии было принято под давлением И. В. Сталина.[75] Дальнейшие события показали, что опасения генсека и его ближайшего круга относительно «неблагонадежности» комсомольцев имели под собой основания. Даже во время голосований по итогам уже завершившейся дискуссии в ряде городских комитетов РКСМ были приняты оппозиционные резолюции (например, в Челябинске, Тюмени, Пензе).[76] Отметим, что Петроград и здесь постарался возглавить борьбу за «чистоту» партийной идеологии. 29 декабря на собрании Петроградского комсомольского актива было сформулировано «Письмо ко все-

му коммунистическому активу РКСМ», которое стало основой для антиоппозиционных резолюций в других городах.[77] Настроения комсомольцев непосредственно в Петрограде оценивались таким нетривиальным способом: «Необходимо отметить, что к запискам, требующие решительно осадить, исключить Троцкого громадное большинство написано корявым рабочим почерком и исходят из рабочих ребят, между тем записки с вопросами, как, да почему и отчего с пронизирующим и подкусывающим тоном суть написаны четким почерком. Вывод ясен» (авторская орфография).[78]

Итоги дискуссии 1923 г. помогли укорениться представлению об оппозиции как о молодежном студенческом движении. В сводке о дискуссии в Петрограде, отправленной в ЦК ВКП(б), эта тенденция была описана в форме литературных аллегорий: «Ранее, чем более мы изучали марксизм, тем меньше говорили и больше делали. А теперь, наоборот, едва только вузовец усвоит азбучные истины марксизма, он готов строить воздушные замки, готов говорить и кричать больше всех. Чем это объясняется? Многими причинами и прежде всего оторванностью вузов от рабочих коллективов. Варятся они в собственном соку, как суп в кастрюле, и малейший избыток пара, малейший незначительный запас энергии и крышка супа [sic! — *Д. Б.*] начинает постукивать. А тут еще полубуржуазное, полусменовеховское окружение профессоров <...> рабочего в тысячу раз лучше посадить управлять народным хозяйством, чем однобокого, одноглазого вузовца, не чувствующего своего родства с производством».[79]

Литературная дискуссия осени—зимы 1924 г., спровоцированная публикацией «Уроков Октября» Троцкого, показала, что Зиновьев и его сторонники проделали большую работу по установлению единодушия в идеологической сфере. Осуждение новой работы Троцкого было практически единогласным даже в тех коллективах, где год назад его идеи получали большинство. Такую резолюцию приняли в ранее оппозиционном коллективе Института народного хозяйства: «И вузовская партийная молодежь, та самая молодежь, которая должна была быть по мысли тов. Троцкого главным козырем в его борьбе против ленинских кадров нашей партии — эта молодежь в ответ на троцкистские „уроки“ отвечает „Долой“ „уроки“, которые могут молодое поколение не научить, а только сбить с толку». В схожем духе вы-

сказывались и в Институте медицинских знаний: «Антибольшевистская политика тов. Троцкого внутри партии большевиков ни в коей мере недопустима».[80] Подобные резолюции принимались подавляющим большинством голосов. Всего в вузовских коллективах в ходе дискуссии по «Урокам Октября» только 13 партийцев выступило против осуждения Троцкого, 18 — в его защиту, и 22 воздержалось.[81] Только в Военно-медицинской академии прозвучали сколь-нибудь заметные выступления в пользу наркомвоенмора: часть слушателей отмечала, что «Уроки Октября» были с умыслом дискредитированы правящими верхами партии.[82] Примечательно, что уменьшилось и общее количество выступлений. Всего в ходе литературной дискуссии в Ленинграде Троцкому удалось получить лишь 118 голосов.[83]

Несмотря на подобную «зачистку», многие оппозиционеры продолжили свою борьбу и в дальнейшем. О характере этой борьбы свидетельствовал ректор Коммунистического университета С. К. Минин в письме И. В. Сталину, хорошо ему знакомому по обороне Царицына в годы Гражданской войны. Минин докладывал, что во время отдыха в Ессентуках в августе 1924 г. им была обнаружена «плотная группа» оппозиционеров, которые общались с отдыхающими, агитировали их, распространяя сочинения Троцкого. Среди наиболее заметных агитаторов был глава оппозиции ленинградской Военно-инженерной академии И. С. Бенц. Предполагалось, что к группе имел касательство и Сапронов.[84] Эта поездка могла быть не простой случайностью, так как влияние «троцкизма» в Кубанско-Черноморской области было достаточно сильным, идеи наркомвоенмора поддерживали 30-40 % местных партийцев.[85]

Уверенная победа над «троцкизмом» на бумаге, т. е. выраженная в количестве голосов, не была таковой в реальности. Согласно сводкам ОГПУ, популярность Троцкого во многих вузах сохранялась, в том числе среди беспартийных студентов.[86] Сторонники оппозиции осознавали бессмысленность выступления на партийных ячейках, понимали, что не будут услышаны. Поэтому официальные результаты дискуссий далеко не в полной мере отражали подлинное отношение к Троцкому, который для многих оставался знаковой фигурой, что подтверждал целый ряд инцидентов, случившихся уже в 1925 г. В январе представитель райкома делал в ячейке Электротехнического института доклад, посвященный

задачам партии в военном строительстве. Текст доклада помимо прочего содержал ряд выпадов в адрес Л. Д. Троцкого, снятого накануне с поста наркомвоенмора. Значительная часть присутствующих не приняла предложенное докладчиком толкование революционной биографии Троцкого. Студент П. С. Юшкин называл абсурдными обвинения Троцкого в том, что тот мог «потерять армию», так как он сам сражался на фронтах Гражданской войны. Эта речь была встречена аплодисментами.[87] Студент С. К. Антоневич отметил, что нельзя допускать таких безграмотных и «вульгарных» докладов, так как «услужливый дурак опаснее врага».[88] В это же время в ЛГПИ им. Герцена состоялся доклад о книге Троцкого «Литература и революция», который вызвал большой ажиотаж среди студентов. В ходе прений выяснилось, что многие слушатели разделяли позиции Троцкого, отмечали отсутствие творческих свобод и т. д.[89] В ЛГУ во время Ленинской недели (приуроченной к годовщине кончины Владимира Ильича) были поставлены две театральные инсценировки, подчеркивавшие революционный героизм Троцкого. Первая повествовала о его работе во главе Совета петербургских рабочих депутатов в 1905 г., вторая постановка представляла собой речь Троцкого над могилой Ленина.[90] Таким образом, популярность наркомвоенмора в студенчестве сохранялась, что обеспечивало почву для активного участия вузовцев в последующей работе оппозиции.

* * *

Итоговые цифры голосования по внутрипартийной дискуссии 1923—1924 гг. говорят о подавляющем преимуществе, которое получили сторонники ЦК: 21 167 голосов — за резолюцию 5 декабря, 1430 — за оппозицию или воздержались. Однако, как мы показали на примере вузовских ячеек, многочисленные манипуляции как при ведении дискуссии, так и при подсчете голосов, демонизация оппозиционеров не позволили выяснить реальное отношение петроградцев к идеям Троцкого или Сапронова—Преображенского. Во многом этому способствовало обтекаемое содержание резолюции 5 декабря, которая в ключевых пунктах была написана в согласии с оппозиционными идеями. Многие студенты — участники прений — вполне искренне отмечали, что не видят разницы между взглядами оппозиции и резолюцией

ЦК. Тем не менее нет оснований полагать, что даже при проведении дискуссии в максимально беспристрастной форме Троцкий смог бы получить большинство. Очевидно, партийный аппарат Петрограда находился под политическим и/или эмоциональным влиянием Зиновьева. В условиях, когда большая масса партийцев слабо следила за перипетиями внутриполитической борьбы, на первый план могли выходить личные симпатии к большевистским вождям, и в такой ситуации «питерец» Зиновьев оказывался ближе «москвича» Троцкого.

Справедливо будет сказать, что ход дискуссии по «Новому курсу» в Петрограде наглядно продемонстрировал справедливость его содержания. Партийная масса оказалась задавлена авторитетом заслуженных большевиков-зиновьевцев из губкома и райкомов, которые в силу политических амбиций отказались от честной дискуссии и не пошли на сокращение дистанции между партийной элитой и рядовыми коммунистами. Горькая историческая ирония заключается в том, что вскоре — во время борьбы с новой оппозицией 1925—1926 гг. — сами сторонники Зиновьева ощутят на себе, каково отстаивать свои идеи в условиях давления сверху, зажима демократии и намеренного извращения собственных взглядов более влиятельным оппонентом.

Долгое время исследование борьбы за внутрипартийную демократию 1923 г. строилось в историографии исключительно вокруг столкновения большевистских лидеров и обсуждения программ Троцкого и Сапронова—Преображенского. Нам представляется, что эта проблема должна быть поставлена значительно шире, так как в это же время активно действовали и другие (пусть и менее представительные) течения, предлагавшие собственное, независимое от столпов большевизма мнение на развитие советского государства. Остановимся на тех группах, что имели свое влияние на высшую школу Петрограда. Одна из них — «Рабочая правда». Ее создание пришлось на осень 1922 г., после начала нелегального издания одноименного журнала. Группа находилась под влиянием идей А. А. Богданова и, по оценкам критиков (не вполне объективным), являлась меньшевистской.[91] Сами участники группы признавались, что сторонились как социал-демократии, так и большевистской риторики. «Рабочая правда» выступала с критикой нэпа, говорила о пагубности слияния партии и государственного аппарата, недостаточной роли профсоюзов;

а в их листовках обнаруживались и вовсе немыслимые для большевиков вещи — рассуждения о предпосылках к созданию новой партии российского пролетариата.[92] Движимая идеей углубления революции «Рабочая правда» пыталась придать себе признаки политического движения: составила свой устав, вводила месячные отчисления, за членами закреплялись наблюдения за определенными регионами для изучения положения рабочих. В Москве удалось создать целую сеть кружков, куда для обсуждения спускались утвержденные руководящей группой тезисы; издавалась газета и листовки.[93] В 1923 г. была поставлена задача расширить свое влияние и на Петроград. Материалы группы посылались (или вбрасывались в почтовые ящики) на адреса крупных заводов и профсоюзных организаций. Агитировать старались среди рабфаковцев и рабочих.[94] Результатом стало формирование небольшой группы активистов из 5-6 человек и в их числе рабочий Балтийского завода и рабфаковец Горного института Ф. И. Рылов. В конце 1923 г. группа была разгромлена, а ее участники арестованы.[95] Из материалов контрольной комиссии мы можем составить представление о характере работы этой группы в Петрограде. Так, Рылов обвинялся в организации кружков «Рабочей правды» на петроградских заводах и в других городах, связях с меньшевиками, распространении нелегальных журналов, организации подпольной типографии.[96] В 1923 г. Рылов был вызван на опрос к Е. М. Ярославскому (тогда члену ЦКК), после разговора с которым он заявил об окончательном разрыве с «Рабочей правдой».[97]

Существуют фрагментарные свидетельства присутствия в Ленинграде и других мелких радикальных групп. «Рабочая правда», очевидно, имела тесные контакты с «Рабочей группой» — сторонниками Г. И. Мясникова. Они вели совместную работу по распространению литературы, присланной из-за рубежа, конкурировали за влияние над своими активистами.[98] Через студента медицинского института Н. Г. Румбешта из Берлина попадали в СССР сочинения зарубежных сторонников «Рабочей оппозиции». О пересылке материалов этой группы по маршруту Берлин—Петроград говорил и Зиновьев.[99] В докладе Дзержинского 1923 г. на этом материале делается вывод о существовании Коммунистической рабочей партии России, хотя, очевидно, в действительности речь шла лишь о разрозненных сторонниках, работа которых не

сказывалась серьезным образом на политической жизни вообще, и в том числе студенчества.[100]

Среди других групп неочевидными и малоизученными участниками внутрипартийной дискуссии был Э. С. Енчмен со своими учениками и единомышленниками. Неочевидными они являются потому, что в существующих публикациях Енчмен представляется только как автор крайне радикальной теории новой биологии, отменявшей гуманитарные науки как буржуазную «надстройку» и считавшей, что подлинному марксизму нужны только естественные дисциплины.[101] Как нам удалось установить по материалам фондов РГАСПИ, наследие енчменистов касалось и политических вопросов. Теоретические работы Енчмена имели крайне нетривиальную судьбу. Еще в 1905 г. в возрасте 14 лет он имел связи с Боевой организацией эсеров. Закончив в 1914 г. Петроградский психоневрологический институт, он подготовил свой труд о теории новой биологии и отправил его на рецензию академику И. П. Павлову. Однако в декабре этого же года Енчмен оказался на Закавказском фронте мировой войны, куда ему отправили рукопись его статьи, которая была утеряна по дороге.[102] В 1917 г. Енчмен вступил в большевистскую партию и вскоре стал устроителем Красной гвардии в Тифлисе, там же избирался председателем Совета солдатских депутатов. Будучи комиссаром на Южном фронте Гражданской войны, он сумел восстановить свой труд по сохранившимся планам и черновикам. В 1919 г. в Саратове появились в печати его «Восемнадцать тезисов о „теории новой биологии“», второе издание вышло в 1920 г. в Ростове-на-Дону;[103] однако, поскольку это было сделано без надлежащего разрешения партийных органов, почти весь тираж был уничтожен.[104] Тем не менее радикализм и бескомпромиссность идей Енчмена стали приобретать все большую популярность. Вероятно, свою роль сыграла и эксцентричная личность самого автора, придававшего своему эссе едва ли не мессианское значение и называвшего его «великим трудом» «потрясающей дедукции» и «новыми скрижалями грядущего»; о самом себе в книгах Енчмен писал в третьем лице.

Особенно восприимчивой к «новой биологии» оказалась вузовская среда. В списке наиболее активных енчменистов, составленном для Политбюро, значились В. И. Хотимский — проректор Коммунистического университета трудящихся Востока, а также

студенты Коммунистического университета им. Свердлова и Социалистической академии. Очевидно, что сфера влияния енчменистов не ограничивалась лишь столицей, так как новое издание его труда было подготовлено усилиями рабфаковцев Петроградского университета, которые по вечерам занимались набором его книги.[105] Вполне объяснимо, что ультрареволюционная риторика, обращенная к молодому поколению партии, находила отклик: «Возможно, что много лет спустя в „большом педагогическом словаре“ коммунистического человечества будет значиться: „Гомерический хохот — это особый, очень веселый хохот, которым сначала смеялись русские рабочие, а потом и рабочие всего мира, когда прозрев наконец от векового эксплуататорского философского обмана <...> они собирались вместе и начинали смеха ради с самым серьезным видом читать вслух книги, в которых излагались теории разных Де Роберти или же книги, написанные разными Дебориными <...>. Это происходило совсем незадолго перед тем, как передовые революционные рабочие <...> решительно двинулись на завоевание и уничтожение считавшихся до того «священными» таких специальных орудий эксплуататорского обмана, как кафедры по философии и психологии буржуазных или социалистических университетов и академий“».[106] В первом приближении публикации Енчмена можно посчитать лишь революционной фразой, однако его идеи перекликались с теми, что высказывали лидеры большевиков, говоря о необходимости пересмотра старого уклада высшего образования. Так, в 1922 г. Е. А. Преображенский писал: «...в результате такого господства резкого индивидуализма в области обществоведения целый ряд наук, в сущности, не заслуживает такого названия, являясь постоянным полем сражения между искателями приключений <...> между завистливыми конкурентами, у которых стремление к оригинальности стоит на первом плане, наука же как таковая — на втором».[107] В контексте такой риторики высказывания Енчмена уже не кажутся столь неординарными.

Рост популярности работ Енчмена вызывал серьезную обеспокоенность в Политбюро, так как полагалось, что они могли привести к «росту индивидуализма на почве характерного для молодежи нигилизма, разгильдяйства». Для борьбы со школой Енчмена были мобилизованы видные партийные теоретики. 7 мая 1923 г. Н. И. Бухарин и Г. Л. Пятаков получили освобождение от

всех работ на три дня, чтобы ознакомиться с материалами группы и подготовить к публикации ее критику. Впоследствии срок был продлен. Очевидно, столь большое внимание енчменистам было уделено в том числе и потому, что они начали показывать признаки политической группы, о чем свидетельствовал распространяемый весной 1923 г. в виде машинописи текст манифеста «Так ли мы понимаем», включавший в себя далеко не только теоретическое развитие марксизма.

Опираясь на поздние сочинения Ленина, авторы манифеста призывали к «воссозданию заново всего аппарата пролетарской диктатуры», который в настоящее время страдает от «крепостной» чиновничьей культуры.[108] Решение виделось в постепенной замене партийной гвардии. Предлагалось отказаться от чрезмерной фетишизации «стариков» РКП(б), так как «значительная часть этого слоя выходит в инвалиды и ближайшие два-три года вряд ли будет годна». Большевистские лидеры, утверждали енчменисты, являются преимущественно выходцами из интеллигентских слоев и были взрощены еще в буржуазном обществе, и потому они несут с собой его пороки: чинопочитание, преклонение перед авторитетами и др. Далее утверждалось, что группа старых большевиков «консервируется в переживаниях своей молодости, консервативно воспринимая всякие новшества».[109] Подлинным цементом партии (метафора Зиновьева) должна стать не старая гвардия, а молодое поколение большевиков, вступившее в партию в годы революции и Гражданской войны. На РКП(б) манифест возлагал задачу правильной подготовки этих молодых кадров, которые в партийных школах и вузах «буквально тупеют от средневековой схоластики школьной методологии, ударяясь в талмудизм, теоретизм и академизм».[110]

Точку в дискуссии о енчменизме поставила брошюра Н. И. Бухарина,[111] венчавшая целую серию разгромных статей в партийной печати. Ближайшие ученики Енчмена подали коллективное письмо с раскаянием и отказом от собственных взглядов.[112] Сам Енчмен из популярного идеолога студенческой молодежи превратился в рядового сотрудника академических институтов;[113] часть столичных енчменистов была переведена в Петроград для «выправления» в здоровой партийной организации, что воспринималось ими как ссылка.[114]

Нетрудно заметить, что многие положения манифеста Енчмена заметно перекликаются с основными положениями внутрипартийной дискуссии 1923 г., хотя и отличаются более радикальными формулировками. Характерно, что эти идеи были сформулированы более чем за полгода до появления программных сочинений Троцкого и «Заявления 46-ти», при этом сами енчменисты далеко отстояли как от децистов, так и от троцкистов. В этот же период развернулась агитация «Рабочей правды» и «Рабочей группы». Появлялись низовые инициативы вроде «Анонимной платформы» — этот документ, распространявшийся в среде партийцев, привлек внимание Политбюро в январе 1923 г. своими призывами к открытым дискуссиям и общим вызывающим стилем письма: «Фракционные и кружковые навыки руководителей партийной групп сильнейшим образом содействовали бюрократизации партии, милитаризацию партии и советского аппарата она использовала для сосредоточения в своих руках всех нитей и пружин этих аппаратов».[115] Такая политическая активность демонстрировала реально существовавший запрос на партийную демократию и свободу дискуссии, которая бы оставалась при этом в поле марксистских построений. Этот запрос формулировался не только лидерами большевиков, осознававшими настроения рабочих масс, но и молодыми партийцами, желавшими большего участия в жизни государства, строителями которого они себя считали.

Вокруг XIV съезда

Дискуссия о «Новом курсе» через пару лет сменилась противостоянием внутри партии вокруг XIV съезда РКП(б). С одной стороны, оно имело меньший масштаб, концентрируясь преимущественно в Ленинграде, с другой — отличалось более серьезным накалом, так как привело к многочисленным нарушениям партийного устава, актам саботажа, беспорядкам, моральному и физическому давлению на оппонентов. События в Ленинграде на рубеже 1925—1926 гг. Зиновьев назвал «эмбрионом гражданской войны».[116] Как и в случае с дискуссией 1923 г., столкновения до и после XIV съезда на уровне высших партийных органов в историографии изучены достаточно подробно. Но в то же время поразительно мало внимания уделено работе новой оппозиции

«на местах», т. е. в отдельных партийных ячейках. Между тем эта проблема представляется нам одной из ключевых, поскольку именно ее изучение позволит дать ответы на принципиальные вопросы: пользовалась ли оппозиционная программа ленинградской партийной организации действительной поддержкой масс? Как стал возможен столь стремительный разворот от поддержки зиновьевцев к их безоговорочному осуждению, произошедший буквально в течение пары недель? Постараемся ответить и на эти вопросы.

* * *

Разногласия между Москвой и Ленинградом проявлялись уже в октябре 1925 г. Тогда же была сформулирована оппозиционная Платформа 4-х (Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. Я. Сокольникова, Н. К. Крупской) и произошли первые столкновения со Сталиным и Бухариным на Пленуме ЦК.[117] Недовольство ленинградских большевиков начинало расти. В этом же месяце секретарь ЦК РКП(б) Н. А. Угланов получил докладную записку, характеризовавшую состояние парторганизации как оппозиционное. В массах обсуждалась угроза «термидора», которую пролетариат пока не может разглядеть. В партийных кругах также говорили о противостоянии мелкобуржуазной, чиновничьей Москвы и пролетарского Ленинграда, который в силу должного классового состава мог сыграть роль спасителя от термидорианского поворота. Но, сообщалось в записке, вместо большего доверия ленинградцам, их, наоборот, задвигали на второй план, а город превращали в провинцию.[118] Высказывалось возмущение прямой пропаганде против Зиновьева, которой занимались присланные столичные агитаторы. Характерно, что сами зиновьевцы опровергали свои расхождения с ЦК как слухи, раздуваемые троцкистами для решения своих фракционно-политических задач.[119]

Началом активной фазы конфликта можно считать параллельную работу Московской (5—13 декабря) и Ленинградской (1—10 декабря) партийных конференций, посвященных подготовке к грядущему XIV съезду. Работа конференций выявила ряд расхождений по принципиальным проблемам. Ленинградцы критиковали строительство социализма в одной стране, обосновывали необходимость наступления на кулака, отстаивали укрепление государственного капитализма как ключевого этапа перехода к

социализму и т. д. Основной упор в экономической программе делался на развитии кооперации (т. е. коллективных предприятий), что должно было помимо прочего подчеркнуть преемственность взглядов оппозиции с последними программными статьями Ленина, в частности «О кооперации» (1923 г.). Претензии ленинградцев на собственную программу и упреки в адрес политики ЦК заставили столичную организацию направить в их сторону ряд резких обращений, которые только обострили конфликт. Идейные разногласия вылились на страницы партийной печати: «Ленинградская правда» и «Красная газета» стали главными платформами для дискуссии, где вопреки звучавшим из столицы обвинениям публиковались и мнения москвичей.

На стороне оппозиции активным участием в развернувшейся в печати полемике отметились преподаватели факультета языка и материальной культуры (ямфак) Ленинградского университета. М. М. Цвибак опубликовал критическую статью в адрес некоего А. С.,[120] выступившего на страницах московской «Правды» против развития кооперации, в которой оппозиционеры видели инструмент ограничения расслоения в крестьянской среде. Обвинения в антиленинизме доцент ямфака отметал с явной долей сарказма: «На первый взгляд читателю кажется, что есть где-то в Ленинграде какие-то антиленинцы, настолько погрязшие в меньшевизме, что они не хотят признать социалистическую роль кооперации и баста. Но дело в том, что таких антиленинцев пока не встречалось (не исключена, правда, возможность, что таковых могут прислать из [московского. — *Д. Б.*] Института красной профессуры)».[121] Продолжился спор со сторонником позиции Московской организации открытым переходом на личности: «До сих пор считалось, что графомания есть болезнь преимущественно старческого возраста, ею страдали престарелые генералы, доживавшие последние старческие годы на пенсии, и прочие подобного рода люди. В наш век колоссального ускорения темпа всей нашей жизни болезни, прежде свойственные лишь одним старикам, начинают охватывать некоторую часть молодежи. Ничем другим, как графоманией — в самом подлинном смысле этого слова — мы не можем объяснить одну за другой появляющиеся в „Правде“ статьи А. С. Заносчивый и менторский тон „почтенного журналиста“, соединенный „с легкостью мысли необычайной“, заставляет вспомнить незабвенного [гоголевского] Ивана

Александровича и его друга Тряпичкина».[122] Не менее острыми были статьи другого университетского историка А. И. Анишева. Критикуя противников кооперации, бухаринцев Д. П. Марецкого и В. Н. Астрова, за непонимание идей В. И. Ленина, он вопрошал «не собираются ли они отнести Ильича в отдел литературы по истории социализма». А. И. Анишев отмечал, что его оппоненты игнорируют существующее расслоение в крестьянской массе, которое кооперация сможет регулировать, налаживая контакт между сельским хозяйством и промышленностью.[123]

В статье «Наша действительность и наши перспективы» доцент университета И. Л. Татаров приводит исторический экскурс дискуссий, в которых участвовала большевистская партия (с народниками, меньшевиками, левыми коммунистами), после которого приходит к выводу, что социализм, по Ленину, это действительный путь, но с «неизбежными зигзагами», и важно «не затеряться в изломах» настоящего момента. Эта историческая ретроспектива также сводится к проблемам текущей дискуссии и заканчивается размышлениями о государственном капитализме и кооперации как необходимом этапе социалистического строительства в условиях преимущественно мелкохозяйственного производства в деревне. «Рост кооперации почти тождественен росту социализма!» — заключает И. Л. Татаров.[124] Схожей тематике была посвящена статья его коллеги по факультету Сефа (С. Е. Фаермарка), утверждавшего, что «нельзя в наших условиях противопоставлять госкапитализм социализму <...> госкапитализм есть на три четверти социализм».[125]

Активно выступал в печати и один из наиболее ярых участников новой оппозиции ректор Коммунистического университета и проректор ЛГУ Сергей Константинович Минин. В своем обращении в журнале «Зиновьевец» ко второму выпуску возглавляемого им университета (декабрь 1925 г.) он делал недвусмысленные намеки на текущую дискуссию. Призывая сохранить союз пролетариев с крестьянским беднячеством против кулака и нэпмана, он отмечал: «...растет понемногу и новый капитализм. А капитализм умеет совершать не только воинственные и шумные интервенции, но и также и бесшумные „газовые атаки“, которые могут быть опаснее прямого открытого нападения».[126]

Любопытно, что историкам из числа сторонников Зиновьева в 1925 г. пришлось вести наступление сразу по двум фронтам, с од-

ной стороны, критикуя политику Сталина—Бухарина, с другой — нападая на Троцкого и его исторические и литературоведческие статьи. В духе работ Зиновьева «Ленинизм», «Большевизм или троцкизм?» историки обрушивались как на революционную биографию Троцкого, так и на его современные работы.[127] Например, Г. Е. Горбачев свой краткий очерк по истории партии завершает следующей репликой: «Попытка т. Троцкого произвести ревизию ленинского учения о движущих силах русской революции, об основах союза пролетариата и крестьянства, о взаимоотношении партии и масс, извратить историю коммунистической партии, якобы научившейся чему-то и усвоившей что-то от мелкобуржуазного троцкизма эпохи 1905—1917 гг., не удалась». Приложением к брошюре идет резолюция, принятая Пленумами ЦК РКП(б) и ЦКК 17 января 1925 г. и осуждающая выступления Троцкого.[128] Куда более противоречивым было отношение Г. Е. Горбачева к Троцкому как литературному критику. О его работе «Литература и революция» он писал, казалось бы, взаимоисключающие вещи. Горбачев заключал, что публикация Трокого «не пригодна ни как справочник и путеводитель, ни как учебник, ни как руководящая настольная книга для нашего студенчества» из-за своей «капризной композиции»;[129] в заключении же утверждалось обратное: книга может претендовать на произведение великого литературного критика, а отдельные главы труда Троцкого должны стать образцом марксистского анализа и войти во все хрестоматии.[130]

Знаменитый труд А. И. Анишева о Гражданской войне был завершен до начала полемики 1924 г., и потому роль Троцкого оценивалась в сдержанных тонах. Тем не менее в предисловии автор оговаривается: «Должен, наконец, отметить, что я писал свою работу до последнего выступления тов. Троцкого с „Уроками Октября“, в борьбе с которым не только были даны некоторые новые материалы, но и теоретически оформились и стали более выпуклыми некоторые из основных проблем революции».[131] Очевидно, эта оговорка свидетельствует о готовности автора к пересмотру положений собственного исследования. Борьба с Троцким коснулась и, казалось бы, такого нейтрального научного жанра, как сборник документов. «История РКП(б) в документах», составленная зиновьевцем И. Л. Татаровым, содержит целый раздел со статьями Троцкого, написанными в период Первой мировой войны, при этом за ним следует блок публикаций Зиновьева

за этот же период, посвященный критике взглядов Троцкого. Раздел «Борьба против Троцкизма» также представляет собой подборку текстов, направленных против лидера оппозиции.[132]

По результатам работы Ленинградской конференции была подготовлена декларация, отражавшая основные предложения, которые выдвинула оппозиция.[133] По городским ячейкам прокатилась компания безоговорочной поддержки решений конференции, в которой участвовали и все вузы Ленинграда. Свидетельств тому, что какой-либо коллектив городского вуза выступил против, мы не обнаружили. Только в Коммунистическом университете оппозиция встретила заметное сопротивление. Здесь доклад об итогах конференции сопровождался длительным обсуждением, в частности, ряд собравшихся выступил против нападок на кулака. На их реплики отвечал оторг (ответственный организатор, т. е. руководитель) бюро университета М. И. Рыбин, вспоминая об «антипартийной роли» бухаринского лозунга «Обогащайтесь»: «Давно ли этот т. Бухарин разучился формулировать? Нет, дело не в формулировке». Тем не менее итоги конференции были поддержаны 126 голосами против 71 (в остальных вузовских коллективах против высказывались лишь единицы).[134]

Ситуация единодушной поддержки кардинально изменилась с началом съезда (18—31 декабря 1925 г.). Дискуссия о проблемах социалистического строительства быстро стала перемежаться с обвинениями ленинградцев во фракционности, оппозиционности, нарушении партийной дисциплины и др. Противостояние на съезде было перенесено и в Ленинград. Оппозиционеры, как и сторонники ЦК, отправляли в северную столицу своих делегатов, которые должны были склонить крупные ячейки проголосовать за или против поведения ленинградской делегации. И. В. Сталин возложил эту миссию на Н. М. Шверника, Н. П. Комарова, С. С. Лобова и др. Однако поначалу их поездка не принесла результатов, в первые дни съезда резолюции в поддержку делегации были приняты в двухстах ячейках и в четырех из семи райкомах города.[135]

Итоги съезда, завершившегося за несколько часов до нового 1926 года, зафиксировали поражение оппозиции. Была забаллотирована не только программа ленинградцев, но и осуждено само поведение делегации (т. е. сам факт ее выступления). Претензии формулировались в обращении «Ко всем членам ленинградской

организации РКП(б)». На этом партийное большинство не было намерено останавливаться. Уже в первый день 1926 г. состоялся Пленум ЦК, на котором разгром оппозиции закреплялся юридически. Доклады по итогам съезда могли делать только его сторонники, содоклады от меньшинства не допускались, запрещались дискуссии и оправдание поведения ленинградской делегации; запрещались при этом также выпады против оппозиции.[136] Зиновьевцы трактовали последний пункт как запрет на любую дискуссию и потому на собрании Ленгубкома 4 января постановили прекратить любое обсуждение съезда вообще. Однако вскоре вышло специальное разъяснение от Политбюро, объявлявшее, что запрет на «выпады» не означает прекращение критики оппозиции.[137] Таким образом, Сталин и его команда фактически сломали Ленинградскую парторганизацию через колено, лишив легитимной возможности обороняться.

В конце декабря 1925—начале января 1926 г. крупные партийные коллективы Ленинграда превратились в настоящее поле битвы. На подкрепление первой делегации сторонников большинства была послана вторая, более представительная: В. М. Молотов, М. И. Калинин, М. П. Томский, К. Е. Ворошилов, С. М. Киров и др. По признанию Молотова главная цель делегации заключалась в снятии Зиновьева.[138] Одно из ключевых «сражений» произошло за редакцию «Ленинградской правды». 29 декабря распоряжением Сталина с поста главного редактора газеты был смещен зиновьевец С. М. Закс-Гладнев, а на его месте утвержден И. И. Скворцов-Степанов. Специально подготовленная группа произвела форменный захват помещения редакции. Уже 30 декабря это привело к резкой смене политического курса газеты, оппозиционные материалы перестали печатать, что привело к серьезным волнениям. Подробнее о них писал сам Скворцов-Степанов в телеграмме президиуму съезда: кабинеты «заполнены делегациями, в самой недопустимой форме, с угрозами требующими помещения резолюций. Если и завтра газета будет с московским уклоном, — заявляет делегат третьей табачной фабрики, — мы все придем, и вас завтра здесь не будет; мы сами будем издавать газету. <...> „Мы приведем больше тысячи рабочих и вышвырнем Вас отсюда“ <...> Аппарат редакции не только саботирует работу, но и разжигает настроения делегаций, призывая их к более решительным действиям. По адресу работающих товарищей броса-

ются не только оскорбительные замечания вроде „шпики“, „провокаторы“, но и прямые угрозы физического насилия. Особенно боевым настроением отличаются комсомольцы <...>. Обстановка для работы совершенно невероятная. Благодаря организованным выступлениям демонстрантов и старого аппарата редакции, можно ожидать завтра демонстрации».[139] В ближайшие недели последовала чистка редакции, увольнялись не только зиновьевцы, но и многие беспартийные сотрудники, новый состав редакции, отмечали современники, не имел никакой самостоятельности, а сама «Ленинградская правда» начала превращаться в блеклое провинциальное издание.[140]

Еще более ожесточенные схватки происходили в заводских коллективах. Ответственный секретарь ячейки «Красного треугольника» вспоминал: «...т. Калинин, спрыгнув вниз с эстрады <...> начал сам делить собрание на две части, чем он внес полную дезорганизацию в собрание. Со всех сторон начались крики „наше большинство“ <...>. В это время т. Молотов заявил, что он требует, чтобы я как председатель стал на стол и заявил, что большинство за резолюцию, предложенную т. Ворошиловым. На это я ответил, что это не верно, что таким способом нельзя определить большинство. Тогда т. Молотов крикнул мне: „Сволочь, саботажник, контрреволюционер, сотру в порошок, привлеку тебя к ЦКК, я тебя знаю“, — после чего т. Молотов сказал: „Мы уходим и поместим в печати нашу резолюцию“». На «Путиловце» зиновьевцев и вовсе постарались не пустить на собрания, и последним пришлось тараном разбивать дверь. С бранью и запугиванием московские делегаты вели дискуссию на Судостроительной верфи.[141]

В таких условиях пыталась заниматься агитацией и оппозиция из вузов. С. К. Минин стал одним из главных прозиновьевских пропагандистов. Во время выступления на фабрике «Скороход» он так описывал разногласия ленинградской делегации с ЦК: «...кто против нас выступает, бывшие троцкисты, полуменьшевики, кумушки, карьеристы, хозяйственники и какие-то вузовцы».[142] Последнее обвинение явно относилось к московскому Институту красной профессуры — одному из главных центров школы Н. И. Бухарина.[143] Примечательно, что С. К. Минин выступил против И. В. Сталина, несмотря на близкое знакомство с ним во время обороны Царицына, главного места службы Ми-

нина во время революции и Гражданской войны.[144] В 1918 г. они оба также входили в военный совет Северо-Кавказского военного округа.[145]

Разумеется, прежде всего делегаты съезда старались воздействовать на крупные заводские коллективы, однако особое внимание было уделено и Коммунистическому университету, как одному из оплотов новой оппозиции. Особый статус КУЗа был подчеркнут характером выпускной церемонии в конце 1925 г., на которой видные деятели ленинградской парторганизации и сам глава Ленсовета выступали с критическими речами в адрес Москвы.[146] Г. И. Григоров вспоминал о настроениях части студенчества: «...после Ленина только Зиновьев должен стать вождем. На вопрос: „А нельзя ли вообще обойтись без вождя?“ — ответили: „Ты наивен, не может быть диктатуры без вождя, а дело идет к диктатуре. Кому же быть вождем, если не председателю Коминтерна“».[147] Политическая поляризация КУЗа превратила обсуждение съезда в настоящий скандал. С началом съезда отдельные сторонники ЦК пытались созвать собрание коллектива с намерением обсудить текущий съезд и пересмотреть решение о поддержке Ленинградской делегации от 16 декабря, так как зиновьевцы якобы намеренно скрыли существующие разногласия с ЦК. Начальство университета (ректор С. К. Минин и оторг М. И. Рыбин) как активный оппозиционер, разумеется, отказывало в этом. Тогда на историческом отделении университета начала формироваться «инициативная группа», которая, по существу, стала параллельным бюро университета. Им на помощь из Москвы отправилась делегация студентов Коммунистического университета им. Свердлова. Семь десятков москвичей быстро включились в обработку ленинградских зиновьевцев.[148]

Работа делегации свердловцев подробно описана в работе И. Халфина. Мы со своей стороны дополним ее несколькими сведениями, демонстрирующими размах работы этой группы, отталкиваясь от секретного итогового доклада, составленного ею по возвращению в столицу. На делегацию фактически легла основная работа по координации антиоппозиционных инициативных групп, которые возникли при райкомах и на многих крупных предприятиях. Группы создавали склады съездовской литературы, откуда она распределялась по коллективам. При этом свердловцы отдавали себе отчет, что деятельность групп не вполне

законна: «...это были зародышевые нелегальные бюро коллектива, работающие на партию, против [легитимного. — *Д. Б.*] коллектива».[149] Связь с ячейкой устанавливалась через сочувствующих большинству ЦК, москвичи собирались у них на квартире, объясняли актуальное политическое положение. На такие собрания приглашались все заинтересованные, которых призывали к активной агитации за линию ЦК. Всего свердловцы охватили 75 партийных коллективов, из вузов — Институт народного хозяйства, Педагогический институт им. Герцена, Институт инженеров путей сообщения и Коммунистический университет.[150]

27 декабря в КУЗе состоялось собрание инициативной группы сторонников ЦК, которая от лица всего университета и за подписью более сотни студентов отправила приветственное письмо съезду с поддержкой его решений (среди которых к тому времени числилось и осуждение поведения ленинградской делегации). Незадолго до этого студенты провели небольшую демонстрацию в поддержку ЦК, а преподаватели устроили раздачу материалов съезда на центральных улицах. Последнее стало необходимым ввиду того, что зиновьевцы старались держать под собственным контролем распространение материалов о съезде, чтобы в своих органах печати представлять его ход в нужном для себя ключе. Тогда сторонники ЦК из Центрального района Ленинграда договорились с Печатным двором о выпуске сталинского доклада, и несколько сотен его копий было распространено в городе в конце декабря—начале января.[151] Отношения между политическими противниками в это время обострились фактически до предела: «Во время наших [свердловцев. — *Д. Б.*] бесед со студентами члены бюро ячейки начали устраивать скандалы, называя нас шептунами и обвиняя в распространении нелегальной литературы». Студенты составляли письма против оппозиции и собирали подписи, но их силой отнимали представители бюро.[152] Другим методом партийной борьбы в эти дни стала схватка за места на собраниях. Противники боролись за выгодные места, откуда можно было делать одобрительные выкрики или наоборот устраивать обструкции оппонентам, старались фильтровать присутствующих и распределять своих сторонников по всем ключевым собраниям.[153]

На 31 декабря без какой-либо санкции партийного бюро инициативная группа КУЗа назначила новое общее собрание,

настаивая на том, что 16 декабря зиновьевцы ввели коллектив в заблуждение, скрыв разногласия в партии. На эту претензию М. И. Рыбин справедливо отвечал: «Заявление этой группы о недостаточной информации считать бесстыдным искажением действительности, так как на собрании из выступивших большинство было противниками докладчика».[154] Бюро большинством голосов запретило пересмотр позиции университета по съезду. Тем не менее 31 декабря собрание коллектива состоялось, на него были приглашены также партийцы из Института политпросветработы им. Крупской (всего около 500 собравшихся). Заявление М. И. Рыбина о том, что собрание неправомерно и на нем ввиду каникул отсутствует кворум, было встречено обструкцией. Тогда С. К. Минин и М. И. Рыбин призвали своих сторонников покинуть собрание, отказывая ему в легитимности: Минин «с величием героя (великого подвига) делает жест, указывая в сторону уходящих, по-видимому, желая подчеркнуть, что с ним пошли все 100 %».[155] Однако сорвать заседание не получилось. Оставшиеся партийцы по очереди клеймили оппозиционеров и выражали слова поддержки съезду. Среди почетных гостей присутствовал представитель московского Института красной профессуры известный бухаринец Я. Э. Стэн, отметивший, что «нам не надо формально подчиняться, нам нужно, чтобы каждый член понял сам и разъяснил другим правильность решений съезда». Вслед за этим прозвучал призыв идти с агитацией в пользу ЦК на производства.[156] Большинством была принята резолюция в поддержку съезда (всех ушедших посчитали как воздержавшихся).

В январе 1926 г. по всем ячейкам Ленинграда стартовала широкая пропагандистская кампания в поддержку решений съезда и с осуждением зиновьевцев, принявшая форму своеобразной коллективной клятвы верности ЦК. Безуспешно противодействовать этому пытался созванный 5 января пленум Ленинградского губкома. Он принял резолюции против нападок на ленинградскую делегацию в печати, а также выразил возмущение тому, что в городе через сеть инициативных групп фактически была создана параллельная партийная организация, неподотчетная официальным властям.

9 января первое из собраний в поддержку съезда было проведено в Коммунистическом университете. Представители инициативной группы пытались оправдать свое поведение: они

утверждали, что вынуждены были действовать оперативно, так как в ходе съезда выяснилось, что ленинградская делегация не отражает действительного мнения городской парторганизации. На этом же заседании выступил С. К. Минин, который отметил, что на собрании 31 декабря за ним ушло не 39 человек, как говорит инициативная группа, а больше сотни: «По-видимому, вы не любите арифметики. Нужно изучать арифметику, а потом политику, потому что политика есть алгебра революции».[157] Итогом заседания стало подтверждение резолюции, принятой в последний день минувшего года. В эти же дни конфликт продолжился на собрании президиума кружков, где обсуждались новые кандидаты в бюро. Рыбин и Минин вновь попытались разогнать собрание. Последний снова был вынужден занимать оборонительную позицию: «...хотя вы и протрубили в миллион голосов в наших газетах, заклеймили меня позором, но позор ко мне не пристанет».[158]

Закрепить успех сталинского ЦК должно было новое совместное с Институтом им. Крупской собрание коллектива КУЗа. Специально для выступления был приглашен член Политбюро В. М. Молотов, посещавший многие «проблемные» коллективы. Его доклад о внутриполитическом положении встретил множество возражений. Оппозиционеры восклицали, что нужно не требовать раскаяния от несогласных, а пытаться переубедить их. Не обошли вниманием и практику инициативных групп, которые во многих ячейках проводили собрания в пользу большинства съезда без каких-либо разрешений со стороны действующих избранных бюро: «Я спрашиваю т. Молотова: отвечает ли [партийным нормам. — *Д. Б.*] та форма работы, которая ведется в настоящее время в Ленинградской организации в виде двух губкомов <...>. Второй вопрос: почему поправки к резолюции и заявления, внесенные меньшинством, объявляются на съезде ультиматумом Чемберлена». М. И. Рыбина возмутило распространение партийной литературы через органы ГПУ в обход партийных инстанций,[159] а также тот факт, что московская «Правда» отказалась печатать его протест против того, что собрание КУЗа в 236 членов (из общих 726) сочли за легитимное.[160] Ответы В. М. Молотова, к сожалению, в протоколе не отражены.

Острым характером дискуссии отличалась работа Ленинградского отделения коммунистического университета нацио-

нальных меньшинств Запада (ЛОКУМНЗ), несмотря на небольшой размер партийного коллектива. Поводом для конфликта стало продолжение разногласий, связанных с развитием Коммунистической партии Эстонии.[161]

До настоящего момента мы говорили только о партийных высших учебных заведениях — Коммунистическом университете, Институте политпросветработы им. Крупской, ЛОКУНМЗ. Очевидно, столь острый характер противостояния здесь объяснялся особым статусом, которым обладали эти связанные с партийной структурой учреждения. Но какой характер приняла дискуссия в вузах, не имеющих партийной ангажированности? В большинстве из них радикальный переход от поддержки оппозиционной делегации к поддержке ЦК произошел практически безболезненно. Очевидно, во многих институтах даже не состоялось специальных собраний по поводу съезда, а все разъяснения происходили в рамках общих заседаний с другими коллективами. Так, на общем собрании коллективов ВКП(б) Технического, Гражданского, Ветеринарного институтов, Политехникума путей сообщения и Латышского педагогического техникума из 802 делегатов только двое воздержались при голосовании в пользу большинства.[162] Столь же единодушно в осуждении оппозиции было общее собрание коллективов Политехнического, Лесного и Физико-технического институтов, отметившее, однако, что без разногласий партия существовать не может, но фракции — это вредный метод дискуссии.[163]

Состояние растерянности, в котором прибывали многие члены партии, лучше всего отражают протоколы коллектива Медицинского института. На январском собрании по итогам съезда было прямо сказано, что коллектив, одобривший ранее программу ленинградской делегации, находится в глупом положении. Большинство собравшихся попыталось переложить вину на партийное руководство института: «Мы виноваты, что доверяли нашим руководящим т[оварищам]. Мы не виноваты за то, что получилось на 14 съезде. Почему мы голосовали за линию Губпартконференции. Потому, что декларация была так составлена, чтобы ввести в заблуждение. Неправильная информация наших руководящих т[оварищей]». Глава бюро Е. М. Пружанская, усилиями которой принимались резолюции в поддержку делегации, быстро раскаялась и сама попросила снять себя с занимаемой должно-

сти. Коллектив ее просьбу не удовлетворил, но по указанию райкома перевыборы бюро все же произошли.[164]

Не везде линия ЦК принималась без борьбы. В целом ряде случаев в институтах формировались группы оппозиционеров (часто они занимали руководящие посты в бюро), которые пытались продолжить дискуссию, отстояв позицию ленинградской делегации. Одна из наиболее представительных оппозиционных групп находилась в Горном институте. На собрании бюро 4 января зиновьевцами Горного было высказано недоумение по поводу работы инициативной группы, действовавшей через голову начальства. В это же время представители группы парировали обвинениями бюро во фракционности и отмечали, что оно прикрывается решениями губернской конференции как фиговым листком. Им возражали, что неверно оценивать поведение инициативных групп как вынужденное, так как бюро вполне отражает позицию коллектива, а у групп — «семь пятниц на неделе». Сторонник большинства И. М. Абрамович, защищая инициативную группу, и вовсе договорился до крамольных для большевиков вещей: «Партдисциплина играет подчиненную роль, и нарушение ее в данном случае оправдывается».[165] Несмотря на сопротивление, общее собрание было созвано в тот же день. Оппозиционеры признали собрание незаконным и предложили всем разойтись. Этим призывам последовало 35 человек, а оставшиеся 86 начали заседание. Не остановил инициативную группу даже тот факт, что Василеостровский райком в эти же дни все еще поддерживал ленинградскую делегацию.[166]

Среди участников прений был делегат XXII Ленинградской губернской партийной конференции, глава партийного бюро Горного института Г. И. Козьмин. Его автобиография дает возможность подробнее узнать о том, как проходила агитация зиновьевцев в студенческой среде. Осенью 1925 г. он вел в институте кружок по подготовке к съезду. 6 ноября состоялось собрание партактива Василеостровского района, на которое Козьмин сумел мобилизовать 40-50 человек. «На активе присутствовали и выступали Зиновьев, Евдокимов, Лашевич, Бакаев, Сафаров, Наумов и др. <...> Я был целиком согласен с ними и уже понимал, что это определенная „моральная подготовка“». Относительно своей мотивации участия в оппозиции Козьмин писал: «...я уже был убежден, что социализм нельзя построить в одной стране, что

наши фабрики и заводы не социалистические, что кулака замазывают, что Зиновьева обижают и т. д.». В дальнейшем он активно участвовал в работе конференции, руководил кружком на заводе «Красный гвоздильщик», подбирал необходимые кадры. После начала съезда препятствовал попыткам инициативной группы созвать новое собрание, которое бы пересмотрело решение о поддержке делегации. Тем не менее собрание состоялось, тогда по указанию секретаря райкома именно Козьмин объявил его незаконным и призвал «всех честных партийцев» его покинуть.[167] Всего, по показаниям студента М. Д. Сенькина, в кружок «пропагандистов» Горного входило около 10 человек.[168]

Не менее напряженной оказалась дискуссия и в Институте народного хозяйства им. Энгельса. В январе также с подачи инициативной группы было предложено организовать собрание. Заседание бюро 4 января большинством голосов отклонило это предложение, что не помешало открыть «общее собрание» в тот же день. Оппозиционеры пытались предотвратить дискуссию, ссылаясь на то, что от Центрального райкома поступило указание разбирать итоги съезда только после каникул и в плановом порядке. При этом подчеркивалось, что всякое неподчинение будет расценено как фракционная работа. Собрание тем не менее начало работу по обсуждению съезда. После доклада произошло эмоциональное выступление представителя райкома Е. Д. Дроновой. Она заклеймила докладчика «посыльным Московской организации», выступила против отправки приветствия ЦК, так как съезд окончен и оно ни к чему, после чего демонстративно покинула собрание.[169] Столь же принципиальную позицию проявил и организатор агитационно-пропагандистской работы института А. В. Егоров, отказавшийся принимать итоги XIV съезда.[170] Он, как и все остальные зиновьевцы, впоследствии был открепленен от партийного коллектива института.

Решения XIV съезда не были сразу приняты и коллективом Электротехнического института. В начале января 1926 г. на заседании бюро и партийного актива выступал член ленинградской делегации съезда А. А. Цатуров. Он отмечал, что разногласия между столичными организациями возникли еще в начале декабря. При этом московская «Правда» активно нападала на Ленинград, обвиняя его в паникерстве, аксельродовщине и т. д. Это и вынудило XX губпартсъезд принять оппозиционную декларацию.

На самом съезде И. В. Сталин озвучил предложения, которые ранее не дискутировались в регионах, поэтому Г. Е. Зиновьев и выступил после генсека с содокладом по политическому положению (за что впоследствии обвинялся в нарушении дисциплины). Никаких внятных ответов на предложения ленинградцев, отмечает А. А. Цатуров, не поступило, вместо них звучала критика старых политических ошибок оппозиционеров, в том числе осуждение позиции Зиновьева по крестьянскому вопросу в 1903 г.[171] Среди тех, кто пытался заступиться за ленинградскую делегацию, был студент М. А. Павловский и М. Я. Натансон.[172] Однако, несмотря на определенный отпор, антиоппозиционная резолюция была поддержана 76 голосами при 7 против и двух воздержавшихся.

Госуниверситету также пришлось совершить экстренный поворот в сторону ЦК. Хотя еще во время работы съезда в «Ленинградской правде» было опубликовано следующее: «Собрание коллектива РКП(б) Ленинградского госуниверситета, одобряя решения конференции и отвергая обвинения ленинградской организации в делении ее на верхи и низы, со своей стороны, заявляет, что вместе со всей ленинградской организацией наш коллектив отдаст все свои силы на проведение твердой ленинский линии штаба нашей партии — Ленинского ЦК».[173] Буквально через две недели от былого единства в поддержке сторонников Зиновьева не осталось и следа. Только М. М. Цвибак и К. В. Нотман выступили активными сторонниками новой оппозиции. Резолюцию последнего о признании поведения Ленинградской организации отражающим мнение местной организации отклонили.[174]

Нельзя не отметить, что вплоть до активизации блока Троцкого—Зиновьева в конце 1926 г. отношение к итогам XIV съезда было своеобразным маркером партийной лояльности. Так, в июне 1926 г. в бюро коллектива ЛГПИ им. Герцена поступило донесение, что лекция З. И. Лилиной по истории ВКП(б) при обсуждении темы строительства социализма в отдельно взятой стране превратилась в дискуссию об итогах съезда.[175] Вероятно, особое пристрастие доносителей к обвиняемой объяснялось еще и тем, что она являлась бывшей супругой Г. Е. Зиновьева.

К концу января ленинградская оппозиция оказалась разгромленной. Подводя итоги агитационной поездки представителей ЦК в Ленинград, В. М. Молотов отмечал, что всего по городу

70 389 (96 %) членов партии проголосовали за ЦК, 2244 — за оппозицию и 334 воздержались.[176] Эти цифры, вошедшие впоследствии во все официальные издания по истории партии, были раскритикованы оппозиционером Г. Е. Евдокимовым в докладе, адресованном Пленуму ЦК 31 марта 1926 г. Он отмечал, что на одном только заводе «Красный Гвоздильщик» от голосования воздержалось около 300 человек.[177] Известно также о явной фальсификации голосования на крупнейшем предприятии «Красный треугольник», который последним в городе пал под давлением московских делегатов из ЦК. Подавление оппозиции на предприятиях — перспективная тема, однако рассматриваемый нами пример высшей школы демонстрирует фактически безоговорочную поддержку ЦК. Даже если принять во внимание, что многие зиновьевцы принципиально отказались от голосования, стремясь поставить под сомнение легитимность собраний, созванных без санкции бюро, удельный вес их голосов вряд ли бы оказался решающим.

Несмотря на очевидную тенденциозность приводимых В. М. Молотовым цифр, одно из его наблюдений нельзя не признать точным — бóльшая часть сторонников оппозиции являлась представителями партактива. Поэтому уже в январе стартовала масштабная компания перевыборов партийного руководства (ответственных организаторов и членов бюро). При этом выборы происходили в принудительном порядке, т. е. даже там, где коллектив был удовлетворен работой бюро и его главы. В большинстве случаев новый состав бюро формировался из представителей инициативных групп, участвовавших в подавлении зиновьевской фронды. Подобные повышения оговаривались заранее. Преподаватель Военно-политической академии Г. И. Григоров вспоминал, что Н. М. Шверник в январе 1926 г. предлагал ему поучаствовать в грядущей массовой смене городского партийного руководства. В случае если бы Григоров согласился стать секретарем парткома Путиловского завода, Н. М. Шверник обещал впоследствии продвинуть его в ЦК или ЦКК.[178] Так что, надо полагать, значительная часть борцов с фракционностью действовала отнюдь не из-за острых идейных расхождений с оппозицией. Несмотря на то что отдельные инициативные группы могли возникнуть спонтанно, их деятельность открыто поддерживалась и направлялась представителями ЦК.

Для наиболее активных оппозиционеров исключением из состава бюро дело не ограничивалось — их увольняли или переводили работать на периферию. Среди вузов чаще всего эта практика применялась в ЛГУ. В течение 1926 г. из университета выбыли И. Л. Татаров, С. К. Минин (также он был уволен с поста ректора Коммунистического университета), А. И. Анишев и М. М. Цвибак были переведены на работу в Ташкент, Н. М. Маторин — на низовую работу в Псковскую губернию, где некоторое время сохранял переписку с Зиновьевым, отправляя ему свои экономические очерки.[179]

Пример высшей школы убедительно демонстрирует, что к моменту начала съезда зиновьевцам удалось мобилизовать собственных сторонников и заручиться фактически единогласной поддержкой городских ячеек. Уже в ходе съезда и сталинская, и зиновьевская группировки пытались манипулировать партийной массой, склоняя ее на свою сторону. Но если оппозиция ограничилась легальными методами (продвижением соответствующих кадров, ограничением критических выпадов против ленинградской делегации в печати), то сторонники линии Сталина—Бухарина действовали с открытым пренебрежением к какому-либо законному порядку, сформировав фактически параллельную партийную структуру, действовавшую от имени инициативных групп, которые саботировали распоряжения вышестоящих органов.

Очевидно, что подобная тактика ЦК не имела бы такого успеха без молчаливого согласия большей части партийных масс. Почему же оказалась возможной столь стремительная перемена политического настроения? Во время обсуждений в бюро и на общих собраниях коллективов вузов звучало мнение, что партактив скрыл имевшиеся разногласия в РКП(б) и об оппозиционности ленинградской делегации многие узнали только в ходе работы съезда. Подобная позиция не выглядит убедительной, так как весь декабрь главные партийные газеты Ленинграда в изобилии публиковали не только сторонников Зиновьева, но и их противников из Москвы. Скрыть разногласия при таком широком освещении конфликта было невозможно. На наш взгляд, скорое отречение от оппозиции предопределили две взаимосвязанные причины. Во-первых, очевидно, что большинству партийцев имевшиеся разногласия поначалу не казались принципиальны-

ми. Обтекаемые или, наоборот, излишне наукообразные формулировки докладов и статей не позволили выявить радикальные расхождения во взглядах сталинцев-бухаринцев и зиновьевцев, поэтому ход съезда, принявший характер распри, стал для многих членов партии неожиданным. Наиболее ярко подобное замешательство было выражено на заседании коллектива Медицинского института: «...много было пущено туману, и в то время уловить что-либо конкретное было трудно».[180] В этих условиях откровенно абсурдное приравнивание сторонниками Сталина любой дискуссии к ведению раскольнической работы против ЦК оказывало пугающее воздействие и принуждало ленинградцев к скорейшему исправлению «ошибок». Во-вторых, большинство партийцев не выказывало видимого интереса к масштабным проблемам развития социалистического государства и было склонно делегировать решение вопросов внутренней и внешней политики вышестоящим партийным органам, обладавшим с их точки зрения большей компетентностью. Об отсутствии у партийных масс выраженного интереса к активной политической работе писали и критики оппозиции: «Имеются также отдельные экземпляры, заслуживающие название „болото“ — это колеблющиеся, все время не имеющие равновесия, вплоть до приезда цекистов. <...> они показали полное отсутствие партийной твердости и силы воли. Дряблость, нерешительность и вытекающие отсюда проблемы, ни в коей мере не свойственные нашей партии. Как ни больно, но приходится констатировать этот факт».[181]

Как следствие такой атмосферы в ячейках, все доклады о текущей политике или о решениях пленумов и съездов одобрялись и принимались без каких-либо дискуссий или дополнений, направленных в пользу или против генеральной линии. Так произошло и в вузовской среде в декабре 1925—январе 1926 г. Единственным заметным исключением стал коллектив Лесного института, где по инициативе самих партийцев в первой половине 1926 г. состоялась серия научных докладов, обосновывающая правильность решений XIV съезда в отношении перспектив экономической политики.[182]

В целом высшая школа сыграла заметную роль в событиях, произошедших вокруг XIV съезда. Однако важно отметить, что сами вузы (за исключением Коммунистического университета) не являлись главным полем битвы между сторонниками и

противниками сталинско-бухаринского курса, так как основная борьба шла за крупные фабричные ячейки, солидарность которых обеспечивала необходимую классовую поддержку. Однако на преподавателей и студентов были возложены организационные и пропагандистские функции. На страницах печати вслед за крупными партийными деятелями (Г. Е. Зиновьевым, Г. И. Сафаровым, Саркисом (С. А. Саркисовым), Г. Е. Евдокимовым и др.) наибольшую активность в обосновании взглядов оппозиции проявляли преподаватели ЛГУ и Коммунистического университета, в это же время студенты возглавляли агитационную работу в просветительских кружках. Однако активность преподавателей и студентов вне институтов и университетов никак не отражалась на конформистском поведении вузовских ячеек. Среди всех вузов Ленинграда борьба новой оппозиции смогла спровоцировать дискуссию только в коллективах Коммунистического университета, Института народного хозяйства, Горного и Электротехнического институтов. Мелкие вузовские коллективы, где количество членов измерялось не сотнями, а десятками, и вовсе почти не затрагивали проблемы актуальной политики.

Каковы были итоги 1925 г. для партийной жизни Ленинграда? Разгром новой оппозиции, смена редакции «Ленинградской правды» и «Красной газеты» уничтожили последнее легальное поле для партийной дискуссии. На новом этапе борьбы левой оппозиции блок Троцкого—Зиновьева действовал уже в подпольной или полулегальной сфере: печатать пропагандистские материалы приходилось самостоятельно, а проводить собрания сторонников отдельно от партийных ячеек. Тотальная чистка «зиновьевских» кадров в парторганизациях и их замена на партийцев, лояльных сталинской линии, во многом предопределила неблагоприятные условия борьбы для объединенной оппозиции 1926—1927 гг. Характерно, что организаторы инициативных групп фактически не были наказаны. Например, члены группы Коммунистического университета в январе 1926 г. получили порицание от Контрольной комиссии, которое было снято уже в марте при обновленном составе контрольно-партийных органов.[183]

О более глубоких ударах, нанесенных Ленинграду разгромом парторганизации, писал Г. И. Сафаров в обращении в Политбюро. Он отмечал, что 7 тысяч[184] ленинградцев были переведены на работу в другие города. Пришлось завозить руководителей извне,

делая вид, будто не хватает ленинградских кадров. Не было ни одного коллектива, по которому бы не прошлась «стихия оргвыводов», что означало снятие с партдолжностей. По мнению Сафарова, начала меняться и партийная культура; большинство ЦК полагало, что «мы должны внедрить в сознание членов партии необходимость доносов, так чтобы „сознательный“ член партии мог сказать: да, я — доносчик, и тем горжусь. Внутрипартийная демократия, корректируемая добровольным доносительством, приобретает, таким образом, чрезвычайно субтильный и условный характер».[185] О более конкретных последствиях разгрома парторганизации Ленинграда писал Г. Е. Евдокимов в записке в пленум ЦК ВКП(б). По его подсчетам ленинградская организация подверглась тотальной чистке: были сняты руководители губкома и райкомов, крупных заводов, партийных газет, члены РВС Балтфлота. Только в Московско-Нарвском районе было снято 90 % всех организаторов ячеек, а составы бюро обновлены на 65 %. Большинство снятых было переведено из Ленинграда.[186] Многие уволенные с работы встречали препятствия в поиске новой.

Обращение к биографиям сторонников Зиновьева в высшей школе явно свидетельствует о неоднородности оппозиции, фактически представленной двумя группами. Первые — это формальные оппозиционеры, которые проводили линию поддержки ленинградской делегации по указанию вышестоящих органов, отказавшись после января 1926 г. от участия во внутрипартийной борьбе. Однако и этот короткий эпизод биографии становился достаточным основанием для попадания под волну репрессий 1930-х гг., хотя известен и целый ряд исключений.[187] Ко второй группе относятся убежденные противники сталинского курса, воспринявшие программу ленинградской организации как реальную ему альтернативу. В своем большинстве они продолжили политическую борьбу, войдя в блок, организованный Л. Д. Троцким и Г. Е. Зиновьевым летом 1926 г.

* * *

Подведем итог «дискуссионному» периоду истории левой оппозиции. Методы ведения партийной дискуссии, многочисленные нарушения, открытое пренебрежение мнением рядовых членов партии вполне предсказуемо сформировали условия для

появления прослойки большевиков, неудовлетворенных как партийной политикой вообще, так и работой ячеек в частности. Не имея возможности быть услышанными, многие из тех, кто раньше ограничивался голосованием в пользу оппозиции, становились участниками зарождавшегося движения. Приобщение к оппозиции давало возможность оказаться в кругу единомышленников и одновременно открывало перспективы участия в реальной общественно-политической работе, независимой от воли руководителей партийного коллектива.

Роль студентов и преподавателей Петрограда—Ленинграда в дискуссиях была заметной, а в 1923 г. даже ключевой. Вузы оказались крайне восприимчивы к оппозиционной повестке. В период между двумя съездами сформировались и первые заметные оппозиционные группы в вузах, которые не ограничивали себя работой в партячейках и занимались агитацией за пределами университетов и институтов. В 1923—1924 гг. такой коллектив был создан на рабфаке госуниверситета, в 1925—1926 гг. — в Горном и Электротехническом институтах, ЛГУ и др. В это же время из числа вузовцев выделились многие будущие лидеры оппозиции в высшей школе. Среди них преподаватели ЛГУ Г. Е. Горбачев, К. В. Нотман, многочисленные студенты Горного института В. Ф. Лысов, З. М. Бравый, Е. А. Гречанская, Г. И. Козьмин, П. В. Сачко и др., студент Политехнического института С. Г. Боголепов, преподаватели и студенты Электротехнического института Г. П. Бальян, Б. С. Лейбель, М. Я. Натансон и др.[188]

Зиновьевцы оказались гораздо более подготовленными к переходу от «дискуссионных» к «организационным» методам борьбы. Дело не только в их численном преимуществе по отношению к сторонникам Троцкого. В период подготовки к съезду и последовавшей борьбы с инициативными группами установилась достаточно тесная связь между ближайшим окружением Зиновьева (Бакаевым, Евдокимовым, Сафаровым и др.) и наиболее активными членами городских партийных ячеек, готовых к продолжению борьбы за программу ленинградской оппозиции. Эти связи, укрепившиеся на рубеже 1925—1926 гг., и составили основной «каркас» оппозиционного движения в Ленинграде периода блока Троцкого—Зиновьева.

Глава 3

ОППОЗИЦИОННЫЙ БЛОК. 1926—1927 гг.

Формирование блока

Короткий период существования оппозиции между разъяснительной кампанией по результатам XIV съезда и формированием объединенной оппозиции практически не затронут в историографии. Это представляется нам заметным упущением, поскольку не вполне ясно, как пережили разгром ленинградской оппозиции сторонники Зиновьева. Были ли они готовы продолжать борьбу, или к этому их подтолкнул только союз с Троцким? Каково было отношение к самому Троцкому, который еще недавно в речах и статьях Зиновьева и сотоварищей выставлялся главным возмутителем партийного порядка. Для нашего исследования этот период принципиально важен, так как именно в эти месяцы сформировалась структура оппозиционного движения.

После январских «боев» 1926 г. наиболее убежденные зиновьевцы решили затаиться и выработать новую линию поведения. То, с каким цинизмом была отвергнута программа крупнейшей партийной организации в стране, закономерно вызывало чувство несправедливости. В январе—апреле актив новой оппозиции встречался на частных собраниях, обсуждая перспективы дальнейшей борьбы. Одна из главных организаторов этих собраний была профсоюзная работница Т. П. Вольпе. Приглашались на собрания и высланные из Ленинграда видные зиновьевцы — Сафаров, Саркис и др. Сами встречи, как это часто бывало до революции, в целях конспирации маскировались под танцы и вечеринки. Первой серьезной трудностью, с которой оппозиционеры столкнулись после января, стал массовый перевод зиновьевцев на работу в провинцию, поэтому «переселенцам» давалась установ-

ка не идти на хозяйственную работу, устраиваться «хоть селькором», но только ближе к Ленинграду.

Основная цель движения, выработанная в ходе обмена мнениями, состояла в подготовке к новому съезду, скрытой пропаганде и поиске сторонников.[1] Следовало, по выражению Зиновьева, организовать «XIV ½» съезд, то есть продолжить дискуссию, но в других формах.[2] Особый упор делался на сохранение связей с оппозиционерами на фабриках и заводах.[3] В числе промежуточных задач — путем голосования смещать из райкомов адептов генеральной линии. Предлагалось также саботировать кампанию по разъяснению итогов XIV съезда, отказываться от соответствующих докладов; давали установку «проваливать работу сторонников большинства, высмеивать их, критиковать исподтишка», поднимать вопрос о растущей эксплуатации населения, скором экономическом кризисе из-за губительной политики большинства ЦК.[4] Агитацию предлагалось маскировать — т. е. предлагать лозунги должен был не хорошо известный актив, а новые члены оппозиции, или люди, не афишировавшие свою принадлежность к ней. Должно было сложиться представление о том, что массы сами, без воздействия извне пришли к программе зиновьевцев. Так, например, вел себя студент Коммунистического университета М. П. Швальбе. Скрывая свою оппозиционность, ему удавалось оставаться руководителем одного из университетских кружков.[5]

Практическая задача движения заключалась в том, чтобы, не заявляя открыто о своих расхождениях с ЦК, устраивать агитационные кружки на предприятиях и таким образом вербовать сторонников;[6] в это же время многие зиновьевцы оставались в аппарате на конспиративном положении, не выдавая своих политических предпочтений.[7] На тот момент стратегия выглядела вполне понятной и не лишенной перспектив. Политическое побоище, устроенное московскими делегатами на крупнейших заводах и в некоторых вузах, задевало тех, чьими убеждениями, высказанными в строгом соответствии с уставом партии, пренебрегли. Более того, начиная с Октябрьской революции и вплоть до 1925 г. партийные съезды проходили ежегодно, т. е. сохранялась надежда скорого реванша. Никто не мог предполагать, что новый съезд придется ждать еще два года.

Сложно оценить, насколько зиновьевцам удалось продвинуться в исполнении собственных планов, так как уже в мае на

собраниях заговорили о создании блока с троцкистами. При этом Зиновьев свидетельствовал, что первые контакты двух групп через Х. Г. Раковского случились уже в начале 1926 г.[8] Предлагаемые исследователями объяснения этому сближению разнятся. И. Дойчер говорил о случившемся в апреле 1926 г. совпадении взглядов Троцкого и Каменева на крестьянский вопрос.[9] Ю. Г. Фельштинский отмечает, что примирение произошло в мае на почве критики работы Англо-русского комитета.[10] В дневнике Троцкого сохранилась запись «Блок с Зиновьевым» еще от 9 декабря 1925 г.[11] В апреле в среде новой оппозиции прошла серия совещаний, где были сделаны оговорки, что блок возможен при условии сохранения собственной платформы и организационной самостоятельности. При этом по основным положениям дискуссии 1923 г. признавалась правота сторонников Троцкого, а главными выразителями мелкобуржуазного уклона назывались уже не они, а большинство ЦК.[12]

Обратим внимание на то, как сами лидеры оппозиции воспринимали этот союз. Зиновьев в беседе с немецким коммунистом Р. Фишером говорил о Троцком как о ценном союзнике, без чьих талантов и чьих сторонников невозможно будет побороть растущее единоначалие Сталина. И. Дойчер небезосновательно заключает, что Зиновьева мотивировали не только программные разногласия с курсом ЦК, но и жажда политического реванша. В отличие от Троцкого падение бывшего главы Ленсовета произошло стремительно. В ушах Зиновьева и Каменева «еще звучал рев восторженных приветствий <...> когда вокруг неожиданно воцарилась гробовая тишина, они решили, что это галлюцинация, ошибка, случайность, причина которой — Сталин, которого они сами, как им казалось, поставили во главе партии <...>. Неотесанный, полуобразованный, неуклюжий махинатор, неудачник, которого они неоднократно спасали от гибели, потому что считали полезным в игре против Троцкого. У них никогда не было сомнений, что как человек, вождь и большевик Сталин не доставал Троцкому до лодыжек».[13] Поэтому победа над генсеком усилиями блока виделась вполне вероятной.

Сложнее оценить видение блока Троцким — в своих текстах он мало касается этого периода своей политической биографии. Однако В. Серж и Н. И. Седова утверждают, что союз с Зиновьевым стал возможен ввиду сближения их политических программ,

в частности, по вопросам экономической политики, мировой революции и роста авторитаризма. Вероятно, в его представлении речь шла не столько о блоке, сколько о поглощении ленинградской оппозиции под знаменем доработанных лозунгов «Нового курса».[14] Среди рядовых сторонников Троцкого бытовало другое объяснение блока. В одной из листовок отмечалось, что союз заключается в первую очередь с передовыми ленинградскими рабочими, а не с Зиновьевым и Каменевым.[15]

Проект организации блока содержал как взаимные теоретические уступки, так и взаимное признание вины в некорректном ведении дискуссии. Подчеркивалось, что ленинградцы нападали на сторонников «Нового курса» в 1923 г., так как видели в них признаки мелкобуржуазного сползания, сами троцкисты нападали на зиновьевцев, так как воспринимали их как воплощение неправильного партийного курса. Поскольку опасения не подтвердились, препятствий для блока быть не может, заключал Зиновьев.[16] Среди мест схождения двух партийных групп отмечалось: отношение к нэпу, кулацкой опасности, зажиму партийной демократии, проблемам профсоюзной работы и др.[17] И сами лидеры, и их ближайшие сторонники осознавали искусственный характер этого союза, понимали его хрупкость и неустойчивость. Известно, что влиятельные зиновьевцы Саркис и Г. И. Сафаров крайне отрицательно отнеслись к заключенному союзу. Подобную реакцию этот шаг встретил и среди рядовых оппозиционеров. Так, в мае 1926 г. состоялось собрание оппозиционеров Горного института, где было объявлено о создании блока. Отдельных участников беспокоили перспективы сотрудничества с троцкистами, которых еще месяц назад они сами подвергали жесткой критике. Потому, несмотря на уговоры, многие студенты (в том числе других вузов) отказались идти рука об руку с Троцким.[18] Многие бывшие лидеры «зиновьевцев» придерживались такой же тактики. С. К. Минин также решительно осуждал заключение блока. Он утверждал, что политические корни блока уходят в дискуссию 1923-го, а не 1925 г., т. е. в основе его программы лежат положения «Нового курса», которые Минин не собирался отстаивать.[19]

Не был очевиден этот союз и для членов троцкистско-децистского центра: «Известие о договоре, заключенном Троцким с „ленинградской оппозицией“, ошарашило нас. Как нам садиться за один стол с бюрократами, которые преследовали и хулили нас.

Которые убили честь и ум нашей партии?»[20] В июле состоялось специальное собрание актива. Своеобразный президиум встречи состоял по большей части из вузовцев: Н. И. Карпов, А. Л. Бронштейн («Бабушка»), Ф. Н. Дингельштедт («Федор Большой»), Ф. Г. Устимчик («Федор Маленький»). Специально для доклада о внутрипартийном положении из Москвы приехал Т. И. Харечко, известный нам организатор оппозиции университетского рабфака. Он обрушился с резкой критикой на децистов за слишком жесткие выступления в адрес зиновьевцев во время XIV съезда.[21] Насколько можно судить, вопрос об объединении не был простым. Дополнительные сложности для его решения создавал тот факт, что и сами собравшиеся, по существу, не были едины во взглядах. Некоторые из них были троцкистами, другие тяготели к сапроновцам, т. е. представителям группы демократического централизма. И если в ходе дискуссии 1923 г. разница между этими двумя течениями «замылилась», стала непринципиальной, то за прошедшие годы разногласия по вопросам партийной демократии, характера советского государства и тактики политической борьбы стали более ощутимыми. Поэтому договориться о том, чтобы собрать воедино три протестных движения — зиновьевцев, троцкистов, децистов — в тот момент не удалось. Логика троцкистов, более охотно согласившихся на объединение, вполне объяснима. Как мы показали выше, в масштабах Ленинграда это была довольно небольшая группа активистов, не имевшая широкой поддержки. Объединение с зиновьевцами позволяло им вернуться в политическую жизнь, используя их влияние.

Руководители блока быстро встретили сопротивление со стороны сталинско-бухаринского большинства. Первым ударом стало так называемое дело М. М. Лашевича. 6 июня 1926 г. в дачном поселке под Москвой состоялось собрание оппозиционеров, о котором стало известно в Политбюро. На июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) «лесное сборище» было жестко осуждено как проявление фракционной работы.[22] Новое, еще более серьезное столкновение в партийных верхах произошло на октябрьских заседаниях Политбюро, посвященных внутрипартийному положению. Желая смягчить звучавшие обвинения во фракционной борьбе, Троцкий, Зиновьев и Каменев предложили ряд компромиссных резолюций, в которых признавали справедливость некоторых упреков. Однако расклад сил явно находился не на их сто-

роне. 16 октября под угрозами исключения из ЦК оппозиционеры подписали заявление, в котором отказывались от «фракционной» работы. Но и такой, во многом унизительный текст не спас Троцкого от исключения из Политбюро.[23] Троцкий и Зиновьев впоследствии настаивали на том, что этот шаг был вынужденным тактическим отступлением.[24]

Как смена расстановки сил в большевистских верхах отразилась на остальных оппозиционерах? Важно понимать, что заявление 16 октября фактически перечеркивало все достижения по строительству структуры блока, сделанные в последние месяцы. Оно гласило: «Мы считаем своим долгом открыто признать перед партией, что в борьбе за свои взгляды мы и наши единомышленники в ряде случаев допустили шаги, являющиеся нарушением партдисциплины и выходящие за установленные партией рамки ведения борьбы внутри партии на путь фракционности. Считая этот путь ошибочным, мы заявляем, что решительно отказываемся от фракционных методов защиты наших взглядов».[25] Заявление, и без того унизительное по своей сути, принималось к печати в крайне уязвляющей форме. Текст был выставлен на голосование в Политбюро. Стараниями Молотова и Бухарина из него исчезло упоминание о возможности бороться за свои идеи в рамках устава партии, возвращение исключенных оппозиционеров превратилось из требования в допущение, возможное после их отказа от собственных взглядов. Усиливали вину и углубляли раскаяние оппозиции вставленные представителями большинства ЦК многочисленные слова вроде «безусловно», «безоговорочно» и т. д.[26]

Опубликованный в «Правде» текст ошеломил многих рядовых оппозиционеров. Существовали вполне обоснованные оценки заявления как позорного капитулянтства.[27] Факт отказа от фракционной работы расценивался как признание наличия фракции.[28] Многие находились в растерянности и отказывались от ведения оппозиционной борьбы. Часть партийцев наоборот восприняла заявление как необходимость брать руководство движением в свои руки. В Василеостровском районе говорили о том, что надо требовать исключения вождей из партии, раз они завели всех в тупик, и действовать самим.[29] Особенно критически к заявлению отнеслась группа демократического централизма. Ее члены сочли столь примирительное поведение вождей оппозиции

предательством, потому как им не за что было оправдываться, так как их работа, вопреки обвинениям ЦК, не носила фракционный характер.[30] Октябрьское заявление 1926 г. возмутило не только своим смыслом, но и тем, что не было согласовано с рядовыми активистами. Дочь Троцкого Н. Л. Невельсон приехала из Москвы обсудить этот вопрос с местными лидерами оппозиции и заручиться их доверием. Однако ленинградцы были непримиримы. Дингельштедт отправился делегатом в Москву с письмом, в резкой форме критиковавшим вождей за их недемократизм и «бегство с поля боя».[31] Письмо нашло отклик и среди столичных оппозиционеров. По поручению Троцкого в Ленинград с примирительной миссией приехал врач и публицист Б. М. Эльцин, однако на новом собрании большинство по-прежнему голосовало за осуждение октябрьской капитуляции. По существу, организация раскололась на два лагеря: более умеренные сторонники блока и радикальные сапроновцы-децисты.[32] Лидеры последних расценивали октябрьское заявление как уступку Троцкого ленинградской оппозиции, продиктованную желанием сохранить «зиновьевское охвостье».[33]

Впоследствии этот политический водораздел до некоторой степени удалось преодолеть, но далеко не полностью. В тактическом смысле разница между блоком Троцкого—Зиновьева и сапроновцами заключалась в том, что первые настаивали на открытых и легальных выступлениях, вторые были убеждены в необходимости конспирации и подпольной борьбы.[34] Обоснованность столь радикальных методов они видели в том, что в СССР, по их мнению, случился термидор, т. е. контрреволюция, отрезавшая рабочих от участия в жизни государства. Поэтому для борьбы за сохранение и возрождение завоеваний Октября требуется создание новой политической партии, действующей по всем канонам революционной конспиративной борьбы. В дальнейшем мы покажем, что объявленный раскол не обернулся полным отрывом децистов от остальных групп. Но уже сейчас стоит отметить, что устоявшееся представление об Объединенной оппозиции как блоке сторонников опальных вождей Троцкого и Зиновьева представляется не вполне верным — децисты были важной и наиболее радикальной частью этого движения.

Все участники «тройственного союза» ощущали его шаткость. Поэтому в ход шли различные слухи, которые должны были под-

толкнуть колебавшихся к принятию объединения. Слухи эти, как можно судить, рождались из вольных толкований новостей партийной жизни. Так, зиновьевцев, не желавших сходиться с Троцким, уверяли, что последний отказался от идеи перманентной революции и готовит по этому поводу специальное письмо.[35] В другом изложении этот слух гласил о том, что Троцкий отрекся от всего, что говорил в 1923 г., кроме вопроса о перерождении партии, в чем теперь он согласен с Зиновьевым.[36] Разумеется, никакого письма не последовало. Троцкисты, наоборот, говорили о некой декларации, согласно которой «зиновьевцы» признавали правоту курса оппозиции в 1923 г.[37] Харечко на собрании оппозиционного актива в июне 1926 г. говорил о расколе внутри ЦК на группу сталинцев (Молотов, Ворошилов, Рудзутак и др.) и стариков (Томский, Калинин, Бухарин, Рыков).[38] Заявление 16 октября пытались объяснить торгами внутри большевистской партии. Полагалось, что вскоре Сталина заменит Молотов, который снимет опалу со многих большевиков (утверждалось при этом, что сами оппозиционеры пытались продвинуть на пост генсека Каменева).[39]

Тем не менее, несмотря на все разногласия, в 1926 г. движение приобрело относительно внятную структуру. Учитывая, что в лидерах оппозиции находились, как правило, большевики с дореволюционным партийным стажем, эта структура во многом воспроизводила устройство политического подполья в Российской империи с делением на тройки, пятерки и т. д. Не обошлось вместе с этим и без советской специфики. Поскольку часть пропаганды предполагалось вести легально, т. е. через выступления в ячейках, устройство движения вынуждено было повторять устройство городского партийного комитета. В этой связи особую важность приобретали райкомы ВКП(б), при которых создавались фактически параллельные оппозиционные комитеты. Всего в тот период в Ленинграде было 6 районов: Центральный, Петроградский, Василеостровский, Московско-Нарвский, Выборгский, Володарский. Для нас важно оценить райкомы, на территории которых было наибольшее число вузов. Менее всего высшими учебными заведениями были представлены Володарский район, где размещался только Институт медицинских знаний, Петроградский с Электротехническим и Медицинским институтами и Выборгский, где располагались Политехнический (крупнейший вуз

города) и Лесной институты. В остальных районах вузов было больше. В Василеостровском районе — университет, Горный институт, Военно-морская академия, в Центральном — Коммунистический университет, Институт путей сообщения, Институт политпросветработы, Педагогический институт им. Герцена и др.

Таким образом, структура оппозиции в 1926—1927 гг. выглядела следующим образом. Во главе стоял городской центр, им подчинялись районные «тройки» и «пятерки», низовыми организациями были ячейки при коллективах, в которых в основном было также по три человека, а на предприятиях-гигантах (крупных заводах) — по пять.[40] Особняком стояли агитаторы.[41] При этом часть активистов работала открыто, т. е. выступала в ячейках, подписывала документы, голосовала, а другая часть держалась в тени. После создания блока в уже сформированные зиновьевские районные тройки подключались троцкисты — так, Н. И. Карпова ввели в группу Петроградского района.[42] Более сложная задача для сторонников Троцкого состояла в проникновении в низовые ячейки при отдельных партколлективах, которые на тот момент возглавлялись преимущественно зиновьевцами. Поэтому часто у троцкистов и зиновьевцев при одном коллективе существовали собственные «тройки». При этом троцкисты внедряли подготовленных товарищей в тройки зиновьевцев и старались перетянуть на свою сторону наиболее сто́ящие кадры.[43] Схожая тенденция наблюдалась в столице, где при делении организации по районам переманиванием подходящих кадров уже из числа троцкистов занимались децисты.[44] В Ленинграде децисты ввиду малочисленности оставались в стороне от районного деления, сохраняя свой единый центр. Весной 1927 г. верхушка оппозиции предложила слить зиновьевские и троцкистские тройки воедино, «но люди второго ранга категорически были против этого предложения, так как середняки-ленинградцы ненавидели троцкистов и, обратно, троцкисты ненавидели ленинградцев».[45] Возможно, подобная оценка чересчур сгущает краски, но напряженность между двумя группами оппозиции была налицо.

В задачи низовых троек входила организация кружков, куда для чтения и разбора актуальных документов ЦК и оппозиции приглашались заинтересованные партийцы и комсомольцы. Оценить точное количество таких кружков затруднительно. Есть сведения, что в Московско-Нарвском районе на начало 1927 г. дей-

ствовало 18 кружков примерно по 5 человек каждый. Одну из ведущих ролей здесь занимал студент Технологического института В. М. Москвин (бывший заместитель заведующего агитотделом Ленинградского ВЛКСМ). Кружки собирались раз в неделю по субботам, где обсуждали новости, получали директивы. Проводились межрайонные совещания.[46] Предполагалось, что низовые ячейки не должны знать все руководство из районной тройки; контакты осуществлялись один на один. До 1927 г. оппозиционеры избегали печатать листовки, присылаемый материал размножался не более 4 экземпляров и должен был храниться только у руководителей кружков.[47]

Вероятно, ввиду относительно замкнутого положения чуть обособленно стояли оппозиционеры-военные. Роль пропагандиста среди них играл слушатель Военно-политической академии Г. Д. Федоров (прозвище «Гошка»), бывший инструктор Пуокра. Он сумел наладить работу подпольной типографии, выпускал стенограммы выступлений Троцкого и Зиновьева, знакомил товарищей с завещанием Ленина, имел связи с оппозиционерами из воинских частей.[48] Контрольная комиссия обратила внимание на кружок военных осенью 1926 г., его участникам вменяли создание «Военного бюро» для ведения агитации в Ленинградском военном округе.[49] Часть пропагандистов была исключена из партии, другая (в их числе Федоров) переведена из Ленинграда в другие области страны.

При этом оппозиция не замыкалась на столичных городах и имела представительства в регионах. Невольно этому способствовало само ЦК, распределив по провинциям многих активных участников оппозиции. Прежде всего это касалось зиновьевцев, откомандированных в первой половине 1926 г. Так, бывший доцент ЛГУ Сеф стал одной из ключевых фигур оппозиции в Тифлисе, пытаясь распространить влияние и на другие города Закавказья. Большую помощь в этой работе оказывал П. А. Залуцкий, также переведенный на юг.[50] Бывший студент ВПАТа К. И. Самарец вместе с товарищами по «ссылке» вели работу в Харькове, имели связи с видными оппозиционерами С. В. Мрачковским, Х. Г. Раковским.[51] Через Ф. Н. Дингельштедта была установлена связь с псковскими децистами. Контакт с Псковом имелся и через другого бывшего доцента ЛГУ и секретаря Зиновьева Н. М. Маторина, переведенного в провинцию.[52] «Ссыльные» старались дер-

жаться группами; получая необходимые сведения и материалы из столиц, они пытались вести работу, полезную оппозиции.[53] Речь шла не только о привлечении сторонников, но и о сборе на местах информации, которая могла быть использована против курса Сталина—Бухарина. Об этом свидетельствуют письма, полученные Г. Е. Зиновьевым от Н. М. Маторина, представлявшие подробный очерк социально-экономического положения Псковской губернии[54] (отмечался общий развал и сползание с классовой линии на всех фронтах, процветание антиленинского, мещанского или националистического подходов в партии).[55] В 1926 г. ленинградцы пытались наладить контакты с «Рабочей оппозицией» в Екатеринославле, так как у тех была связь с заводскими коллективами.[56] Есть сведения о контактах в БССР,[57] Абхазии, Ростове-на-Дону,[58] Твери,[59] Екатеринбурге.[60]

Удивительно, но не так просто ответить на вопрос, кто стоял во главе оппозиционной структуры в Ленинграде. Логично предположить, что на этот пост не было лучшей кандидатуры, чем Зиновьев — главный организатор протеста 1925—1926 гг., не потерявший авторитет среди рабочих. Однако, как отмечает А. Ю. Стефаненко, в период существования Объединенной оппозиции Зиновьев бывал в Ленинграде лишь эпизодически и не был вовлечен в активный контроль за движением.[61] Его ближайшие соратники П. А. Залуцкий и Г. Е. Евдокимов были переведены на Кавказ, И. П. Бакаев — в Вятку.

Не лучше обстояли дела и в троцкистском лагере. В. Серж вспоминал, что помимо преподавателя Н. И. Карпова «у нас было два по-настоящему крупных марксистских теоретика, Яковин и Дингельштедт. <...> На наших собраниях обычно председательствовала „Бабушка“. Отяжелевшая, седовласая, с добрым лицом, Александра Львовна Бронштейн была сама верность принципам и здравый смысл. <...> Кроме того, Чадаев и я, специализирующийся на международных вопросах. Вот и весь состав Центра. Настаиваю на точности исторического факта: в Ленинграде никогда не существовало иного Центра левой оппозиции».[62] Этот небольшой отрывок позволяет сделать два важных наблюдения. Во-первых, что важно для нашего исследования, кроме журналистов В. Сержа и В. Н. Чадаева остальные названные лидеры центра являлись вузовскими преподавателями. Во-вторых, нетрудно заметить, что и на троцкистско-децистском фланге не

было крупных и авторитетных фигур, хотя бы второго ряда большевистских теоретиков и руководителей. Таким образом, ленинградский фронт противостояния политике Сталина—Бухарина, во многом ключевой, с точки зрения как опыта борьбы, так и представительности, оставался без видимого лидера и покровителя. Заполнить существующую лакуну, вероятно, должны были частые гости из столицы: в 1926 г. приезжали Е. А. Преображенский и И. Т. Смилга, в 1927 г. регулярно бывали Троцкий и Радек, два раза приезжал Т. В. Сапронов.

Сложной исследовательской проблемой являются взаимоотношения верхов и низов оппозиции. В дальнейшем мы продемонстрируем, что установки и решения, принятые в узком кругу лидеров (т. е., как правило, в Москве), спускались для обсуждения низовому активу и его решения передавались обратно «наверх». Однако куда меньше противоположных примеров, когда оппозиционерам на местах удается повлиять на своих предводителей. Единственный известный нам случай получения сигнала снизу случился в ноябре 1926 г. Накануне XV партийной конференции Троцкий, Зиновьев, Каменев и др., памятуя о недавних обещаниях, отказались выступать по дискуссионным проблемам, что критично восприняли их сторонники. В Москве состоялось собрание с участием делегатов из Ленинграда, которое проходило в крайне напряженной обстановке, едва не приведшей к потасовке. В итоге под давлением сторонников лидеры верхушки оппозиции согласились озвучить на конференции свою позицию по некоторым вопросам.[63] На тот факт, что верхушка действовала без оглядки на рядовых активистов, обращали внимание и авторитетные оппозиционеры. Бывший дипломат А. А. Иоффе в августе 1927 г. в письме Троцкому так реагировал на очередное заявление с уступками Сталину: «Не начинает ли и внутрь оппозиции проникать тот режим, который установлен большинством ЦК для партии и против которого мы (оппозиция) ведем столь упорную борьбу? „Аппаратная верхушка“ решает, а все остальные лишь принимают ее решения. Допустимо ли, чтобы 13 оппозиционных членов ЦК и ЦКК делали заявление без предварительного обсуждения внутри оппозиции как факта подачи заявления, так и содержания его?»[64] Отметим, что и директивы сверху не всегда исполнялись аккуратно. Так, после октябрьского заявления 1926 г. было спущено распоряжение сохранить районные

группы, но прекратить агитацию на заводах, что не было исполнено.[65]

Стоит согласиться с мнением, что в целом структура движения не отличалась четкостью, не была прописана или закреплена какими бы то ни было документами (чего просто невозможно было представить в тех условиях).[66] Но важно понимать, что такое положение обуславливалось двойственностью того состояния, в котором находилась оппозиция. С одной стороны, объявлялся курс на мобилизацию сторонников, с другой — любое организованное сопротивление расценивалось как фракционная работа, которую вожди оппозиции дали письменное обещание избегать. Такое противоречие и определило то, что местами структура блока оказывалась размытой. Конечно, сложно представить, чтобы полуподпольная или подпольная организация движения имела четкий каркас, однако тенденция к созданию структур параллельных ВКП(б) была очевидна. И на отдельных направлениях эта тактика давала видимый результат, особенно во время массовой мобилизации сторонников весной—зимой 1927 г.

Определим, какое место занимали вузовцы в иерархии оппозиции Ленинграда. Так, преподаватели ЛГПИ им. Герцена Н. И. Карпов, Г. Я. Яковин, преподавательница Технологического института (в 1926 г.) А. Л. Бронштейн были лидерами троцкистской фронды. Группу демократического централизма возглавлял ректор Лесного института Ф. Н. Дингельштедт и его супруга М. М. Советкина (преподаватель ЛГПИ). Одной из главных фигур Василеостровской группы оппозиции был Г. Е. Горбачев (ЛГУ), Московско-Нарвской — Г. И. Григоров (ВПАТ), «вечный студент» Политехнического института С. Г. Боголепов[67] был активным работником Выборгской стороны, в Детском Селе за агитацию и вербовку отвечал студент Сельскохозяйственного института С. К. Гусев. Из-за отсутствия необходимых сведений сложно определить долю студентов и преподавателей в руководстве блока, однако, без сомнения, вузовцы находились на видных ролях. Современники свидетельствовали: «Что касается студенческих парторганизаций, то здесь число оппозиционеров было особенно велико, и тогда именно родилось выражение, что студенты „вузят“ (вместо бузят — игра слов: вузят — от ВУЗ)».[68]

В ряде случаев противоречия между троцкистами и зиновьевцами так и не удалось преодолеть в ходе работы блока. Существу-

ет множество свидетельств тому, что они продолжали относиться друг к другу с плохо скрываемым недоверием. Г. А. Шульман (Политех) вспоминал, что к Зиновьеву и его сподвижникам относились недружелюбно, считая их карьеристами, а после их капитуляции в 1928 г. за ними и вовсе закрепилась репутация контрреволюционеров.[69] Звучали мнения, что зиновьевцы загрязняют оппозицию;[70] многие «смотрели на зиновьевскую оппозицию с пренебрежением, как непостоянную, колеблющуюся».[71] Децисты также не испытывали симпатии к зиновьевцам, обвиняли их в трусости, очевидно, имея в виду отказ от продолжения активной борьбы после XIV съезда.[72] Встречались, хотя и реже, обратные высказывания зиновьевцев о негативном отношении к троцкизму.[73] На собраниях, происходивших до формирования блока, еще сохранялось крайне критическое отношение к Троцкому: «Сталин хочет работать с Троцким, вот до чего Сталин дошел, хочет работать с меньшевиком».[74] Взаимное недоверие напрямую влияло на качество агитации. Троцкисты и децисты опасались делиться конспиративными данными о сторонниках.[75] Более того, даже в одном партийном коллективе часто не удавалось наладить совместной работы. Так, например, обстояли дела в Коммунистическом университете, где троцкисты и зиновьевцы вели работу отдельно, а попытка объединиться перед XV съездом закончилась ссорой.[76] Характер низовой структуры движения показывает иллюзорность мысли Троцкого о том, что «мы имеем уже, следовательно, не блок, а единую оппозицию, тесно спаянную идейно и все теснее сплачивающуюся в борьбе за пролетарскую линию партии и Интернационала».[77]

Практическую работу блока можно разделить на два этапа. Их водоразделом стало появление «Заявления 83-х» в мае 1927 г., вокруг которого стала строиться работа вплоть до разгрома оппозиции. Прежде чем определить место этого документа в истории движения, рассмотрим, что представляла собой работа оппозиции на первом этапе, т. е. во второй половине 1926—начале 1927 г. Задача участников блока в этот период заключалась в ведении агитации и критики курса Сталина—Бухарина в коллективах ВКП(б). Сложность этой задачи заключалась в отсутствии программного документа, от которого можно было бы оттолкнуться в пропаганде собственных взглядов. В 1923 г. эту функцию исполнял «Новый курс» Троцкого и «Заявление 46-ти», в 1925 г. —

«Философия эпохи» Зиновьева и корпус публикаций в «Ленинградской правде». Для объединенной оппозиции место «манифеста» оставалось вакантными вплоть до сентября 1927 г., когда появился «Проект платформы большевиков-ленинцев». Первая попытка сформулировать и объединить взгляды двух оппозиций была предпринята перед июльским пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 г. На адрес пленума было послано заявление, подписанное 13 лидерами оппозиции, его текст в виде листовок распространялся и среди рядовых оппозиционеров.[78] Для них же готовились специальные, более популярные, тексты. В августе 1926 г. появился текст К. Радека «Об оппозиции»;[79] в сентябре на его основе Троцкий подготовил нечто вроде методического указания для ведения пропаганды, где в 23 популярных вопросах и ответах излагались основные тезисы оппозиционной программы.[80] Сложно сказать, получила ли эта «методичка» сколь-нибудь широкое распространение, но тем не менее сто́ит кратко остановиться на ее содержании, так как оно отражает политические и экономические установки блока на момент его формирования, которые в том или ином виде доходили до рядовых оппозиционеров.

В первую очередь содержание вопросов и ответов било по проблеме фракционности. Отвергались обвинения оппозиции в намерении превратить партию в собрание раздробленных группировок. Причины фракционности, утверждал Троцкий, лежали в бюрократизации партаппарата, который не позволяет выстраивать планомерное развитие революции и противодействует здоровой критике. Понятие фракции применялось в документе именно по отношению к большинству, обеспечивающему собственную стабильность путем узурпации партийного аппарата.[81] Отвергались клеветнические обвинения оппозиции в стремлении сдать государственную промышленность в концессию иностранцам, в неверии в построение социализма в одной стране, в отрицании рабочего характера государства, в беспринципном характере блока[82] и т. д. Примечательно, что хотя этот пространный документ содержит подробные комментарии по теоретическим вопросам, при этом он не предлагает никаких практических указаний. Возможно, дело в характере самого документа, предполагаемого к публикации. Но не встречаются эти указания и в других письмах и статьях оппозиционных лидеров данного периода.

Однако, на наш взгляд, не это было главной уязвимостью программных текстов оппозиции лета—осени 1926 г.: их содержание строилось вокруг порочной логики, связанной с представлением о единстве партии. Троцкий справедливо указывал, что «лозунг единства партии все больше становится орудием идейного террора (застращивания, запугивания) против подавляющего большинства партии».[83] Но при этом и Троцкий, и Зиновьев в письмах и публичных выступлениях призывали не допускать раскола и сохранить единство. Такое поведение исходило из понимания единства как реализации ленинского принципа демократического централизма, не предполагавшего отсечение партийцев за критику или наличие разногласий.[84] Разумеется, предлагаемое толкование «единства» было принято в кругах оппозиции, но не среди большинства ЦК. Поэтому, напирая на необходимость избежать раскола партии, оппозиционеры сами рыли себе яму, давая повод для нападок, так как любое их заметное выступление подавалось как нарушение собственных обещаний. Двойственность положения оппозиции, заключавшаяся в разрыве между теоретическими призывами к единству и практическим выстраиванием структуры альтернативного политического движения, сказалась на дальнейшем характере работы блока.

Отсутствие четких тактических установок, надо полагать, было вызвано в том числе и тем, что старые методы борьбы были больше недоступны. Влияние оппозиции на партию уже не позволяло настаивать на начале новой масштабной дискуссии, как в 1923 г. Мобилизация сторонников в ходе подготовки съезда потеряла смысл, так как стало очевидно, что партийный форум в 1926 г. не состоится. Таким образом, обсуждение предложений оппозиции велось только в верхах большевистской партии. Затишье в политической жизни рядовых партийцев многих заставило рассматривать оппозицию в качестве движения на перспективу. В частности, об этом свидетельствовали студенты Технологического института. На собраниях обсуждались три условия для активизации работы: 1) революция в Европе; 2) раскол в большинстве ЦК; 3) начало войны против СССР.[85] Отмечалось, что в институте товарищи-оппозиционеры трезво оценивали свое влияние и рассчитывали на сбор сил в течение 2-3 лет.[86] Принимались во внимание сообщения от вождей оппозиции, что Сталин власти не отдаст, даже если его противников будет 50-60 % от партии.

Таким образом, в первые месяцы существования блока оппозиция понимала свою задачу как поиск и объединение сторонников для будущего выступления в условиях подходящей политической конъюнктуры.[87] Но пассивной выжидательной стратегией дело не ограничивалось. Она сопровождалась тактикой мелкого саботажа. Так, в Центральном районе отмечалось, что оппозиция в вузах (Коммунистический университет, Институт путей сообщения) и Губоно[88] срывала работу в кружках, «допускала колкости» по отношению к докладчикам, не выполняла распоряжения руководителей ячейки, занималась критикой недавней работы инициативных групп.[89] Другой конструктивной мерой сопротивления стала борьба за проведение своих кандидатов в бюро партячеек. Речь шла как о «вербовке» действующих членов бюро, так и об избрании своих тайных кандидатов. Эта тактика имела пусть и локальный, но заметный успех. Оппозицию в руководстве вузовских ячеек представляли: Б. Е. Беленький и В. И. Сосновкин в Институте путей сообщения,[90] В. С. Дубов в партячейке ЛГУ,[91] М. Д. Сенькин в Горном,[92] В. С. Цинцадзе в Политехническом институте,[93] Г. Д. Колесников в ИНХ,[94] Я. М. Лейзеренок на рабфаке ЭТИ,[95] Д. В. Редозубов в комсомольской ячейке ЛГУ[96] и А. И. Лысенко в Технологическом институте,[97] где был свой агент и в партийной ячейке.[98] Иногда оппозиции удавалось занять и более высокие места. В июне 1926 г. сторонник Троцкого Г. И. Григоров (ВПАТ) выступал на собрании партийного комитета Московского-Нарвского района с критикой работы местных ячеек. Отмечалось, что собрания плохо организованы, мало обеспечены материалами, отличаются низкой посещаемостью и отсутствием интереса к дискуссии. В результате обсуждения было поручено создать районную комиссию по партдисциплине во главе с Г. И. Григоровым (на тот момент партинструктор района).[99] Несмотря на нейтральный, не политический характер выступления, оно было отнесено к разряду фракционной работы. Возможно, первоначальное одобрение инициативы Григорова объяснялось тем, что он участвовал в оппозиционной работе в столице, и его политическая репутация была мало известна в Ленинграде. Есть и другие факты протаскивания сторонников на ответственные должности: студент Д. В. Вихорев старался «правдами и неправдами» внедрить товарища по группе децистов в коллектив «Ленинградской правды».[100]

Внедрение своих сторонников в коллективы университетов и институтов облегчалось активным курсом на советизацию высшей школы. Перед партийными органами стояла задача обеспечить противовес старой вузовской интеллигенции. Однако главная проблема в проведении этой меры заключалась в острой нехватке кадров — в 1920-е гг. элементарно не существовало нужного количества преподавателей-членов ВКП(б). Компенсировать эту нехватку старались за счет студентов, которые наравне с преподавателями входили в состав руководящего бюро. Погоня за количеством, а не за «качеством» партийного коллектива сыграла на руку оппозиции в вузах. В заводских коллективах к составу ячеек подходили более строго: кандидатов от оппозиции даже при единогласной поддержке товарищей заставляли сниматься, в противном случае урезали заработную плату или временно отстраняли от работы.[101]

Губком и ОГПУ внимательно следили за политическими настроениями и отношением к оппозиции в партийной и беспартийной среде. Одна из справок фиксировала, что рабочие в целом относятся враждебно к оппозиции. Симпатии к ней в среде интеллигенции есть в основном в кругу врачей. Заверялось, что существует беспартийная группа в Медицинском институте, которая живо реагирует на выступления, сочувствует оппозиции.[102] Сложно судить, насколько содержание справки отражает реальность, а насколько установки в отношении интеллигентского, т. е. непролетарского, состава оппозиции, которые транслировало большинство ЦК. Тем не менее обратим внимание, что даже среди интеллигенции в качестве сочувствующих Троцкому—Зиновьеву были отмечены именно вузовцы.

Оппозиционная борьба второй половины 1926 г. в малой степени затронула высшую школу. В этот момент основной акцент был сделан на крупные заводские ячейки, которые дольше всех сопротивлялись при голосовании за осуждение ленинградской оппозиции в январе. Ее наиболее массовое и подготовленное выступление состоялось в первой половине октября 1926 г., во время дискуссии перед XV партийной конференцией, которую планировали посвятить проблемам внутрипартийного положения. Осуждение фракционной работы оппозиции должно было стать еще одним аргументом против ее вождей, местами сохранявших относительное высокое положение в большевистской иерархии.

Желая заручиться поддержкой рабочих, лидеры блока решились на спланированное выступление на крупных предприятиях двух столиц. Выступления в Ленинграде координировались с Москвой. Зиновьев и его приближенные должны были узнать о том, как прошли доклады оппозиции в столице, и в случае неудачи отправиться на собрания в Ленинграде. Так и вышло, о провале в Москве ему сообщили по телефону и компания ленинградских оппозиционеров отправилась выступать.[103]

Зиновьев держал слово на «Красном Путиловце», на заводе им. Казицкого И. П. Бакаев оппонировал бухаринцу В. Н. Астрову.[104] Состоялись выступления крупных деятелей оппозиции на «Красном треугольнике», «Большевике», «Русском дизеле». Принимали в них участие и вузовцы. Сторонников Троцкого в этой кампании представлял К. Б. Радек, который с этого времени стал регулярно посещать северную столицу, превратившись в главного «куратора» ленинградского фронта оппозиционной борьбы со стороны троцкистов. Вожди предлагали развернутые резолюции, отражавшие ключевые тезисы их программы. Так, Бакаев предложил пространную программную резолюцию из 11 пунктов. Характерно, что помимо политических вопросов открыто заявлялось о растущем расслоении внутри самой партии. Роскошный образ жизни советских бюрократов противопоставлялся беднеющим рабочим.[105]

Массированная «атака» на заводские партколлективы привела к колоссальному провалу. Даже на предприятиях, где еще в начале года с кулаками защищали «нашего Гришу», оппозиция собрала в лучшем случае десятки голосов.[106] Многие выступления были сорваны. Г. Е. Евдокимова не пустили выступать на «Красном треугольнике» и едва не избили,[107] преподавательницу ЛГПИ З. И. Лилину под свист и крики удалили с собрания на фабрике им. Слуцкой,[108] на «Светоче» не был допущен к трибуне доцент ЛГУ М. М. Цвибак.[109] Срыв выступлений оппозиции стал продолжением тактики саботажа, используемой инициативными группами. Сложно представить, что рабочие в лицо знали Цвибака, Лилину и других зиновьевцев не первого и даже не второго ряда и потому шумом не давали им выступать как вредителям партии. Очевидно, что эти обструкции устраивались после предварительной подготовки. Имеются прямые свидетельства того, что на собрания коллективов крупных предприятий свозили зна-

чительное число партработников, которые задавали дискуссии необходимый тон.[110] Бакаев также свидетельствовал о нарушениях в ведении собрания, отказе считать воздержавшихся и т. д.[111]

Вузовские коллективы имели второстепенную значимость в ходе октябрьской кампании 1926 г. На их собраниях предлагались весьма лаконичные заявления за единство партии путем открытого обмена мнениями и против травли несогласных.[112] Только в Институте народного хозяйства потребовали ознакомить партийцев с «завещанием Ленина» и прекратить затыкать рот оппозиции.[113]

Октябрьская дискуссия в ячейках продемонстрировала, что от активной поддержки Зиновьева ленинградскими большевиками не осталось и следа. Согласно отчетам губкома всего по городу за оппозиционные резолюции проголосовало 325 членов партии из 34 180, воздержалось — 126. Учитывая богатый опыт манипуляции с подсчетом голосов в Ленинграде (о чем мы неоднократно писали выше), нет основания безоговорочно доверять этим цифрам. Однако несомненно надежды на то, что заводские коллективы пойдут на второй раунд противостояния с большинством ЦК, не оправдались. Причина такого падения популярности объясняется не только неверными и непоследовательными шагами оппозиции. Перевыборы в бюро партъячеек после разгрома ленинградской оппозиции создали лояльную ЦК группу бюрократии, которая, обретя власть над коллективами, пользовалась всеми возможными ресурсами для агитации и давления на несогласных. Более того, как мы отмечали, членами бюро часто становились устроители инициативных групп, т. е. люди, искушенные в борьбе с оппозицией.

Тот прием, который оказали в Ленинграде вождям оппозиции, не мог не подействовать удручающе. И дело было не только в количестве голосов, а в характере встречи. «Мы бросились, очертя голову, на приступ и были смяты, отражены, отброшены, разбиты», — вспоминал об этих выступлениях Зиновьев в 1930-х гг., несколько сгущая краски.[114] Его речь на «Красном путиловце» прерывалась криками «дезорганизатор», «зачем приехал», «в Китай надо отправить». И хотя не было секретом, что обструкцию часто устраивали заранее подготовленные провокаторы, теперь они не встречали никакого отпора, как это было в начале года.[115] Поэтому видится, что Троцкий верно уловил настроение своего

союзника, отмечая в воспоминаниях, что Зиновьев был готов капитулировать уже в начале 1927 г.[116] Добавим также, что новые «уроки октября», преподанные уже в 1926 г., должны были подталкивать оппозицию к смене тактики борьбы. Очевидно, что без свободного поля для дискуссии, в условиях давления и полного идеологического контроля ЦК над коллективами, воздействие на партийные массы через агитацию в ячейках приводило в тупик. Осознать и принять это смогла только группа демократического централизма, свободная, в отличие от троцкистов и зиновьевцев, от партийного фетишизма.

В первой половине 1927 г. оппозиционная работа получила новый импульс. Причиной тому был кризис в Китае и появление, в том числе по его мотивам, знаменитого «Заявления 83-х». Расширение оппозиционной работы под влиянием международных событий было инициативой троцкистов, об этом вспоминал как сам Троцкий, так и Зиновьев, отмечавший, что его сторонники купились на «трескучую левизну» союзников по блоку.[117] Активизация борьбы произошла и благодаря внутренним факторам: в этот же момент в Ленинграде, как и по всей стране, возникло еще несколько оппозиционных течений.

В ЛГПИ им. Герцена был сформирован ленинградский центр так называемой буферной группы. В историографии до сих пор отсутствуют публикации, посвященные этой партийной группе, поэтому считаем нужным вкратце рассказать историю ее появления. Термин «буфер» довольно часто применялся в партийной лексике того времени для обозначения компромиссной позиции между линией большинства и той или иной оппозицией/уклоном. В 1927 г. старые большевики Г. Л. Шкловский и В. Д. Каспарова создали вокруг себя буферную группу, подготовленное ими программное письмо подписали 40 членов партии.[118] В отличие от документов блока, оно не содержало широкой программы реформ. Предложения буфера сводились к защите несогласных от репрессий, расширению демократии, в том числе через реформу Оргбюро,[119] и обращение к рядовым большевикам: «Верхушка заражена до крайности групповой борьбой. Спасти партию от раскола может только сама партия, только низовые ячейки ее».[120] Зажим демократии виделся им не только результатом политики ЦК, но и следствием недостаточно эффективной работы низовых коллективов. 100 % при голосовании за резолюции виделись чле-

нам буферной группы тревожным признаком. Отмечалось, что ячейки пассивны, многие партийцы уходят до конца собрания или голосуют механически. Среди актуальных вопросов обращалось внимание на отсечение большевистских лидеров, чей опыт необходим в условиях приближающейся войны.[121]

Е. М. Ярославский пренебрежительно окрестил программу Каспаровой—Шкловского вдовьим письмом, что было неуместным намеком на то, то среди ее подписантов были вдовы известных большевиков.[122] Группа ответила на эти выпады. Они отмечали, что Ярославский сознательно выставлял на первое место женские имена авторов письма «буфера», прибегая тем самым к приему, рассчитанному на людей, воспитанных в духе «домостроя» и азиатчины. Меж тем в числе 40 подписантов было всего 4 женщины. «Буфер» выражал протест против спекуляций Ярославского, указывая на то, что женщины до сих пор являются одной из самых обездоленных частей населения. Укоры Ярославского в примиренчестве назывались глупостью. Так как если не нужно призывать к миру, то выходит, что следует призывать к расколу. Со ссылкой на работы Сталина «О ленинизме»,[123] «буфер» еще раз подчеркивал необходимость согласия внутри партии и совместной работы всех групп, так как руководство страной без дискуссий невозможно, потому как нет механизма разрешения неизбежных разногласий.

ЛГПИ им. Герцена стал центром буферной группы благодаря усилиям супружеской пары — преподавателя М. Л. Ширвиндта (также профессор Политеха) и студентки С. А. Лотте. В числе их единомышленников были студенты института З. В. Зельцер, Е. Г. Семичева, И. П. Юдин и др. В целом группа не отличалась представительностью. Материалы опросов в КК членов «буфера» показывают, что они старались занять промежуточную позицию, не будучи согласными с рядом положений политики большинства ЦК, они не принимали и решения этих проблем, предлагаемые оппозицией.[124] В отличие от децистов и объединенной оппозиции буферная группа (как в силу убеждений, так и в силу скромных ресурсов) не занималась организацией своего движения, ограничиваясь сбором подписей под платформой и выступлениями в ячейках ВКП(б).[125]

Еще одним новым течением внутри ВКП(б) стали безвожденцы, лидером которых считался Г. И. Сафаров. В комсомоле без-

вожденцев также называли дрязговской оппозицией, по фамилии его неформального лидера Г. М. Дрязгова — студента рабфака Электротехнического института (вторым лидером был слесарь завода им. Ленина В. И. Укконе). Хотя Дрязгов считается одним из основоположников комсомольского движения, о его личности известно немного (имеются разночтения даже в дате его рождения). В 1916—1917 гг. он состоял в меньшевистской партии, после Февральской революции стал одним из организаторов молодежного социалистического общества «Труд и свет», в годы Гражданской войны — красный партизан.[126] В 1927 г. вместе с В. И. Укконе он подготовил программный документ о проблемах в комсомольском движении, ослаблении связей ВЛКСМ с рабочей молодежью и мелкобуржуазном перерождении организации, который представил на пленуме Ленинградского губкома ВЛКСМ.[127] От остальных групп дрязговская оппозиция отличалась непризнанием авторитета вождей и отказом выдвигать их внутри собственного движения. Политическая генеалогия безвожденцев, как отмечается, восходила к новой оппозиции.[128]

Практика борьбы

В сентябре 1927 г. появился программный документ оппозиции — Проект платформы большевиков-ленинцев, который обобщал ее основные взгляды на текущее положение и перспективы развития социализма. Обращает на себя внимание, что риторика, связанная с двумя поколениями партии и опорой на студенческую молодежь, одна из магистральных тем дискуссии 1923 г., полностью исчезла из оппозиционной программы. Единственное косвенное упоминание вузовской молодежи можно встретить в разделе о комсомоле: «Немедленно ликвидировать начавшуюся отмену революционных завоеваний в области труда и образования рабочей молодежи, отменить все новейшие решения, ухудшающие условия ее труда. В этом одна из важнейших предпосылок для борьбы с болезненными явлениями в комсомоле (пьянство, хулиганство и тому подобное)».[129] Почему один из главных аргументов дискуссии 1923 г., обеспечивший большую популярность и поддержку оппозиционерам в вузовской среде, оказался полностью вычищен из их главного документа? Очевидно, не в

последнюю очередь дело было в компромиссе между Троцким и Зиновьевым и в желании затушевать старые разногласия, потому как именно Зиновьев выступал одним из наиболее яростных критиков троцкистской «молодежной политики». С другой стороны, дискуссия 1923—1924 гг. показала, насколько уязвим для критики упор на новое поколение партии. Обвинения в мелкобуржуазном уклоне, провоцировании раскола в партии, по существу, затмили собой многие другие проблемы, поднятые в «Новом курсе» и «Заявлении 46-ти». Вполне обосновано то, что четыре года спустя проблему вузовцев и проблему молодежи было решено снять с актуальной повестки, чтобы сосредоточиться на более фундаментальных проблемах внутренней и внешней политики.

Содержание Платформы неоднократно разбиралось исследователями, поэтому мы ограничимся ее тезисным изложением, чтобы понять, какой вектор лидеры движения хотели задать очередной предсъездовской дискуссии. Красной нитью через содержание Платформы проходит идея «капитализма в рассрочку», выраженная в опасении того, что неверное направление политики приведет к постепенной реставрации капиталистического общества. Главными проблемами оппозиция видела сохранение нэпа в прежнем виде, который позволяет укрепляться кулачеству и не способен стать опорой для скорой индустриализации. Вторая проблема заключалась в непоследовательной внешней политике, недостаточной помощи зарубежным революционным движениям. Третьей предпосылкой к откату от завоеваний революции являлось укрепление бюрократии, которая, опасаясь за собственные привилегии, не позволяет рабочим влиять на жизнь государства, ограничивает их политическую и общественную роль.[130]

С конца 1926 г. в число непременных обязанностей оппозиции входило выступление в прениях по политическим и экономическим докладам в своей партячейке. От старших коллег по оппозиции поступали специальные инструкции — записываться на выступления по 5-6 человек подряд, создавая тем самым впечатление о большом представительстве оппозиции.[131] Любые темы, даже касающиеся исключительно работы коллектива, рекомендовалось сводить к обсуждению политической обстановки, особенно во время выборов в бюро или выступлений представителя райкома.[132] К выступлениям готовились заранее, писали шпаргалки, делали вырезки из газет.[133] При этом садились во время заседаний

не все вместе, а в разных углах зала; выступали сначала молодые члены партии, затем их коллеги с дореволюционным стажем.[134] В отдельных случаях давалась установка «набузить и уйти», т. е. покинуть собрание после прений, но перед началом голосования.[135] В периоды затишья тактика игнорирования голосования (и отказа выступать в прениях) применялась довольно часто, на прямые вопросы об оппозиционности в таких случаях отвечали шутя или иносказательно.[136] Существующие протоколы не позволяют подробно воссоздать ход этих прений, поэтому на примере ЛГУ мы отметим основные вопросы, затрагиваемые оппозицией, чтобы оценить примерное содержание полемики.

10 февраля 1927 г. при голосовании за резолюцию ленинградской партийной конференции, отклонившей предложения оппозиции, участники собрания спрашивали: не потому ли оппозиция в меньшинстве, что ее представителей высылают из города; почему их снимают не только с партийной, но и с производственной работы?[137] 8 июня при обсуждении итогов пленума исполнительного комитета Коминтерна у собравшихся возникали вопросы: почему речь Зиновьева не напечатали в газетах; в чем суть «Заявления 83-х»; в чем заключается пораженчество оппозиции; в чем разница в отношении к Англо-русскому комитету ЦК и оппозиции; какова позиция Троцкого по Китайскому вопросу?[138] 8 сентября в ходе обсуждения итогов пленума ЦК и ЦКК присутствовавшие задавали вопросы: есть ли личный мотив в разногласиях ЦК и оппозиции; чем объяснить отсутствие сахара и муки в такой хлебородной стране как СССР?[139] 3 ноября после доклада об итогах октябрьского пленума ЦК и ЦКК прозвучало выступление против введения 7-часового рабочего дня, а с мест спрашивали: почему не публикуется «завещание Ленина» и документы оппозиции; в каком томе Ленин говорил о возможности закрепления социализма в одной стране; что для партии болезненнее — открыть дискуссию или идти к расколу; почему выборы на партийную конференцию прошли раньше дискуссии?[140] Часто у оппозиции получалось довольно удачно подлавливать докладчиков, проводящих линию ЦК. 8 сентября прозвучало такое замечание: «Вы говорите, что в связи с рационализацией и стабилизацией капитализма угроза войны и противоречия увеличивается, в таком случае ведь Зиновьев прав».[141] 3 ноября в пику идее о построении социализма в отдельно взятой стране одним из оппозиционе-

ров было процитировано выступление Сталина 1924 г.: «Можно ли добиться победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев всех стран. Нет, невозможно».[142] Прения проходили и в комсомольских ячейках. На открытом заседании ячейки ВЛКСМ физмата, посвященном 10-й годовщине революции, Д. В. Редозубов предложил поправку к резолюции: вместо формулировки «мы строим и построим социализм, если Красная Армия и международный пролетариат будут в состоянии оградить Советский Союз от интервенции международного империализма» было предложено: «мы строим и построим социализм при поддержке международного пролетариата». Эта поправка была признана троцкистской вылазкой и потому отвергнута.[143]

Помимо ЛГУ консолидированные выступления проходили в ЛГПИ им. Герцена. Большое количество преподавателей в оппозиции придавало особый вес выступлениям в институте, так как в данном случае протестные высказывания нельзя было списать на студенческую молодежь. Примечательно, что здесь в прениях объединялись представители разных оппозиционных групп — С. А. Лотте (буфер), Н. И. Карпов, О. Г. Лифшиц, М. М. Духовный (троцкисты), Г. Я. Яковин («левый» троцкист), З. И. Лилина (сторонница Зиновьева). Выдвигаемые претензии касались не только вопросов государственной важности, но и характера работы институтского бюро ВКП(б), препятствовавшего нормальной дискуссии в нарушение партийного устава. 20 октября Духовный, Лотте, Яковин и Лифшиц призвали наконец открыть дискуссию перед XV съездом, разработать ее календарь и обеспечить кружки необходимым материалом. Отмечалось, что среди партийцев присутствует растерянность, нужно разъяснить актуальные вопросы.[144] Яковин выступал еще жестче: «...бюро коллектива своими мелкими вопросами вытесняет большие — это оппортунистическая пошлость». Представители бюро пытались заставить взять его свои слова назад, но тот отказался и получил выговор.[145] Наивысшая точка напряжения в дискуссии наступала во время обсуждений политических вопросов. 25 октября на заседании коллектива в ЛГПИ оппозиционеры согласно инструкции выступали поочередно. И. Ф. Панин осудил провокацию с врангелевским офицером;[146] Ю. П. Шейн предлагал не нарушать устав и проводить выборы на съезд только после дискуссии; Яковин протестовал против исключений старых большевиков, так

как дальше последуют только аресты и тюрьмы: «...сталинское господство ЦК надеется на свое большинство. Здесь сидящие товарищи голосуют механически». Эти выступления получили жесткий отпор: «...оппозиция везде и всюду приплетает завещание т. Ленина. С их лидерами нацацкались да и вышибли». Кто-то попытался решить вопрос «по существу», заявив, что партийная демократия заключается вовсе не в дискуссии.[147] Завершилась перепалка отчаянной репликой Н. И. Карпова, что если их считают контрреволюционерами, то пусть ставят к стенке, «мы будем бороться за ленинизм и победим, рабочие с нами».[148]

В Институте путей сообщения мелкобуржуазное перерождение партии оппозиционеры выводили из методов работы институтской ячейки ВКП(б). В. И. Сосновкин сокрушался, что бюро сдает многие завоевания в студенческой жизни, добытые в предыдущие годы. Предложенная им резолюция гласила, что урезаются права пролетарского студенчества в пользу старой дореволюционной профессуры. Ситуация, по мнению Сосновкина, усугублялась еще и тем, что многие коммунисты-руководители института ходили в церковь, отличались проявлением мещанства в быту, принимали в число студентов бывших белогвардейцев. Указание на эти неприглядные стороны партийной жизни объявлялось склокой или расколом. Не говоря прямо об оппозиции, Сосновкин решение проблемы омещанивания партии видел в свободе дискуссии, критики и самокритики ее членов.[149]

Другим поводом для возмущения становилось прямое нарушение устава партии, связанное с тем, что выборы делегатов на съезд и перевыборы в бюро ячеек проводились до открытия предсъездовской дискуссии; сама дискуссия была открыта слишком поздно — всего за месяц до начала съезда. Об этом, в частности, писал Бакаев в своем открытом воззвании.[150] Обвинения в нарушении устава партии носили взаимный характер. К началу 1927 г. оппозиция давно была лишена возможности доносить свои идеи до партийных масс через печать, поэтому ее лидеры пользовались любыми возможностям публичных выступлений, в том числе и перед беспартийными, что считалось большинством ЦК серьезным проступком. Тем не менее вряд ли подобные обвинения можно считать действительной заботой о сохранении в тайне внутрипартийных разногласий, так как они подробно излагались на страницах периодической печати. Одно из наиболее нашумев-

ших выступлений перед беспартийными произошло 9 мая 1927 г. в московском Доме союзов, где Г. Е. Зиновьев выступил с критикой ЦК и редакционной политики «Правды» на торжественном собрании по случаю 15-летия газеты. Этот выпад был расценен как грубое нарушение партийной дисциплины, и собрание бюро партийного коллектива ЛГУ (и других вузов) предложило осудить поведение бывшего председателя Ленсовета. Оппозиционеры справедливо восклицали, что невозможно осуждать выступление, если никто не знает, чему оно было посвящено. «Ленин говорил, тот дурак, кто верит на слово», — заметил Г. Е. Горбачев. Оппозицию своеобразно «поддержал» А. В. Краузе: он считал, что в партийной ячейке необходимо делать доклады по существу, чтобы у оппозиционеров не было поводов для выступления. Со ставшей к тому времени традиционной ссылкой на тяжелое международное положение коллектив встретил порицанием «новую выползку обанкротившегося вождя» (при 5 голосовавших против и 7 воздержавшихся из 438 присутствовавших[151]).

Изучение протоколов вузовских партийных ячеек сделало очевидным не только крайне малое количество голосов в пользу оппозиции, но и заставило обратить внимание на тот факт, что часто за программу Троцкого—Зиновьева отдавали меньше голосов, чем нам удалось выявить оппозиционеров при том или ином коллективе. Очевидно, что часть из них боялась выступать открыто, другая — саботировала голосования, уходя до его начала, третья, самая немногочисленная, являлась скрытыми оппозиционерами, в интересах движения не заявлявшая прямо о своих взглядах. В таких условиях заметное количество голосов «фракционные» резолюции собирали только в Политехническом институте — около 50.[152]

Судя по всему, выступления в партячейках имели еще одну, скрытую, цель полулегальной пропаганды. Периодически нам попадались резолюции оппозиции, изданные в виде листовок: очевидно, таким образом обходили необъявленный запрет на публикацию оппозиционных материалов в печати.[153] В 1927 г. резолюцию с любым содержанием все еще мог предложить каждый член коллектива. Поэтому распространение даже непринятых всеми резолюций формально не могло считаться нарушением. Хотя на практике к таким листовкам не относились более терпимо, чем к обычным.

Несложно заметить, что ход заседаний партийных коллективов в эти месяцы мало напоминал дискуссию. Руководители бюро делали все, чтобы сорвать выступления оппозиции, выставить ее в негативном свете и не дать высказаться по существу. Атмосферу, в которой проходили эти дискуссии, хорошо характеризует письмо, направленное в партийное бюро госуниверситета студентом Е. Ф. Косолаповым по результатам одного из ноябрьских заседаний. Приведем обширную, но крайне яркую цитату: «...давление нашего бюро (в лице президиума собр[ания]) на ведение собрания виделось ясно: неточный подсчет голосов, ничем не обоснованный отказ от подсчета воздержавшихся <...> навязывание коллективу делегации на партконференцию списком, вопреки настоянию не только оппозиционной части, но и значительной доли большинства. <...> Вместо дискуссии у нас практикуется дурной прием копания в личностях оппозиционеров. Тов. Дубатовка ставит в оппозиционную преступность одному товарищу то, что он давнишний оппозиционер, старый „путанник“, а другому то, что он <...> „оппозиционер — без году неделя“. В этом сказывается беспомощная путаница самого Дубатовки. Особенно недостойна травля тов. Ниссона, которого я и многие знают не как „контрреволюционера“ (аттестация Струппе), а как б[ывшего] подпольного коммуниста, сидевшего за границей <...>. Дискуссию срывают не только клеветой на оппозицию, но и прямыми угрозами физической расправы над оппозиционерами. Вспомните последнее высказывание отсекра [ответственного секретаря. — *Д. Б.*] района Струппе, который грозил „переломать ребра“ оппозиционерам. Это ведь погромный клич руководителя района. Дальше идти некуда. Видимо, мало исключения из ЦК во время дискуссии, нужно еще дубиной щелкать по ребрам».[154] Существуют и другие отзывы о том, что «на партсобраниях невозможно было толком выслушать оппозиционеров»[155] и происходили «ярые споры с шумом и свистом».[156]

Превращение университетских партийных дискуссий в обструкцию несогласных с «генеральной линией» подтверждает наблюдение Л. Д. Троцкого об общем характере полемики того времени: «...перепуганный аппаратчик, которого не тревожили два года, — сгоряча, во время заседания — неистово бранится и швыряется всем, что попадет под руку; но зачем же это задним

числом печатается в „Правде“? Дело объясняется просто: это есть форма инструктирования партии о том, как вести дискуссию. На узких собраниях активов, т. е. на секретных собраниях аппаратной фракции, секретари поучают, как шуметь во время заседания, как свистать, как выталкивать и пр. и пр.».[157] В коллективном заявлении оппозиции в сентябре 1927 г. приводились факты намеренных срывов выступлений. В Выборгском райкоме отключали свет во время чтения оппозиционного доклада, в Петроградском — на оппозиционера напали и разорвали озвученный им текст резолюции. На собрания ячеек приходили хорошо подготовленные банды, которые криками, бранью, угрозами срывали выступления.[158]

Схожие свидетельства о борьбе с оппозиционной агитацией в Ленинграде оставил В. Серж, выступавший в коллективе газеты «Красная звезда»: «Как только мы открывали рот, раздавались реплики и возгласы, даже оскорбления: „Предатели! Меньшевики! Пособники буржуазии!“ Следовало спокойно заметить председателю, что потеряно полминуты, и начать с рубленой фразы. Кто-то в президиуме торопливо делал заметки для горкома и ЦК. Зал следил за этим поединком безмолвно. Кричали десятка два старательных: мы давали отпор лишь им, уязвленные молчанием остальных».[159] Об атмосфере, в которой проходила борьба оппозиционеров, вспоминал Г. И. Григоров: «...агитация и пропаганда действительно свелись к навешиванию ярлыков на всех, отклоняющихся от линии ЦК <...> все меньше и меньше оказывалось смельчаков, задававших докладчикам „каверзные вопросы“».[160]

Конечно, в условиях морального давления многие оппозиционеры, особенно из числа молодых большевиков, во время выступления заметно нервничали, сбивались, выступали с дрожью в голосе. Вряд ли подобные выступления могли найти отклик среди присутствующих.[161] Свои чувства перед выступлением в ячейке столичного вуза описывала Н. А. Иоффе: «Как это было страшно! Огромная аудитория, кругом враждебные лица, ехидные реплики с мест! На мое счастье, из Ленинграда перевелась к нам жена одного нашего товарища — комсомолка. Она разделяла наши взгляды, садилась в первом ряду, и, когда мне приходилось выступать, я всегда смотрела на эту Зойку[162] — по крайней мере видела хоть одно дружелюбное лицо».[163]

Как и в ходе дискуссии 1923 г., сторонники ЦК шли на открытые нарушения порядков заседания. Заседание рабфака ЛГУ 3 ноября 1927 г. началось со скандала, связанного с появлением известного экономиста-оппозиционера Н. Я. Пилявина. Большинство присутствовавших высказалось за предоставление ему слова, так как участие в работе ячейки представителей других коллективов было в порядке вещей. Однако последовавшая обструкция не позволила ему высказаться. Далее был представлен доклад о текущем положении, к которому было задано более 50 вопросов (крайне большое число для подобных заседаний). Несмотря на то что содержание вопросов и ответов в протоколах не отражено, тот, кто вел их запись, заключил, что докладчик «уничтожающе, с фактами в руках, разбивает те доводы, которые приводили в оправдание линии оппозиции».[164] При этом сами сторонники большинства активно пользовались прикреплением новых членов к политически «слабым» коллективам. Так, к одной из ячеек «Красного путиловца» было прикреплено несколько курсантов из ВПАТа, когда оказалось, что и их недостаточно для вынесения необходимой резолюции, в срочном порядке был откомандировано еще 4 курсанта и, таким образом, с минимальным перевесом голосов оппозиционную резолюцию удалось отклонить. Итак, пятая часть голосовавших не имела к заводу никакого отношения. В другой ячейке «Путиловца» победить оппозицию не помогла и делегация из ВПАТа.[165]

Отметим, что по сравнению со столицей схватки ленинградских студентов-оппозиционеров выглядели довольно миролюбивыми. Для сравнения рассмотрим, как проходила дискуссия в Московском высшем техническом училище — одном из средоточий сторонников Троцкого. 5 ноября ячейка пригласила Троцкого и Каменева выступить перед коллективом. Появление вождей оппозиции было встречено восторженными криками, а Каменев был избран председателем собрания. Через несколько минут в зал попыталась ворваться мобилизованная группа студентов-«свистунов», предводимая Углановым, Ярославским, Енукидзе и другими старыми большевиками. Выставленный на входах в аудиторию оппозиционный конвой победил в стычках и не пропустил «сталинцев». С трудом, в невероятной тесноте и духоте все же удалось начать заседание. Однако во время доклада Каменева со-

бравшимся отключили свет и дальнейшее чтение доклада проходило уже при свечах.[166]

Анализируя содержание дискуссии в вузовских ячейках, нельзя не отметить, что основные положение Платформы воспроизводились лишь фрагментарно. Так, не удалось найти упоминаний оппозиционного взгляда на проблемы национальной политики, устройства советов, профсоюзов, Красной армии, выделенные в документе в отдельные блоки. Можно предположить, что эти сюжеты виделись не слишком значимыми частностями, которые лишь испытывают на себе влияние более фундаментальных кризисов, связанных с бюрократизацией, нэпом и сворачиванием курса на мировую революцию. Чаще рядовые оппозиционеры обращались к тем кризисным явлениям, которые они сами могли ощутить через собственный политический опыт, что также накладывало отпечаток на характер выступлений в ячейках. Это приводило к частой критике работы ячеек, недостатка демократии, обращалось внимание на отчужденность партийцев от принятия решений, формальный и рутинный характер работы коллективов ВКП(б), снобизм и высокомерное поведение партийных руководителей.

При этом руководители ячеек, сторонники большинства получали колоссальную поддержку для борьбы с идеологическим противником. С начала 1925 г. начинают регулярно издаваться пособия, сборники, собрания публицистических статей и резолюций ВКП(б) и Коминтерна, направленных против оппозиции. И если на первом этапе эти издания предполагали хотя бы видимость объективности (в собрания включались отдельные статьи и выступления ленинградских оппозиционеров), то впоследствии публиковалась исключительно разгромная критика. Одним из наиболее популярных изданий были подборки статей Е. М. Ярославского — наиболее непримиримого борца с оппозицией. В его работах 1920-х гг. акцентировалось внимание на неприглядных фактах биографий оппозиционеров, противоречиях между различными группами и т. д.[167] Сколь широк был ассортимент этих изданий, столь велик был и их тираж, исчислявшийся десятками тысяч экземпляров. Наиболее растиражированным изданием из тех, что нам удалось найти, были «Факты и цифры против демагогии оппозиции» тиражом в 100 тысяч экземпляров. Можно уловить определенный символизм в том, что столь популярное

издание, подготовленное Агитпропом ЦК и МК ВКП(б), вышло с орфографической ошибкой на обложке: утверждалось, что оппозиция занимается именно «дем***о***гогией».[168]

Последняя коллективная акция вузовской оппозиции в ячейках была посвящена А. А. Иоффе, застрелившемуся 17 ноября в знак протеста против исключения Троцкого из партии. Обстоятельства его смерти не были широко известны вплоть до получения Троцким предсмертного письма Иоффе. Тогда в конце ноября на заседаниях бюро различных факультетов ЛГУ оппозиционеры предложили почтить вставанием память старого большевика. На географическом факультете выступал В. С. Дубов, на физмате — Д. В. Редозубов, на факультете советского права — И. С. Лукас. Только последний добился удовлетворения просьбы о вставании, однако тем не менее было подчеркнуто, что Иоффе умер от продолжительной болезни, а Лукаса заклеймили как провокатора.[169] В ЛГПИ выступил Н. И. Карпов, которому отказали сообщить подробности об обстоятельствах смерти Иоффе, так как об этом якобы известно из газет.[170]

Справедливо задаться вопросом, насколько эффективной была публичная пропаганда в ячейках, учитывая, что она проходила в условиях неприкрытой травли. Б. Е. Беленький (Институт путей сообщения) описывал то колоссальное давление, которое он испытывал с разных сторон: «В партийном отношении я тогда находился между двумя влияниями, двумя силами. Многие товарищи, желая отколоть меня от оппозиции, доказывали, что оппозиция разрушает единство партии и что это чревато опасностями в период капиталистического окружения нашей страны. Этот довод на меня сильно действовал, и я частенько задумывался, прав ли я. Но с другой стороны передо мной вставал Сталин с его методами руководства <...> и я не мог мириться с ним».[171]

Однако даже в таких условиях агитация в ячейках иногда находила отклик. К. А. Шостак (Политехнический институт) сам нашел в общежитии Института путей сообщения студента, выступавшего в ячейке в оппозиционном духе. Тот сначала подозревал в нем провокатора. Когда сомнения развеялись, была назначена встреча на нейтральной территории — у памятника Г. В. Плеханову. Впоследствии состоялась еще пара встреч, после которых Шостака познакомили с оппозиционной платформой и убедили ее подписать, успокоив тем, что документ вполне легальный. Од-

новременно началась подготовка к прениям в ячейке. Впоследствии состоялось знакомство с С. Г. Боголеповым — лидером оппозиции Политеха и Выборского района, а затем Шостаку дали адрес квартиры, где устраивал встречи Г. Е. Зиновьев.[172]

Сохранились отдельные свидетельства того, как выглядела обработка нейтральных партийцев. Другой студент Политеха В. А. Головизнин описывал, как к нему подходил однокурсник П. П. Борзенко и начинал разговор издалека. Интересовался, как тот голосует, какие имеет мысли о политическом положении. Так, удалось узнать, что собеседник хотя и голосует за большинство, но все же имеет сомнения по некоторым вопросам, которые решает чтением партийной литературы. Тогда Борзенко сам прикинулся сомневающимся и предложил вместе почитать оппозиционные документы, так как в официальных правды нет, ее прячут. Головизнин дал свое согласие и получил похвалу за смелость, так как со слов его собеседника только честные партийцы не будут преклоняться перед бюрократией. В дальнейшем его обещали познакомить с известным оппозиционером по Выборгскому району.[173] Через несколько дней встреча состоялась. Пришел обещанный лидер группы М. Селиванов (студент Военно-технической академии), который произнес общую речь, однако обсуждать конкретные дела в присутствии нового члена отказались.[174]

Описанные случаи — это пример грамотной и осторожной работы оппозиционной ячейки, которая заботилась о качественном составе движения и старалась избегать появления в своих рядах шпионов, провокаторов или случайных людей. По мере включения в работу нового члена его знакомили со все более влиятельными фигурами и приглашали на более ответственные собрания. Но далеко не все оппозиционеры отличались подобной аккуратностью. З. А. Брейдо (Институт гражданских инженеров) после встречи с бывшим однокурсником студентом ЛГУ А. Б. Падво был в скором времени приглашен на собрание с Троцким на проспекте 25 октября (ныне — Невский). Там его свели с одним из лидеров оппозиции в комсомоле — университетским рабфаковцем М. С. Мартинковским («Малька»). Тот начал с места в карьер: дал Брейдо оппозиционные материалы, поручил организовать кружок, велел выступать в партячейке, пригласил на новые собрания с участием вождей оппозиции, хотя сам признавал, что они под угрозой срыва. При этом Мартинковский не скрывал своей уверенности в

победе оппозиции, говорил о скрытых сторонниках в Центральном и Выборгском райкомах, утверждал (или выдумывал), что свои люди есть и в ГПУ, и именно они спасают оппозицию от чистки партаппарата и предупреждают о возможных облавах. Вскоре Брейдо, очевидно, ошеломленный столь яростным напором, донес обо всем в контрольную комиссию, сдав полученные материалы и назвав услышанные фамилии.[175] Другие агитаторы не обладали должной выдержкой. С. А. Шклярман, обрабатывая одного из товарищей по Политеху, в своей пропаганде быстро сорвался на брань: «Дурак тот, кто верит нашим передовицам, да и вообще ЦО партии».[176] Другие оппозиционеры явно смешивали политическую пропаганду с флиртом. Студентка Института путей сообщений заявляла: «Однажды подходит ко мне тов. [М. Ф.] Строков и заявляет, что „я буду тебя обрабатывать, ты — девка хорошая, но тебя обманывают“».[177]

В условиях, когда агитация в партийных ячейках была затруднена из-за обструкций и давления со стороны начальства, особую роль в деле поиска сторонников начинали играть личные связи. К оппозиции приобщали жен и мужей, братьев и сестер, друзей, однокурсников и соседей по общежитию. Наиболее важную роль неформальные связи играли в среде преподавателей, которых часто объединяло революционное прошлое или общий быт. Политическая поддержка близких создавала чувство защищенности, спасение от возможных провокаций.

Некоторые оппозиционеры старшего поколения были знакомы еще по дореволюцинной партийной работе, как, например, А. Л. Бронштейн и один из главных пропагандистов «Нового курса» в Петрограде Б. Г. Козловский.[178] Ключевая фигура ленинградской оппозиции 1926—1927 гг. Ф. Н. Дингельштедт в 1910—1911 гг. входил в состав Коалиционного комитета, который руководил одной из крупнейших студенческих забастовок в истории Российской империи.[179] Активным участником этого протеста был также Г. Л. Пятаков — будущий лидер компартии Украины, член ЦК ВКП(б), известный оппозиционер.[180] З. Н. Гайдерова знала по подпольной работе будущего зиновьевца С. И. Канатчикова.[181] Отметим, что в целом случаи подпольных связей до революции в исследуемой нами группе вузовских оппозиционеров не были слишком часты ввиду молодости студентов и большинства преподавателей.

Другим важным фактором втягивания в оппозиционную борьбу были семейные связи. Даже выборка, ограниченная вузовцами, дает десятки примеров работы в оппозиции семейных пар. Среди преподавателей: В. В. Бухарцева и Т. И. Харечко, О. М. Танхилевич и И. М. Альтер (впоследствии второй муж — В. К. Яцек), М. А. Советкина и Ф. Н. Дингельштедт, Д. И. Белоцерковская и Г. И. Григоров, С. А. Лотте и М. Л. Ширвиндт, М. Я. Натансон и А. И. Анишев, С. Б. Раскина и Б. А. Куржнир, Б. С. и С. И. Канатчиковы, М. Г. Павлова и Р. И. Коновалов, О. Е. Юргенс и Н. И. Карпов, а также его вторая жена А. Д. Войтоловская, сестра которой была замужем за оппозиционером К. В. Нотманом.[182] Среди студентов: С. Г. и М. М. Боголеповы, Ю. Ю. и Д. Ю. Гессен, Г. А. Лавров и Е. А. Чернышева, Е. Я. и Е. Г. Семичевы, Ю. Б. Тартаковская и Е. Т. Тимофеев-Копельсон, С. Ф. и В. С. Витковские, С. Б. Лобанова-Фальсковская и Л. С. Штеренсон, К. М. Никитина и С. А. Николаев, И. В. Игнатьева и А. И. Роман и др. В оппозиции состояли и жены ее лидеров — бывшая супруга Зиновьева З. И. Лилина, бывшая супруга Троцкого А. Л. Бронштейн. Участвовали в оппозиции и кровные родственники, братья и сестры: А. Б. и М. Б. Падво, Н. В. и Д. В. Вихоревы, А. Н. и Г. Н. Луловы, А. Я. и Э. Я. Клявс-Клявины, М. Г. и А. Г. Мальчихины, М. Х. и З. Х. Бураго, двоюродные братья Н. А. и С. П. Отрожденные, сестры А. Л. Бронштейн и М. Л. Соколовская и др.

Многих связывали дружеские и профессиональные отношения. Не последнюю роль в формировании личных связей сыграл Институт красной профессуры в Москве. Многие ленинградские оппозиционеры входили в число первых двух выпусков 1924—1925 гг.: Дингельштедт, Альтер, Танхилевич, Ширвиндт, Яковин, Григоров, Райский, Лепинь и др. Оппозиционное сообщество института описал бухаринец В. Н. Астров в романе «Круча». Вузовские связи часто перерастали в семейные и дружеские. Неформальным центром оппозиции стала «Астория», о чем подробнее будет сказано ниже. Оппозиционеры были хорошо знакомы между собой в быту, их дети (например, Григорова и Дингельштедта) учились в одних школах.[183] Часто приходилось помогать друг другу в условиях гонений. Н. Я. Пилявин рассказывал, что должен был несколько месяцев кормить К. В. Нотмана, когда того сняли с работы.[184] Другим средоточением вузовской оппозиции стал Научно-исследовательский институт марксизма при Комму-

нистическом университете им. Зиновьева: в 1920-х гг. там трудилось около 30 оппозиционеров.[185]

Выстраивание движения с опорой на личные связи помогало бороться с проблемой провокаторов. Г. И. Григоров вспоминал, что слежка и доносительство приобретали массовый характер.[186] Речь при этом шла не только об агентах, подосланных ГПУ или Контрольной комиссией; многие студенты, движимые корыстными побуждениями, доносили совершенно добровольно. Один из доносителей Политеха говорил, что в разговоре с оппозицией старался больше слушать и меньше говорить. За активистами ЛГУ была установлена форменная слежка. О. В. Дубатовка доносил, что В. С. Дубов у себя на квартире проводил собрания поздно ночью в 2-3 часа. Когда заходил кто-то посторонний — ему отвечали, «что Дубов моет голову и заходить нельзя, а „свои“ заходят свободно, а через несколько минут выходит Дубов в коридор без признаков мытья головы, т. е. голова сухая».[187] Оппозиционер из ЛГПИ проносил оппозиционные материалы в общежитие, пряча их в грязном белье.[188] Было установлено, что оппозиционеры из коллектива ЛГУ собирались в номерах одной из городских бань.[189] Такая бдительность информаторов в отношении политической гигиены, разумеется, использовалась против оппозиционеров при их исключении из партии. Кто-то, наслаждаясь свой ролью, придавал тексту доноса публицистическую остроту. Подробное донесение о работе троцкистов и зиновьевцев в Центральном районе носило название «Дела и люди оппозиции» и открывалось словами: «С легким взвизгиванием и зло огрызаясь, отступает оппозиция, сопровождаемая сочувственным причитанием домашних хозяек и зарубежной заграничной прессы <...> интересно подвести итоги закончившейся борьбы и сделать беглый смотр врагам и их деяниям <...> можно начинать со славных деяний не менее славных вождей».[190]

Доходило и до вовсе постыдных эпизодов. Был выкраден дневник комсомольца ЛГПИ Т. Ф. Малеева, где в крайне резких выражениях он описывал свое отношение к ЦК, для борьбы с которым не исключал и террористических методов. Бюро коллектива не просто использовало эти приватные записи для борьбы с оппозицией, но и прилюдно зачитало их на собрании ячейки Института.[191] Похожий случай имел место в Политехническом институте, когда один из студентов выкрал оппозиционные мате-

риалы из комнаты М. Л. Казакевича в общежитии.[192] Существовали и более изощренные способы провокации. Студент Сельскохозяйственного института Д. И. Селиванов совершил дружеский визит в комнату общежития, где жили сторонники Троцкого—Зиновьева и предложил им выступить в кружке текущей политики, которым он руководил. Когда заседание кружка состоялось, сам Д. И. Селиванов принялся распекать оппозиционеров за их взгляды, выступив, таким образом, как классический провокатор, подставивший товарищей под всеобщее осуждение.[193]

Иногда обвинения во фракционной работе не имели отношения к реальности и использовались для сведения личных счетов. Так, в 1927 г. поступило заявление о принадлежности студента Г. С. Семыкина к оппозиции, которое шло в череде таких неприглядных поступков, как невозвращение долга, пьянство и связь с проститутками. В ходе разбирательств выяснилось, что кутежи устраивались совместно с авторами доноса, а упомянутый долг — не что иное, как незакрытый счет, оставленный в одном из питейных заведений. Все участники инцидента получили выговор за склоку.[194] Использование обвинений во фракционной борьбе (мнимой или имевшей место в действительности) для решения корпоративных конфликтов стало активнее применяться уже в начале 1930-х гг.

Часть оппозиционеров предлагала бороться с провокаторами самыми радикальными методами. Студент Горного института В. Ф. Лысов (подробнее о нем ниже) предлагал бить им «морду». М. С. Ворчалов (Политех), раскусив одного из доносителей, требовал рассказать, по чьему поручению тот действует, а впоследствии угрожал публично опозорить, заявляя, что «ты нас выдашь, ты подумай, что ты делаешь, посмотри на участь провокаторов из истории нашей партии, это величайшая низость», «посадим тебя в галошу и опозорим — этого требует логика борьбы».[195] Как и в дооктябрьской революционной истории прослыть провокатором и доносителем было самым страшным событием. Во время исключения из партии в 1927—1928 гг. даже те, кто отказался от взглядов, в большинстве случаев избегали указывать на бывших товарищей по борьбе, боясь дурной славы.

Конечно, борьба с провокаторами не сводилась только к угрозам. Предпринимались различные меры по конспирации дви-

жения. В ряде случаев для участия в работе кружка требовали рекомендации от действующих оппозиционеров.[196] В отдельных ячейках существовала установка собираться внезапно, назначая время и место встречи за несколько часов до сбора, чтобы у контрольных органов не было времени отреагировать. Часто использовались клички и эвфемизмы. «Фельетонами» называли тексты оппозиции, «стариками» — вождей. Участников движения призывали внимательно относиться к оппозиционным текстам, так как они становились ключевой уликой для контрольной комиссии. В Выборгском районе запрещали давать материалы рядовым членам, ими должны были располагать только проверенные организаторы, которые знакомили интересующихся с текстами исключительно во время собраний.[197] Существовали рекомендации относительно общения с провинцией. Отправлять письма можно было только из Ленинграда на периферию, но не в обратном направлении, так как считалось, что письма из северной столицы не подвергаются тщательной перлюстрации.[198] При вербовке новых членов интересовались, боятся ли они контрольной комиссии, как будут держаться на опросах.[199]

Разберем, в чем же заключались задачи оппозиционера помимо ведения агитационной работы в собственной ячейке. Студент Политеха Н. Н. Гаврилов так формулировал задачи низовых оппозиционеров.

«1. Нужно было активно выступать с защитой своих взглядов на партийных собраниях.

2. Распространять платформу оппозиции, размножать и распространять другие документы, составленные руководителями оппозиции.

3. Собирать деньги, нужные для покупки бумаги, для помощи отдельным товарищам, так как уже начались увольнения с предприятий за участие в оппозиции.

4. Налаживать связи со сторонниками оппозиции на заводах и в вузах, вести там агитационную работу.

5. Поддерживать связь с руководством ленинградской оппозиционной группы».[200]

Особенности агитации в ячейках (п. 1.) мы рассмотрели выше. Обратим внимание на другие важные пункты, связанные с агитацией на фабриках и заводах, встречами с вождями, а также с подготовкой и распространением листовок.

Структура оппозиционного движения предполагала, что агитация на промышленных предприятиях должна проходить согласно делению на районы. Однако на практике подобный территориальный принцип применялся не часто. В согласии с районным подходом агитация велась в Василеостровском районе: студенты и преподаватели ЛГУ и Горного института агитировали работников завода им. Казицкого,[201] Трубочного завода им. Калинина.[202] Очевидно, общий акцент движения был сделан на пролетарские районы — Выборгский, Московско-Нарвский, Володарский. Сами оппозиционеры признавались, что Васильевский остров имел второстепенное значение, в Центральном и Петроградском районах работа и вовсе почти не велась.[203]

Как эта работа проходила в среде вузовцев, можно рассмотреть на примере студента Н. А. Отрожденного. В 1926—1927 гг. он занимался пропагандистской работой в Московско-Нарвском районе, вел кружок на заводе «Красный путиловец» и сам посещал кружок пропагандистов, где получал указания от старших товарищей.[204] Работу в 5-6 кружках в это же время вел преподаватель ЛГУ К. В. Нотман, к Колпинскому заводу была прикреплена З. Н. Гайдерова.[205] Особую важность имели университетские кружки текущей политики, где оппозиционеры также имели возможность для выступлений. Связи с «Красным треугольником» имели студенты Политехнического института.[206] Агитацию на предприятиях Володарского района (завод «Большевик», завод им. Ленина) вели студенты Военно-политической академии.[207] Вузовцы вели кружки на заводе «Красный гвоздильщик».[208] В задачи кружков входила обработка новых членов, сбор подписей под «Заявлением 83-х». Предпринимались отдельные попытки сбора кружковых взносов или организации касс, однако в полной мере на этот шаг не пошли, так как он мог бы подтвердить обвинения во фракционности. Работа оппозиционеров, очевидно, имела некоторое воздействие. Информационные сводки политических настроений в ВЛКСМ фиксировали крайне резкие высказывания молодых работников-комсомольцев в заводских коллективах: Сталин действует протии оппозиции «как Керенский против Ленина. Красную революцию погубили», «кровь китайских революционеров лежит на голове [sic!] Сталина», «китайская революция провалена по вине Сталина».[209] Были и локальные организационные успехи. Усилиями В. И. Москвина в ноябре 1926 г.

в состав цеховых ячеек «Красного путиловца» удалось провести около 25 сочувствующих оппозиции работников.[210] При этом пополнение рядов оппозиции в отдельных случаях происходило за счет новых сторонников Троцкого: на фабрике им. Веры Слуцкой было 12 троцкистских групп и только 3 зиновьевских (там агитировали Г. И. Григоров и студент Комвуза И. А. Белов).[211]

Студент Политеха В. Я. Патрикеев объяснял, что агитация в фабричной среде носила не только политический, но и психологический характер. Полагалось, что рабочий слишком задавлен, слишком боится возможных репрессий и опасается выступать под угрозой сокращения. Выступления пришедших оппозиционеров должны были оказать им моральную поддержку, продемонстрировать, что не следует бояться, так как они не одиноки и имеют много единомышленников. Было ощущение, делился Патрикеев, что рабочие массы видят в них защитников ленинской линии.[212] Другая часть оппозиционеров, связанная с Технологическим институтом, утверждала, что рабочие массы плохо осознают разногласия в большевистской партии и живут преимущественно шкурными интересами. Поэтому оппозиция своей задачей видела встряску рабочих, которая бы пробудила их политическое сознание.[213] В качестве встряски, очевидно, шли и на подталкивание к организации стачки.[214]

Несмотря на свою немногочисленность, активную агитацию в среде рабочих вела группа демократического централизма. Они пропагандировали на заводе Марти, заводе им. Казицкого; под руководством Ф. Г. Устимчика на квартирах проходили собрания рабочих Трубочного и Пролетарского заводов. Обсуждали программный документ децистов «Платформу 15-ти», статью «Как аппаратчики готовятся к съезду», предлагали ее распространять.[215] С Пролетарским заводом у децистов была достаточно тесная связь, еще в 1923 г. здесь в качестве гостя выступал студент ЭТИ, сапроновец П. С. Юшкин,[216] там же делал доклад известный московский оппозиционер Б. М. Эльцин.[217]

Но прежде чем агитировать на заводе, следовало проникнуть через его проходную, что не было простой задачей. Решить ее в рамках закона удавалось не всегда. Так, один из лидеров комсомольской оппозиции рабфаковец ЛГУ М. И. Мартинковский призывал молодых рабочих подделать для него пропуски на завод, для того чтобы оппозиционеры смогли проникнуть на собрание

коллектива о внутрипартийном положении.[218] По крайней мере один такой пропуск был подготовлен.[219] Однако подобные эпизоды нельзя считать частыми.

Ключевой задачей оппозиционеров являлся сбор подписей под программными документами. Несмотря на усиление репрессий, в среде оппозиции сохранялась надежда на публичное обсуждение их взглядов и предложений в рамках грядущего съезда ВКП(б). Предполагалось, что массовая поддержка, выраженная в большом количестве подписей, заставит ЦК прислушаться к критике. В литературе основное внимание уделено «Заявлению 83-х». Однако не только блок Троцкого—Зиновьева собирал голоса в пользу своей программы. В 1927 г. в ходу было три оппозиционных программы-петиции: заявление блока, децистская «Платформа 15-ти» и заявление буферной группы, рассмотренное нами выше.

Сторонники блока устанавливали специальные нормативы по сбору подписей. Зиновьев полагал, что если собрать 30 тысяч подписей, то их невозможно будет проигнорировать.[220] Звучали и более умеренные требования в 20 тысяч подписей. Отдельные разнарядки существовали для районных ячеек. Так, на Ленинград отводилось 6-7 тысяч подписей, а конкретно на Выборгский район — 700.[221] Собранный под документом список подписантов отправлялся в ЦК. Иногда к сбору подходили довольно халатно, делая упор на количество, а не на качество. Особенно часто это происходило в провинции; так, например, оппозиционер из Череповца жаловался, что предлагали подписать заявление, не давая его прочесть.[222] Децисты собирали свои подписи отдельно и также направляли их в адрес ЦК; возлагалась эта работа на универсанта Д. В. Вихорева.[223]

Для поддержания мотивации оппозиционеров, осознанно или нет, распространялись слухи о большой поддержке и скорых успехах. Рабфаковец А. М. Деулин уверял, что только среди старых большевиков в Ленинграде платформу подписало более тысячи человек.[224] В действительности же компанию по сбору подписей нельзя назвать успешной. Несмотря на то что точное число подписантов неизвестно, оно оказалось явно ниже планируемых десятков тысяч и составило около 5-8 тысяч, что в условиях открытой травли тоже можно считать неплохим результатом. Тем не менее документ не был принят съездом к обсуждению. Впоследствии подпись под ним или сбор подписей играли роль отяг-

чающего обстоятельства при проработке оппозиционеров в конце 1927—начале 1928 г. По мере приближения к съезду рядовых оппозиционеров начали готовить к тому, что результаты съезда будут подтасованы, его решения нелегитимны и потому необязательны для исполнения.[225]

Главная трудность в изготовлении листовок и перепечатке документов заключалась в том, чтобы достать необходимое оборудование и расходные материалы. Купить легально множительные аппараты вроде шапирографа, ротатора было невозможно без специального разрешения ГПУ.[226] Поэтому, как правило, в этом деле приходилось прибегать к злоупотреблениям на работе. Так, студенту Политеха печатные машинки предоставлял сотрудник «Красной газеты» В. Н. Чадаев. А. П. Салтыков после исключения из ВПАТа работал в школе и также предоставлял машинку в пользование соратникам. Н. Я. Храмцов регулярно выносил машинку из института Гипромез, находясь в сговоре с шофером и машинисткой института.[227] Обходным путем доставались типографские шрифты из литографии. Наибольшую помощь здесь оказывали оппозиционеры из типографии им. Володарского, которые, очевидно, и несли основную нагрузку по изданию литературы, в их числе Чадаев, Серж, Юргенс. По свидетельствам ОГПУ, именно последняя была главным организатором подпольной печати документов.[228] Иногда приходилось прибегать и к более радикальным методам. Студент Горного института Лысов украл из института новый стеклограф для устройства нелегальной типографии.[229] Были свои «агенты» среди торговцев бумагой на Сенном рынке, которые снабжали оппозицию.[230] Значительная часть листовок поступала из Москвы. Получали ее почтой или посылками как лидеры оппозиции вроде Бакаева, так и рядовые члены.[231] Листовки, как правило, распространялись на заводах. Рабфаковец Горного и работник «Красного Гвоздильщика» А. П. Дорошенко развешивали их в местах наибольшего скопления людей: в цехах, на проходной, у уборной.[232] Выдавались листовки и персонально, т. е. лично новым членам оппозиции. Содержание личных дел показывает, что в распространение и изготовление оппозиционных материалов были вовлечены сотни студентов.[233]

Иногда помогали сочувствующие рабочие, старые члены партии, симпатизировавшие сторонникам Троцкого или Зиновьева.

Так, из двух источников известно о пожилой паре, жившей на даче в Сестрорецке и помогавшей оппозиции. Никто не знал их имен, обращались к ним «дед» и «бабушка». Студент Н. Н. Гаврилов приезжал к старикам тайком и в комнате с занавешенными окнами набирал тексты листовок.[234] Студент Военно-инженерной академии К. Н. Емельянов рассказывал, что на даче под обшивкой крыши находился архив документов и листовок оппозиции.[235]

Помимо коротких листовок на актуальные темы и выступлений лидеров оппозиции на партийных форумах можно выделить перечень наиболее популярных текстов, распространяемых или изучаемых в среде оппозиции. В их числе — фрагменты политического «завещания Ленина», в особенности отрывки с резкими характеристиками в адрес Сталина. Полулегальным методом создания листовок была публикация заявлений, отправленных оппозицией на имя центральных партийных органов, которые в копиях также получали широкое распространение.[236] Другим способом придать выпуску листовок легальный вид было распространение писем, отклоненных для публикации редакциями крупных партийных газет. Считалось, что, получив неправомерный отказ в редакции, оппозиция обнародует письма не по собственной инициативе, а под влиянием репрессий. По такой схеме, например, появилась череда писем до и после демонстрации 7 ноября 1927 г. К числу полулегальных документов, появившихся на свет подобным путем, относится и письмо Л. Д. Троцкого в Ленинградский Истпарт.[237] Появилось оно при следующих обстоятельствах. 27 апреля 1927 г. Институт Ленина при ЦК ВКП(б) велел Ленинградскому Истпарту отложить публикацию Протокола Петроградского совета профессиональных союзов от 9 ноября 1917 г.[238] Такая же директива вскоре последовала и относительно речи Ленина, произнесенной на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) 1 ноября 1917 г. Знакомство с содержанием документов дает красноречивое объяснение этим указаниям. В первом документе Троцкий вместе с Лениным отмечаются как главные организаторы революции: «своим саботажем наши противники нанесут великий удар не Ленину и Троцкому и др. большевикам, а всему рабочему классу»;[239] а во втором содержалось следующее ленинское высказывание: относительно меньшевиков «Троцкий давно сказал, что объедин[ение] невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего б[ольшеви]ка».[240] Оба

документа готовились к публикации в сборнике «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.», но так и не были в него включены. Уже после набора корректуры от секретариата ЦК поступило распоряжение отправить эти места «в разбор». Глава Ленинградского истпарта П. Ф. Куделли в качестве причины такого пропуска назвала плохую запись документа.[241] Такое объяснение не видится состоятельным, так как копия этой записи активно использовалась Троцким в его пропагандистских текстах в эмиграции.[242] Среди студентов этот текст распространял Н. Л. Альтгаузен,[243] М. Г. Мальчихин[244] и др.

Удивительно встретить в череде текстов, передаваемых оппозиционерами из рук в руки, статьи идеолога национал-большевизма Н. В. Устрялова.[245] Очевидно, сторонников Троцкого—Зиновьева привлекала выдвигаемая Устряловым идея о перерождении партии, изживании Сталиным собственных «левых пороков» и постепенном замещении ленинской гвардии более полезным и работоспособным середняком. Разумеется, Устряловым эти явления оценивались как положительный сдвиг в развитии СССР. Оппозиционерам же одобрение сталинской политики со стороны известного реакционера казалось показателем близости их антиленинских позиций. Сложно оценить, какое впечатление производили подобные тексты на рядовых партийцев, так как сами оппозиционеры получали в них весьма нелестные характеристики. Левая теория нарекалась «выжатым лимоном, нужным стране не более чем прошлогодний снег», а поведение Троцкого и Зиновьева — «бунтом вождей против инерции партдисциплины, против упора ими же самими натренированных на послушание масс».[246] С той же целью — пропаганды от противного — распространялись статьи австрийского социал-демократа О. Бауера, который приветствовал расправу с левой оппозицией как свидетельство отказа от авантюры мировой революции.[247]

Наиболее важным документом левой оппозиции, разумеется, была «Платформа большевиков-ленинцев». Издать кустарным способом этот объемный, размером с брошюру труд было затруднительно. Выручила смелость и сноровка московских оппозиционеров. В сентябре 1927 г. работник московского губотдела союза печатников старый большевик М. С. Фишелев под видом повести Д. А. Фурманова «Путь борьбы» отпечатал тираж «Платформы». После выхода из печати фальшивая обложка была со-

рвана и программа оппозиции в типографском качестве начала распространяться среди партийцев.[248] Доходили эти экземпляры и до ленинградского студенчества.[249] Фишелев, несмотря на ходатайство лидеров оппозиции, в этот же месяц был исключен из партии.

Сами оппозиционеры отмечали, что недостатка в листовках и литературе не испытывали в основном благодаря поставкам из Москвы. И. П. Бакаев получал огромные посылки с печатной продукцией. У рабфаковца Института народного хозяйства целый угол комнаты был забит оппозиционной литературой.[250] На собраниях оппозиционеров Политеха говорилось о том, что с литературой проблем не будет, главное, чтобы было кому ее распространять.

Известно, что в задачи московских студентов-оппозиционеров входила самостоятельная подготовка листовок. Н. А. Иоффе вспоминала, как, получив соответствующее поручение, за вечер подготовила антисталинский текст с опорой на «Завещание» Ленина, стараясь при этом не проявлять «то личное, почти физическое отвращение», испытываемое в адрес Сталина. В дальнейшем на собрании обсуждались другие варианты листовки, подготовленные соратниками, и определенный голосованием лучший текст отправлялся в печать на гектографе.[251] Часто сами лидеры оппозиции не были в курсе содержания распространяемых листовок и пытались установить их авторство.[252]

Одной из задач опытных оппозиционеров была связь с лидерами движения. Своеобразным штабом «фракционеров» стала квартира Зиновьева на улице 11-й Роты (ныне 11-я Красноармейская), ее посещали сотни партийцев. Разумеется, доступ на эти собрания был ограничен. В Василеостровском районе связующим звеном выступал доцент ЛГУ Г. Е. Горбачев, он давал адрес Зиновьева, получал директивы от С. И. Гессена и старого большевика Г. Е. Евдокимова.[253] Отдельными встречами в Ленинграде руководили герои Гражданской войны М. М. Лашевич и И. П. Бакаев. Иногда в целях конспирации видным оппозиционерам приходилось устраивать встречи на квартирах рабочих, преподавателей или студентов. Собирались и отдельные вузовские встречи. Обособленные собрания университетских оппозиционеров проходили на квартире М. М. Цвибака и К. В. Нотмана (в обоих случаях на наб. Фонтанки). Как свидетельствует

участник подобных собраний: «Расходились мы ранним утром, выходили из квартиры поодиночке, как в царское время, желая избежать слежки».[254] Имелась связь и с Л. Б. Каменевым, брат его секретаря М. П. Швальбе являлся студентом Коммунистического университета и был активно вовлечен в оппозиционную работу. При обыске после его ареста в ножках металлической кровати были обнаружены письма Каменева, Зиновьева и Троцкого.[255]

По мере приближения XV съезда Троцкий все чаще стал наведываться в Ленинград. Собрания с его участием проходили в том числе на квартире преподавателя ЛГПИ им. Герцена Б. А. Куржнира и его супруги С. Б. Раскиной. Сохранились такие воспоминания о встречах: Троцкий «был в штатском костюме. Со своей аккуратно подстриженной бородкой и короткими, начавшими седеть волосами он был таким, как его обычно изображали на фотографиях. Доклад продолжался около часа. Речь его была ясной, четкой, убедительной. Он подробно изложил свою точку зрения на внутрипартийное положение, о необходимости широкой внутрипартийной демократии. В противном случае он считал неизбежным перерождение партии. Говорил также о положении в Коминтерне, о необходимости обеспечить всем национальным партийным организациям возможность идти своим путем, с учетом особенностей своей страны».[256] Бывали и менее спокойные встречи. На одно из собраний под руководством Радека пришел представитель губкома и объявил «сборище» незаконным и антипартийным, «Радек ответил ему, что встреча с членом ЦК партии не является антипартийным делом, но вместе с тем от его имени было передано, чтобы собравшиеся спокойно разошлись, что и было сделано».[257] В узком кругу единомышленников лидеры оппозиции чувствовали себя более расслабленно, чем на партийных форумах и потому позволяли себе более резкие выражения и оценки. Например, в присутствии студентов Института им. Крупской Зиновьев заявлял, что «у нас правят меньшевики, кадеты, а эсеры пишут тезисы для тов. Калинина».[258] Лидеры оппозиции, руководившие собраниями, наверняка понимали, что подобная работа со сторонниками проходит по тонкой грани соответствия партийному уставу. Существуют воспоминания, что И. П. Бакаев на таких встречах пребывал в тревожном состоянии: «Все явившиеся к тов. Бакаеву вели себя весьма осторожно. Условные звонки, которые, очевидно, были даны Бакаевым,

совпадали со звонками, по которым мне приходилось открывать дверь. Были случаи, когда я и Бакаева одновременно выходили на звонки, чтобы открыть дверь. В таких случаях тов. Бакаев заметно нервничал».[259]

Сами оппозиционеры отдавали себе отчет в том, что полуконспиративный характер их работы напрямую перекликается с революционным подпольем позднеимперской эпохи. Н. А. Иоффе вспоминала: «Надо сказать, что из всех внутрипартийных группировок только одни троцкисты активно боролись. Мы делали примерно то, что делали революционеры в царском подполье: организовывали группы сочувствующих нам на заводах, в ВУЗах, выпускали листовки, распространяли их <...> мы, естественно, устанавливали контакты и с молодежью работающей, и благодаря этому я познакомилась со многими их представителями. Настоящих имен и фамилий не называлось».[260]

Неформальным штабом оппозиции Ленинграда стала бывшая гостиница «Астория», переделанная после революции в 1-й Дом Петроградского совета. Часть дома была отдана под квартиры, где располагались многие оппозиционеры. Сохранились воспоминания современников об «Астории» 1920-х гг.: «...хорошо познакомился с жизнью этого своеобразного ковчега, с его пестрым и в то же время в чем-то схожим населением. Там жили и старые большевики, и — их было больше — молодые партийцы, карьера которых шла вверх, порою стремительно».[261] Известно, что в «Астории» проживали преподаватели З. Н. Гайдерова, Н. И. Карпов, О. Г. Лифшиц, И. М. Альтер, Ф. Н. Дингельштедт, М. Л. Ширвиндт, Л. Г. Райский и др. Собрания в Доме советов посещали также Зиновьев и Евдокимов.[262] Тут же в бывших номерах «Астории» велась и работа со сторонниками. Писатель Виктор Серж вспоминал: «Мы собирались в номере „Астории“, обычно у Н. И. Карпова, профессора агрономии, бывшего армейского комиссара. Приходили: два или три рабфаковца, два старых большевика из рабочих, участвовавшие во всех революциях, которые произошли в Петрограде за двадцать лет; К., в прошлом организатор партийной типографии, скромный, не занявший синекуры из-за излишней совестливости, который и десять лет спустя после взятия власти по-прежнему жил в бедности, худой и бледный, в выцветшей фуражке; Федоров, рыжий детина, прекрасно сложенный, с открытым лицом воина-варвара, который работал на заво-

де и вскоре покинул нас, чтобы в конце концов погибнуть вместе с зиновьевцами».[263] Такие воспоминания о посещении 1-го Дома советов оставил студент Сельскохозяйственного института: ему был назначен сбор у памятника Барклаю-де-Толле на Невском проспекте, от которого собравшиеся группами отправились в сторону «Астории». В нужную квартиру посвященный студент давал «два небольших стука, и нам отворяет солидная дама дверь, не спрашивая, кто мы и зачем пришли, только спросила „сколько вас“, нас было, как я указал, пока трое. Комнаты шикарно обставлены, на столе карточка Зиновьева и бюст Троцкого, а посредине Ленин»; хозяйкой квартиры оказалась преподавательница Политехнического института (вероятно, З. Н. Гайдерова). Собрание длилось 2-3 часа.[264]

О посещении квартиры Н. И. Карпова студенты сообщали на допросе в Контрольной комиссии;[265] за устройство этих собраний, а также за организацию нелегальной типографии 11 октября 1927 г. была исключена из партии его супруга.[266] Оппозиционеры собирались здесь и в период подполья. Со своей стороны заметим, что, с точки зрения конспирации, «Астория» явно не была идеальным местом, так как в ней в это время жили одни из первых лиц Ленинграда — секретарь губкома Б. Н. Позерн, ответственный секретарь Выборгского и Василеостровского райкомов П. И. Струппе.[267]

Говоря о практиках борьбы низовых членов оппозиционного движения, отдельно стоит остановиться на децистах. История этой группы с крайне нетривиальными и радикальными взглядами на советский опыт до сих пор ищет своего исследователя. Однако ее работа позволяет оценить, насколько сложным и неоднородным было движение противников сталинско-бухаринского курса. Как мы уже отмечали, троцкистско-децистский центр был сформирован еще во время дискуссии вокруг «Нового курса» в 1923 г. В октябре 1926 г. группа демократического централизма формально откололась как от троцкистов, так и от зиновьевцев, действуя согласно стратегии Сапронова: «...масса идет не за вождями, а за лозунгами; если вождь идет за лозунгом, он — вождь, если же он идет против, он — не вождь».[268] Отношение лидеров других направлений оппозиции к децистам разнилось. Зиновьев писал о том, что их радикализм и упорство приведет к губительным последствиям;[269] Троцкий в переписке с Сапроновым в мяг-

ких выражениях старался усмирить его, явно не желая усугублять разногласия.[270]

Значительную долю кадрового состава ленинградских децистов составляли выходцы из кружка Харечко, организованного на рабфаке в 1923—1924 гг. Среди тех, кто не бросил оппозиционную работу (продолжив учиться или устроившись на работу): братья Вихоревы, Б. В. Александров, В. В. Виктор, Ф. Г. Устимчик, В. И. Домбровский и др. Руководил группой ректор Лесного института Ф. Н. Дингельштедт, его жена, преподаватель ЛГПИ М. М. Советкина, и упомянутый нами Устимчик. Программный документ децистов «Платформа 15-ти» был подготовлен в июне 1927 г., на несколько месяцев раньше, чем программа блока. Платформа носила компромиссный характер, так как наиболее непримиримые идеи децистов о термидоре и второй партии были из нее исключены в надежде на публичное обсуждение текста в ячейках и на партийных форумах. Проблемы студенчества децисты не касались; практически не нашел места в их программе и вопрос о партийных поколениях. В этом отношении они ограничились цитатой из резолюции X съезда РКП(б) о стремлении к преодолению разрыва между «старыми» и молодыми большевиками.[271]

Взаимоотношения децистов с другими группами было крайне противоречивым. Подавляющее численное превосходство зиновьевцев заставляло сохранять контакты между децистами и сторонниками Троцкого, чтобы иметь хоть какой-то кадровый противовес бывшей новой оппозиции.[272] Очевидно, что давалось это с большим трудом. Например, сапроновец Н. В. Вихорев так характеризовал Н. И. Карпова: «...как личность он был чрезвычайно непривлекателен». Тот же Карпов имел стычки с Ф. Г. Устимчиком.[273] Искать сторонников децистам было затруднительно, так как их радикальные лозунги часто воспринимались как провокация. Именно таким образом поняли речи студента Института им. Крупской А. И. Горелова о необходимости новой партии и новой революции, которые бы противостояли наступившей эпохе бонапартизма.[274]

Сложные взаимоотношения с троцкистами отражались и на организации движения. Так, децисты в оппозиционный центр выдвигали бывшего рабфаковца Устимчика: «...рабочий парень самый настоящий, не чета Карпову, которого мы считали вообще барахлом». Карпова и других более опытных и более под-

готовленных партийцев такое отношение задевало.[275] С лета 1927 г. контакты с троцкистами стали лишь эпизодическими,[276] децисты стали налаживать собственные типографии, раздобыли гектограф, пишущую машинку,[277] распространяли собственные листовки и даже сатирические плакаты[278] и т. д. Агитационной работой занималась специальная коллегия во главе с М. М. Советкиной. Помимо работы в тройках децисты вели и собственную работу на предприятиях. Осознавая скромность своих возможностей, они старались искать сторонников сразу из числа видных руководящих должностей на предприятиях: это удалось сделать по крайней мере на Бетонном и Пролетарском заводах.[279] Тесной была связь с Москвой, откуда регулярно поступала литература и листовки.

Вместе с этим уловить различие между децистами и троцкистами часто было крайне сложно, что хорошо показывает пример Ф. Н. Дингельштедта. В ряде публикаций он указывается в качестве главы ленинградской группы децистов;[280] также в Контрольной комиссии и ОГПУ фракционные «проступки» Дингельштедта и его сподвижников были сформированы в особое дело. Между тем в 1927 г. он подписал «Заявление 83-х» от блока, а не «Платформу 15-ти» от Сапронова. Во время опроса в Контрольной комиссии Дингельштедту также предъявляются частые идейные колебания.[281] Более того, лидеры оппозиции вовсе не воспринимали его как дециста. Уже находясь в ссылке, К. Радек выражал обеспокоенность, что Дингельштедт в своих письмах начинает сползать влево, т. е. становиться на позиции демократического централизма.[282] В 1931 г. в «Бюллетене оппозиции», издаваемом Троцким, был опубликован список заключенных Верхнеуральского политизолятора, где Дингельштедт находился в перечне троцкистов, а не децистов.[283] Подтверждается размытость границ группы при анализе личных контактов: так, В. Серж входил в число последователей Троцкого, а его ближайший товарищ и соратник по оппозиционной борьбе на типографии им. Володарского В. Н. Чадаев был близок децистам. Очевидно, причина такого слияния крылась в более умеренной позиции группы в Ленинграде, которая по тактическим или идеологическим соображениям была не готова идти на последовательную изоляцию и конспирацию. Косвенно это могут подтвердить письма Дингельштедта из ссылки в 1928 г., когда во время активной критики правых он от-

казывался поддерживать их отсечение, полагая, что таким образом вне работы окажется заметная часть партии.[284] Именно таким демократизмом можно объяснить противоречивое свидетельство Э. М. Дуне о том, что в Ленинграде центр сапроновцев не сложился.[285] Очевидно, что таковой центр был, однако его члены придерживались более либеральных взглядов и не шли на окончательный разрыв с остальными группами. Более того, сами децисты признавались, что долгое время открещивались от такого названия и старались на словах дистанцироваться от Сапронова, потому как Ленин в свое время (на X съезде партии) давал группе демократического централизма весьма нелестную характеристику, что могло быть использовано в текущей борьбе.[286]

Альтернативные демонстрации, устроенные сторонниками блока Троцкого—Зиновьева в день десятилетия Октябрьской революции, по мысли их организаторов должны были стать важным шагом в работе оппозиции. Однако на деле они стали началом фактического разгрома ее основных сил. И если выступление оппозиционеров в столице описано достаточно подробно (в том числе непосредственными участниками[287]), то о событиях в Ленинграде 7 ноября 1927 г. неизвестно практически ничего, хотя из литературы и воспоминаний складывается впечатление о равнозначности московского и ленинградского выступлений.[288] Постараемся восстановить хронологию событий вокруг демонстрации и определим, какую роль в ней сыграли вузовцы.

Как мы уже отмечали выше, к осени 1927 г. сторонники Троцкого—Зиновьева были давно лишены возможности открыто выступать перед массами. Иногда доступ к широкой аудитории оппозиционеры получали совершенно случайно, как это произошло в середине октября 1927 г. Тогда в Ленинграде происходила сессия ВЦИК. Троцкий и Зиновьев приехали в город накануне для встречи со своими сторонниками. На вокзале примерно полторы сотни посланных губкомом активистов пытались организовать обструкцию лидерам блока, однако из-за несогласованности действий затея провалилась. Но, несмотря на неудачу, эта акция подавалась как срыв оппозиционного выступления, которое на самом деле никто не планировал.[289] В эти дни Зиновьев в целях конспирации жил на квартире некоего рабочего, вместе с Троцким они активно посещали оппозиционные собрания, в среднем на таких встречах присутствовало по 50-100 человек; всего в октябрьские

дни лидерам оппозиции удалось выступить перед 2 тыс. человек.[290] При этом сторонники ЦК иногда спекулировали на популярности оппозиции. Так, на заявленное выступление Троцкого и Зиновьева на Обуховском заводе собралась внушительная толпа, однако на трибуну вышел С. М. Буденный.[291] Попытки срыва встречи лидеров с рядовыми оппозиционерами предпринимались неоднократно.[292]

К открытию сессии ВЦИК 17 октября была устроена демонстрация, тогда же Троцкий и Зиновьев объезжали город, оценивая размер и настроения праздничного шествия. Примечательно, что в качестве охранника в поездках по Ленинграду Троцкого сопровождал преподаватель ЛГПИ Б. А. Куржнир.[293] На подъезде к Таврическому дворцу их автомобиль попал в оцепление, огораживающее толпу от выступавших на платформе членов ЦК. В этот момент комендант из оцепления, очевидно, не подозревая о том, что Троцкий и Зиновьев находятся в опале, предложил им пройти на платформу, расположенную в кузове грузовика. Троцкий вспоминал: «Возле нашего грузовика образовалась скоро многотысячная запруда. Рабочие и красноармейцы задерживались, глядели вверх, выкрикивали приветственные возгласы и продвигались вперед только под нетерпеливым напором задних рядов. Наряд милиции, направленный к нашему грузовику для наведения порядка, сам был захвачен общей атмосферой и не проявлял активности. В толпу посланы были сотни наиболее верных агентов аппарата. Они пробовали свистеть, но одинокие свистки безнадежно тонули в возгласах сочувствия. Чем дальше, тем более явно положение становилось невыносимым для официальных руководителей демонстрации. В конце концов председатель ВЦИКа и несколько наиболее видных членов его [в частности, С. М. Киров, С. М. Буденный, Г. И. Петровский и др. — *Д. Б.*] сошли с первой трибуны, вокруг которой зияла пустота, и взобрались на нашу, занимавшую последнее место и предназначенную для наименее видных гостей. Однако и этот отважный шаг не спас положения: масса упорно выкликала имена, и это не были имена официальных хозяев положения».[294]

Об ажиотаже, вызванном появлением руководителей блока, сообщает не только Троцкий. В анонимном письме, перепечатка которого распространялась среди оппозиции, сообщалось о восторженных возгласах и овациях, которые устраивали оппозиции

колонны крупных заводов — «Красного путиловца», Русско-балтийского, Северо-западных мастерских и др. Милиции, намеревавшейся стащить Троцкого и Зиновьева с грузовика, не дали пройти. Была попытка объявить демонстрацию оконченной, задержав последние колонны, но и это помогло не сразу.[295]

Эта внезапная встреча вдохновила и Зиновьева, который выразил свой оптимизм в статье, распространявшейся в форме листовки. Шествующие, по его свидетельствам, устроили ему, Троцкому и Евдокимову «горячую, непрерывную овацию, все нарастающую, становящуюся все более единодушной, все более бурной, все более подчеркнутой». Среди рабочих Зиновьев наблюдал «дружеские улыбки», «радость и подъем». Чтобы отвлечь внимание толпы, на трибуну попытались забраться представители «большинства», но их не встречали так тепло, а свистуны утонули в пролетарском море. Зиновьев выражал уверенность, что демонстрация войдет «в историю нашей партии как важная дата, знаменующая — уже совершенно очевидно начавшийся — поворот рабочего класса нашего Союза в пользу большевиков-ленинцев». 250 тыс. человек, поддерживавших оппозицию, по мнению Зиновьева, свидетельствовали о серьезном сдвиге в политическом сознании рабочих. На заводах в эти дни оппозиционерам якобы уже пророчили карьеру в ЦК.[296] Очевидно, что такая воодушевляющая случайная встреча с партийной и рабочей массой обнадеживала лидеров оппозиции; не исключено, что именно она повлияла на решение о проведении альтернативной демонстрации три недели спустя.

Накануне демонстрации была отпечатана специальная листовка, распространявшаяся на заводах. Она представляла собой статью, отвергнутую для публикации в «Ленинградской правде»; среди ее составителей значатся московские и ленинградские оппозиционеры — Зиновьев, К. Б. Радек И. П. Бакаев, Г. Е. Евдокимов, А. А. Петерсон, К. С. Соловьев. Они подчеркивали явную нехватку партийной демократии в последние годы, так как опыт управления партией В. И. Лениным показывал, что разногласия можно решить без зажима несогласных. Особое возмущение высказывалось по адресу «свистунов», указывалось, что даже на пленуме ЦК допускаются свист, улюлюканье, швыряние стаканов и книг в оппозицию (именно так поступили с Троцким Е. И. Ярославский и Н. А. Кубяк на октябрьском заседании ЦК и ЦКК[297]).

Составители статьи полагали, что беспартийные рабочие недовольны сложившимся положением, и высказывали уверенность, что пролетариат даст свистунам по рукам, как было 17 октября во время демонстрации на сессии ВЦИК. Далее обращение повторяло основные тезисы оппозиционной программы.[298] Отдельные листовки к демонстрации выпускали децисты, однако к своей демонстрации не призывали, так как понимали, что у них сторонников меньше, даже чем у объединенной оппозиции.[299]

Как и другие документы оппозиции, эта статья увидела свет только на страницах подпольной печати. Зато «Ленинградская правда» пестрила текстами, разоблачающими фракционную работу оппозиции, и для нагнетания враждебной атмосферы шла на прямые передергивания и фальсификации. Так, оппозиция объявлялась «меньшевистским» уклоном, а критика идеи социализма в отдельно взятой стране подавалась так, будто оппозиционеры вообще не верят в построение социализма в «нашей стране». Вместе с этим, явно стараясь переманить оппонентов на свою сторону, активно печатались статьи сторонников ЦК о необходимости укрепления внутрипартийной демократии (один из главных лозунгов блока Троцкого—Зиновьева).

В октябре—ноябре особое внимание противники сталинского курса уделили агитации на фабриках и заводах — эта работа легла на плечи лидеров оппозиции, а также студентов и преподавателей вузов.[300] Состоялись оппозиционные выступления на «Красном путиловце», «Красном выборжце», мастерских северо-западных дорог, на частных собраниях с представителями разных фабрик и заводов и др.[301] Специально для агитации и участия в праздновании годовщины революции из Москвы прибыл Карл Радек, которому группа оппозиционеров ЛГУ устроила «демонстрацию встречи».[302] Радек успел выступить на собрании ячейки Писчебумажной фабрики.[303]

За несколько дней до демонстрации состоялся ряд встреч лидеров оппозиции с активом. На них помимо прочего обсуждали дальнейшую тактику движения; Троцкий настаивал, что в случае поражения на грядущем съезде необходимо уходить в подполье, чему противился Зиновьев. В это же время из членов областной Контрольной комиссии во главе с Парижером и Грибовым был составлен специальный отряд для разгрома оппозиционных собраний. Одно из столкновений произошло на квартире студента

Электротехнического института С. В. Александрова, где проходило заседание под руководством Радека. Так, в квартиру на ул. Марата, д. 4 с черного хода ворвался Парижер со своей свитой и произнес «обличительную» речь в адрес собравшихся, призывая к единству партии и борьбе с фракционностью. Больше всех досталось Радеку, которого заклеймили меньшевиком. Тот выступил с ответной речью, сказав, что является членом партии с 1902 г., а вину за распространение листовок возложил на ЦК, который запрещает публикацию критических материалов.[304] Известно, что из других вузовцев на собрании присутствовали студенты ЭТИ, ВТА, Института путей сообщения[305], Н. И. Карпов и его супруга О. Е. Юргенс. Именно Карпов был назначен КК ответственным за организацию собрания.[306]

Еще большим скандалом обернулась встреча вождей оппозиции на следующий день на квартире Зиновьева (ул. 11-й Роты), где помимо бывшего главы Ленсовета собрались все видные вожди оппозиции Ленинграда — Лашевич, Радек, Г. Я. Лиздин, С. М. Гессен. Всего пришло человек 40 — из них бóльшая часть студенты.[307] Несмотря на выставленные для охраны патрули и автомобили, Парижеру и его помощникам удалось прорваться на собрание. Он начал со старых обвинений и призвал оппозиционеров не становиться лесными братьями, намекая на прошлогоднее дело Лашевича. Тот вспылил, вскочил на стул и стал отвечать Парижеру. Началась перепалка. Из соседней комнаты вышел Зиновьев, вопрошая, по какому праву ворвались к нему в квартиру, и велел гнать пришедших в шею. Следуя его указаниям, члена Контрольной комиссии Голованова схватили за пальто. Зиновьев тем временем продолжал восклицать: «Ваш Генсек наследственный, да его нужно в три шеи гнать за то, что он сделал с партией»; «фракция — это вы, раскольническая сталинская фракция», «мы не боимся ничего»; «из 300 тысяч членов партии с вами 10 тысяч свистунов, а 290 — с нами». Обстановка накалялась, все начали готовиться к потасовке. Радек, засучивая рукава, произнес: «Ну что же, дело идет на драку, будем драться». Однако до рукоприкладства не дошло, незваных гостей заставили покинуть собрание под обещания Зиновьева показать на демонстрации, за кем идет рабочий класс.[308]

3 ноября также состоялось собрание участников оппозиционеров-комсомольцев под руководством М. И. Мартинковского.

Он в числе других вузовцев наставлял молодых рабочих-комсомольцев организованно идти на демонстрацию. Единственной установкой к действию было кричать «да здравствует т. Зиновьев». В эту акцию предлагали втянуть не только членов оппозиции, но и всех колеблющихся. Студенты раздали рабочим листовки, велели с ними ознакомиться и распространять.[309] Был дан собравшимся и «дружеский» совет: «Не мешало бы вам, ребята, с оружием ходить. Так, на всякий случай».[310]

Празднества 7 ноября планировали проводить на площади М. С. Урицкого (Дворцовой), где соорудили специальную трибуну для выступления высоких партийных работников. Вход на трибуну осуществлялся по специальным билетам, выдаваемым накануне. Вскоре выяснилось, что оппозиционерам билетов не досталось. Тогда Г. Е. Евдокимов и И. П. Бакаев поехали к председателю Ленсовета Н. П. Комарову с требованием допуска на главную трибуну.[311] Сначала в предоставлении билетов им было отказано, но после звонка оппозиционеров в губком выделили 2 билета, которые оппозиционеры отказались брать, так как настаивали на допуске всего актива — Зиновьева, Радека, Лашевича, Евдокимова, Наумова, Федорова, Шарова и др. На предварительных собраниях обсуждали, что в крайнем случае пригласительные билеты можно «свиснуть».[312]

Утром 7 ноября лидеры оппозиции Зиновьев, Радек, Евдокимов, Бакаев, Петерсон, Соловьев и Залуцкий поехали на Марсово поле к могилам М. С. Урицкого и В. Володарского, затем на машине они вернулись на площадь Урицкого и встали на улице Халтурина (Миллионной) недалеко от главной трибуны. Когда во время шествия мимо оппозиционной трибуны пошли первые колонны рабочих с «Красного Выборжца», «Торпедо», фабрики им. Халтурина, начали раздаваться взаимные приветствия. Тотчас на оппозиционеров и рабочих налетели «банды» и конная милиция — началась сумятица и давка, «дело было на волосок от самосуда». Некоторые отряды, атаковавшие оппозиционеров, состояли из студентов ВПАТа.[313] Хорошо описывает атмосферу письмо рабочих Пролетарского завода, в котором они возмущались тому, как Зиновьева и Евдокимова увели от демонстрантов, «как красный командир поднял шашку на рабочих, как стали арестовывать и бить рабочих, сочувствующих оппозиции, как в колонны рабочих были брошены сотни милиции и кавалерии,

которые стали разгонять тысячные массы рабочих, как плакали женщины, прижатые к стене лошадьми».[314]

В. Серж, участвовавший в демонстрации, сохранил более подробные воспоминания: «Лошади грудью оттесняли людскую волну, которая вновь накатывала на них, ведомая высоким безусым военным с открытым лицом, Бакаевым, бывшим начальником нашей ЧК. Я увидел, как Лашевич, грузный, приземистый, командовавший в свое время армиями, с несколькими рабочими бросился на милиционера, выбил из седла, а затем помог подняться, выговаривая командирским голосом: „Как тебе не стыдно нападать на ленинградских пролетариев?“ <...> Я выкрикнул имена Троцкого и Зиновьева, их встретило удивленное молчание. Организатор процессии, одолевая оцепенение, злобно ответил: „На свалку!“. Никто не поддержал его, тут я очень ясно почувствовал, что сейчас буду атакован с фланга. Возникшие неизвестно откуда мордовороты мерили меня взглядом, немного колеблясь, потому что я мог оказаться большой шишкой».[315]

Венгерский историк М. Кун пишет о том, что «конные милиционеры крупами лошадей сталкивали старых питерских рабочих в Лебяжью канавку», однако подтверждений подобные свидетельства не находят.[316] Другой очевидец демонстрации историк Н. П. Полетика вспоминал: «Драка у Эрмитажа была упорной и ожесточенной. Милиционеры пустили в ход нагайки. Лошади теснили и топтали демонстрантов. Словом, все было, как „в старые времена“ при „проклятом царизме“, при „Николае Кровавом“. Оппозиционеров вел в бой командарм Лашевич, но его армия на этот раз была немногочисленной. Со стороны проходившей толпы было заметно лишь любопытство. Не было никакого желания оказать помощь и поддержать колонну оппозиционеров <...> В конце концов милиция разогнала оппозиционеров. Раненые были и с той и с другой стороны. Лашевич, Бакаев и Евдокимов были избиты, одежда их была разорвана в клочья».[317] О масштабной потасовке в тот день вспоминал эсер Г. Гонцов, нелегально путешествовавший по стране в те месяцы: «Образовался человеческий затор. Милиция принялась разгонять толпу, и когда ей это не удалось, кто-то из начальства обнажил шашку. Так вот за это обнажение шашки его избили. Но не из симпатии к оппозиции. И не в виде протеста против правительства. А потому, что жест милицейского напомнил жест, привычный царской

полиции. Так и кричали: „Это вам не те времена. Не Романовские“».[318]

В ходе потасовки едва не дошло до самосуда над белорусским оппозиционером Ф. Г. Наливайко,[319] бросившимся на защиту Зиновьева. Его приняли за Евдокимова и начали толпой оттеснять к Фонтанке, намереваясь выкинуть в реку. Но его удалось отбить.[320] Впрочем, студенты Сельскохозяйственного института, прибывшие на демонстрацию, сообщали, что и настоящий Евдокимов не спасся от рукоприкладства.[321]

В результате стычки группа оппозиционеров (в их числе Зиновьев, Радек, Евдокимов и др.) была сопровождена и заперта в соседнем здании общежития Военно-политического института им. Толмачева (бывшее здание штаба Гвардейского корпуса). «Рабочие, которые остановились перед общежитием <...> то же самое и колонна Герценовского института, просили выдать им тт. Радека и Зиновьева, чтобы они показались, но ни Зиновьев, ни Радек не могли этого сделать».[322] Оппозиционеры, оставшиеся на площади, требовали Зиновьева;[323] тем временем рабочие, пытавшиеся отстоять оппозиционеров, были арестованы и доставлены в отделение ГПУ. В это время в общежитие пришел ответственный секретарь института Орлов, который заявил, что не может выпустить оппозиционеров и не ручается за их безопасность после того, как студенты с демонстрации вернутся в общежитие. Минутами спустя явился заместитель начальника политического управления Северо-Западного военного округа Кузнецов. Состоялся следующий диалог.

Евдокимов: «Мы хотим отсюда немедленно уйти назад на демонстрацию. Будет ли этому препятствовать поставленный на лестнице караул? <...>

Кузнецов: «Я этого Вам не рекомендую».

Зиновьев: «Кто не рекомендует — вы лично?»

Кузнецов: «Нет, это мнение губкома».

Зиновьев: «Можете ли вы об этом сказать нам письменно?»

Кузнецов: «Нет. От этих своих слов никогда не откажусь».

Евдокимов: «Ответьте нам прямо на вопрос — мы можем немедленно выйти отсюда? Нас не задержат ваши караульные».

Кузнецов: «Нет, вас не пустят».

Евдокимов: «Выходит, что мы арестованы теперь».[324]

Тогда Зиновьев и Евдокимов потребовали передать записки С. М. Кирову и А. И. Рыкову, находившимся на главной трибуне, с требованием выпустить их на демонстрацию и прекратить угрозы. Однако эти меры не спасли от пленения, в котором оппозиционеры провели несколько часов.[325] Узники разместились в комнатах студентов-оппозиционеров ВПАТа (А. Г. Твалчрелидзе, В. В. Богачева, И. С. Кузьминского и др.),[326] после чего студент Института путей сообщения М. П. Красовский «с револьвером в руках встал на охрану квартиры, заявив, что он охраняет вождей революции от фашистов».[327] Вечером всех отпустили в сопровождении конвоя из 30-40 человек, который не подпускал к ним оставшихся на площади демонстрантов.[328] В этот же день по итогам демонстрации состоялось собрание оппозиционеров, на которое Бакаев и Лашевич пришли в одежде, разорванной накануне в драке с милицией.

Примечательно, что среди множества фотографий, связанных с демонстрацией 7 ноября 1927 г. и отложившихся в фондах ЦГАКФФД СПб., нет снимков развязавшегося побоища. Очевидно, ОГПУ следило и за этим. Немецкий политэмигрант А. Ф. Браун был арестован при попытке запечатлеть драку на фотографии.[329]

Разумеется, «открытие дискуссии конскими задами» (острота Радека) не могло не вызвать праведного гнева со стороны противников сталинского ЦК. Уже на следующий день Зиновьев подготовил статью «Правда о событиях 7 ноября в Ленинграде», которую отправил в редакцию «Ленинградской правды» и «Дискуссионного листка». В статье пересказывалась хронология столкновений, говорилось о том, что нападавшие банды были подобраны специально, и в их рядах не было ни одного рабочего, а также давались оценки методов борьбы с инакомыслием. «Завтра Сталин от массовых исключений большевиков перейдет к массовым арестам большевиков. Другими способами „управлять“ партией он не может», — прозорливо замечал бывший глава Ленинграда.[330] Статью предсказуемо не опубликовали, и она получила распространение в виде листовки.

Важно обратить внимание на то, что ленинградские оппозиционеры отвергали обвинения в проведении второй демонстрации, которая, по существу, состоялась в Москве. Однако материалы Контрольных комиссий, разбиравших дела оппозиционеров,

содержат некоторые намеки на действительную возможность подготовки альтернативного шествия. Так, один из лидеров ленинградской левой оппозиции историк Н. И. Карпов на допросе в КК отмечал, что колонна Педагогического института им. Герцена также выступала с приветственными криками в адрес Зиновьева.[331] Можно предположить, что представители института, где преподавало около десятка оппозиционеров, оказались в районе потасовки вовсе не случайно. Обвинялись в подготовке демонстрации также и студенты Горного института.[332] Студенты других вузов отмечали, что 7 ноября шли в общих колоннах, что также можно толковать как аргумент в пользу существования других, т. е. оппозиционных, колонн.[333] В. Серж также вспоминал о планах оппозиции выступить со своими лозунгами.[334]

Некоторые оппозиционеры говорили о том, что получили крайне неопределенные инструкции. Децист В. Т. Беззубиков вспоминал, что однажды после работы ему сказали ехать ко Дворцу Урицкого. Когда он прибыл, там уже было человек 150 оппозиционеров, он пытался расспросить их, в чем дело, но никто так и не ответил. «Потом стали подъезжать автомобили с членами нашего правительства, я видел т. Калинина, Крупскую и Клару Цеткин, и на этом разошлись».[335] Другие сторонники Троцкого—Зиновьева, наоборот, подходили к делу сверхответственно и, пользуясь случаем, пытались распространить пропаганду на другие города. Так, М. Г. Мальчихин (Технологический институт) на 7—8 ноября отправился в родную Тверь, где во время празднеств распространял оппозиционную литературу, сожалея при этом, что мало взял, так как «она очень хорошо здесь идет».[336]

Тем не менее имеющиеся косвенные свидетельства вряд ли могут убедить в том, что в Ленинграде готовились выступления наподобие столичных, на которых вывешивались заготовленные портреты и лозунги, а противостояние сотен демонстрантов и полиции длилось фактически весь день. Обобщая собранные нами данные о ходе событий 7 ноября в Ленинграде, можно предположить, что оппозиция, вероятнее всего, рассчитывала на повторение недавнего сценария, произошедшего во время сессии ВЦИК, т. е. на спонтанную встречу с массами, которые хорошо помнили бывших вождей революции, несмотря на их опальное положение. К месту предполагаемой встречи на Миллионной улице для приветственных криков по предварительной договоренности стяну-

лась и часть ленинградского актива оппозиции. Похожий план, со слов студента Политехнического института, излагал на конспиративном собрании Евдокимов.[337]

Стоит обратить внимание на то, какие последствия для участников блока Зиновьева—Троцкого имели выступления 7 ноября. Сразу же после освобождения Зиновьев отправляет записку на имя Троцкого, Каменева и Смилги, с которыми делится своим убеждением, что случившееся накануне «безобразие принесет нашему делу большую пользу».[338] Действительно, в первые дни после описанных событий Зиновьев не скрывал своего оптимизма, который нашел выражение в распространяемой среди оппозиционеров статье «К оценке демонстрации 7 ноября» (подготовленной, судя по всему, в этот же день). Случившееся он оценивал как «грандиозный скандал, который не простят рабочие». Григорий Евсеевич был убежден, что, несмотря на противодействие со стороны милиции, центральной трибуны, А. И. Рыкова, государственного и хозяйственного аппаратов, оппозиции удалось показать, что рабочие за них. Он обращал внимание на сложившееся противоречие: если пролетарии, как декларировали сталинцы, горой за ЦК, зачем тогда громить оппозиционеров фашистскими методами.[339] Зиновьев обращал внимание на то, как заранее собранные банды «свистунов и фашистов» давили группу оппозиции, за которую заступались многие демонстранты. В заключение выражалась надежда, что после такого погрома сознательный рабочий постарается узнать действительные взгляды оппозиции.[340] Зная о скором разгроме оппозиции, воодушевление Зиновьева может показаться наивным. В действительности некоторые поводы для подобных настроений все же были. События 17 октября и 7 ноября показали, что вопреки крайне агрессивной пропаганде со стороны ЦК, заклеймившего оппозицию меньшевиками и фракционерами, рабочие и партийные массы не испытывали к ней острого негатива, сохранили добрую память о вождях революции и Гражданской войны и не воспринимали их как раскольников. Очевидно, именно в этом Зиновьеву виделась перспектива успеха оппозиции. Однако, как показало время, мобилизовать нейтральные массы противникам Сталина—Бухарина так и не удалось.

Редакция «Ленинградской правды» опубликовала свою «Правду о событиях на демонстрации 7 ноября». Авторы статьи

давали откровенно ложную информацию о том, что оппозиционеры сами отказались пройти на трибуну, хотя имели билеты и получили дополнительное приглашение непосредственно во время демонстрации. Таким образом «они пытались изобразить себя обиженными» и создать себе оппозиционную трибуну, чтобы выступать не в честь годовщины революции, а в честь «раскольнической стряпни против партии». Отрицались какие-либо симпатии к оппозиции со стороны демонстрантов, которые якобы, наоборот, требовали прогнать «зарвавшихся вождей». «Меньшевики от оппозиции докатились до пропасти», — такой вывод предлагала «Ленинградская правда» своим читателям.[341] Учитывая, что уже на протяжении нескольких месяцев главная партийная газета города публиковала клеветнические и извращенные свидетельства о работе оппозиции, верить в достоверность ее версии событий 7 ноября не приходится. Однако важен посыл, исходящий из ЦК, — оппозиция перешла черту. Для усиления вины пускались абсурдные слухи, что ГПУ якобы стало известно о планах оппозиционеров взорвать трибуну во время демонстрации.[342] 10 ноября состоялась проработка организаторов московского и ленинградского выступления на заседании президиума ЦКК ВКП(б) совместно с членами ЦКК, МКК и РКК ВКП(б) Москвы. Председатель собрания Н. М. Янсон с издевкой рассказывал о демонстрации в Ленинграде: первая волна митингующих «подхватила кучку оппозиционеров и понесла их (смех), и говорят, несла их около километра, по направлению к Мойке, смыла их». Против подобных нападок и применения насилия выступил Радек.[343]

Результатом усиленной атаки высших партийных органов на оппозицию стало исключение Троцкого и Зиновьева из партии, случившееся 16 ноября 1927 г. Тем не менее репрессии против двух главных лидеров первый месяц мало сказывались на работе рядовых членов. Уже через несколько дней после демонстрации в Ленинграде на квартирах проходили встречи активистов, где обсуждали итоги демонстрации и получали листовки для распространения.[344] После исключения Троцкого и Зиновьева из партии в оппозиционную повестку (в листовках, выступлениях на партийных собраниях и др.) вошло требование восстановить их членство и прекратить отсечение инакомыслящих. Однако в низах зрело предчувствие скорого краха. Одна из ноябрьских листовок

гласила: «Маршрут сталинской фракции известен: сначала — из Политбюро, потом из ЦК, дальше из партии. Следующий шаг — тюрьма и ссылка. Эта фракция неизбежно дойдет до конца».[345]

* * *

Ноябрьское выступление оппозиции в Ленинграде стало продолжением ее тактики, направленной на использование массовых собраний рабочих и партийцев для пропаганды своих идей и возможной встречи с потенциальными сторонниками. Вместе с этим нельзя не отметить, что оценка событий 7 ноября 1927 г. в Ленинграде как полноценной демонстрации является чрезмерной. Агрессивная, но краткосрочная стычка, а также пленение вождей оппозиции на несколько часов — все это по своим масштабам явно уступает столкновениям в Москве, происходившим в разных районах города в течение всего дня. Вероятно, именно размах столичного выступления оппозиционеров придал особое значение ленинградским событиям, которые стали рассматриваться как равнозначные московским, хотя даже в своем замысле не являлись таковыми. Можно предположить, что тому виной стала в целом более умеренная позиция зиновьевцев, не готовых к столь радикальной конфронтации. Подобные акции, трактуемые ЦК как нарушение партийной дисциплины, стали удобным поводом для сторонников Сталина окончательно расправиться с блоком Троцкого—Зиновьева. Через несколько лет с подачи генсека выступление оппозиции из эпизода внутрипартийной борьбы превратилось в акт пособничества буржуазии: «Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов».[346]

На часть рядовых оппозиционеров демонстрация также произвела тяжелое впечатление. Открытое уличное выступление воспринималось ими как излишне радикальная мера и как прямое действие против партии. Комсомолец Л. Л. Вейнберг (Политех) воспринял призыв выступить на демонстрации как провокацию,

а побоище 7 ноября его испугало.[347] Существовали и другие признания в том, что демонстрация стала поводом отхода от оппозиции.[348]

Несмотря на воодушевление, испытываемое Зиновьевым после демонстрации, оппозиционный блок в скором времени приказал долго жить. В ноябре в Москве состоялось несколько собраний ключевых фигур оппозиции с обсуждением дальнейших перспектив. Зиновьев и Каменев предлагали отказаться от дальнейшей борьбы и подчиниться решениям съезда. Поначалу поддержанный многими проект заявления был раскритикован Троцким. 24 ноября на квартире Смилги он представил свой проект резолюции. Рассуждая о термидоре, усталости и пассивности рабочего класса, Троцкий приходил к выводу о том, что Октябрьскую революцию спасет только революционное движение на Западе. Подчинение съезду приравнивалось им к фактическому отказу от борьбы, «преклонению перед тактикой сталинской легальности». После чтения проекта установилось гробовое молчание, которое прервал Каменев, заявивший, что услышанное им означает конец блоку.[349]

XV съезд партии, проходивший со 2 по 19 декабря 1927 г., превратился в показательное судилище над сторонниками Троцкого и Зиновьева. Нельзя не согласиться с историком О. Г. Назаровым, оценивавшим произошедшее как хорошо срежиссированное шоу.[350] Для исполнения роли не то злодеев, не то шутов, выставляемых на всеобщее осмеяние и порицание, к участию в съезде допустили несколько оппозиционеров. Среди них один из лидеров С. К. Минин, бывший ректор Коммунистического университета, чью оппозиционную работу мы рассматривали во второй главе. В своем выступлении он обратил внимание на то давление, которое оказывалось на партячейки в деле борьбы с оппозицией. Приведем отрывок стенограммы его выступления для того, чтобы передать атмосферу, в которой проходил съезд: «Нет, в этом дело, товарищи, ибо там [на «Красном треугольнике». — *Д. Б.*] мы видели рабочих и работниц, которые от способа ведения собрания, от навязывания своих взглядов тремя членами Политбюро... (Голос: «Это вы навязывали!» Голос: «Вас там гнали!»), ломали руки в отчаянии, спрашивая; «Да что это такое?!» (Сильный шум. Голоса: «Врешь ты! Долой его! Провокация! Долой, долой, долой! Довольно! Вон!» Голос: «Это вы этим занимаетесь!»)

Вот где ищите причины, товарищи. (Шум. Голоса: «Долой его! Позор! Довольно!» Радченко: «Надо было защищать решения XIV съезда, а не бегать и не бороться против них».)

Товарищи, я излагаю свой взгляд... (Голоса: «Долой!» Голос: «Иди к Троцкому!»).

Товарищи, я докончу. (Голос: «Нет, убирайся сначала, надо говорить прямо»). К сожалению, товарищи, это было так. (Голоса: «Долой!») И в этом одна из причин многих осложнений в среде рабочего класса Ленинграда. (Голоса: «Долой! Долой!» Шум... Козлов: «Чепуха! Вы занедужили!»)

Ибо, товарищи, что-нибудь одно: либо принимать в той же самой резолюции XIV съезда решение о проведении в жизнь демократии (Крики: «Долой!» Шум.), либо так проводить кампанию, как проводили ее в Ленинграде, когда резолюцию, отвергнутую большинством и непроверенную голосованием, объявили как принятую «подавляющим большинством» голосов! (Крики: «Ложь! Довольно! Долой! Кончай!» Голос: «Залез в болото!»)».[351]

Не менее жестким словесным экзекуциям подверглись и другие оппозиционеры, выступавшие на съезде: Г. Е. Евдокимов, Х. Г. Раковский, Л. Б. Каменев, И. П. Бакаев, Н. И. Муралов. Тактика обструкции, применяемая в низовых ячейках и на закрытых собраниях большевистских лидеров, достигла своего апогея на съезде, где вчерашние товарищи по революционной борьбе были, по существу, уничтожены морально. Подобная безжалостность, культивируемая агрессия и непримиримость по отношению к собственным соратникам ставит вопрос об эволюции нравственного облика партии, совершившейся в первое десятилетие советской власти. Х. Г. Раковский справедливо отмечал, что большевик 1917 г. не узнал бы себя десять лет спустя.[352]

Нельзя обойти вниманием важный для нашего исследования отрывок съездовского выступления С. М. Кирова: «Сейчас у них в Ленинграде находится Сафаров, который <...> собирает нелегальное подпольное собрание, нашпаргаливает публику и говорит: у наших вождей хребты разные — есть такие, которые могут и готовы на рожон переть до последней степени, но есть и не особенно смелые: написать могут все, что угодно, но как доходит до дела, то хотя среди них есть и старые, заслуженные, которые состояли одно время в учениках Ленина, но насчет гаек у них дело слабовато».[353] В данном случае, для нас важны не оценки, дан-

ные Кировым оппозиции (довольно привычные и тривиальные для тех лет). Интересно, насколько подробно глава Ленинграда был осведомлен о ходе и содержании конспиративных собраний. Упомянутая встреча Сафарова с активом оппозиции произошла 3 декабря, а уже 5-го Киров докладывал о ней с трибуны съезда. Такое качество и скорость передачи оперативных сведений были бы невозможны без активного доносительства и инфильтрации ОГПУ в оппозиционное движение.

XV съезд ВКП(б) засвидетельствовал поражение блока Троцкого—Зиновьева. Разгром был не только идейным из-за не допущенной для обсуждения платформы, но и организационным — лидеры оппозиции оказались исключены из партии, а вся оппозиция объявлялась меньшевистским уклоном, т. е. фактически ставилась вне закона. В предыдущей главе мы высказывали свое ви́дение причин поражения, обусловленных конформизмом значительной части партии. Наиболее точно и лаконично эта мысль выражена И. Дойчером. Когда успех политической борьбы зависел от рядовых большевиков, достаточным условием победы правящей фракции являлась пассивность партийных масс, так как все необходимые решения проводились через представителей на ключевых постах партийно-бюрократического аппарата. Задача оппозиции представлялась несравнимо более сложной — обращение к политической сознательности партийцев, объяснение сложных проблем политической и социально-экономической жизни без доступа к легальной пропаганде.[354] Это соображение, высказанное историком, незнакомым с советскими архивами, находит свое подтверждение при работе с документами партийных ячеек.

Вузовский оппозиционер: коллективный портрет и мотивация борьбы

Исследование политических столкновений внутри ВКП(б) в 1920-х гг., как правило, ограничивается лишь историей центральных и местных партийных органов. Однако отличительной особенностью внутрипартийной борьбы является участие в ней массы рядовых большевиков. Каков был их путь в оппозицию? В чем им виделась ошибочность курса Сталина—Бухарина? Насколько взгляды массы оппозиционеров отражали программные

документы, подготовленные старыми большевиками? Ответы на эти вопросы помогут расширить представление о низовой работе оппозиции. Для нашего исследования важно оценить мотивацию участников оппозиционной работы и понять, имелись ли у сторонников Троцкого и Зиновьева собственные причины для включения во внутрипартийную борьбу или их политическая активность была лишь откликом на программы, предлагаемые авторитетными большевиками. Поставить этот вопрос легче, чем его решить, так как круг источников личного происхождения, связанных с рядовыми оппозиционерами, сильно ограничен. На наш взгляд, восполнить этот пробел могут материалы партийных и контрольно-партийных органов. В конце 1927—начале 1928 г. началась массовая проработка оппозиционеров в Контрольных комиссиях, по результатам которой определялась мера партийного взыскания (как правило, исключение из ВКП(б)). Сохранившиеся протоколы и выписки из опросов оппозиционеров дают опору для создания политического портрета сторонников Троцкого—Зиновьева. Комиссия старалась выяснить основные разногласия с линией ЦК, причины вступления в ряды оппозиции, характер работы, фамилии соратников и т. д. Разумеется, многие «фракционеры» старались преуменьшить свою вину или вовсе односложно отвечали на вопросы. Однако сам принцип действия комиссии заключался в том, что наградой за максимально подробные показания и искреннее раскаяние могло стать более щадящее наказание. Трудность в работе с материалами Контрольных комиссий заключается в том, что они сохранились лишь фрагментарно, только для части опрошенных оппозиционеров; вместе с этим они не представляют собой единого собрания и распределены по различным фондам (коллекция личных дел, фонды губернской или районных Контрольных комиссий и т. д.). Другим важным источником, раскрывающим мотивы и ход оппозиционной борьбы «снизу», являются заявления, поданные при восстановлении в ВКП(б). Часть бывших оппозиционеров считала своим долгом полностью разоружиться перед партией и сопровождала заявление на возвращение в ряды большевиков подробными рассказами о партийных проступках. Помимо названных источников мы также используем в своей статье немногочисленные воспоминания московских и ленинградских вузовцев-оппозиционеров.

На основании обозначенного круга источников мы выделим ключевые причины и поводы для разногласий с политикой партийного большинства, а также опишем процесс втягивания вузовцев в оппозиционную борьбу.

Партийная демократия

Зажим внутрипартийной демократии был важным аргументом оппозиции против большинства ЦК в 1923 и 1926—1927 гг. Как воспринимали проблемы внутрипартийной демократии студенты? Чаще они были склонны обращать внимание не на принципы работы ВКП(б) как такового, а на те притеснения, которые испытывали в собственном партийном коллективе. Многих раздражал явно формальный характер партийной работы, сводившейся к «механическому поднятию рук». Слушатель Военно-медицинской академии В. С. Мухаев заявлял, что партийные массы слишком задавлены и им, в сущности, все равно, за что голосовать, будет одобрено любое заранее сформулированное решение.[355] Письмо Петроградской организации 1923 г. с осуждением Троцкого многими рассматривалось как очередное подтверждение невозможности реального участия партийной массы в принятии решений. Поэтому студенты не просто возражали против содержания письма, но и оспаривали его легитимность, так как документ, принятый без обсуждения в ячейках, выдавался за мнение всей организации.[356] В наиболее острой форме эти переживания выразил студент Института внешкольного образования им. Крупской И. А. Юрьев: «Мы, как коммунистические низы <...> имеем обязанности, но не имеем прав. Постоянное запугивание сверху, спекуляции словами „партдисциплина“ и „Ленин сказал“ превращают нашу партию в касту. Нетактичность и диктаторство сверху поставили этот вопрос [о превращении] аппарата из исполнительного органа в руководителя <...>. Резолюция Петроградской организации представляет собой резолюцию чиновников, а не рядовых членов партии».[357] Существовали также призывы дать бóльшую свободу дискуссии, не клеймить выступавших фракционерами и не мешать все критические взгляды в единую «оппозицию».[358]

Дальнейшая партийная борьба новой оппозиции и блока Троцкого—Зиновьева шла по более широкому кругу вопросов,

нежели дискуссия 1923 г. Однако и тогда проблема внутрипартийной демократии была одной из самых актуальных. Более того, после поражения оппозиции в дискуссии 1923 г. и разгрома зиновьевцев 1925—1926 гг. вопрос о демократии перестал быть исключительно политическим. В новых условиях критику или несогласие с линией ЦК невозможно было озвучить без последующего порицания со стороны партийного коллектива, к чему студенты оказались особенно чувствительны. Я. И. Бавыкин (ЛГУ) выступал против процветания шкурничества, пассивного послушания и равнения на начальство. Бюрократия, он полагал, стала принимать уродливую форму. Дискуссии в ячейках нет, материалы толком не прорабатываются, партийное начальство носится с оппозицией как с «писаной торбой», а на самом деле заглушает любую критику; от члена партии требуется беспрекословное подчинение и мыслями, и делом. Достаточно товарищу высказаться в оппозиционном духе, заключал Бавыкин, как тут же он обращается в плохого работника, на какой бы должности ни находился.[359] Схожую атмосферу партийной жизни передавали оппозиционеры Горного института: «А что существует у нас в партии монополия на мысль, мне кажется, каждый знает. Всякая появляющаяся мысль у отдельных членов партии у нас никем никогда до конца не выслушивается, и, наоборот, всякая высказанная такая мысль считается антипартийной, а подчас даже и антисоветской. Поэтому всякий зародыш заболеваний на поверхности организма не излечивается, а загоняется вовнутрь самого организма и, таким образом, временно-поверхностная болезнь переходит в хроническую».[360]

Об отсутствии условий для нормального ведения дискуссии заявляла группа преподавателей-оппозиционеров ЛГПИ им. Герцена — М. М. Духовный, Г. Я. Яковин, О. Г. Лифшиц. На заседании партячейки они отмечали, что дискуссия всегда запаздывает, материалов для кружков недостаточно, работа бюро идет с нарушениями и препятствует нормальному ходу дискуссии: «...бюро коллектива своими мелкими вопросами вытесняет большие — это оппортунистическая пошлость».[361] Этот же вопрос поднимали оппозиционеры Сельскохозяйственного института: партаппарат должен исполнять волю партийцев, а не спускать готовые директивы; отмечалось, что дискуссии задавался слишком острый характер, несогласным не давали выступать.[362]

Многие отмечали, что именно невозможность ознакомиться с дискутируемыми материалами (о которых почти все говорили, но мало кто их видел) и толкала на сближение с оппозиционерами.[363] И. Ф. Панин (ЛГПИ им. Герцена) возмущался тому, что осуждаются речи и документы, которые никто из собравшихся не читал.[364] Об этом же говорил студент Политехнического института, протестовавший против такой формы ведения собраний: «...таких-то авторов читай и не рассуждай, а таких-то совершенно не читай, ибо за тебя есть кому читать, а ты готовое воспроизведи, и когда нужно голоснуть, так только руку подними и больше ничего». Это путь «начетников, карьеристов, подхалимов, формалистов и попугаев».[365]

Кто-то видел в зажиме демократии прямое следствие политики ЦК — «кучки обанкротившихся лидеров, установивших железную дисциплину и уничтожившую свободу мысли в партии», при этом массам не позволяют участвовать в решении вопросов — на обсуждение выносятся уже готовые резолюции (Е. Е. Свердлов, Политех).[366] П. М. Нелогов из Коммунистического университета утверждал, что партийная элита боится критики рядовых большевиков, боится за свое положение, так как верхи привыкли к кабинетам и портфелям и потому не допускают изменений в ВКП(б).[367]

Индифферентность по отношению к политическим вопросам, безынициативность рядовых партийцев связывалась оппозиционерами с их карьеристскими устремлениями. Подробнее этими опасениями делился историк Н. И. Карпов. На опросе в Контрольной комиссии в декабре 1927 г. он подробно описывал формирование собственных взглядов. В начале 1923 г., работая в Комуниверситете, он «заметил некоторый холодок, создается какая-то прослойка, которая начинает отходить от массовой боевой работы, появляется некоторый карьеризм». Стараясь побороть растущий отрыв партии от рабочих масс, Н. И. Карпов после перевода в Педагогический институт сам попросил прикрепить его к партийному коллективу «Красного Путиловца» и, отказавшись от высоких постов, пошел в ячейку паровознокотельной мастерской. Историк также сокрушался о том, что в партию пролезает много приспособленцев, бывших представителей враждебных большевикам партий, которые в своих личных интересах «с пеной у рта» отстаивают линию ЦК. «Если я вижу какие-то не-

нормальности, я как большевик, как ленинец, прежде всего, в рамках устава партии я стараюсь исправлять все эти недочеты и ошибки».[368]

Схожие мысли встречаются на страницах воспоминаний выпускника рабфака МГУ И. М. Павлова (Хорошева). Он признавался, что «Заявление 46-ти» оказало на него сильное воздействие, так как озвученные в нем идеи перекликались с его собственными. Он «видел, как после окончания Гражданской войны племя мелких чиновников ринулось к государственному пирогу, отталкивая от него подлинных представителей народа. Видел жестокую борьбу за власть и влияние безыдейных и порочных элементов в партийном и государственном аппаратах. Все эти и многие другие недостатки я объяснял общей некультурностью, разрухой».[369] По этим причинам он приветствовал протест влиятельных большевиков. Подобные настроения разделяли многие студенты, пришедшие в партию согласно собственным политическим убеждениям, а не карьерным стремлениям.

С нашей точки зрения, проблема внутрипартийной демократии была наиболее емко сформулирована в письме анонимного оппозиционера в адрес ЦК. Он писал, что причина поражения оппозиции крылась в том, что середняк не давал отпор наглым действиям сталинской фракции и «неслыханному издевательству со стороны ЦК и всего аппарата над партией, он оказался слишком пассивным, но эта пассивность создана тем режимом, который за последние годы проводил ЦК — режимом неслыханного террора по отношению ко всем, кто смел высказать свое мнение». В партии прививались привычки к послушанию и раболепству: «...живая работа партии заменяется изучением приказов сверху». Применялись и карательные меры, поэтому активные оппозиционеры рисковали остаться без работы.[370]

Отсутствие демократии, травля несогласных подводили многих лидеров оппозиции к вопросу о начале перерождения партии, изменения характера и идеологических убеждений новоиспеченных большевиков. Л. С. Сосновский писал: «Обманывать свой класс и свою партию я не хочу. Об этом нет смысл говорить. Когда я вступал в партию большевиков, она подбиралась по такому принципу: быть готовым отдать все, не получая ничего. Теперь идет подбор по обратному принципу: не отдавая ничего, получать все, или хотя бы кое-что. Сколь много людей, известных мне,

разделяют полностью или частично мои взгляды, но они не хотят лишиться ни одного горшка цветов на окошке и потому голосуют, за что прикажут. Либо убегают в клозет на время голосования. Какие же это революционеры? Это чиновники, да и то фальшивые».[371] Так, подтверждение идей, высказываемых лидерами оппозиции, рядовые члены движения могли находить в собственном опыте партийной работы.

Активная оппозиционная деятельность Троцкого часто связывалась его противниками с меньшевистским прошлым наркомвоенмора. Если отказаться от спекуляций, связанных с использованием в ВКП(б) слова «меньшевик» исключительно как оскорбления, можно предположить, что названная связь могла действительно существовать. Представители небольшевистских социалистических движений начинали свой революционный путь в условиях большего демократизма, и при вступлении в ВКП(б), вероятно, с трудом мирились с довольно жесткой дисциплиной. И если в годы Гражданской войны она рассматривалась как нечто неизбежное, то в мирное время возникали надежды на большую политическую свободу. Насколько справедливо применить эти предположения к вузовцам? Из более 500 студентов и преподавателей в оппозиции, по нашим подсчетам, не менее 46 имели небольшевистское партийное прошлое: 13 состояли в партии меньшевиков (в том числе интернационалистов), 10 — в Бунде и Поалей-Цион, 7 — в ПСР, еще 5 — в зарубежных компартиях, двое были анархистами. Таким образом, почти каждый десятый вузовец-оппозиционер имел политический опыт, не связанный с ВКП(б). Изучение роли этого опыта в становлении левой оппозиции, на наш взгляд, могло бы стать перспективной темой исследования.

Материальная недостаточность

Можно предположить, что, как и в случае многих широких политических движений, в оппозицию вступали люди, подталкиваемые экономическими трудностями. Однако этот фактор крайне редко упоминался в качестве причины для вовлечения в протест. Более того, указывали на материальные трудности не сами оппозиционеры, а контрольные органы. Так, отмечалось, что рабфаковец Петроградского университета Н. С. Степанов ввязался

в оппозиционную работу в 1923 г., так как «благодаря тяжелому материальному положению озлоблен».[372] Участник подпольного кружка 1932 г. студент Горного института А. С. Скоморохов «на занятия, будучи больным, ходил без пальто в рваных ботинках, с промокшими ногами».[373] На бедность и отсутствие работы жаловался студент Политехнического института Г. Ф. Щеклейн.[374]

Иногда со стороны «фракционеров» звучали выступления в знак солидарности с непростым положением рабочих. М. П. Красовский (Институт путей сообщения) вопрошал: «Знает ли пропагандист, чем живет рабочий, и часто ли он у них бывает?»; «Как определяется зарплата рабочих?»; «Почему рабочих пропущено через санатории и курорты не более 5 процентов от общего числа пропущенных?»[375] Похожие реплики позволил себе коллега Красовского по институту комсомолец Кантер, говоривший о снижении заработной платы ленинградских рабочих;[376] высказывания об обнищании рабочих при росте производительности труда звучали в Электротехническом институте.[377] Удалось столкнуться и с прямыми указаниями оппозиции на социальное расслоение в СССР и в Ленинграде, в частности: «Разве это социализм, когда рабочие всю тяжесть работы выносят на своих мускулах, когда одни (как не раз говорил Н. П. Глебов-Авилов) каждый год покупают шляпу и манто, а рабочие уже три года ходят в рваном пальто».

Крестьянский вопрос

Одно из наиболее частных расхождений оппозиционеров с ЦК проходило по линии крестьянского вопроса и критики нэпа. Неудивительно, что студенческая партийная молодежь, вышедшая преимущественно из крестьянской среды, из всего многообразия теоретических выкладок остановилась именно на этой проблеме. М. М. Ометов (Горный институт) так описывал свои взгляды: «Я сам выходец из деревни, мои родители были безземельные крестьяне, а тов. Сталин, открывая [XIV] съезд, сказал „огонь налево“. Я считал, что ЦК недооценивает кулацкой опасности».[378] Негативное впечатление открытие «огня налево» произвело и на студентов Политеха.[379] Некоторые разногласия по крестьянскому вопросу заставляли вернуться к борьбе уже в подполье. Так, универсант В. И. Чанцев писал, что, отойдя от оппозиции после

XV съезда, решил вновь в нее вернуться, когда по материалам печати понял, что объявленное съездом наступление на кулака начало сворачиваться. Особое впечатление на него произвело выступление в печати В. М. Молотова 1 мая 1928 г., где он говорил о недостаточности популярного у оппозиции тезиса Ленина о крестьянстве: «Уметь достигать соглашения с середняком, ни на минуту не забывая о борьбе с кулаком и прочно опираясь только на бедняка».[380] Очевидно, что многими другими оппозиционерами подобные выступления рассматривались как победа правого бухаринского курса, который они считали одной из главных опасностей для партии.

Китайский вопрос

Помимо борьбы с кулачеством к популярным поводам для критики ЦК относилась политика по отношению к китайской революции. Эту проблему осознавали и контрольно-партийные органы Ленинграда, составлявшие списки выступавших по китайскому вопросу в коллективах ВКП(б).[381] Резня коммунистов в Шанхае, произошедшая в апреле 1927 г., для многих служила доказательством явных проблем во внешнеполитическом курсе СССР, которые становились очевидными даже без понимания тонкостей политики ЦК по отношению к Гоминьдану. Это событие рассматривалось уже не только как теоретическая, но как практическая несостоятельность политики Сталина—Бухарина. Массовая гибель коммунистов в Китае на многих произвела колоссальное впечатление. Преподаватели ЛГУ К. В. Нотман и Г. Е. Горбачев даже после капитуляции и отказа от оппозиционных взглядов оговаривались, что сохраняют свою позицию по китайскому вопросу.[382] Расхождения другого университетского преподавателя Л. Г. Райского и вовсе ограничивались только позицией по Китаю.[383] Многие студенты также называли китайский вопрос в качестве причины вступления в ряды оппозиции.[384] Дискуссия по проблемам взаимоотношения компартии и Гоминьдана продолжалась в оппозиции и в 1928—1929 гг.

В отличие от крестьянского вопроса обнаружить сколь-нибудь развернутых комментариев от студентов по поводу революции в Китае не удалось. Справедливо будет предположить, что в ряде случаев указание на несогласие с политикой ЦК в китайском во-

просе на заседании Контрольной комиссии было выбором меньшего «зла». Многим могло казаться, что расхождение по внешнеполитическому вопросу сочтут не столь тяжким проступком, как критику внутренней политики, что позволило бы спастись от серьезных партийных взысканий.

Бравада

Анализ биографий противников ЦК показал, что важной и неочевидной причиной вовлечения в оппозиционную работу была бравада, свойственная представителям молодого поколения. Так партийные органы характеризовали университетского рабфаковца М. З. Жива: «Молодой. Ищет сильных ощущений. Считает, что выступать против ЦК весьма оригинально. Политически подготовлен слабо. Сомневаемся, чтобы он разобрался во всей партдискуссии».[385] Другим примером может послужить биография студента Горного института В. Ф. Лысова. До исключения из ВКП(б) за фракционную работу он имел несколько взысканий за пьянство и дебош. В среде оппозиционеров занимался постоянным поиском провокаторов. Одному из подозреваемых в доносительстве заявил: «...если это неправда, дай мне по морде, а если не дашь, значит, соглашаешься со мной».[386] В 1927 г. Лысов украл из института стеклограф для устройства типографии, на заседание контрольно-партийных органов отказался явиться из-за якобы охватившей его тропической лихорадки. «Постоянное пребывание в той или иной оппозиции объясняется желанием стать в позу „героя“»[387] — сложно не согласиться с такой аттестацией, данной В. Ф. Лысову партийной ячейкой Горного.

Явно бравировал своей оппозиционностью сотрудник Института Гимпромез Н. Я. Храмцов. В 1926 г. под видом командировки он отправился на Урал для поиска сторонников, где сам в 1918 г. был председателем ЧК в Екатеринбурге. Оппозиционная агитация началась еще в поезде, при этом особую откровенность лозунгам Храмцова придавали обширные запасы алкоголя, взятые с собой. Начав критиковать политику Сталина—Бухарина, Храмцов продолжил гневной отповедью в адрес ГПУ. Он настаивал на том, что политуправлению «нечего делать» и поэтому оно с благословления ЦК занимается охотой на старых большевиков,

ищет их письма, приходит к ним с обысками. Вместо этого ГПУ предлагалось решить, наконец, польский вопрос, т. е. разбить буржуазное правительство в Польше и посадить туда Троцкого (лучшая кандидатура после смерти Дзержинского). Сопровождались «оппозиционные философствования» похабными речами, бранью и препирательством с милицией, проводниками и пассажирами.[388]

К числу политических авантюристов можно отнести и Е. И. Ходе, составителя оппозиционной резолюции в Артиллерийской академии РККА в 1923 г. На тот момент он являлся педагогом-экономистом и помощником по учебной части Академии. Учитывая, что, по некоторым источникам, ему в тот момент было всего 22 года, такую карьеру можно назвать впечатляющей. Однако более подробное знакомство с политической биографией Ходе вскрывает весьма нетривиальные причины его профессиональных успехов. Оказалось, что примерно в начале 1920-х гг. Ходе придумал для себя вторую личность, для чего изменил себе год рождения с 1901 на 1895 и год вступления в партию с 1919 на 1915. В качестве занимаемых ранее должностей он приписывал себе пост председателя Пермского губкома.[389] При этом своевременно проверить эти данные по партийному билету оказалось невозможным, так как он якобы оказался утерян. Метаморфозы Ходе коснулись и его национальности — вместо еврея он решил сказаться осетином, для чего представлялся различными вымышленными именами и фамилиями (Ефрен, Долидзе, Долицкий). Эта перемена вовсе не была случайной, так как выяснилось, что через свою сестру он был связан с сионистской организацией «Гошмар» («Лев») и имел отношения с главой ее северо-западного бюро. Конец приключениям Ходе наступил в 1924 г., когда вместе с братом он был арестован за мошенничество (неучтенная прибыль при добыче серебра) в УССР.[390]

Случаи подобного безрассудства были не частыми, но регулярными. Очевидно, что для оппозиционеров подобного рода вопросы внутрипартийной борьбы находились не на первом месте.

В целом ряде случаев факт нахождения в оппозиции (как и само членство в большевистской партии) выглядит противоречащим всем предпосылкам. Речь идет прежде всего о выходцах из знатных семей. Дед лидера оппозиции Ленинграда, ректора Лесного института Ф. Н. Дингельштедта, участвовал в Отече-

ственной войне 1812 г. и во взятии Парижа в 1814 г.; отец его был известным военным (участником Русско-турецкой войны) и художником.[391] О. Е. Юргенс была дочерью крупного чиновника Министерства императорского двора. Брат и сестра М. Х. и З. Х. Бураго (Горный институт и ЛГУ) и вовсе родились в семье, пострадавшей от революционного движения — их отец, польский дворянин и чиновник, был убит эсерами в 1906 г. [392] Из зажиточных семей дворян, купцов и банкиров были также З. Н. Якимова (Институт народного хозяйства), Е. Я. Семичев (Политех), С. Г. Боголепов; М. Л. Ширвиндт до революции сам начал успешную карьеру банковского служащего.[393] Иногда биографии членов оппозиции отличаются своей нетривиальностью. Так, оппозиционер московского Коммунистического университета трудящихся Востока и затем ВПАТа Николай Владимирович Елизаров был сыном Чана Кайши,[394] при рождении он имел имя Цзян Цзинго, русскоязычный «вариант» своего имени получил при переезде на учебу в СССР. Впоследствии он отошел от левых убеждений, в 1978—1988 гг. был президентом Тайваня.[395] Студент Военно-инженерной академии К. Н. Емельянов был сыном рабочего Н. А. Емельянова, который укрывал Зиновьева и Ленина в 1917 г. в Разливе. В академию он поступил в 1921 г. по протекции Ленина.

Защита вождей революции

Для многих партийцев оппозиционная работа была связана с авторитетом вчерашних вождей ВКП(б). Лишенные возможности выступать легально, большевики были вынуждены «идти в народ», т. е. пойти на контакт с партийными массами, в значительной мере стерев границу, разделявшую партийную элиту и молодое поколение большевиков. В 1927 г. в Ленинграде на квартирных встречах с участием Троцкого, Зиновьева, Радека, Евдокимова, Сафарова и Бакаева побывали тысячи человек. Конечно, возможность общения или совместной работы со знаменитыми революционерами, вчерашними лидерами не только российского, но и мирового освободительного движения привлекала молодых людей. Для многих неприятие сталинского курса было связано именно с симпатиями или личным доверием к крупным фигурам оппозиции. Л. С. Штеренсон (Институт политпросветработы)

говорил о «глубокой вере в Зиновьева», который имел для него «огромный моральный авторитет».[396] Схожего мнения придерживались и другие оппозиционеры института, отмечавшие, что Зиновьев «не может врать».[397] В отчетных материалах Коммунистического университета утверждалось, что М. С. Свиридович «ослеплен» авторитетом вождей и в случае, если сам не может разобраться в теоретических вопросах, прикрывается их словами.[398] И. Л. Глечков (ЛГУ) отмечал, что вступил в оппозицию после встречи с Зиновьевым на квартире и «его авторитет заставил меня укрепиться во мнении о правоте оппозиции».[399] Цзян Цзинго вспоминал о большом впечатлении, произведенном на него Карлом Радеком, которого он в тот момент считал едва ли не своим вторым отцом.[400] При таком патерналистском подходе к внутрипартийной борьбе политические и экономические споры в ВКП (б) часто отходили на второй план, а противодействие оппозиции воспринималось как результат личного столкновения вождей партии, ущемление авторитетных большевиков. В таких случаях характер оппозиционных выступлений в партячейках представлял собой защиту права вчерашних большевистских вождей на свое мнение. Х. И. Ильвес (Восточный институт) говорила, что «если старые члены партии не имеют права высказываться, это никуда не годится», отмечая при этом, что опирается она не на Троцкого и Зиновьева, а на авторитет тысяч старых большевиков: «...в оппозицию пойдет не всякий, потому что требуется мужество».[401] В представлении Е . Е. Свердлова (Политехнический институт) именно большинство ЦК, а не оппозиция, было главным раскольником партии, так как оно отторгает от себя большинство старых ленинцев.[402] М. Я. Натансон (Электротехнический институт) утверждала, что Зиновьев правильно вел себя на XIV съезде, так как имел право указать партии на слабые места и защищать парторганизацию своего города.[403] Прозвучало и множество других подобных заявлений, защищавших лидеров оппозиции от обвинений в меньшевизме.

Отмечалось, что бывшие лидеры партии сейчас заняты работой, не соответствующей их статусу и авторитету. Бывший заведующий агитпропотделом Ленинградского губкома И. К. Наумов на собраниях уверял, что «Зиновьев сейчас сидит в госплане, где по должности он обязан высчитывать, сколько балерин сократить, сколько вновь зачислить, но только идиот стал бы занимать-

ся в этот момент таким делом, а потому у Зиновьева ежедневно сидит 7-8 рабочих, с которыми он беседует на нужные темы».[404]

Некоторые приходили в стан сторонников Троцкого под явным впечатлением от его публицистических работ. Известно, что в духе статей Троцкого о революционном быте выступал и публиковался студент Горного института Б. Л. Бродянский.[405] Среди поклонников литературного творчества наркомвоенмора находился также преподаватель университета Г. Е. Горбачев. Работу Троцкого «Литература и революция», несмотря на критику, он признавал выдающимся произведением.

Часто для оппозиционеров, наоборот, была принципиальна антивождистская программа, т. е. действия, направленные персонально против авторитаризма И. В. Сталина. З. М. Бравый (Горный институт) характеризовал Сталина как мерзавца;[406] П. М. Нелогов описывал методы подавления оппозиции как сталинский фашизм.[407] Подробно о своем неприятии сталинских методов руководства вспоминал выпускник Института путей сообщения Б. Е. Беленький: «Сталин в поисках убивающих оппозицию обвинений выдумал, что оппозиция связалась с капиталистическими странами, чуть ли с контрразведкой», «мне противны были <...> ультрапарадоксальность и безграничная вера в Сталина». Беленький отмечал, что большое впечатление на него произвело «Завещание» В. И. Ленина, показанное ему коллегой по институту. Из этого сочинения он составил для себя представление о политической «физиономии» генсека.[408]

В защиту старой большевистской гвардии выступали и децисты. В письме Молотову Д. В. Вихорев изложил свой взгляд на внутрипартийную жизнь. СССР, отмечал Вихорев, по своему социальному составу является крестьянской страной, и потому при строительстве социализма через промежутки накапливаются различные противоречия. Решать их нужно всей партией, и каждый большевик должен чувствовать ответственность за свой билет. Поэтому недопустима травля «первых помощников Ленина, чудом превратившихся вдруг, по желанию аппарата, в неоменьшевиков, агентов Чемберлена, контрреволюционных заговорщиков». Нужно разобраться в противоречиях, чтобы строить социализм сознательно.[409]

Любопытно, что собственно вузовская проблема в оппозиционной риторике оказалась невостребованной, хотя дискуссия

1923 г. строилась во многом вокруг обсуждения места вузовской молодежи в партийной жизни. Уже в 1927 г. удалось обнаружить единственное упоминание студенческой проблемы как причины вливания в оппозицию. Студент Сельскохозяйственного института А. А. Кошмаров отмечал, что задача партии состоит в создании новой интеллигенции, поэтому особое внимание должно уделяться вузовским коллективам. Однако в них много бюрократии, большая нагрузка, материальная недостаточность и как следствие — низкое качество работы.[410]

* * *

Как мы отмечали во введении, с подачи одного из наиболее яростных проводников сталинской линии Е. М. Ярославского бытовало представление, что основа оппозиции — это увлекшаяся революционным романтизмом молодежь. Это утверждение на десятилетия вперед определило характеристику оппозиции в советском политическом дискурсе и историографии, поэтому есть основания остановиться на нем подробнее. Справедливо ли представлять оппозицию как преимущественно молодежное движение?

Применительно к высшей школе такое утверждение верно лишь отчасти, даже несмотря на то что вузовское сообщество по определению отличается юным возрастом. Однако советский студент-большевик или комсомолец 1920-х гг. мало походил на студента в классическом, дореволюционном понимании, так как не являлся вчерашним гимназистом. Их средний возраст достигал 24-25 лет — до революции в таких годах уже оканчивали вуз. Высокий возраст студенчества объясняется, с одной стороны, демократизацией высшей школы, когда поступать в университет начали те социальные группы, которые ранее в силу экономических причин не рассчитывали на получение высшего образования, с другой — у многих студентов-партийцев поступлению в вуз предшествовал опыт участия в Гражданской войне.

Конечно, революционная карьера студентов в силу их возраста не могла быть столь впечатляющей, как у старых большевиков. Однако и среди них встречаются биографии, отмеченные участием в освободительном движении. Приведем несколько примеров. Студент ЛГУ И. М. Ниссон вел революционную борьбу

сразу в нескольких странах. В 1917—1918 гг. он являлся членом Бунда, в 1918 г. был арестован как участник рабочего движения в Варшаве, в 1919—1920 гг. состоял в Коммунистической партии Германии, в 1920—1923 гг. — в компартии Дании. В 1923 г. И. М. Ниссон был арестован в Копенгагене и после отбытия тюремного наказания переехал в СССР, где в этом же году вступил в РКП(б).[411] Другой универсант К. Я. Умблея начал подпольную работу среди портовых грузчиков в Эстонии, трижды исключался из гимназии, в 1924 г. вступил в местную компартию, в 1926 г. эмигрировал в СССР и стал членом ВКП(б).[412] Интересно, что к 1927 г. самым возрастным студентом-оппозиционером оказался студент И. М. Овсянников (1891 г. р.), каменщик из крестьян, участник Первой мировой и Гражданской войн; лидером оппозиции Сельскохозяйственного института и Детского Села был 34-летний С. К. Гусев (1893 г. р.), участник мировой войны и польского похода РККА. Студентка Политехнического института М. Г. Савченко еще до революции арестовывалась за распространение социал-демократической литературы, участвовала в организации Октябрьского восстания, устраивала встречи Ленина на Трубочном заводе.[413] «Муся» Натансон была близкой знакомой В. В. Маяковского. Поэт оставил воспоминания о совместной с ней работе: «С первых дней семнадцатилетняя коммунистка Выборгского района Муся Натансон стала водить нас через пустыри, мосты и груды железного лома по клубам, заводам Выборгского и Василеостровского районов. Я читал все, что у меня было; главным образом — „Поэтохронику“, „Левый“, „Войну и мир“ и сатириконские вещи».[414] В 1920 г., вдохновившись масштабами задач ГОЭЛРО, Натансон поступает сначала в Политехнический, а затем в Электротехнический институт.[415] Г. М. Дрязгов в 1917 г. участвовал во взятии Зимнего дворца.[416]

Среди более пяти сотен студентов-оппозиционеров 37 вступили в партию в 1917 г., 7 имели подпольный стаж: А. Г. Гогунц (с 1908 г.), Р. Х. Будрис (с 1910 г.), П. А. Шмидре (с 1912 г.), М. П. Красовский (с 1912 г.), С. Г. Боголепов (с 1913 г.), И. М. Лебедев (с 1914 г.), М. Г. Савченко (с 1914 г.), А. П. Капитонова (с 1916 г.). Десятки будущих студентов-оппозиционеров участвовали в Гражданской войне, пусть и далеко не на первых ролях. Многие успели побывать в других социалистических партиях. В рядах меньшевиков (в том числе интернационалистов):

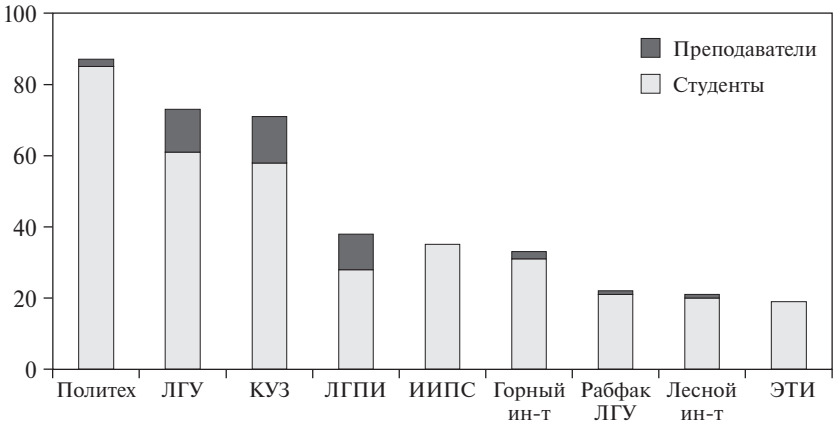
С. М. Вечеслов, Е. Я. и Е. Г. Семичевы, А. Ю. Иткин, Г. М. Дрязгов, С. Е. Плисс и др.; в рядах эсеров: И. Ф. Куразов, Б. И. Авдеев, П. М. Горбунов, А. М. Волкова, Ф. Е. Чураков и др.; множество состояло в членах Бунда.

В условиях первого советского десятилетия разница между партийными студентами и преподавателями в возрастном отношении была минимальна и составляла около 5-6 лет. Так что к молодежи справедливо будет отнести и многих из преподавателей, в среде которых также были заслуженные революционные деятели. До революции и во время Гражданской войны членами заграничных социалистических партий были И. М. Альтер (Польша), Б. А. Куржнир (Швейцария), О. Г. Лифшиц (Швейцария), З. Б. Заблудовский (Польша, Литва) (см. Приложение 2).

Для оценки партийного стажа еще в 1920-е гг. были выделены несколько категорий: а) подпольщики, т. е. те, что стали большевиками до падения монархии; б) вступившие в партию в революционный 1917 г.; в) вступившие в партию в годы Гражданской войны 1918—1920 гг. Эти категории большевиков неформально относились к наиболее заслуженным, поскольку считалось, что они своим участием в революционной борьбе на деле доказали преданность партии. В исследуемой нами группе студентов-оппозиционеров почти половина (240 человек) вступила в ряды ВКП(б) до 1920 г. включительно. 193 стали большевиками позднее, 60 на момент участия в оппозиционном движении являлись членами ВЛКСМ[417] (см. Приложение 3). Эти очерки революционной биографии вузовцев-оппозиционеров были приведены нами с целью продемонстрировать, что даже среди студентов и молодых преподавателей высока была доля тех, кто внес свой посильный вклад в победу большевиков, и, следовательно, тех, кто ощущал свою причастность к судьбе советского государства. Поэтому, на наш взгляд, изображение оппозиции в качестве движения юношеского романтизма являлось осознанной спекуляцией.

Остановимся чуть подробнее на других чертах коллективной биографии вузовцев-оппозиционеров. Данные, представленные в диаграмме, позволяют выявить наиболее оппозиционные вузы города. Лидером оказался Политехнический институт. На первый взгляд, такой результат может показаться неожиданным, но необходимо учитывать, что в 1920-е гг. Политех стал самым крупным вузом города, опережая даже университет (5220 студентов

Оппозиция в вузах Ленинграда 1923—1932 гг.*



* Диаграмма и таблица 2 составлены на основании Приложений 2 и 3. В графе «Преподаватели» также учтен научный и административный состав вузов.

против 3787 на 1925 г.[418]). Помимо численности студентов большая оппозиционность Политеха связана с упомянутыми нами акцентами политической пропаганды, которая велась сторонниками блока преимущественно в заводских районах, в том числе на Выборгской стороне, где и находился институт. К числу субъективных факторов можно отнести личность С. Г. Боголепова, одного из руководителей районной оппозиции. Опытный партиец с подпольным стажем, участник Гражданской войны, он проявил себя и как талантливый организатор. Как мы показали, именно в Политехе агитационная работа была поставлена наиболее грамотно с учетом требуемой конспирации. Обращает на себя внимание, что большинство оппозиционных институтов и университетов имело техническое направление (Горный, Институт инженеров путей сообщения, ЭТИ, Лесной и др.). Это можно объяснить более «пролетарским» составом этих вузов, где выходцы из рабочей среды составляли от 25 до 30 %, что существенно превышало их долю во многих гуманитарных вузах.[419] В это же время преподаватели представляли исключительно гуманитарные дисциплины — история, философия, политэкономия.

Сведения из таблицы 2 показывают динамику вовлечения вузовского сообщества на разных этапах внутрипартийной борь-

Таблица 2

Численность оппозиции в вузах Ленинграда в 1923—1932 гг.

Периоды оппозиционной борьбы	1923—1924	1925—1926	1926—1927	1928—1932
Преподавательский, научный, административный состав (чел.)	8	28	30	9
Студенты (чел.)	64	86	412	60
Всего (чел.)	72	114	445	69

бы. Еще раз подчеркнем, что в условиях несовершенства учета оппозиционеров контрольно-партийными органами речь идет о минимальных значениях. Предсказуемо большее количество вузовцев приобщилось к борьбе уже в период блока Троцкого—Зиновьева. Именно тогда обязанности оппозиционеров значительно расширились, так как встала задача не просто вести пропаганду своих идей, но и искать активных сторонников, которые бы вели легальную или полулегальную работу. Обращает на себя внимание и тот факт, что число оппозиционеров-подпольщиков 1928—1932 гг. лишь немного уступает защитникам «Нового курса» и «Заявления 46-ти», работавшим в куда более благоприятных условиях. К сожалению, мы не располагаем сколь-нибудь полными данными по вузам других городов, чтобы провести адекватный сравнительный анализ. Однако доступные нам фрагментарные свидетельства позволяют делать определенные выводы. Так, только в МГУ и только в 1927 г. насчитывалось около 250 студентов в оппозиции, что в значительной мере превосходит любой из самых оппозиционных вузов Ленинграда.[420]

Глава 4

ПОДПОЛЬЕ И «КОНТРАБАНДА». 1928—1932 гг.

К началу работы XV съезда в декабре 1927 г. стало очевидно, что тактика оппозиции провалилась: блоку Троцкого—Зиновьева не удалось добиться обсуждения своей платформы на съезде, а аресты и исключения из партии перестали быть единичными. Перед съездом на московской квартире Л. С. Сосновского состоялось собрание лидеров движения, на котором присутствовали Л. Д. Троцкий и бывший нарком почт и телеграфов И. Н. Смирнов. Содержание этой встречи «в верхах» известно из донесения информатора ОГПУ. Такая осведомленность спецслужб только подчеркивает, насколько уязвима была оппозиция. Основной вопрос, поднятый на собрании, касался действий движения в условиях скорого разгрома. И. Н. Смирнов предостерегал от подпольной работы, считая ее невозможной; Л. Д. Троцкий говорил о необходимости сохранения кадров, которые при смене политической конъюнктуры могли бы вернуться к своей работе. Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев предлагали полную капитуляцию во имя предотвращения раскола партии. Насколько можно судить, бóльшую поддержку получила тактика Троцкого, рассчитанная на роспуск оппозиционных групп, при том что часть их организаторов должна была затаиться до лучших времен.[1] Перспектива создания второй партии отвергалась категорически. Еще в ноябре 1927 г. на вопрос одного из студентов о будущем движения Троцкий ответил, что о второй партии не может идти и речи: при самых тяжелых обстоятельствах будут создавать союз исключенных коммунистов для возврата в ряды ВКП(б).[2]

Результатом этих совещаний стало «Заявление 121-го», поданное 3 декабря, т. е. на следующий день после открытия съезда.

Оно сглаживало противоречия ноябрьских совещаний. Декларировалось: «Мы не можем отказаться от взглядов, в правильности которых мы уверены и которые изложены нами перед партией в платформе и в наших тезисах, но ради сохранения единства партии, обеспечения ее полной боеспособности как руководительницы государства и мирового пролетарского движения мы заявляем съезду, что прекращаем всякую фракционную работу, распускаем все фракционные организации <...> мы будем работать и впредь, защищая свои взгляды в строгих рамках устава и решений партии, что является правом каждого большевика, зафиксированном в ряде основных решений съездов при Ленине и после него».[3] В обмен на роспуск движения авторы рассчитывали добиться восстановления исключенных оппозиционеров. В личной переписке члены блока пытались склонить в сторону компромисса также и децистов, аргументируя это тем, что вторая партия станет прямым нарушением заветов Ленина.[4] Заявление носило характер двойного компромисса. С одной стороны, оппозиция шла на открытое примирение с партией, с другой — не отрицалась возможность продолжения борьбы, за которое выступали наиболее радикальные оппозиционеры. Однако этот документ ожидаемо не возымел действия. XV съезд заклеймил левую оппозицию как меньшевистский уклон, а также исключил из ВКП(б) 75 членов блока Троцкого—Зиновьева и 23 представителя группы демократического централизма.[5] С этого момента пропаганда идей левой оппозиции, и без того проходившая в условиях жесткого давления со стороны партаппарата, была де-юре запрещена.

Вопросы, поднятые на совещаниях лидеров оппозиции, спускались для обсуждения и в среде рядовых участников движения, в том числе и в Ленинграде. Эти встречи происходили конфиденциально, поэтому сложно установить их количество и точное число участников. Ограничимся рассмотрением известных нам примеров. Одно из подобных совещаний состоялось 3 и 4 декабря на ул. Красных зорь и Международной. На собрании присутствовало порядка 25 человек, возглавлял его Г. И. Сафаров.[6] Он предложил поддержать примирительное «Заявление 121-го».[7] Защищая правильность подобного компромисса, Г. И. Сафаров указывал на необходимость идейно готовить «середняка-партийца»,[8] однако тон выступления, очевидно, все же не был миролюбивым. «Ленинградскую правду» Сафаров называл скворечницей и нэп-

мановской газетой, И. В. Сталина сравнивал с турецким султаном Мехмедом V. Альтернативную и куда более радикальную программу действий предлагал доцент Г. Я. Яковин. Он полагал, что присоединение к партии — это мертвый путь, превращающий оппозицию в «багаж». Верным решением в сложившейся ситуации ему виделось создание второй партии. Отметим, что подобное предложение, предполагавшее, по существу, начало новой революционной борьбы, было чересчур радикальным даже для наиболее давних и стойких сторонников Троцкого. Очевидно, Яковин находился под влиянием группы демократического централизма, призывавшей в тот момент к усилению подпольной борьбы с активной конспирацией. После напряженной дискуссии собрание проголосовало за прекращение активной работы. Очевидно, эти дебаты повторялись на многих встречах, так как Сафаров охарактеризовал Яковина как собственную тень: «Ходит всегда за мной и, чтобы я ни сказал, — опровергает».[9] О подобном собрании вспоминает выпускник ВПАТа К. И. Самарец, отмечая, что предложение Сафарова было дополнено указанием на необходимость продолжать вербовку сторонников.[10] Похожие замечания о переводе политической работы в режим ожидания (отказ от активизма, но сохранение личных связей, и работа в мелких группах) обсуждались в ходе собрания 3 декабря на квартире З. Н. Гайдеровой.[11]

Поддержка Троцким планов по роспуску фракций и курса на сохранение места в партии вызвала недопонимание у многих оппозиционеров. Так, преподаватель ВПАТа Г. И. Григоров в беседе с А. Л. Бронштейн признался, что не разделяет «желания убедить своих сторонников не выходить из партии, самораспуститься».[12] Бронштейн говорила о том, что подобное решение продиктовано неизбежными скорыми репрессиями. Поражение оппозиции надломило и многих рабочих, которые «очень резко оценивали сложившееся положение, общий смысл сводился к тому, что с мечтой о социализме надо расстаться, необходима еще одна революция, но сил уже нет».[13] Именно Г. И. Григорову пришлось выступить в качестве ликвидатора оппозиционных фракций не только в Ленинграде, но и в других крупных городах. Получив соответствующие указания лично от Троцкого зимой 1927—1928 гг. и спасаясь от собственного ареста, он за 1928—1929 гг. посетил Свердловск, Брянск, Ростов-на-Дону, Владикавказ, Тифлис, где

встречался с местными оппозиционерами и объявлял им о роспуске организаций, встречая немало возмущений по поводу столь примирительных шагов.

Формальный роспуск оппозиционных групп не спас их участников от репрессий. В январе-феврале 1928 г. в партийных ячейках началась массовая «проработка» сторонников Троцкого—Зиновьева. На заседании партийного коллектива вызывались партийцы и комсомольцы, причастные к работе оппозиции. Опрос должен был установить характер работы, суть разногласий с партией, участие в сборе подписей, основные имена и фамилии соратников. По результатам опроса определялась тяжесть партийного взыскания — от постановки на вид до исключения из ВКП(б) или ВЛКСМ. Как правило, подробный рассказ о фракционной работе, искреннее покаяние и отказ от собственных взглядов (или «капитуляция» на языке того времени) могли в значительной мере смягчить наказание. Тем не менее в первые недели проработки многие с вызовом заявляли о сохранении собственных убеждений, защищали право на дискуссию и даже позволяли крайне нелестные высказывания по отношению к съезду и сталинско-бухаринскому курсу. Однако с началом арестов и ссылок число непримиримых оппозиционеров резко сократилось — многие подали повторные заявления, содержавшие раскаяния в работе против ЦК и полное согласие с политикой, определенной съездом.

Нас интересует поведение в эти месяцы тех партийцев, что отказались «разоружиться» и впоследствии продолжили оппозиционную работу в подполье или ссылке. Как правило, перед контрольными комиссиями они придерживались двух тактик. Первая из них — запирательство. Так вела себя группа ректора Лесного института Ф. Н. Дингельштедта. На все вопросы партийцами, привлеченными по его делу, давались односложные и малоинформативные ответы.[14] Другая тактика — это сознательное запутывание дела. Например, Контрольная комиссия отмечала, что на вопрос, верит ли он партийной печати, студент Технологического института Б. Д. Садовников отвечал так «запутанно и витиевато», что понять ответ было просто невозможно.[15] Ответы будущего преподавателя ЛГПИ им. Герцена О. Б. Остроумова в комиссии сочли «кукольной комедией», так как осталось неясным, в чем в итоге он не согласен с ЦК.[16] Подобное поведение было вызвано нежеланием давать компрометирующие показания

на себя и своих товарищей и стремлением публично не отказываться от собственных взглядов. Кто-то отваживался на крайне резкие и откровенные демарши. Студент Технологического института Н. Л. Альтгаузен заявил, что с точки зрения ленинизма фракционную работу ведет не он, а Сталин и его приближенные. При этом он в грубой форме поносил ЦК, а участников партийного бюро института обозвал фашистами. Ни ЦК, ни бюро, декламировал Н. Л. Альтгаузен, не знают настроения масс и не могут руководить партией, поэтому к оппозиционерам за разъяснением дискуссии обращается гораздо больше народу, чем в партколлектив.[17] Подобные выпады в сторону партийных работников встречались часто.

Иногда заявления в раскаянии носили характер временного отступления и не были вполне искренними. Студент Политеха М. И. Шестопалов объявил, что полностью подчиняется решениям XV съезда, и поскольку у него голова, а не «качан капусты», обещал впредь более тщательно прорабатывать политические вопросы. Ввиду раскаяния он получил взыскание в виде строгого выговора.[18] Однако осенью 1929 г. Шестопалов все же был исключен из партии как не изживший в полной мере оппозиционные взгляды. По пути мнимого отказа от своих убеждений пошли многие будущие подпольщики.

Те, кто отказался раскаиваться и прекратить фракционную работу, оказались арестованы. Дингельштедт вспоминал о месяцах в тюрьме: «Большинство арестованных содержались в самых строгих условиях, в особом ярусе ДПЗ. Мне в течение 6 недель не давали ни прогулки, ни книг (что мне не приходилось испытывать даже при царском режиме, сидя в том же ДПЗ). Особенно жесткому режиму подвергнуты рабочие. Мне пишут, например, о рабочем [Н. Т.] Гракове <...> не пожелавшем подавать заявления о капитуляции, что его три месяца держали в особом ярусе и не давали ему политического пайка <...>. Следует отметить довольно-таки явную политическую безграмотность наших „мучителей“. Особенно интересна поразительная неосведомленность об отдельных деталях текущей борьбы».[19] Всего под арест попали десятки противников ЦК, только часть законспирированных партийцев осталась на свободе.

Так или иначе бóльшая часть сторонников оппозиции в первые месяцы 1928 г. была исключена из партии (меньшая отде-

лалась предупреждениями или постановкой на вид). Наступило затишье, прерванное, очевидно, в конце зимы, когда в среде оппозиции начались разговоры о собирании сил и возвращении к борьбе. Сложность потенциального объединения заключалась в крайней неоднородности взглядов ленинградской оппозиции, о которых мы говорили выше. Наиболее уязвимы оказались зиновьевцы, так как они остались фактически в одиночестве: их лидеры капитулировали либо во время съезда, либо в первые месяцы ссылки. В среде оппозиционеров про них распространялись весьма нелестные куплеты:

«Лев Борисыч и Григорий
Не вожди, а просто горе.
Чуть серьезный час придет,
Мигом их бросает в пот.
В Октябре дрожали вместе,
Через десять лет на Съезде
Снова нет на них лица,
Ламца-дрица-ца-ца
<...>
Заскучав в Сибири снежной,
Саркис пламенно и нежно
Гимны Сталину поет,
На клочки платформу рвет.
Знать спокойнее ливрея,
Чем крамольная идея.
Слишком труден путь борца,
Ламца-дрица-ца-ца

Были Вардин и Сафаров
Горячей, чем сто пожаров,
Но горячность та прошла,
И осталась лишь зола,
Спеси было тут не мало,
Только мужества не стало
Продержаться до конца
Ламца-дрица-ца-ца».[20]

Капитуляции Каменева и Зиновьева стоит уделить больше внимания, так как, на наш взгляд, ее последствия излагаются в историографии не вполне полно. Считается, что оппозиционная

работа Каменева и Зиновьева закончилась во время XV съезда, после публичного раскаяния. Однако нам удалось найти свидетельства тому, что это устоявшееся среди исследователей мнение не вполне справедливо. По-другому взглянуть на этот период политической биографии бывших лидеров новой оппозиции позволяют отрывки из дневника секретаря Каменева Ф. П. Швальбе (брат члена оппозиционной группы КУЗа М. П. Швальбе). Из дневниковых записей мы узнаем, что вплоть до начала 1929 г. проходили регулярные встречи капитулировавших оппозиционеров, на которых делались доклады и обсуждались черновики статей. Одну из наиболее обстоятельных, с критикой идеи социализма в одной стране, подготовил Зиновьев, присутствовали на собраниях в том числе Пятаковы и Сокольников.[21] Судя по всему, группа рассчитывала вернуться на ответственные посты, с одной стороны, за счет атак на правых, которые с 1928 г. находились в конфронтации со Сталиным, с другой стороны, благодаря критике Троцкого, фактически не подчинившегося решениям съезда. При этом не только Троцкий и Бухарин, но и сам Сталин не получал за глаза хвалебных характеристик. Швальбе писал: главная проблема в том, что партийные массы видят в генсеке большую фигуру, которая на деле оказывается ничтожеством.[22] Группа держала периодическую связь с Орджоникидзе, Бухариным, Угановым и др., пытаясь через них прощупать почву к возвращению.[23] На основе имеющегося материала сложно дать оценку того, какова была связь лидеров оппозиции с массами своих сторонников (исключенных и нет). Отметим, что, описывая политическую ситуацию на начало 1929 г., Швальбе говорил о том, что сторонники Троцкого, подставленные своим вождем под сталинские репрессии, находятся в разброде, в то время как «у нас консолидация».[24]

В условиях подполья эти непростые политические взаимоотношения, длившиеся уже несколько лет, дали о себе знать, тем более что именно троцкисты и децисты были инициаторами продолжения борьбы и, очевидно, претендовали на роль лидеров. Участники объединительных собраний вспоминали, что в качестве программного документа троцкисты предлагали взять платформу большевиков-ленинцев и в своих выступлениях старались стушевать разногласия между Троцким и Зиновьевым. Г. Я. Яковиным была проведена серия собраний на квартире одного из зиновьевцев в «Астории». Цель собраний заключалась в объе-

динении бывших оппозиционеров и продолжении борьбы уже в подполье. После чего состоялись отдельные собрания зиновьевских групп. На одном из них К. И. Самарец делал доклад о вреде планируемого союза, так как в тех условиях речь фактически шла о подчинении зиновьевцев троцкистским группам. Его доклад был предложен в качестве основания для резолюции на повторном общем собрании, однако под давлением Г. Я. Яковина было принято решение об объединении.[25] Так началась подпольная работа ленинградских оппозиционеров.

Структура подпольного движения оппозиции повторяла ту, что была в 1926—1927 гг., но стала более компактной. Во главе городской оппозиции стоял «Политический центр»[26] (состоявший из трех человек), ему подчинялся городской центр, куда входили представители районных отделений, которые занимались пропагандой на крупных предприятиях; им помогали агитаторы, как и ранее стоявшие вне основной структуры.[27] Все члены оппозиции обязывались вносить взносы и заниматься сбором пожертвований. Судя по материалам следствия, возглавляли движение преподаватель ЛГПИ им. Герцена И. М. Альтер (кличка «Алексей»), экономист В. К. Леньков, а также В. Г. Денсов, приехавший из УССР после исключения из партии. Последний находился в глубоком подполье, не имел ни работы, ни постоянного места жительства и, с его слов, существовал за счет переводов, которые выполнял для своих знакомых.[28] Альтер при этом имел связи с московскими оппозиционерами, отправлял им материалы для «Бюллетеня оппозиции».

Среди документов, изъятых у Г. Я. Яковина при аресте, было обнаружено отчетное письмо, позволяющее судить о работе оппозиции среди комсомольцев. Наладить постоянную работу в ВЛКСМ удалось только к осени 1928 г., когда были определены ответственные организаторы районов, а собрания стали носить регулярный характер. По замыслу оппозиционеров, наиболее подготовленные кадры должны были допускаться к работе основных партийных групп и кружков. Всего под их влиянием находилось 150-200 человек, преимущество рабочих.[29]

Попытаемся дать оценку численности оппозиционеров, участвовавших в подпольной работе. В исследуемый нами период большинство арестованных оппозиционеров были сгруппированы ОГПУ в два основных дела. В декабре 1928 г. были осуждены

32 человека,[30] в феврале 1929 г. еще 25.[31] Работа с личными делами, протоколами контрольных комиссий позволяет говорить, что всего в эти два года в оппозиционной работе участвовало около полутора сотен человек. Примечательно, что доля вузовцев в их числе значительно выросла — в нелегальной партийной борьбе участвовали, согласно нашим подсчетам, 60 студентов и 9 преподавателей (т. е. почти половина от общего числа). Даже тех, кто не имел никакого отношения к высшей школе, отличал достаточно молодой возраст (около 25-28 лет). А. В. Гусев справедливо отмечает, что переход в подполье расколол оппозицию не только по политической, но и по возрастной линии. Молодое поколение большевиков в отличие от «стариков» было менее подвержено партийному фетишизму, и лозунги о единстве не удерживали их от политической работы вне ВКП(б).[32]

Пока не вполне объяснимое стечение обстоятельств привело к большому притоку в Ленинград оппозиционеров из Украины, часть которых находилась на нелегальном положении, среди них В. Г. Десов (Денсов), Б. Н. Пилипенко, О. Б. Остроумов, В. К. Яцек (один из основателей группы «Рабочая правда» в 1921 г.[33]) и др. В целом задача устройства товарищей-нелегалов была одной из первоочередных для оппозиционного движения этих лет. Так, Г. Я. Яковина (жил под фамилией Арсеньев, имел также кличку Дмитрий) укрывали студент Б. Д. Садовников и рабочий Г. М. Войнов.[34]

Важно понимать, какие цели ставил перед остатками оппозиции Троцкий. Первое циркулярное письмо (т. е. предназначенное для копирования и распространения) было написано им только в мае 1928 г. Так, полагалось, что внутриполитическое положение в СССР может измениться только под влиянием международного фактора, т. е. активизации революционного движения за границей: «Внутренние вопросы необходимо поставить под международным углом зрения. Никакая внутренняя политика не поможет без правильного и выдержанного курса международной пролетарской революции. Да и немыслима правильная внутренняя политика без правильного, широко продуманного международного курса».[35] Внутри страны Троцкий обращал внимание на левый поворот экономической политики, наметившийся после XV съезда. Этот курс, отмечал он, можно приветствовать, но только как робкие шаги в сторону оппозиции, которые нужно разъяснять и

критиковать за непоследовательность и противоречивость (впоследствии в переписке левый поворот с намеком на его временный характер стал именоваться зигзагом). Другая надежда была связана с изменением расклада политических сил под влиянием экономического развития: правый «хвост» партии будет бить по центристской «голове», заставляя сворачивать влево. Метафора о голове и хвосте ВКП(б) была одной из самой дискутируемых среди ссыльных. Обращает на себя внимание тот факт, что Троцкий ограничился только очерками стратегических целей движения, не предлагая методов борьбы в условиях подполья и ссылки. Очевидно, это происходило по соображениям конспирации в условиях перлюстрации; первое время также свою роль играло данное на съезде обещание отказаться от фракционной работы. Тем не менее при таком содержании директив Троцкого выходило, что никаких реальных действий, кроме обращения к Конгрессу Коминтерна, не предлагалось, а оппозиционеры целиком ставились в зависимость от внешней политической конъюнктуры. Попытка подчинить свое положение развитию революции за рубежом рождала многие малоубедительные пассажи: «Над вопросом о кулаке и индустриализации вместе — стоит вопрос о правильном руководстве Коминтерном, о воспитании кадров, способных опрокинуть мировую буржуазию».[36] Насколько можно судить, по крайне принципиальному вопросу о второй партии Троцкий придерживался старой позиции о недопустимости создания конкурента ВКП(б). Существуют и обратные свидетельства, но они, судя по всему, носят характер слухов.[37]

Конечно, такая надежда на помощь заграницы не была единодушной. Особенно по части критики Троцкого преуспели децисты. Выдержки из разгромного письма В. М. Смирнова на циркуляры Троцкого распространялись среди ссыльных и доходили до самого Льва Давыдовича. Его директивы назывались пустой «болтовней», «абрисом» вместо программы, «дурацкой теорией», «карикатурой» и т. д. Праведный гнев децистов основывался на том, что при росте материальных проблем рабочего класса, массовых выступлений беспартийных пролетариев, сохранении тяжелых условий труда Троцкий, умиротворенный новостями о левом повороте, почти не уделяет внимания внутриэкономическому развитию. Ошибки внутренней политики определяют ошибки внешней, а не наоборот, — заключал В. М. Смирнов.[38] В письме

другого дециста, не разделявшего оптимизм Троцкого относительно смены сталинского курса, подчеркивалась невозможность называть поворот левым без активного участия в нем рабочих масс.[39] Таким образом, в то время как сторонники Троцкого выражали свое несогласие с методом и глубиной левого поворота, децисты предлагали более обоснованный, социально-классовый взгляд на проблему. В частности, Харечко обращал внимание на то, что даже при смене экономического курса не решенными остаются многие материальные проблемы рабочего класса, который по-прежнему остается выключенным из политической жизни. Путь борьбы, предложенный Троцким, трактовался децистами как реформизм, не адекватный стоящим перед пролетариатом политическим задачам. Съезд ВКП(б) 1927 г. стал свидетельством поражения революции, а внутрипартийные столкновения, отмечали децисты, приняли классовый характер, и потому борьба должна вестись так же, как и в дооктябрьский период, т. е. по всем канонам подполья и конспирации. Наступающую контрреволюцию следовало отбивать революционными контратаками пролетариата[40].

Отметим, что известные нам циркулярные письма децистов также посвящены общим вопросам. Поэтому сложно оценить влияние сосланных лидеров оппозиционных групп на рядовых членов в условиях подполья. Хотя связь с вождями оппозиции активно поддерживалась путем переписки (московскому центру удалось даже отправить своего представителя на переговоры с Троцким в Алма-Ату[41]). Однако трудно представить условия, при которых они могли участвовать в управлении низовыми организациями. Очевидно, начиная с 1928 г. эта работа легла на наиболее опытных большевиков из оставшихся на свободе, т. е. тех, кто имел опыт революционной работы в подполье или во время Гражданской войны.

В чем же состояло отличие подпольной работы оппозиции от легальной? Главным изменением стала невозможность выступать в партийных ячейках. Теперь выступления в оппозиционном духе влекли последствия не только со стороны органов ВКП(б), но и со стороны ОГПУ. Это ставило противников сталинского курса в крайне непростое положение. «Заявление 121-го» говорило о том, что при роспуске групп оппозиционеры оставляют за собой право отстаивать свои взгляды легально, т. е. в рамках устава партии.

Но практика показала, что открытые выступления невозможны. Впрочем, оппозиция могла счесть данные на съезде обещания необязательными к исполнению, так как они давались в обмен на прекращение арестов и преследований оппозиционеров, которые после съезда только усилились. Тем не менее в 1928 г. был изыскан один сравнительно легальный способ донесения оппозиционных идей до масс. Речь идет о кампании по составлению коллективных договоров (колдоговоры) с рабочими предприятиями. Оппозиция справедливо предполагала, что в условиях растущих экономических трудностей между партией и рабочей массой будут возникать конфликты. Оппозиционеры отстаивали рост зарплаты, пропорциональный росту производительности, которая должна быть обеспечена не усилением эксплуатации, а техническим и организационным развитием предприятий.[42]

Ход колдоговорной кампании внушал оппозиционерам заметный оптимизм. Студент Политехнического института А. Б. Кацер писал своему ссыльному товарищу, «что в Ленинграде итальянки[43] гуляют. Заглядывают они чаще всего на крупные предприятия. На Путиловский, на Треугольник, на Скороход, на фабрику Халтурина».[44] Местами протестовали тысячи работников, при этом приезд партруководства на предприятие давал малый эффект. Оно пыталось опереться на заводских членов партии и комсомольцев, на что, например, на фабрике им. Халтурина получили ответ: «Как мы можем показать пример, когда рабочие нас штрейкбрехерами, предателями обзывают, со станков снимают, да еще порядком избивают».[45] На это было получено указание бить забастовщиков в ответ, которое заводские партийцы отказались исполнять, предложив заняться битьем рабочих самим «партбюрократам». На недовольство в фабрично-заводской среде указывало и анонимное письмо Л. Д. Троцкому от группы ленинградских единомышленников. Судя по большому количеству ошибок, оно было написано рабочими. Авторы письма отмечали, что частные беседы на заводах (с партийными и беспартийными) показывают, что «большинство на Вашей стороне». Некоторые рабочие, утверждалось в письме, жаловались, что установившийся по отношению к ним режим — хуже фашистского, а советская власть есть власть «сверхфашистская». Авторы письма клеймили предателями капитулировавших Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева, а также выражали надежду на скорое падение обанкротивших-

ся вождей «Рыкова, Сталина, Молота [sic! — *Д. Б.*], Ярославского».[46] Другое письмо сообщало, что на отдельных предприятиях рабочие встают на защиту исключенных из комсомола оппозиционеров, так как те пользуются «колоссальным» авторитетом.[47]

Подобные конфликты воспринимались подпольщиками как проявление симпатий к оппозиции и доказательство правоты ее взглядов. Потому письмо А. Б. Кацера завершается оптимистическим выводом о скором освобождении ссыльных, к которому приведут дальнейшие протесты. Эти радужные перспективы питались новостями из других регионов, где в начале 1928 г. прокатилась волна стачек. Очевидно, складывался благоприятный момент для ведения агитации в фабрично-заводской среде. Однако оппозиция принципиально отказывалась политизировать стачечное движение, придерживаясь легальных лозунгов и ограничиваясь лишь экономическими требованиями.

Тем не менее подпольная работа все же активно велась. Несмотря на относительно небольшой состав, ленинградским оппозиционерам удалось развернуть пусть скромную, но весьма заметную деятельность. Сначала была устроена типография в Петергофе на квартире Г. М. Войнова. После ее провала листовки печатали «на Лиговке» в квартире рабочего Н. Г. Головина, который получил ротатор от студента ВПАТа А. Г. Твалчрелидзе.[48] Вторая типография была обустроена на даче в Озерках. Листовки распространялись на заводах, в студенческих общежитиях. Среди знаковых для того времени текстов в Ленинграде была издана статья Троцкого «Что же дальше?»[49] На Обводном канале находился склад подпольной литературы, его заведующая Е. С. Чекан-Вадецкая на своей квартире также укрывала оппозиционеров-нелегалов из других городов.[50] К перепечатыванию документов на машинке привлекались многие сочувствующие из числа беспартийных.

Агитационная работа велась по трем основным направлениям — крупные предприятия, коллективы вузов и техникумов, а также матросы и командный состав Балтийского флота. Эта работа приносила локальные успехи. Можно рассмотреть их на примере завербованного оппозицией студента рабфака Технологического института Н. О. Нейжмака. Он получил задание вести работу в Институте инженеров путей сообщения, Путейском техникуме, с его участием был составлен план агитации в

Ветеринарном институте. Среди своих товарищей по рабфаку он определил несколько сочувствующих — давал им литературу, однако подключить их к оппозиционной работе так и не удалось.[51] Другим легальным методом борьбы стала работа в кружках и школах, которую могли вести нераскрытые оппозиционеры. Таким образом пытались пропагандировать на Путиловском заводе, Гипромезе, в Текстильном техникуме и др.[52]

Отдельно стоит сказать о пропаганде в среде моряков Балтийского флота, который стал новым фронтом для агитации. За политическими настроениями моряков властями велось пристальное наблюдение. В декабре 1927 г. по указанию К. Е. Ворошилова А. С. Бубнов составил специальную записку, где констатировал, что на флоте «политическая сознательность стоит на должном уровне».[53] С началом 1928 г. ситуация сильно изменилась. Среди балтийцев начали распространять листовки, адресованные лично морякам и призывающие бороться против репрессий, ухудшения положения рабочих и правого уклона. Отдельно говорилось о защите Троцкого: «Убийцы Карла Либкнехта могу порадоваться, что в малярийной Алма-Ате втихомолку загоняют в могилу вождя мирового пролетариата и соратника Ленина — тов. Троцкого».[54] Центром оппозиции на флоте была Электроминная школа в Кронштадте, возглавлял его красноармеец И. К. Хмель. Они вели не только подпольную работу (через связь с ленинградцами), но и пытались выступать официально, через критику военной политики и, в частности, выступлений Ворошилова, затрагивали и проблемы внутрипартийного положения. Для условий подполья кружок был довольно многочисленным и насчитывал 27 человек.[55] Велась агитационная работа также в Интернациональном клубе моряков, где через матросов иностранных судов неоднократно удавалось передавать корреспонденцию заграничным сторонникам (в частности, немецкой группе Маслова—Фишер).[56]

Интерес к морякам, нехарактерный для периода легальной борьбы 1926—1927 гг., видится неслучайным. Материалы следственных дел говорят о существовании планов по вывозу за границу лидеров оппозиции, в частности, называлась фамилия К. Б. Радека[57] и югославского коммуниста В. Вуйовича.[58] Обоснованность этим планам придает тот факт, что с определенного момента, как уже отмечалось, надежды на смену курса ВКП(б) связывались именно с возможной сменой внешнеполитической

обстановки и развитием революционного движения в Европе. О моряках, привозивших для распространения в СССР «Бюллетень оппозиции», пишет историк П. Бруэ[59]. Установлено, что немецкие сторонники Троцкого через советское торговое представительство в Кенигсберге переправляли в Ленинград оппозиционные материалы и в начале 1930-х гг.[60]

Другой задачей оппозиционеров был сбор информации с мест. В первую очередь речь шла о наблюдении за кампанией по составлению коллективных договоров на предприятиях. Студенты на время каникул также получали задание собирать сведения о положении в деревне, касающиеся кооперативной работы, процесса кредитования и т. д.; после возвращения составлялись доклады.[61] Некоторые студенты пытались вести агитацию во время производственной практики. Так была снята с работы в комбинате на Ауэрбаховском руднике (Уральская область) студентка Горного института В. М. Чегодаева. На собраниях она обращала внимание на неправильное устройство рабочего дня, открыто отстаивала взгляды оппозиции, говорила, что ее члены предупреждали о возникших проблемах с хлебозаготовками.[62]

Как и при описании действий оппозиции периода 1926—1927 гг., деятельность группы демократического централизма стоит осветить отдельно. Им довольно быстро удалось перейти от полулегального существования к подполью. Следственные материалы показывают, что к февралю 1928 г. децисты (по-прежнему во главе с Дингельштдетом, Советкиной, Устимчиком) были поделены на три группы. Первая представляла собой группу для подготовки будущих руководителей кружковой работы на местах (т. е. при рабочих коллективах).[63] В начале года кружки существовали на заводах «Красная заря», «Светлана», «Электрик», «Знамя Труда», «Красный арсенал», Трубочном заводе, при Доме печати и др. Всего более чем на 12 предприятиях.[64] Вторая, «ударная», группа занималась материальной помощью политзаключенным и была обязана добывать деньги.[65] Третья группа была вовлечена в выпуск и распространение листовок, которых удалось отпечатать около полутора тысяч; ротатором заведовал рабочий Н. П. Баскаков и Устимчик. К типографскому оборудованию относились очень бережно и осторожно, так как фактически только с его помощью сохранялась возможность обращаться к массам. Ротатор хранился на разных квартирах и перемещался при малейших по-

дозрениях (например, после вопроса хозяйки комнаты, почему «швейная машинка» работает по ночам).[66] Деление на «профессиональные» группы, вероятно, было специфической ленинградской чертой. В столице децисты делились на районные комитеты и выпускали особые листовки от районных коллективов Пролетарской оппозиции (так они себя называли в Москве).[67]

Важной задачей была связь с симпатизантами за границей. Для этой цели один из децистов А. Г. Устинович устроился на пароход им. Калинина, который совершал заграничные рейсы. Через него осуществляли обмен статьями и материалами с Г. Урбансом — представителем немецких левых коммунистов из Ленинбунда. Материалы, переправленные Урбансу, должны были печататься в журнале «Знамя коммунизма».[68] Нелегальная связь с заграничными союзниками была распространенной практикой для всех оппозиционеров в подполье. Очевидно, результатом международных сношений децистов стало появление в феврале 1928 г. в Ленинграде статьи-листовки «Пионеры революции уходят в карательную ссылку», выражавшей протест против ссылки старых большевиков. В конце стояла подпись группы европейских коммунистов, в том числе самого Г. Урбанса и Б. Суварина. Примечательно, что письмо было доставлено обычной бандеролью, однако в целях конспирации текст был переведен на эсперанто и в Ленинграде передан для перевода специалисту.[69] Осенью 1928 г. студент Военно-технической академии Г. А. Либерман (троцкист) во время научной командировки перевез через границу последние сочинения Троцкого (в частности, его критику программы Коминтерна). Текст был издан в Берлине, чему не в малой степени способствовал дипломат Харин — скрытый троцкист, работавший в советском посольстве в Париже.[70]

Как децисты понимали свои стратегические задачи, стоявшие перед их группой? По их мнению, XV съезд стал «гильотинированием революционной чести партии» и положил начало политическому термидору, который в скором времени должен был продолжиться термидором экономическим.[71] Таким образом, фиксировалось, что рабочие были отстранены от управления государством, а поэтому в скором времени и экономический уклад вернется на капиталистические рельсы. В рабочей среде происходит социальное расслоение в пользу бюрократа-специалиста.[72] Поэтому главными адресатами пропаганды децистов

были именно заводские коллективы, и даже руководящая группа, за исключением нескольких вузовцев, состояла из пролетариев. Основная задача заключалась в том, чтобы побудить рабочих к политической активности — через выступление в ячейках и через соответствующее ведение колдоговорной кампании. Согласно материалам ОГПУ, в отличие от троцкистов сторонники Сапронова не просто допускали устройство стачек, но и старались их возглавлять.[73]

Подорвала деятельность демократических централистов серия арестов в феврале 1928 г. Всего по делу проходило 38 человек (в том числе бакинец А. А. Оганесьян). Многие отказывались давать какие-либо показания. Дингельштедт заявил: «...за период своей работы в партии отвечаю только перед партийными органами и потому письменных показаний по заданным мне вопросам не даю». Свои взгляды он считает правильными, ошибочность их может быть установлена только путем применения на практике.[74] Несмотря на стойкость многих арестованных, признательные показания бывшего универсанта Д. В. Вихорева, а также агентурные сведения дали достаточный материал обвинителям, и все участники группы были приговорены к разным срокам ссылки. Избежать ареста удалось только Устимчику, который переехал на нелегальное положение в Москву, где в марте все же был арестован как один из лидеров местных децистов.[75] Оставшиеся на свободе децисты влились в троцкистские группы.[76]

Обратим внимание, что в период подпольной борьбы примирительное отношение Троцкого к децистам сошло на нет. Он стал крайне ревностно относиться к оттягиванию сил к сапроновцам (пусть и не слишком значительному), потому позволял себе резкие критические высказывания, усиливавшиеся по мере политического расхождения: «Как ни досадно тратить время на второстепенные вопросы, тем не менее надо децистами заняться в смысле разъяснения кружкового паразитического характера их политики и заложенного в ней авантюризма <...>. Лучшие элементы мы у них отвоюем при помощи их же собственных документов <...>. Рабочих мы у них отобьем смелой и решительной политикой в основных вопросах» (21 октября 1928 г.).[77] Явные передергивания и перехлесты выдают раздраженное состояние Троцкого, в котором было написано это письмо. Обвинения в кружковщине выглядят несправедливыми, потому как в условиях репрессив-

ного гнета политическое сопротивление могло осуществляться единственным образом: в узком, законспирированном кругу сторонников. Более того, сами троцкисты в то время существовали в форме кружков. Децисты также откинули примирительный тон по отношению к Троцкому: его обвиняли в подавлении рабочих группировок (оппозиций) в начале 1920-х, в готовности к соглашению со Сталиным на почве одобрения его левого курса.[78] Жестче всего выступил Сапронов, заявив в одном из писем, что «мы Троцкому сапоги чистить не будем».[79]

Несмотря на столь нелестные высказывания Троцкого, в Ленинграде в условиях кадрового дефицита децисты и троцкисты после первой волны арестов января—февраля 1928 г. вновь начали работать совместно. В это же время столичные сапроновцы действовали более автономно: так, 20 декабря 1928 г. состоялась подпольная московская губернская конференция демократических централистов, которая, однако, была раскрыта и завершилась арестами ее участников.[80] Столичные децисты выпускали также собственный, отдельный от троцкистов печатный орган — «Власть рабочим». В теории союз с троцкистами допускался, но только с низовыми работниками, открытыми для дискуссии и критики.[81]

Весной 1928 г. сформировался новый фронт оппозиционной борьбы, связанный с работой колоний ссыльных оппозиционеров. Несмотря на то что они оказались отрезанными от активной политической жизни, ссыльные участвовали в формировании теоретических документов, собирали сведения с мест, передавали их сосланным лидерам оппозиции — прежде всего Троцкому, Радеку, Раковскому. Среди ленинградских оппозиционеров-преподавателей известно о ссылке супругов И. М. Альтера и О. М. Танхилевич (Улала), Ф. Н. Дингельштедта и М. М. Советкиной (Канск), Г. И. Григорова (Суэрское), Н. И. Карпова (Тобольск). Колонии ссыльных устраивали обсуждения, выносили резолюции по текущим проблемам.[82] Таким способом после долгих согласований и правок, посылаемых в виде писем и телеграмм, был подготовлен текст Л. Д. Троцкого «Что же дальше?», адресованный VI конгрессу Коминтерна в июле 1928 г. Потеряв все надежды на сочувствие внутри страны, противники сталинского ЦК попытались найти поддержку в среде иностранных коммунистов.[83] Документ, как уже отмечалось, подвергся достаточно резкой

критике со стороны децистов. Они полагали, что Троцкий и его сторонники «замазывают» положение внутри страны, имеющее, по их мнению, первостепенное значение. Существовали среди ссыльных и, наоборот, более умеренные настроения, выразителем которых стал Е. А. Преображенский, положительно оценивший левый поворот Сталина и допускавший возможность возвращения в партию.

Оппозиционеры пытались установить связь с Алма-Атой, где находился Л. Д. Троцкий. В его фонде в Хогтонской библиотеке сохранились телеграммы от некоего Бориса из Ленинграда.[84] Документы за подписью Бориса были также изъяты у Яковина при аресте.[85] Есть основания полагать, что речь идет о студенте Борисе Садовникове — одном из организаторов подполья, хорошо знакомом с Яковиным. Однако можно предположить, что в данном случае использован псевдоним. Так, например, студент А. Б. Кацер свои письма Троцкому отправлял от имени Давида Цырефа.[86] Часть информации передавалась Троцкому через А. Л. Бронштейн.[87]

В письмах Троцкому пытались узнать его мнение относительно текущих событий. В частности интересовались: «Каково Ваше отношение к „левому“ курсу? Можно ли считать все шаги, принятые партией в этом направлении, достаточными? <...> Какова Ваша оценка по международному вопросу? Считаете ли Вы в основном тактику Коминтерна по отношению к буржуазии и социал-демократии правильной?»[88] Очевидно, из-за усиленной конспирации находившиеся на воле оппозиционеры до некоторой степени оказывались даже в большей изоляции, чем ссыльные, ведшие активную переписку. Так, И. М. Альтер, прибыв в 1929 г. на место ссылки, просил в письме К. Б. Радека прислать актуальные документы оппозиции, чтобы войти в курс дела.[89] Связь со ссыльными лидерами оппозиции держали по крайней мере до февраля 1929 г. Тогда Яковин (под своим подпольным псевдонимом Арсений) отправил Радеку отзыв на его письмо о левом повороте. Помимо привычной критики недостаточной коллективизации и индустриализации, Яковин давал и некоторые трезвые и весьма смелые оценки текущего положения. Он отмечал, что в настоящий момент пролетарское ядро партии идет не за оппозицией, а за центром (т. е. за Сталиным) так как верит его рекламе и обещаниям, что усугубляется отсутствием демократии, за ко-

торую выдают иллюзию контроля первых этажей бюрократии со стороны масс.[90]

В ноябре 1928 г. в Ленинграде произошло событие, потрясшее всех оппозиционеров страны. Случилось оно после ареста рабочего «Красного треугольника» А. А. Генрихсона, члена партии с 1917 г. Вместе со студентом Альтгаузеном он работал на гектографе и занимался выпуском листовок.[91] Когда его супруга пришла в Дом предварительного заключения проведать мужа, ей сообщили, что он на днях скончался. Первоначальной версией смерти был сердечный приступ, затем повешение. Однако благодаря стараниям родственников удалось сломить сопротивление ГПУ и добиться перевоза тела на освидетельствование в Военно-медицинскую академию. По заданию руководства ленинградской оппозиции студент академии Г. Я. Гиндин выкрал документы медицинского осмотра тела Генрихсона.[92] Так удалось выяснить, что обследование якобы не показало следов повешения, зато имелись указания на разорванную губу, выбитые зубы, обнаружились кровоподтеки на груди; таким образом, на лицо были все признаки убийства, произошедшего во время заключения или допроса. Новость быстро разлетелась по крупным оппозиционным городам, заметку о случившемся опубликовал московский «Бюллетень оппозиции».[93] Изученное нами следственное дело Генрихсона позволяет говорить, что обстоятельства его смерти в изложении оппозицией выглядят несколько надуманными. Впрочем, и оно не вносит определенности.[94]

К концу 1928 г. оппозиционная работа начала затихать. Причиной тому стал провал подпольной организации и аресты наиболее авторитетных руководителей. И. М. Альтер был арестован в октябре 1928 г.,[95] тогда же — Г. Я. Яковин, находившийся в Москве. При задержании последнего обнаружили документы его бывшего коллеги по ЛГПИ И. Ф. Панина, которые, очевидно, использовались для изготовления поддельного паспорта, а также документы сотрудника воднолыжной станции Садовникова (видимо, бывшего студента Технологического института).[96] Особенно чувствительным был провал Г. И. Григорова, ответственного за агитацию в Московско-Нарвском районе. При его аресте была изъята книжка с явками и адресами. Часто при арестах ОГПУ проявляло явную халатность. Так, В. М. Войнову едва не удалось избежать ареста, скрывшись в детской кроватке.[97] Другой

оппозиционер заявил чекисту, пришедшему ночью на обыск, что является членом партии, — этого оказалось достаточно, чтобы растерянный сотрудник ОГПУ извинился перед ним и оставил на время в покое.[98] При аресте в феврале 1929 г. ОГПУ перепутало адрес и ворвалось в квартиру стороннего обывателя.[99] Помимо арестов была ликвидирована фактически вся техническая база движения: раскрыты четыре типографии (обнаружены ротатор, стеклограф, шапирограф, гектограф, а также бумага, воск и т. д.), склад литературы и листовок общим объемом 15 тысяч листов.[100] Многие оппозиционеры проявили после ареста известное мужество: не только отказывались давать признательные показания, но и прямо говорили о пользе их подпольной работы, которую они обещали вести и впредь.[101] «В каких условиях бы я не находился, я не откажусь от нелегальной работы за правильные ленинские взгляды», — так отвечал на вопросы следователя Н. Л. Альтгаузен.[102]

Даже после массовых арестов конца 1928 г. движение смогло перегруппироваться и продолжить свою работу. Во главе оппозиции встал бывший преподаватель ВПАТа и ЛГПИ им. Герцена — Ю. П. Шейн («Карл»), который с августа 1928 г. находился на нелегальном положении. Его усилиями удалось сохранить руководящий центр и связи с Москвой.[103] Несмотря на существенные кадровые потери движение не удалось лишить и районной структуры. За Василеостровский райком отвечал рабфаковец Горного института А. П. Дорошенко, за Выборгский — слушатель ВПАТа И. С. Кузьминский («Аркадий»), за Московско-Нарвский — студент Института народного хозяйства Я. К. Дончак, за Володарский — преподаватель ВПАТа и Института им. Крупской И. Н. Гордеев, за Петроградский — врач С. Л. Левин. В Политический центр помимо Шейна входили Дончак и П. Е. Папермайстер.[104] В ряде документов лидером группы называется универсант Д. В. Редозубов, однако в следственных материалах его место в структуре не определено.

Оппозиционерам удавалось сохранять связь с московской организацией, обмениваться с ней материалами, поддерживать работу фабричных и вузовских кружков. Известно о регулярных собраниях на «Красной заре» и «Красном гвоздильщике». Д. В. Редозубов и Г. Ф. Щеклейн отвечали за пропаганду среди студентов ЛГУ и Политеха соответственно.[105] Группой выпуска-

лись листовки, в том числе с авторскими аналитическими статьями (например, «Едины, как винегрет» о внутрипартийном положении).[106] Ответственным за работу типографий был выпускник ВПАТа А. Г. Твалчрелидзе. Множительные аппараты готовились самостоятельно, для этого А. П. Дорошенко удалось выкрасть типографский шрифт. Поддерживалась работа нераскрытой типографии в Петергофе. Последний всплеск подпольной работы был связан с высылкой Троцкого в феврале 1929 г. Ее восприняли как выдачу вождя большевизма врагам на Западе, представлявшую опасность для его жизни. Надежда возлагалась на организацию рабочих выступлений, для агитации на трех множителях было изготовлено около тысячи листовок.[107] Это была последняя заметная массовая акция ленинградской оппозиции. В январе—марте 1929 г. в тюрьме оказалось 25 оппозиционеров.

С лета 1929 г. одними из главных «предводителей» троцкистского подполья стали студенты из Медицинского института и Военно-медицинской академии. Сложно найти объяснение такой «врачебной» специализации последних лет работы оппозиции. Можно предположить, что этой узкой группе за счет тесных личных связей удалось долгое время поддерживать конспирацию на должном уровне. В декабре 1928 г. состоялось собрание одной из оппозиционных групп для обсуждения дальнейшей работы в среде заводских ячеек. Бóльшую часть присутствующих составляли студенты-медики (многие известны только под кличками или поддельными фамилиями). Перед следующим собранием уже в начале 1929 г. стало известно об очередном массовом аресте ленинградских оппозиционеров.[108] Этот удар оказался особенно чувствительным не только из-за новых кадровых потерь, но и из-за утраченной связи с московскими соратниками. Для налаживания контактов в столицу отправился студент Медицинского института А. М. Шульдер.[109] Тогда же был предпринята попытка повторного деления на районные ячейки, для которой, очевидно, уже не хватило ресурсов. В это же время (не известно, автономно или сообща) продолжала работать группа подпольщиков под руководством бригадира «Красного Гвоздильщика» М. Ш. Диаманта, однако и ее участники были арестованы в ночь с 5 на 6 ноября 1929 г., после выхода с собрания.[110] Медики-оппозиционеры по нелегальным каналам получали сочинения лидеров оппозиции; при обысках изымались свежие статьи Троцкого, известно о пе-

редаче писем Раковского и Преображенского через врача Ленинградского военно-морского госпиталя. В ноябре 1930 г. ОГПУ сообщило об активизации троцкистского подполья в Выборгском и Петроградском районах. За этой громкой формулировкой пряталась работа двух небольших групп. Первая была сосредоточена вокруг Медицинского института: его выпускница К. Н. Майстер, студенты П. Т. Граков, А. М. Шульдер, Б. Г. Пенджерков, Я. В. Рабинович (вернувшийся из ссылки после ареста 1928 г.), аспирант Института совершенствования врачей И. А. Батик. Эта группа вела нелегальный кружок на заводе им. Карла Маркса в Выборгском районе, там же распространялись рукописные листовки. Рабинович пытался создать кружок среди красноармейцев и комсомольцев 166-го полка, где служил врачом. Неформальным лидером медиков-оппозиционеров был А. М. Шульдер, который имел связи с заграничными сторонниками, корреспонденция от них приходила на подставных лиц, на адрес Медицинского института.[111] Всего по делу медиков в декабре 1930—марте 1931 г. было арестовано чуть более десятка человек.[112]

Массовые аресты были определяющей, но не единственной причиной упадка подпольной работы. К осени 1929 г. оппозиционные группы оказались в изоляции, остро ощущалась нехватка теоретических материалов. Большие разногласия вызвало письмо Преображенского, Радека и Смилги о готовности вернуться в партию; шли дискуссии о прекращении борьбы или, наоборот, более глубоком уходе в подполье.[113] Многие страдали от вынужденной бездеятельности и бесперспективности работы. Так, движение оказалось на грани разгрома и лишилось условий и ресурсов для массовой работы. Угасание борьбы проходило по мере развития левого курса, положившего начало индустриализации и коллективизации, что многими было воспринято как выполнение программы оппозиции.[114] Многие оппозиционеры в ссылке или подполье чувствовали, что находятся на обочине социалистического строительства, и стремились к возвращению в партию, даже ценой уступок собственным принципам.[115] Те, кто боялся ареста, начинали заниматься формальным саботажем, например, уничтожая листовки, переданные им из Москвы для распространения.[116] Власти со своей стороны не ограничивались исключительно репрессивными методами и пытались склонить оппозиционеров к капитуляции с помощью бывших лидеров движения. Очевидно,

не последнюю роль в этом деле сыграл Г. И. Сафаров. Двух месяцев ссылки в Восточной Сибири (г. Ачинск) оказалось вполне достаточно, для того чтобы осознать прежние «заблуждения». Существуют свидетельства, что по заданию Е. И. Ярославского Сафаров собирал подписи под своим заявлением о капитуляции для его публикации в печати.[117] Насколько успешным было это предприятие, источники судить не позволяют.

Однако в это же время отдельные группы пытались поддерживать жизнь в оппозиционном движении. Одними из немногих продолжателей борьбы стали остатки группы децистов. В 1929—1930 гг. их неформальным лидером был преподаватель политэкономии О. Б. Остроумов. Его путь в Северную столицу пролегал по поразительному маршруту. В 1928 г. за оппозиционную работу в Харькове он был приговорен к ссылке в Ходжент (современный г. Худжанд в Таджикистане). Оттуда вскоре ему удалось бежать в Ленинград, где непродолжительное время он жил на нелегальном положении. В 1929 г. Остроумов подал заявление в Областную контрольную комиссию ВКП(б) об отходе от оппозиции, за что, вероятно, ему простили совершенный побег. В качестве наказания он получил год испытательного срока, по прошествии которого предполагалось возвращение в партию. Вскоре он устроился преподавать в ЛГПИ и Сельскохозяйственном институте.[118]

Время показало, что отход от оппозиции был лишь маневром, так как обретя официальную работу и избавившись от статуса «неразоружившегося троцкиста», Остроумов получил возможность помогать в устройстве других нелегалов, прибывавших в Ленинград. Известны его контакты с Б. Н. Пилипенко,[119] который вошел в состав ленинградской группы децистов и поддерживал связи с украинскими товарищами. В 1929 г. Пилипенко совершил поездку в УССР на деньги, собранные Остроумовым и известным нам «Федором маленьким» (Устимчиком), вернувшимся в партию незадолго до этого. Собственно, поводом для ареста участников группы стало именно устройство нелегала. Благодаря единомышленникам из Грузии ленинградцам удалось получить поддельные документы (воинский билет) на имя Федора Бухарина, которые должны были передать некоему нелегалу по кличке «Сергей» на явочной квартире.[120] Помимо «командировок» децисты организовывали собрания рабочих, которые, например, устраивали М. И. Матюшевич и П. Е. Зверцов.[121] В середине марта

1930 г. было арестовано 15 членов этой группы — почти все рабочие, многие из них беспартийные. Вероятно, что для них готовился большой процесс, формулировались обвинения в создании «Всесоюзного центра пролетарских организаций». Однако дело для арестованных закончилось довольно благополучно, после заявлений об отходе от оппозиции и подписании соответствующих обещаний уже в апреле всех обвиняемых отпустили, а подписка о невыезде, под которой они содержались, была аннулирована.[122]

Аресты по обвинению в оппозиционной работе продолжались. Часть этих обвинений была явной фабрикацией ОГПУ. К их числу можно отнести аресты выпускников и сотрудников Электротехнического института в 1932—1933 гг., которые совпали с кампанией против «вредителей» на электрических предприятиях.[123] Часто против оппозиционеров играл характер их предшествующий политической работы, основанный на тесных личных и родственных связях. Сохранение этих связей часто толковалось ОГПУ как проявление фракционной работы. В качестве примера можно привести краткосрочный арест З. Н. Гайдеровой в 1933 г. Ей вменялась организация конспиративных собраний с участием бывшего лидера буферной группы в Ленинграде М. Л. Ширвиндта, а также бывших бухаринцев В. Н. Слепкова и Д. П. Марецкого. В ходе следствия установили, что собрания носили частный характер, и все задержанные были отпущены.[124]

В это же время часть арестов была вызвана реальным оппозиционным активизмом в Ленинграде. К таковому относилась группа М. И. Ахматова, насчитывавшая порядка 10 членов, трое из которых — бывшие оппозиционеры ЭТИ С. К. Антоневич, Е. И. Носков и К. П. Васильев. Возникла группа при следующих обстоятельствах. Летом 1932 г. по пути в командировку на Севхимкомбинат (г. Кандалакша Мурманской области) Ахматов в беседе с Носковым начал прощупывать его политические настроения. После того как они сошлись на негативной оценке текущего курса, Ахматов передал Носкову машинопись «Открытого письма» Троцкого президиуму ЦИК, написанного в 1932 г. (очевидно, по тайным каналам попавшего в СССР). Носков уже в Кандалакше показал письмо двум товарищам по комбинату (Антоневичу и Васильеву).[125] Возникла идея возвращения к политической борьбе. Вскоре через Ахматова выяснилось, что в Выборгском

райкоме есть группа бывших оппозиционеров, которая уже проводит собрания на квартирах, где присутствовал и известный нам бывший лидер комсомольской оппозиции Г. М. Дрязгов. Среди сочувствующих группе также назывался «заместитель директора Политехнического института» без указания фамилии и имени.[126] Сложно понять, кто именно имелся в виду, так как еще в 1930 г. Политех был разделен почти на десяток мелких отраслевых институтов. Просмотрев список их административного состава, мы обнаружили только одного бывшего оппозиционера — А. С. Алимова, который занимал должность помощника директора Физико-технического института по административно-хозяйственной части.[127]

По результатам встреч Носков взял на себя обязательства установить связи с бывшими оппозиционерами, «готовыми тряхнуть стариной» и организовать их работу.[128] Беседы велись в основном по личным контактам, которые, несмотря на разгром оппозиции, продолжали активно поддерживаться.[129] Вероятно, не последнюю роль в сохранении связи играл В. Серж, ему удавалось вести переписку с ссыльными товарищами, сторонниками оппозиции в Европе, он был знаком с политическими настроениями бывших вождей оппозиции (например, И. Н. Смирновым).[130] Я. С. Цейтлин (известный комсомолец-зиновьевец) предлагал устроить явочную квартиру и склад литературы в Арктическом институте, где он служил завхозом.[131] В качестве установочного документа распространялось упомянутое письмо Троцкого.[132] К реальным действиям группы можно отнести печать двух листовок с подписью «большевики-ленинцы» («Положение партии и задачи левой оппозиции» и «Жалкий документ»). Они были разосланы почтой по различным адресам, и в том числе С. М. Кирову. Содержание одной из листовок позволяет говорить о политическом настроении группы Ахматова:

«Развенчивается сталинский миф, обнажается вся гниль хвастовства и обмана, оправдывается с тяжелой неотразимостью осознанная давно правда оппозиции, загнанная теперь в подполье и ссылку.

Нарушенные пропорции народного хозяйства, катящиеся вниз финансы, срезаемые украдкой темпы индустриализации страны, зловещая фигура мужика, задерганного коллективизацией, пустота в теории и политике, нищета масс и политическая

нищета руководства — все это мы имеем в результате долгого и мучительного революционного пути.

<...>

Товарищи, подымайте волну протеста против губительной политики Сталина. Требуйте генеральной проверки всей политики. Помните, что история не ждет, приговор ее будет суровый и беспощадный».[133]

Более масштабную акцию группа планировала приурочить к 15-летию Октябрьской революции. Для массового выпуска листовок оппозиционеры приобрели ротатор, пишущую машинку и различные расходные материалы.[134] Однако накануне годовщины, 23 октября, все четверо были арестованы. Тогда же в 1932 г. сообщалось о раскрытии и последующей высылке оппозиционной группы на фабрике им. Самойловой,[135] однако ее связь с группой Ахматова установить пока не удалось. В этом же году ОГПУ доносило об оживлении децистов, как капитулянтов, так и находившихся в подполье. Согласно донесениям политуправления, под руководством Н. М. Заварьян (одной из авторов «Платформы 15-ти») в Москве образовалась группа товарищей, которая установила связи с Т. В. Сапроновым в Феодосии, бывшими мясниковцами в провинции и с хорошо нам знакомыми Устимчиком и Остроумовым в Ленинграде. Цель группы заключалась в организации побега и отправки за границу Т. В. Сапронова, М. Г. Арояна и Д. Г. Путилина.[136] Трудно определить, насколько обоснованными были эти обвинения.

В эти же годы были выявлены и исключительно вузовские группы, созданные студентами Горного и Сельскохозяйственного институтов. Так, студент рабфака Сельскохозяйственного института Н. П. Мартов был исключен из партии и арестован как «участник контрреволюционной группы, возглавляемой студентом Н. Т. Федотовым. Он входил в группу со времен учебы на Ленинградском рабфаке в 1930 г., принимал участие в беседах на антипартийные контрреволюционные темы, после отъезда в Москву продолжал поддерживать личные связи с участниками группы. От имени группы Федотова Мартовым было написано два письма — в 1930 г. и в декабре 1932 г., оба антипартийного, контрреволюционного содержания».[137] При этом, как утверждалось ОГПУ, устраивались публичные чтения этих писем. Известно также о том, что московские децисты из Коммунистического

университета национальных меньшинств Запада в это же время приезжали для поиска сторонников в Ленинград, где и были арестованы.[138] На существование новых объединений молодых оппозиционеров в начале 1930-х гг. указывается в письме ссыльного троцкиста в «Бюллетене оппозиции».[139] Сложность в изучении работы этих объединений заключается в том, что их разоблачение теперь находилось практически полностью в ведении ОГПУ и мало отражалось в материалах партийно-контрольных органов. Так или иначе очевидно, что в начале 1930-х гг. деятельность противников сталинского ЦК в Ленинграде носила узкий кружковый характер, ее участники не имели тех ресурсов для выстраивания подпольной сети и занятия агитацией, как в конце 1920-х гг.

Обратим внимание на то, что появление кружков 1931—1932 гг. совпало со временем работы так называемой группы капитулянтов, возглавляемой И. Н. Смирновым. Ее непродолжительная работа стала фактически последним значимым эпизодом оппозиционной борьбы, в котором принимали участие и многие знаменитые большевики. В эту группу входили и некоторые участники оппозиционной работы в Ленинграде, в частности И. М. Альтер, О. М. Танхилевич, В. К. Яцек. Существование пусть и небольшой фракции экс-ленинградцев заставляет задаться вопросом, не предпринимали ли капитулянты попытки установить связи с северной столицей. Выявить подобные контакты не просто, ввиду ограниченности источников. Известно, что по крайней мере одна встреча состоялась. На ней присутствовали жившие в Москве В. К. Яцек, О. М. Танхилевич (состоявшие теперь в браке) и Ю. П. Шейн, который в тот момент занимал должность профессора Физико-технического института в Ленинграде. Участники разговора сошлись во мнении, что оппозиции теперь не по пути со Сталиным и борьба должна идти за его смещение.[140] Привел ли этот разговор к конкретным практическим шагам, неизвестно. В следственном деле Ю. П. Шейна 1936 г. говорится, что после инструкций Яцека в Ленинграде была создана группа, состоявшая почти из 40 человек, в которую входили и многие герои нашей монографии — Г. И. Григоров, С. А. Лотте, М. Л. Ширвиндт, М. М. Духовный, Л. Г. Райский и др. (всего более десятка оппозиционеров-вузовцев). В реальное существование этой группы верится с трудом, так как дело Шейна 1936 г. было классическим

примером фабрикации ОГПУ, основанной лишь на показаниях, полученных сомнительными путями. В задачи группы, если следовать материалам дела, входило уничтожение верхушки ВКП(б) путем индивидуального террора.[141] Если показания Шейна об оппозиционной работе 1920-х гг. имеют прямое или косвенное подтверждение в других источниках, то «террористическая работа» троцкистов 1930-х гг. является не более чем выдумкой. В пользу утверждения о мистификации говорит предполагаемый состав «группы» Шейна, куда помимо бывших оппозиционеров входили люди, не имевшие никакого отношения к внутрипартийной борьбе. Зато в этом перечне можно обнаружить несколько историков и философов, против которых в 1936 г. также фабриковались дела, закончившиеся расстрелом: Л. Ф. Спокойный, Г. С. Зайдель и др. Более того, обстоятельства возникновения группы в показаниях представлены крайне запутанно. В допросах указывается, что ленинградские капитулянты объединились уже в 1930 г., после письма Сталина в «Пролетарскую революцию», которое на деле было опубликовано в конце 1931 г.[142]

Конечно, по сравнению с другими крупными городами СССР, подпольная работа оппозиционеров Ленинграда выглядит местечковой. Так, в Москве и Харькове листовки издавались тысячными тиражами. В столице несколько лет регулярно издавался «Бюллетень оппозиции», подпольщики имели более тесные связи со ссыльными лидерами оппозиции, были лучше осведомлены о содержании их «директивных» писем. Более того, мясниковцам, как одной из наиболее радикальных частей движения, удалось организовать выпуск собственной газеты «Рабочий путь к власти» и приступить к созданию собственной партии. Активный период сопротивления сталинизму продолжался в Москве вплоть до начала 1930-х гг.[143] В Киеве, Одессе и Харькове проходили демонстрации в защиту оппозиции.[144] Для столь плодотворной работы в Ленинграде не было достаточных условий. Вероятно, причиной тому была излишняя разобщенность оппозиционеров, ярко проявившаяся еще во время действия объединенной оппозиции. Троцкисты, децисты и зиновьевцы так и не смогли преодолеть идейные разногласия. Нельзя не обратить внимание на то, что наибольшую часть ленинградских противников линии Сталина—Бухарина составляли именно сторонники Г. Е. Зиновьева. Появление зиновьевцев как оппозиционного течения внутри

ВКП(б) во многом носило спонтанный характер. События вокруг XIV съезда для многих слишком неожиданно вышли за рамки партийной дискуссии и обернулись жестким противостоянием с ЦК. Зиновьевцы изначально не были настроены на радикальные формы борьбы и потому не проявляли заметной стойкости перед усиливавшимися репрессиями.

Не будет преувеличением сказать, что именно на студентов и преподавателей легла роль организаторов коммунистического подполья Ленинграда. Они были одними из тех, кто внес весомый вклад в оппозиционную работу 1928—1929 гг., хотя и действовали в этот период обособленно от вузов. В годы легальной борьбы в обязанности студентов входили выступления в ячейках вузов, поиск сторонников в университетах и институтах, ведение собраний и кружков; в условиях подполья работа уже велась в отрыве от партийных коллективов, из-за чего студенческое движение фактически растворилось в общеполитическом.

Многие герои нашей монографии продолжали вести свою борьбу и в заключении. В 1931 г. в «Бюллетени оппозиции» был опубликован список оппозиционеров, заключенных в Верхнеуральском политизоляторе. В нем можно встретить и ряд фамилий бывших ленинградских вузовцев — Ф. Н. Дингельштедт, Г. Я. Яковин, А. Г. Твалчрелидзе, Н. Л. Альтгаузен, Я. Б. Беленький, Е. Ф. Косолапов (также, вероятно, А. П. Дорошенко),[145] позднее к ним присоединился Д. В. Редозубов. Опубликованные недавно «Тетради Верхнеуральского политизолятора» дают представление о теоретической работе заключенных оппозиционеров, их оценке сталинского курса и будущего революции.[146] Очевидно, некоторое время сохранялась связь между заключенными и заграницей, в 1930 г. в «Бюллетене оппозиции» вышла статья Дингельштедта,[147] в описи архива Троцкого есть несколько его писем, датированных 1931 г.; известно также о переписке Троцкого и Яковина в 1930 г.[148] Даже в самых изнуряющих условиях многих не покидала стойкость. Такую характеристику, например, давали поведению Альтгаузена в политизоляторе и ссылке: «...держал себя как непримиримый троцкист, являлся одним из застрельщиков всевозможных хулиганских выходок по адресу органов ГПУ».[149] Яковин в полной мере отбыл наказание в ссылке и политизоляторе и, оказавшись на свободе в 1934 г., в Ашхабаде восстановил связи с ссыльными оппозиционерами, до сих

пор отказывавшимися от капитуляции.[150] Он же стал одним из организаторов воркутинской протестной голодовки заключенных на Кирпичном заводе Ухтпечлага, длившейся с октября 1936 по май 1937 г., в которой участвовали несколько сотен человек, преимущественно бывших оппозиционеров (вероятно, в том числе бывшая преподавательница М. М. Советкина).[151]

Стоит сказать несколько слов о капитулянтах. Большинство из них в течение 1928—1929 гг. было возвращено в ряды большевиков. Поскольку внутрипартийная борьба не снимала стоящей пред ВКП(б) задачи по советизации учреждений образования и науки, многие раскаявшиеся оппозиционеры в короткий срок смогли построить успешные карьеры. Н. М. Маторин стал директором Музея антропологии и этнографии и Этнографического института АН СССР, И. А. Острецов — директором Русского музея, Е. И. Черепов — ректором Горного института, Г. Г. Меерсон — директором Научно-мелиорационного института, А. М. Волкова — директором Высших библиотечных курсов, Р. Х. Будрис — директором Совпартшколы, М. Л. Ширвиндт — заместителем директора Института языка и мышления АН, З. Н. Гайдерова — проректором Коммунистического университета, ЛГУ и заместителем директора Библиотеки АН СССР, А. Коган — проректором Сельскохозяйственного института, Г. Е. Горбачев — заместителем директора Пушкинского Дома, А. И. Анишев — заместителем директора Физико-агрономического института, Н. И. Саламатов — ученым секретарем АН СССР, Т. П. Вольпе — ученым секретарем Медицинского института. Многие стали профессорами или руководили университетскими и институтскими кафедрами. В этот же период в Ленинград переехали известные историки-оппозиционеры из Москвы — А. Г. Пригожин, А. И. Малышев, С. Г. Томсинский. Последний стал членом-корреспондентом АН СССР и главой Историко-археографического института. Как видим, бывшие оппозиционеры не становились маргиналами. Возвращаясь в партию, они имели равные со всеми возможности в продвижении по научным и административным должностям, не встречая больших затруднений при продвижении по службе, связанных с их политическим прошлым. Большинство товарищей по партии относилось к ним вполне лояльно. Встречаются лишь редкие эпизоды, когда участие коллеги в оппозиции вспоминалось при разрешении личных склок.

Ситуация относительного благополучия резко изменилась с публикацией осенью 1931 г. письма Сталина, адресованного редакции «Пролетарской революции», которое содержало призывы бороться с проявлением троцкизма в исторической науке. Подобный выпад против «троцкистской контрабанды» не был первым в своем роде. Как едко замечал Троцкий, «если хотите узнать, чего хочет Сталин достигнуть через полгода <...> послушайте, что говорит Ярославский».[152] И действительно, еще в феврале 1930 г. состоялся доклад Е. М. Ярославского на собрании преподавателей обществоведов, на котором отмечалась несовместимость троцкистского и большевистского взглядов, в том числе и на историю партии.[153] Однако именно письмо генсека приобрело характер директивы и привело к гонениям на историков из числа бывшей оппозиции. В чем была суть претензий Сталина? Поводом для него послужила статья московского историка А. Г. Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса», в которой автор говорил о недостаточно жесткой позиции В. И. Ленина по отношению к немецким социал-демократам в период Первой мировой войны.[154] Такая трактовка событий была расценена Сталиным как клеветническая и фальсификаторская. Очевидно, размышления Слуцкого были восприняты как намек на примиренческую позицию Троцкого, которую тот долгое время занимал по отношению к фракциям РСДРП и которую занял сам Ленин в годы войны по отношению к немецким социал-демократам. Надо отметить, что статья Слуцкого дает мало оснований для подобных домыслов и параллелей, однако Сталин поставил ее в качестве примера попытки «протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам».[155]

В завершении статьи досталось и известному ленинградскому партийному историку В. О. Волосевичу. Его «Самая краткая история ВКП(б)», выдержавшая на тот момент десяток изданий и несколько переводов, по мнению генсека, также не была свободна от фальсификаций. К таковым Сталин отнес суждение историка о том, что в предвоенные годы Ленин не разделял возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. После крайне абсурдного опровержения этой мысли ленинскими цитатами 1905 г. (хотя историк говорил о 1912 г.) Сталин заключает, что позиция В. О. Волосевича ве-

дет к тому, что Ленин стал большевиком только в 1917 г., «перевооружившись» с помощью теории перманентной революции Троцкого, которая прямо не называлась, но явно имелась в виду. Сложно однозначно ответить, каковы были истинные мотивы письма Сталина — желание активизировать борьбу с бывшими оппозиционерами, направить партийную историческую науку в нужное русло, ответ на заграничные публикации Троцкого, собственная мнительность и подозрительность, дискредитация Розы Люксембург, вокруг идей которой группировались недовольные сталинской политикой члены Коминтерна, и т. д.

Ранее в литературе по истории советской науки и высшей школе не обращалось внимания на последствия этого письма для конкретных вузов.[156] Между тем письмо было воспринято как прямое руководство к действию. В ноябре—декабре 1931 г. началась краткосрочная «разоблачительная» кампания против троцкизма, а фамилии Слуцкого и Волосевича стали нарицательными именами для обозначения идеологических «контрабандистов».[157] Кампания эта была во многом спонтанная и не отличалась теми масштабом и последовательностью, как репрессии против оппозиционеров в 1928 или 1934—1935 гг., но ее риторика была заметно агрессивнее, чем в конце 1920-х гг.

Любопытно, что менее всего в ходе разоблачений пострадал один из непосредственных адресантов сталинского письма В. О. Волосевич; до появления письма он добровольно «ушел в тень», перестал заниматься историей и переключился на преподавание математики.[158] Судьба действительных оппозиционеров не была столь легкой, именно они стали главным жертвами проработки. Так, в декабре 1931 г. заседание партячейки Ленинградского историко-лингвистического института (выделенного из ЛГУ) превратилось в настоящую травлю бывших участников троцкистско-зиновьевского блока — Г. Е. Горбачева, К. В. Нотмана и М. М. Цвибака (уволенного в марте). Все три дня, что длилось заседание, собравшиеся с опорой на сталинский текст поносили бывших оппозиционеров. В зависимости от выступающих менялась только радикальность предлагаемых мер: от расправы путем исключения и отсечения от партии до необходимости ознакомиться с трудами гонимых и дать развернутую критику.[159] Примечательно, что часто именно бывшие оппозиционеры были наиболее активными проводниками сталинской линии и выступали в

роли обвинителей (что также свидетельствует в пользу спонтанного характера проработки). В партколлективе ГАИМКа одним из критиков оппозиционеров был бывший троцкист С. Г. Томсинский. В институте истории Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОКА) доклад о письме Сталина делал А. Г. Пригожин. Доклад был одобрен, по его завершению коллектив призвал бороться с ошибками троцкистского порядка, а также намечен план пропагандистской работы.[160] Именно на ЛОКА легло бремя распространения сталинских идей. Работа проходила в два этапа: с 5 по 29 ноября — широкое обсуждение в ячейках; с 29 ноября по 15 января — агитационная компания, на которую было привлечено 175 человек из разных институтов (150 — для Ленинграда, 25 для области). По итогам проработки письма Сталина партячейки институтов показали «небывалую активность», «политическую зрелось», «большевистскую готовность».[161]

Сталинскую критику в области истории литературы также проводил бывший оппозиционер А. Д. Камегулов, критиковавший ранние публикации другого экс-оппозиционера Г. Е. Горбачева. В 1932 г. Камегулов писал, что письмо тов. Сталина «именно потому и имеет исторически-международное значение, что оно наряду с целым рядом важнейших вопросов, связанных с изучением истории нашей партии и международного революционного движения, поставило со всей большевистской непримиримостью и ясностью вопрос о новых приемах в тактике классового врага».[162] Определив этими словами «методологию» работы, автор разбирает публикации Горбачева 1920-х гг. Фарс подобной критике придавал тот факт, что Горбачев, как мы показали выше, был активным критиком взглядов Троцкого на литературоведение, хотя и признавал его публицистический талант и силу аргументации. Но политическая конъюнктура оказалась сильнее здравого смысла. В завершении своего анализа Камегулов признает работы Горбачева троцкистской вылазкой, а также заключает, что тот не разбирается в марксисткой теории, так как у него «капитализм изображен абстрактным мистическим божеством» и действует как «монистический магический фатум исторического русского процесса».[163]

Проработка коснулась редакции «Красной летописи», Публичной библиотеки, Института истории ВКП(б) и многих других ленинградских институтов.[164] Так подводили ее итоги в район-

ном комитете ВКП(б) Петроградского района: «...проработка показала всю своевременность и актуальность письма т. Сталина, способствовала вскрытию ряда проявлений троцкистской контрабанды (Кузютин — в ЛЭТИ, отдельн[ых] кафедрах ЛМИ, проявлению гнилого либерализма на практике и в теории (р[аб]ф[ак] ЛЭТИ, Рентгенолог[ический] институт, Травматологич[еский] институт), хвостизм отдельных коммунистов и ряда кафедр соц[иально-]эконом[ических] дисциплин вузов».[165]

Отметим, что даже в условиях форменной травли нашлись люди, не готовые поступиться собственными идеалами. Среди них был аспирант ЛЭТИ А. Ф. Кузютин (будучи студентом, находился в оппозиции), который в ходе проработки в ячейке подал заявление о своем несогласии с партийной политикой, раскритиковал внутрипартийный режим и, собственно, сталинское письмо в журнал «Пролетарская революция». Он призывал сделать разворот в сторону политической открытости в партии с привлечением всех бывших оппозиций, что помогло бы сохранить демократию, которая не сможет пошатнуть укрепившуюся партию и пойдет ей на пользу, в то время как нетерпимость к критике несет только вред.[166] За таким «демаршем» не могли не последовать взыскания: в институтской газете была опубликована разгромная статья, а сам Кузютин в начале 1932 г. был исключен из партии. Других подобных выступлений, т. е. реальной «троцкистской контрабанды» в вузах, нам обнаружить не удалось.

Отрывочные свидетельства позволяют судить о восприятии письма немногочисленными реальными «неразоружившимися» троцкистами. Речь идет прежде всего о группе «капитулянтов» И. Н. Смирнова. Из материалов о группе, собранных ОГПУ, становится видно, что капитулянты воспринимали сталинское письмо как отвлечение внимания партии от актуальных хозяйственных трудностей, и своим содержанием оно должно было бить не по извратителям истории, а именно по троцкистам; при этом подчеркивался намеченный Сталиным курс на фальсификацию истории и подтасовку исторических документов.[167]

Подчеркнем, что «разоблачительная» компания 1931—1932 гг. не привела к сравнительно серьезным расправам. Дело ограничилось краткосрочным исключением из партии и снятием с ряда должностей. Тем не менее большинство бывших оппозиционеров сохранило основное место работы и продолжило преподавать.

Однако в отличие от кампании 1927—1928 гг. сейчас им вменялись надуманные обвинения, так как никаких «вылазок» в их публикациях, конечно, не было, тем более что в своем большинстве историки-оппозиционеры на тот момент занимались исследовательскими сюжетами, отвлеченными от партийной истории.

Окончательным ударом по бывшим оппозиционерам Ленинграда стал кировский поток конца 1934—начала 1935 г. С подачи Сталина искать виновных начали именно в среде зиновьевцев. На деле списки оппозиции, составляемые с конца 1934 г., не стали полным перечнем участников фракционной борьбы. С одной стороны, многие оппозиционеры не были учтены (из-за пропуска или по причине переезда в другой город), с другой — в список попали в том числе люди, не имевшие проступков по партийной линии. Те, что избежали репрессий в этом году, арестовывались и позднее.

Давать очерк коллективной биографии бывших оппозиционеров, живших в условиях репрессий, крайне затруднительно, так как часто после ареста человека никакой информации о нем обнаружить не удается. Биографические сведения о многих оппозиционерах, попавших в «кировский поток», обрываются 1935 годом, поэтому можно говорить только о минимальных значениях. Точно удалось установить, что в 1936—1955 гг. было расстреляно или умерло в заключении и лагерях 30 преподавателей и 177 студентов из числа оппозиционеров Ленинграда (19 и 122 в годы Большого террора 1937—1938 гг.). Таким образом, сталинские репрессии унесли жизни более половины преподавателей и почти трети студентов. Избежать каких-либо репрессий удалось лишь единицам: все подобные случаи связаны с участниками дискуссии 1923 г. или ленинградской оппозиции; члены объединенной оппозиции, не подвергнутые репрессиями, нам не известны. Для нескольких десятков человек не удалось установить их биографию в 1930-е гг. Поскольку наша выборка, ограниченная вузовцами, в своей массе состоит из молодежи, не редки случаи, когда осужденные доживали до собственной реабилитации в 1956 г. и позднее. Как минимум трое из них дожили до распада СССР — Т. Л. Демидова (Медицинский институт) и Я. Б. Беленький (Политех) скончались в 1993 г., Г. И. Григоров — в 1994 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении нам представляется важным поместить наше исследование в контекст изучения более масштабных проблем, связанных с историей высшей школы и политической историей раннего СССР, и определить, как наш труд может дополнить каждую из них.

Красной нитью в историографии советского студенчества 1920-х гг. проходит идея о противостоянии в его среде двух групп учащихся. С одной стороны, красное пролетарское студенчество, лояльное революционной власти, с другой — белоподкладочники, либеральные или консервативные хранители традиций имперской высшей школы. Движение социалистов и анархистов, рассмотренное в контексте вузовской истории, показывает ограниченность такого представления, значительно упрощающего реальную картину политической жизни студенчества. В этом противостоянии справедливо выделить и третью сторону, связанную с небольшевистскими левыми партиями. Ее представители противились излишнему радикализму и этатизму большевиков, но при этом не разделяли и «охранительства» старого студенчества. Еще в начале 1920-х гг. многие из них сочувствовали идеям Октября, однако после усиления репрессий и запрета ПСР и РСДРП их идеалы стали смещаться в сторону Февральской революции, давшей обществу больший политический плюрализм. В вузах тактика социалистов и анархистов заключалась в борьбе за автономию высшей школы, которая велась через выборы в правление университета, Советы старост и другие неполитические органы самоуправления.

Важным эпизодом в формировании облика советского студенчества стала чистка 1924 г. Во многих исследованиях в качестве ключевых ее причин называется исключение политически неблагонадежных молодых людей.[1] Однако анализ сотен биогра-

фий меньшевиков, эсеров и анархистов показал, что ни один из них не покинул вуз в результате чистки. Если при замысле чистки и существовал политический мотив, то он был тесно связан с социально-классовой политикой, направленной на пролетаризацию студенческого состава, что, по мнению властей, должно было повысить лояльность вузовской среды. Не коснулась чистка и активных оппозиционеров, участников дискуссии 1923 г. Ни один из них не был исключен из университета или института, так как член РКП(б) или комсомола, даже с некоторыми идейными колебаниям, на тот момент был слишком ценным активом.

Исследование подпольной работы эсеров, меньшевиков и анархистов показало, что студенчество часто становилось наиболее радикальной частью партии. В особенности, это было характерно для социал-демократов, где студенты начали подпольную работу вопреки санкциям ЦК РСДРП и чаще придерживались тактики последовательной оппозиции большевизму. Расцвет работы социалистов-революционеров связан с Б. В. Черновым и его товарищами по Технологическому институту, подполье левых эсеров состояло из двух групп: студенческой и рабочей. Студенты занимали высокие места в структуре анархистского подполья, а в Институте искусств был создан последний заметный анархистский кружок. В целом вузовская среда оказалась куда более отзывчивой для названных партий, несмотря на то что основной акцент в их пропаганде делался на промышленных рабочих.

Студенчество живо откликнулось и на работу оппозиционных течений внутри большевистской партии. В ходе дискуссии 1923 г., в условиях давления со стороны прозиновьевского партаппарата, именно вузы стали наиболее крупными островками поддержки программ Троцкого и Сапронова. Кружок Т. И. Харечко являлся центром оппозиционной работы Петрограда, а его «выпускники» стали заметными фигурами и в ходе работы блока Троцкого—Зиновьева. Многие вузовцы, прежде всего преподаватели, находились на ключевых ролях в движении, являлись его теоретиками (при том в самых разных группах). Как и в случае с социалистами и анархистами, несмотря на обращение оппозиции к рабочему классу, именно студенты часто становились наиболее восприимчивой средой к их идеям. В некоторых районах города число оппозиционеров по вузовским коллективами не усту-

пало или даже превосходило их число по рабочим ячейкам. Не будет преувеличением сказать, что вузовцы были вторым рядом авангарда оппозиции вслед за опытными партийцами с дореволюционным стажем и бывшими крупными партийными управленцами. Такое активное участие можно объяснить социальным положением преподавателей и студентов. Они не только принадлежали к образованной, интеллигентской части партии, но и не были перегружены в профессиональном плане, т. е. имели физические возможности для политического активизма.

Описание истории оппозиции с точки зрения ее рядовых участников позволяет выявить некоторые ключевые эпизоды внутрипартийной борьбы 1920-х гг., которые ранее оставались на периферии внимания историков. Первым подобным эпизодом, не получившим должную оценку специалистов, стала проработка решения XIV съезда в Ленинграде в январе 1926 г. Эта кампания, носившая многие черты погрома, по существу, стала первой массовой и внеуставной расправой над инакомыслием внутри большевистской партии. Деятельность инициативных групп не имела никакой законной силы и являлась грубым нарушением партийных норм. Конечно, на определенный зажим демократии шли и прозиновьевские кадры, остававшиеся тогда у власти, но это были легитимные действия легитимно избранных исполнителей. Проработка партийной организации Ленинграда привела фактически к тотальной замене состава бюро ячеек. Таким образом, кампания начала 1926 г. стала закономерным продолжением кампании 1923—1924 гг. по идеологической унификации партаппарата, проходившей ранее в других крупных городах. В результате и в Ленинграде ключевые посты стали занимать сторонники большинства ЦК, которые спустя несколько месяцев занялись подавлением оппозиционного блока.

Другим важным событием стали споры вокруг заявления лидеров оппозиции от 16 октября 1926 г. об отказе от фракционной борьбы. По существу, оно привело к расколу движения по двум линиям. Во-первых, низы оппозиции возмущались авторитарной формой заявления, поданного без предварительного обсуждения с ними. Во-вторых, унизительным сочли сам факт того, что лидеры оппозиции оправдывались в том, в чем не были неправы. Многие восприняли этот поступок как предательство той кропотливой работы по выстраиванию оппозиционной структуры,

что велась в предшествующие месяцы. Наиболее непримиримую позицию заняли децисты. Несмотря на то что полного раскола оппозиции удалось избежать, октябрьский «кризис» показал шаткость созданного блока.

Политические воззрения студентов-оппозиционеров формировались далеко не только согласно платформам и статьям верхушки движения. Собственно, из программной платформы большевиков-ленинцев, при всей широте ее содержания, студентами в качестве главных аргументов в агитации и дискуссии использовались только проблема демократии, крестьянский и китайский вопросы. Преподаватели при этом отличались куда более основательной теоретической подготовкой, что видно из их выступлений, писем, статей, ответов на вопросы Контрольной комиссии. Важным поводом для вступления в оппозицию являлся элемент патернализма и доверия к старым большевикам (в Ленинграде — в особенности к Зиновьеву). Полагалось, что знаковые фигуры Октябрьской революции и Гражданской войны не могут действовать во вред партии и имеют право на критику ее решений. Поэтому для части студентов оппозиционная борьба превращалась в защиту авторитета и достоинства крупных большевистских деятелей. При защите внутрипартийной демократии часто речь шла вовсе не о порядке работы высших органов власти. Молодые люди, вступившие в ВКП(б) в искреннем порыве сочувствия к революции, в партийных ячейках сталкивались с формализмом, апатией, отсутствием интереса к любой дискуссии. Работа в коллективе вуза (т. е. опосредованно и в самой партии) оказывалась для них конвейером по принятию кандидатур и резолюций. Живая партийная работа подменялась изучением распоряжений вышестоящих партийных органов. Дискуссии допускались только по бытовым или административным вопросам устройства университетской или институтской жизни. Критика спускаемых сверху докладов по актуальным политическим и экономическим вопросам воспринималась как скандал и фракционность.

* * *

В завершение вернемся к проблеме революционной традиции, поставленной в начале нашего исследования. Как мы показали выше, левый политический радикализм в СССР 1920-х гг.

во многом существовал в формах, унаследованных от дореволюционных партий, что признавали многие его представители. Разумеется, нельзя говорить о полном копировании или совпадении этих форм. До окончания Гражданской войны партии или группы меньшевиков, эсеров, анархистов развивались по восходящей, получая ощутимые кадровые пополнения в периоды социальных кризисов (прежде всего, революций 1905 и 1917 гг.). Таким образом, движение получало серьезный импульс для своего развития и выходило на новый организационный уровень, когда объединения кружков становились полноценной партией. С затуханием Гражданской войны партийные организации начали идти по нисходящему пути, т. е. постепенно теряли четкую структуру и распадались на кружки и мелкие объединения. Процесс этот был относительно длительным. В 1920-х гг. меньшевики и эсеры (правые и левые) пытались возобновить подпольную работу по дореволюционным лекалам. Однако растущие репрессии, недостаток кадров и падение популярности не позволяли им развернуться. Так, ни у эсеров, ни у меньшевиков не хватало ресурсов для организации районных комитетов по дореволюционному образцу. Над кружками и ячейками стоял орган, ответственный за весь город (в целом работа велась преимущественно в крупных городах). Часто Петроградский комитет партии становился по совместительству и центральным, т. е. «общегосударственным». Насколько можно судить, хуже всего была налажена работа у правых эсеров, где все Центральное бюро состояло из Б. В. Чернова и его окружения. Как и до революции, теоретическая работа стала уделом политэмигрантов на Западе, объединявшихся вокруг печатных органов партии. Это вновь ставило задачу доставки материала через границу, ради решения которой устраивались многие опасные авантюры.

Важным фактором, предопределившим поражение социалистов, стало изменившееся настроение рабочих масс, к которым они апеллировали. Ячейки РКП(б) и ВЛКСМ давали рабочим хоть и ограниченную, но вполне реальную, осязаемую перспективу участия в строительстве социализма, которая позволяла ощутить видимый результат своей работы. Более того, большевики при всех имеющихся недостатках могли казаться более целостным, более монолитным движением, лишенным исторического шлейфа политических метаний и союзов с буржуазными партиями,

каким отличались меньшевики и эсеры. При таком настроении борьба за социализм в иной, пусть и более демократической, редакции казалась непонятной и бессмысленной.

Оппозиционеры находились в более благоприятном положении для организации своих сторонников. Этому помогал авторитет вождей, их формальные и неформальные связи, обретенные на пике революционной карьеры. К тому же до конца 1927 г. деятельность оппозиции не была в полной мере подпольной и носила полулегальный характер. К элементам конспирации относилась работа со сторонниками, создание районных ячеек и кружков, распространение листовок, писем и брошюр, организация типографий и т. д. Примечательно, что по мере сокращения влияния вождей оппозиции на решения партии усиливалась их работа по мобилизации сторонников и приданию их ячейкам более организованных форм. Своего пика развитие оппозиционных структур достигло осенью 1927 г. Как бы это ни отрицали лидеры оппозиции, но обвинения во фракционности, звучавшие в их сторону, имели основание. За 1926—1927 гг. в крупных городах СССР удалось создать параллельную ВКП(б) структуру, имевшую все признаки протопартии. Разумеется, она была менее разветвленной, чем ВКП(б), но на коротком промежутке действовала достаточно эффективно, и при должном подходе ее лидеров могла в перспективе отделиться от большевиков. Конечно, ни Троцкий, ни Зиновьев не пошли на этот шаг и даже вопреки всем аргументам отказывались открыто говорить о наличии фракции, что означало бы признать себя раскольниками и предателями политики Ленина.

Причиной такому поведению вождей оппозиции, как нам кажется, является неотрефлексированная в среде большевиков проблема партийного строительства. Политическая партия в условиях подполья или Гражданской войны в силу критических обстоятельств вынуждена быть крайне централизованной, единой и дисциплинированной. Однако в период мирного строительства от нее требуются совершено иные функции. Имея широкий состав, пронизывая все сферы государственной жизни, она не может быть монолитной и сохранять при этом представительские функции. В условиях монополии партии на власть, без зажима демократических принципов внутри нее появление групп, фракций,

оппозиций и уклонов — это неизбежный процесс. Признать это, т. е., по существу, констатировать ошибочность и недальновидность решения Ленина о запрете фракционных группировок, мешала фетишизация его наследия, характерная для всего периода внутрипартийной борьбы. Первой эту проблему осознала группа демократического централизма, Троцкий же признался в схожих мыслях только в эмиграции. Децисты наиболее трезво оценивали положение, в которое к началу 1926 г. попали несогласные с линией большинства ЦК. Сапроновцы предлагали не цепляться за легальные методы борьбы, не идти на компромиссы и уступки большинству и настаивали на необходимости действовать автономно от ВКП(б). Их предложение сводилось к тому, чтобы вывести оппозицию на следующий шаг развития политического движения, предполагавший создание самостоятельной партии. Дальнейшее развитие событий только подтвердило обоснованность предлагаемой децистами тактики. Попытка усидеть на двух стульях, т. е. одновременно говорить о единстве партии и организовывать сторонников, ставила оппозиционеров в уязвимое положение. Такое противоречивое поведение только играло на руку противникам оппозиции, давая новые аргументы для их критики. Наиболее принципиальные оппозиционеры после 1927 г. вынуждены были пойти по пути, предложенному децистами, т. е. организовывать конспиративную работу. Но даже находясь в подполье, не имея уже никакого влияния на партийные ячейки, троцкисты и зиновьевцы отказывались считать себя партией (или просто объединением, независимым от ВКП(б)). На этот шаг смогла пойти только московская группа сапроновцев. Таким образом, выбирая между реформизмом и радикальной политической борьбой, большинство оппозиционеров сделало выбор в пользу первого. При этом неправильно отказывать в искренности многим «капитулянтам». В условиях начавшейся индустриализации и коллективизации, при постоянно ощущаемой военной угрозе кропотливая работа, лишенная политических амбиций, могла рассматриваться как более полезный вклад в развитие социализма, нежели продолжение внутрипартийных пикировок.

Несмотря на всю разницу между оппозиционными течениями и «бывшими» партиями, т. е. эсерами, меньшевиками, анархистами, в их политической истории 1920-х гг. наблюдаются и не-

которые очевидные сходства. Главным из них являлся запрос на демократию. Революция и Гражданская война сочетали в себе две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, как мы отмечали выше, борьба в условиях подполья и военного противостояния требовала от ее участников крайней жесткости и централизованности. С другой стороны, Гражданская война приобщила к политической жизни широкие слои населения (из крестьян и рабочих), которые могли ощутить свою причастность к кардинальным переменам, переживаемым страной. Однако по мере становления и укрепления советского государства молодое поколение вообще, и вузовцы в частности, все больше ощущали на себе ослабление демократии, ограничение самоуправления, высокомерие партийного руководства и т. д. Даже для тех, кто разделял принципы и дух Октября, возможность деятельного участия в жизни страны подменялась казенщиной и формализмом. В вузовской среде требования большей самостоятельности и большей демократии достигли своего пика в 1923 г., когда похожие лозунги, но в разных формулировках звучали как от социалистов, так и от участников партийной дискуссии и мелких оппозиционных групп.

Другое сходство касается методов подпольной работы. Во-первых, и социалисты, и анархисты, и оппозиция (на позднем этапе) вынуждены были налаживать связь с заграницей, где, как правило, находился представлявший их печатный орган; также одной из их обязанностей была помощь товарищам в ссылке и заключении. Во-вторых, методы конспирации сочетались с методами легальной работы. В случае оппозиции речь идет о выступлениях в ячейках, подготовке к съезду, продвижению своих кадров в партийные бюро и т. д. Социалисты и анархисты пытались проводить сторонников через советы и комсомол и для объединения сочувствующих активно пользовались работой неполитических органов самоуправления: Совет старост, землячества, научные кружки и т. д., что являлось калькой дореволюционных практик студенческого движения. Еще одно сходство заключалось в том, что наиболее непримиримые группы, продолжавшие сопротивление дольше всего, начинали придерживаться все более радикальных взглядов. В случае с меньшевиками и эсерами речь шла о заметном крене вправо к либерализму или правому народничеству; анархисты отказывались от имеющихся у них легальных

способов борьбы в пользу подполья. Оппозиционеры также клонились влево, т. е. в теории или на практике приходили к усиленной конспирации и идее создания второй партии.

Левые подпольные группы 1920-х гг. переняли многие черты своих дореволюционных предшественников. Эсеры и меньшевики придерживались либеральных правил приема членов. В низовые кружки допускались все сочувствующие социализму или даже просто интересующиеся политикой и историей различных революционных течений. Анархисты отказывались от создания централизованной структуры и действовали в виде конгломерации кружков при различных предприятиях. Большевики, наоборот, значительные усилия тратили на поддержание централизованной структуры, которую в Ленинграде пытались сохранять вплоть до массовых арестов первой половины 1929 г. Строже оппозиционеры старались относиться и к приему в свои ряды новых активистов, пропуская их через разные уровни оппозиционной иерархии. Вероятно, сохранение этих особенностей политической организации обеспечивала преемственность партийных поколений, так как на лидирующих ролях чаще находились те, кто имел дореволюционный опыт подпольной борьбы.

При этом подход социалистов и коммунистов к проблемам высшей школы был различным. Собственно, проблему автономии высшего образования, свободы преподавания наук в свои программные документы включали только эсеры и меньшевики. С одной стороны, причиной этому, вероятно, являлась инерция дореволюционного движения, где требование вузовской автономии часто выступало как политический лозунг. С другой — еще не поставленная под строгий партийный контроль система студенческого самоуправления и борьба за ее сохранение и развитие давали редкую возможность действовать в легальном поле. В это же время студенты и преподаватели-оппозиционеры были полностью растворены в общеполитическом движении, устройство университетской/институтской жизни волновало их только с точки зрения характера работы партийной ячейки.

Разгром левого движения 1920-х гг. ознаменовал собой окончание отечественной традиции революционного движения, бравшей свое начало в 1860-х гг. Дальнейшая судьба большинства

героев нашей книги оказалась незавидной. Репрессии 1920-х и 1930-х гг. уничтожили сначала организационно, а затем и физически многих молодых людей, сочувствующих Октябрьской революции и разделявших ее идеалы. Безусловно, их активное участие в жизни страны помогло бы направить советское государство на более демократический путь развития и уберечь его от множества непоправимых ошибок.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Студенты-меньшевики, эсеры и анархисты в Петрограде/Ленинграде (1920—1926 гг.)[1]

Ленинградский государственный университет

1.	Бобров Сергей Григорьевич (1898—?)	Анархист
2.	Денисов Анатолий Петрович (1906—1938)	Анархист
3.	Егоров Владимир Николаевич (1902—?)	Анархист
4.	Красавин Сергей Анатольевич (1904—?)	Анархист
5.	Ласточкин Сергей Григорьевич (1902—?)	Анархист
6.	Шелковников Николай Александрович (1902—?)	Анархист
7.	Абрамович Альберт Фомич (1899—?)	Меньшевик
8.	Бацер Давид Миронович (1905—1987)	Меньшевик
9.	Белявский Николай Фотиевич (1902—1943)	Меньшевик
10.	Визель Оскар Эмильевич (1895—1939)	Меньшевик
11.	Гантимурова Милица Николаевна (1902—?)	Меньшевик
12.	Герцык Евгения Ильинична (1904—?)	Меньшевик
13.	Гильдебрандт Константин Фомич (1899—?)	Меньшевик
14.	Горелик Соломон Григорьевич (Гиршевич, 1901—1938)	Меньшевик
15.	Давыдов Владимир Николаевич (1904—?)	Меньшевик
16.	Денисов Леонид Николаевич (1897—?)	Меньшевик
17.	Дудакова Любовь Ильинична (1903—после 1954)	Меньшевик
18.	Дудакова Рита Ильинична	Меньшевик
19.	Егоренкова Евгения Ивановна (1898/1899—?)	Меньшевик
20.	Завадская Нина Вячеславовна (1904—?)	Меньшевик
21.	Коротнев Игорь Александрович (1903—1937)	Меньшевик
22.	Куприянова Ксения Сергеевна (1903—1937)	Меньшевик
23.	Леонтьев Василий Васильевич (1906—?)	Меньшевик
24.	Лурье Татьяна-Берта Львовна (1902—1993)	Меньшевик

[1] Источники и критерии составления см. во Введении.

25.	Лучинский Владимир Григорьевич	Меньшевик
26.	Малятский Семен Михайлович (1904—1941)	Меньшевик
27.	Набойкина Ольга Александровна (1902—?)	Меньшевик
28.	Орлова Антонина Александровна (1901—1968)	Меньшевик
29.	Панфилова Ксения Александровна (1895—?)	Меньшевик
30.	Попова Таисия Александровна (1904—1937)	Меньшевик
31.	Равинский Вильям Ионович (1902—1971)	Меньшевик
32.	Свежевский Сергей Иванович (1901—?)	Меньшевик
33.	Седерстрем Вера Оттовна (1896—после 1949)	Меньшевик
34.	Сметанина Клавдия Николаевна	Меньшевик
35.	Снисаренко Михаил Моисеевич (1906—1937)	Меньшевик
36.	Топоров Николай Иванович (1904—?)	Меньшевик
37.	Фишман Абрам Григорьевич (Гиршевич, 1900—1938)	Меньшевик
38.	Фрид Флавий Яковлевич (1905—?)	Меньшевик
39.	Шейнман Сергей Михайлович (1903—1986)	Меньшевик
40.	Эренбург Соломон Леопольдович (1902—1937)	Меньшевик
41.	Белецкий Вячеслав Константинович (1895—1979)	Эсер
42.	Бианки Виталий Валентинович (1894—1959)	Эсер
43.	Высоцкий Павел Викторович (1899—1937)	Эсер
44.	Жаба Сергей Павлович (1894—1982)	Эсер
45.	Ионова Людмила Всеволодовна (1904—1937)	Эсер
46.	Ициксон Ида Львовна	Эсер
47.	Казаков Борис Константинович (1896—1937)	Эсер
48.	Каневский Всеволод Александрович (1903—?)	Эсер
49.	Лек Георгий Тимофеевич (1903—?)	Эсер
50.	Розен Мария Яковлевна (1899—?)	Эсер
51.	Розенблюм Анатолий Ильич (1900—1938)	Эсер
52.	Сауль Альфред Янович (1899—?)	Эсер
53.	Святицкий Александр Павлович (1900—1937)	Эсер
54.	Тудоровская Елена Александровна (1904—1986)	Эсер

Институт гражданских инженеров

55.	Зацкий Николай Петрович (1898—?)	Меньшевик

Химико-фармацевтический институт

56.	Беляев Павел Петрович (1903—?)	Меньшевик
57.	Головкин Василий Васильевич (1905—?)	Меньшевик
58.	Липинский Александр Константинович (1902—1938)	Меньшевик
59.	Мельдер Теофил Донатович (1898—1937)	Меньшевик
60.	Понарьин Павел Павлович (1903—?)	Меньшевик
61.	Рубин Петр Петрович (1896—?)	Меньшевик
62.	Стулов Николай Федорович (1903—1975)	Меньшевик
63.	Фуников Николай Александрович (1903—после 1949)	Меньшевик

Политехнический (в том числе 2-й Политехнический) институт

64.	Бадин Михаил Иванович (1904—?)	Анархист
65.	Ракитин Николай Сергеевич (1897—?)	Анархист
66.	Бахман Анна Мартыновна (1899—1937)	Меньшевик
67.	Берг Маргарита Ивановна (1888—1941)	Меньшевик
68.	Волков Василий Федорович (1898—?)	Меньшевик
69.	Вольпе Абрам Самуилович (1894—1941)	Меньшевик
70.	Дудаков Абрам Ильич (1904—1938)	Меньшевик
71.	Завьялов Борис Васильевич (1896—?)	Меньшевик
72.	Климова (Клинова) Надежда Александровна (1903—?)	Меньшевик
73.	Комаров Константин Георгиевич (1901—после 1956)	Меньшевик
74.	Кузьменко Павел Федорович (1890—?)	Меньшевик
75.	Матросов Михаил Ростиславович (1899—?)	Меньшевик
76.	Михайлова Вера Дмитриевна (1897—?)	Меньшевик
77.	Осипов Дмитрий Ливерьевич (1903[2]—1937?)	Меньшевик
78.	Протопопова Людмила Ивановна	Меньшевик
79.	Рабинович Урий Гиршевич (1904—?)	Меньшевик
80.	Садовский Григорий Алексеевич (1888—?)	Меньшевик
81.	Сахаров Александр Александрович (1902—?)	Меньшевик
82.	Троицкая Нина Дмитриевна (1899—?)	Меньшевик
83.	Удем Григорий Маркович (1905—1937)	Меньшевик
84.	Удем Соломон Мордкович (Семен Маркович, 1904—?)	Меньшевик
85.	Шпагин Алексей Александрович (1903—?)	Меньшевик
86.	Эренбург Семен Леонидович (Соломон Литманович, 1902—1937)	Меньшевик

Электротехнический институт

87.	Малиновский Алексей Аполлонович (1903—1937)	Анархист
88.	Миловидов Евгений Дмитриевич (1900—?)	Меньшевик
89.	Вылогов Павел Андреевич (1900—?)	Эсер

Горный институт

90.	Владимиров В. В.	Анархист
91.	Денисов Николай Петрович (1901—?)	Анархист
92.	Бородин Василий Васильевич	Меньшевик
93.	Кочкин Михаил Николаевичч (1900—?)	Меньшевик
94.	Кукин Василий Николаевич (1902—?)	Меньшевик
95.	Новиков Дмитрий Павлович (1902—?)	Меньшевик
96.	Принцев Николай Александрович (1902—?)	Меньшевик
97.	Савицкий Михаил Владимирович (1902—?)	Меньшевик

[2] Дата рождения по следственному делу 1925 г. В других источниках также 1901 и 1904 гг.

98.	Терешенков Евграф Константинович	Меньшевик
99.	Колеров Борис Аркадьевич (1893—?)	Эсер
100.	Брушвит Александр Михайлович (1892—?)	Эсер

Институт народного хозяйства

101.	Гальперин Марк Борисович (1890—?)[3]	Меньшевик
102.	Поздняков Семен Семенович (1906—1937)	Меньшевик
103.	Экштейн Иван Иванович (1895—1938)	Эсер

Государственный институт медицинских знаний

104.	Малкина-Иванченко Фрида Аделевна (1891—?)	Анархист

Институт истории искусств

105.	Басевич Аида Иссахаровна (1905—1995)	Анархист
106.	Боронина Екатерина Алексеевна (1907—1955)	Анархист
107.	Гарин-Михайлов Федор Иванович (1888—?)	Анархист
108.	Квачевская Александра Владимировна (1903—1999)	Анархист
109.	Криницкий Юрий Яковлевич (1901—1944)	Анархист
110.	Прусс Николай Владимирович (1909—1936)	Анархист
111.	Раков Вениамин Ефимович (1903—1937)	Анархист
112.	Сааков Александр Н.	Анархист
113.	Чуковская Лидия Корнеевна (1907—1996)	Анархист
114.	Штюрмер Георгий Аркадьевич	Анархист
115.	Штюрмер Кира Аркадьевна (?—1937)	Анархист

Ветеринарный институт

116.	Ершов Михаил Филиппович (1905—?)	Анархист
117.	Абисов Андрей Константинович (1907—1988)	Меньшевик

Восточный институт

118.	Гончаров Николай Николаевич	Анархист

Технологический институт

119.	Аловерт Николай Николаевич (1902—1937)	Эсер
120.	Глоцер Лев Моисеевич	Эсер
121.	Кириллов Алексей Матвеевич (1894—?)	Эсер
122.	Ребок Федор Брониславович (1897—1937)	Эсер
123.	Чернов Борис Викторович (1900—1933)	Эсер

Медицинский институт

124.	Родионова Лидия Лукинична	Анархист

[3] Преподаватель.

125.	Кочкина Ольга Антоновна (1902—?)	Меньшевик

Географический институт

126.	Адов Сергей Иванович (1901—?)	Анархист
127.	Хорошаева Елена Петровна	Меньшевик
128.	Войт Бруно Карлович (1904—1937)	Эсер

Государственный институт физического образования им. П. Ф. Лесгафта

129.	Тихонов-Бугров Николай Михайлович (1902—после 1940)	Меньшевик

Сельскохозяйственный институт

130.	Соколов Николай	Меньшевик
131.	Белоглазов Константин Иванович (1895—?)	Эсер

Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена

132.	Бударин Иван Иванович	Анархист
133.	Циммерман Тамара Александровна (1910—?)	Анархист
134.	Алексеев Алексей Иванович (1902—1938)	Меньшевик
135.	Заря Иван Иванович (1899—?)	Меньшевик
136.	Иванов-Чернец Павел Иванович (1901—1990)	Меньшевик
137.	Левицкий Андрей Иванович (1902—?)	Меньшевик
138.	Малаховский Евгений Ефимович (Хаимович, 1902—1937)	Меньшевик
139.	Маляков Виктор	Меньшевик
140.	Осипов Дмитрий Ливерьевич (1901—?)	Меньшевик
141.	Осипов Михаил Ливерьевич (1904—1937)	Меньшевик
142.	Пономарев Михаил Сергеевич (1899—1937)	Меньшевик
143.	Селенкин Михаил Борисович (1904—?)	Меньшевик
144.	Федоров Степан Федорович (1896—?)	Меньшевик
145.	Харитонов Алексей Иванович (1905—?)	Меньшевик

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Преподавательский, научный и административный состав вузов Петрограда/Ленинграда в Левой оппозиции (1923—1932 гг.)[1]

№	ФИО	Парт-стаж	Вуз	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
1.	Альтер Исаак Маркович (1892—1937)	1909	ЛГПИ (преподаватель), ВПАТ, КУЗ (научный сотрудник, далее — нс), ЛГУ (доцент)	+[2]		+	+	Польская социал-демократическая партия
2.	Альтшуллер Марк Абрамович (1896—после 1956)	1920	Горный (преподаватель)	+		+		Бунд

[1] В графе «1923—1924 гг.» учтены оппозиционеры времен дискуссии вокруг «Нового курса» и «Уроков Октября», в графе «1925—1926 гг.» — участники новой оппозиции, в «1926—1927 гг.» — члены оппозиционного блока, графа «1928—1932 гг.» учитывает участников подполья. Если известно, что человек пережил эпоху Большого террора 1937—1938 гг., указано, не ранее какого года он скончался; если человек принадлежал к оппозиции вне вуза или вне Ленинграда, дается соответствующий комментарий; в последнем столбце указана партия, в которой человек состоял до вступления в ВКП(б), или принадлежность к группам, державшимся обособленно как от зиновьевцев, так и от троцкистов (буфер, децисты, «Рабочая правда»).

[2] В московском Институте красной профессуры.

№	ФИО	Партстаж	Вуз	1923—1924	1925—1926	1926—1928	1928—1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
3.	Анишев Анатолий Исаевич (1899—1936)	1919	ЛГУ (доцент)		+			
4.	Аршавский Константин Григорьевич (1896—1978)	1914	КУЗ (профессор), ВМА (комиссар)		+			Меньшевик-интернационалист
5.	Белорукова Мария Ивановна (1902—после 1942[3])	1920	Политехнический (делопроизводитель, счетовод)			+		
6.	Бенц Илья Семенович (1898—1937)	1917	Военно-инженерная академия (преподаватель)	+				Меньшевик
7.	Богомольный Яков Исаакович (1894—после 1958)	1920	КУЗ (нс)			+		Поалей—Цион
8.	Гайдерова Зинаида Никандровна (1881—1937)	1905	ЛГУ (доцент), Политехнический (доцент, заместитель декана по учебной части), ВПАТ		+	+		
9.	Горбачев Георгий Ефимович (1897—1937)	1919	ЛГУ (доцент), КУЗ (лектор), ВПАТ (преподаватель)	+		+		Меньшевик-интернационалист

[3] Была эвакуирована из Ленинграда.

№	ФИО	Партстаж	Вуз	1923—1924	1925—1926	1926—1928	1928—1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
10.	Гордеев Геннадий Михайлович (1902—1980)	1920	КУЗ (нс)		+			
11.	Гордеев Исай Натанович (1896—1937)	1919	ВПАТ (преподаватель, руководитель кафедры политической работы), ВМА, Институт им. Крупской			+	+	
12.	Григоров Григорий Исаевич (1900—1994)	1919	ВПАТ (преподаватель)	+[4]		+	+	
13.	Дингельштедт Федор Николаевич (1890—1943)	1910	Лесной институт (ректор), Политехнический (профессор)	+[5]		+		
14.	Дочула Сергей Сергеевич (1898—после 1948)	1920	КУЗ (нс)		+			
15.	Дронова Елизавета Даниловна (1900—1984)	1918	ИНХ (член бюро ячейки)		+	+[6]		

[4] В Москве
[5] В ИКП в Москве.
[6] Вне вузов.

№	ФИО	Партстаж	Вуз	1923—1924	1925—1926	1926—1928	1928—1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
16.	Дрязгов Григорий Михайлович (1897—?)	1918	ЛГУ (доцент[7])		+[8]	+		Меньшевик
17.	Духовный Михаил Маркович (1901—1938)	1919	ЛГПИ (ассистент), КУЗ (нс), ГИМЗ (преподаватель)			+	+	
18.	Заблудовский Захар Богданович (1899—1941[9])	1918	Консерватория (оторг парторганизации), рабфак ЛИИПСа (студент)		+			Коммунистическая партия Литвы, Коммунистическая партия Польши
19.	Иванов Иван Васильевич (1893—?)	1917	КУЗ (нс)		+			
20.	Камегулов Анатолий Дмитриевич (1900—1937)	1919	ЛГУ (комиссар от Василеостровского райкома)			+		
21.	Карпов Николай Игнатьевич (1894—1973)	1917	КУЗ (нс), Сельскохозяйственный институт (преподаватель, зав. кафедрой), ЛГПИ (преподаватель)	+		+		

[7] Был принят на Ямфак в 1926 г. как руководитель семинария по истории юношеского движения.

[8] Вне вузов.

[9] На Ленинградском фронте.

№	ФИО	Парт-стаж	Вуз	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
22.	Клявс-Клявин Август Яковлевич (1893—?)	1913	ЛОКУМНЗ (преподаватель)		+			
23.	Кофман Борис Давыдович (1879—1939)	1900[10]	КУЗ (нс), Институт им. Крупской (проректор), ВМА (преподаватель)		+			
24.	Куразов Иван Федорович (1897—1937)	1920	ВПАТ (начальник учебной части)	+				ПСР
25.	Куржнир Борис Абрамович (1896—после 1956)	1916	ЛГПИ (декан общественно-экономического факультета, доцент)			+		Швейцар. соц.-дем. партия
26.	Лепинь Эдуард Фрицевич (1893—1937)	1918	Институт им. Крупской (проректор), ЛГУ (доцент), ГИМЗ (преподаватель)			+		
27.	Лилина Злата Ионовна (1882—1929)	1902	ЛГПИ (преподаватель)		+	+		
28.	Лифшиц Ольга Григорьевна (1881—1939)	1900	ЛГПИ (преподаватель), ВПАТ			+		Швейцар. соц.-дем. партия

[10] В 1908 г. отошел от партийной работы, восстановился в партии в 1925 г.

№	ФИО	Партстаж	Вуз	1923—1924	1925—1926	1926—1928	1928—1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
29.	Мазуренко-Маштал-лер Иосиф Федорович (1891—после 1939)	1918	Горный институт (проректор по хоз. части)		+			
30.	Массиу Николай Георгиевич (1895—после 1943)	1919	ИНХ (член бюро ячейки)		+			
31.	Маторин Николай Михайлович (1898—1936)	1919	ЛГУ (доцент)		+			
32.	Минин Сергей Константинович (1882—1962)	1905	КУЗ (ректор), ЛГУ (проректор, профессор)		+			
33.	Нотман Константин Вильгельмович (1901—1937)	1924	ЛГУ, ВМА, Институт им. Крупской		+	+		
34.	Острецов Иван Андреевич (1890—1938)	1908	ЛВИ (преподаватель, член правления), КУЗ (нс)		+			
35.	Остроумов (Лангер) Осип Борисович (1903—после 1960)	1921	ЛГПИ (доцент), Сельскохозяйственный институт (преподаватель)	+		+[11]	+	Децист

[11] В УССР до 1927 г.

№	ФИО	Партстаж	Вуз	1923—1924	1925—1926	1926—1928	1928—1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
36.	Осьминская Елизавета Викторовна (1898—после 1949)	1917	КУЗ (нс)		+			
37.	Плотников Исаак Соломонович (1888—1936)	1904 / 1930[12]	КУЗ (также — нс), Политехнический институт (профессор), ВПАТ (старший руководитель), Военно-медицинская академия (преподаватель)		+			
38.	Райский Леонид Григорьевич (1897—1936)	1918	ЛГУ (преподаватель), Институт политпросветработы им. Крупской (преподаватель), КУЗ (заведующий кафедрой)			+		
39.	Рудый Феофил Иосифович (1898—?)	1918	КУЗ (нс)		+	+		
40.	Рыбин Михаил Иванович (1898—1943)	1917	КУЗ (ответственный организатор бюро ячейки)		+			

[12] Исключен в 1919 г. Вступил повторно в 1930 г.

№	ФИО	Парт-стаж	Вуз	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
41.	Сеф (Фаермарк) Семен Ефимович (1900—1937)	1919	ЛГУ (доцент)		+			
42.	Советкина Мария Митрофановна (1894—1938)	1917	Институт им. Крупской (преподаватель), КУЗ (нс)			+		
43.	Соколовская (Бронштейн) Александра Львовна (1872—1937)	1897	Технологический институт (преподаватель), Медицинский институт	+[13]		+[14]		Меньшевик
44.	Сосновкин Владимир Иванович (1890—1942)	1918	Институт инженеров путей сообщения (ответственный организатор бюро ячейки, начальник учебной части)		+	+		
45.	Спиренков Федор Сергеевич (1898—1938)	1919	ИНХ (член бюро ячейки)		+			

[13] Вне вузов.
[14] Вне вузов.

№	ФИО	Партстаж	Вуз	1923—1924	1925—1926	1926—1928	1928—1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
46.	Танхилевич Ольга Марковна (1900—1963)	1920	ЛГУ (доцент), ВПАТ, Институт политпросветработы им. Крупской, КУЗ	+[15]		+	+	
47.	Татаров Исаак Львович (1901—1938)	1919	ЛГУ (доцент), ЛГПИ, ВПАТ, КУЗ		+	+		
48.	Фендель Исаак Соломонович (1893—1936)	1918	ВПАТ (начальник кафедры всеобщей истории), Институт политпросветработы им. Крупской			+		Бунд
49.	Харечко Тарас Иванович (1893—1937)	1914	ЛГУ (заведующий рабфаком)	+		+[16]	+[17]	
50.	Ходе-Домицкий Ефим Ильич (1901—?)[18]	1919	Артиллерийская академия (помощник учебной части, педагог-экономист)	+				Меньшевик

[15] В ИКП.
[16] В Москве.
[17] Там же.
[18] Приписывал себе стаж с 1915 г. и в документах годом рождения указывал 1895.

№	ФИО	Партстаж	Вуз	1923—1924	1925—1926	1926—1928	1928—1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
51.	Цвибак Михаил Миронович (1899—1937)	1920	ЛГУ (доцент, заместитель декана Ямфака)		+			ПСР
52.	Шейн Юрий Петрович (1902—1936)	1920	ЛГПИ, ВПАТ, Политехнический институт (преподаватель), Институт народного хозяйства (ассистент, доцент)			+	+	
53.	Ширвиндт Максим Лазаревич (1893—1936)	1917	Политех (завед. кафедрой политэкономии, профессор), ЛГПИ (профессор), КУЗ (преподаватель)	+[19]		+		Буфер
54.	Щеголев Василий Николаевич (1894—?)	1918	КУЗ (нс)		+			
55.	Юргенс Ольга Евгеньевна (1893—1931)	1917	КУЗ (нс)	+		+[20]	+[21]	

[19] В ИКП в Москве.
[20] Как сотрудник ленинградского отделения Госиздата.
[21] Там же.

№	ФИО	Парт-стаж	Вуз	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
56.	Яковин Григорий Яковлевич (1897[22]—1938)	1918	ЛГПИ (доцент), Технологический институт, Политехнический институт, КУЗ	+[23]		+	+	Поалей—Цион
57.	Яковлев Моисей Нахимович (1897—?)	1916	ЛГУ (доцент), КУЗ, ВМА, Политехнический институт		+	+		

[22] В деле студента ИКП (ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 2. Д. 1251. Л. 13) также указан 1898 г. В ряде словарей и баз данных указан 1899 г.

[23] В ИКП.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Студенты Петрограда/Ленинграда в Левой оппозиции (1923—1932 гг.)

№	ФИО	Партстаж[1]	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
		ЛГУ					
1.	Анфингер Владимир Никитич (1905—после 1948)	ВЛКСМ			+		
2.	Аристов Матвей Матвеевич (1905—?)	ВЛКСМ			+	+	
3.	Бавыкин Яков Ильич (1900—?)	1919			+		
4.	Барский Акива-Ошер Аншелевич (1905—после 1949)	ВЛКСМ			+		
5.	Батурин Григорий Андреевич (1905—?)	ВЛКСМ			+	+	
6.	Бельтюков (Бельтиков) Алексей Михайлович (1904—?)	1927			+		
7.	Бобра (Бобр) Андрей Сидорович (1906—?)	ВЛКСМ			+	+	
8.	Брандт Эмилия Юлиановна (1899—?)	ВЛКСМ			+		
9.	Брискер Ехиель Исаакович (1903—1951)	ВЛКСМ			+		

[1] Если студент был только в комсомоле, указывается «ВЛКСМ».

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
10.	Бураго Зинаида Христофоровна (1893—1939)	1920			+		
11.	Векслер Любовь Давыдовна (1902—?)	1924			+		
12.	Вечеслов Сергей Михайлович (1899—?)	1918			+		Меньшевик-интернационалист
13.	Вихорев Николай Васильевич (1904—1938)	1920	+				Децист
14.	Власов Николай Александрович	1923				+	
15.	Глечков Иван Лазаревич (1898—после 1957)	1925			+		
16.	Губанов Василий Иванович (1906—1937)	ВЛКСМ			+	+	
17.	Дубов Василий Степанович (1904—1938)	1925			+		
18.	Евдокимов Константин Федорович (1906—?)	1925			+		
19.	Жив Меер Зельманович (1904—1938)	1921	+				
20.	Зосимов Михаил Емельянович (1904—после 1940)	1925			+		
21.	Иткин Абрам Юльевич (Юдович) (1894—1937)	1919		+	+		Меньшевик
22.	Капитонова Антонина Петровна (1898—после 1943)	1916	+		+		
23.	Косолапов Евграф Федорович (1900—?)	1918			+	+	

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
24.	Кузин Павел Сергеевич (1905—?)	ВЛКСМ			+	+	
25.	Кузнец Николай Александрович (1900—?)	1917	+[2]		+		
26.	Куразов Иван Федорович (1897—1937)	1920	+		+		ПСР
27.	Лисютин Александр Яковлевич (1903—после 1961)	1922			+		
28.	Лукас Иоганнес Семенович (1901—после 1957)	1925			+		
29.	Матвеев Николай Арсеньевич (1893—?)	1920			+		
30.	Медведев Александр Васильевич (1897—?)	1919			+		
31.	Мостовский Иосиф Викторович (1901—?)	1923			+		
32.	Ниссон Иосиф Исаакович (1897—после 1941)	1923			+		Бунд, Коммунистические партии Дании и Германии
33.	Овсянников Иван Матвеевич (1891—?)	1918			+		
34.	Отрожденнов Степан Михайлович (1899—1942)	1917			+		
35.	Отрожденный Николай Андреевич (1898—?)	1917			+		
36.	Падво Абрам Беркович (Борисович, 1907—?)	ВЛКСМ			+		

[2] На рабфаке Горного института.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
37.	Пекарский Ян Михайлович (1901—1937)	1926 (кандидат в члены парти)			+		
38.	Райцин Григорий Маркович (1901—?)	ВЛКСМ			+		
39.	Редозубов Дмитрий Васильевич (1904—1978)	1920	+		+	+	
40.	Розенблат Григорий Генахович (1898—?)	1918			+		
41.	Розенфельд Вениамин Яковлевич (1906—1938)	ВЛКСМ			+		
42.	Рябчиков Иван Иванович (1898—?)	1918			+		
43.	Саламатов Николай Иванович (1901—?)	1921			+		
44.	Салина Надежда Николаевна (1904—?)	ВЛКСМ			+		
45.	Свешников Василий Алексеевич (1897—?)	1917			+	+	
46.	Серебряков Константин Константинович	ВЛКСМ			+		
47.	Сорокин Сергей Михайлович (1908—?)	ВЛКСМ			+		
48.	Тартаковская Зоя Николаевна (1903—?)	ВЛКСМ			+		
49.	Тартаковский Меер Хаимович (1907—?)	ВЛКСМ			+	+	
50.	Теплов Николай Васильевич (1907—?)	ВЛКСМ				+	
51.	Тимошенко Варвара Яковлевна (1901—после 1953)	ВЛКСМ			+		
52.	Умблея Карл Янович (1903—?)	1926			+		Коммунистическая партия Эстонии

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
53.	Федоров А. Д.	1920			+		
54.	Чанцев Владимир Иванович (1905—?)	1926			+	+	
55.	Чарный Давид Борисович (1902—1937)	1919	+		+	+[3]	
56.	Шпыркин Иван Гаврилович (1904—?)	1923			+		
57.	Щербук Станислав Михайлович (1906—?)	ВЛКСМ			+		
58.	Эстрович Валентин Осипович (1901—?)	1925			+		
	Рабфак ЛГУ						
59.	Александров Борис Васильевич (1896—?)	1919	+		+		Децист
60.	Васильев Василий Васильевич (1897—?)		+		+[4]	+[5]	Децист
61.	Виктор Виктор Викторович (1900—1938)	1917	+		+		Децист
62.	Вихорев Дмитрий Васильевич (1902—1937)	1919	+		+[6]	+[7]	Децист
63.	Герасимов Сергей Владимирович (1905—?)	1925			+		
64.	Грозный Эммануил Юдович (1904—?)	1926			+		
65.	Дикштейн Хони Симонович (Ханя Семеновна, 1904—1938)	1924			+		
66.	Домбровский Виктор Иосифович (1903—?)	1920	+		+[8]		Децист

[3] В Новосибирске.
[4] Как работник Ленинградского газетного бюро.
[5] Там же.
[6] Как газетный редактор.
[7] Как работник Союза текстилей.
[8] Как ответственный секретарь коллектива ВЛКСМ рабочего факультета.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
67.	Ерилов Григорий Иванович (1906—1938)	1925			+		
68.	Зайковский Иван Михайлович (1903—?)	1926			+		
69.	Керан Отто Оттович (1897—?)	1924			+		
70.	Коврижных Андриан Алексеевич (1906—?)	1925			+		
71.	Коновалов Рувим Иосифович (1906—?)	ВЛКСМ	+		+[9]	[10]	Децист
72.	Конюхов Василий Семенович (1902—?)	1921		+			
73.	Лебедев Иван Михайлович (1897—после 1966)	1914		+			
74.	Манкевич Иосиф Петрович (1892—?)		+				
75.	Розенсон Соломон Антонович (1905—?)	1926			+		
76.	Серовайский Арон Моисеевич (1907—?)	1925			+		
77.	Степанов Николай Иванович (1901—1938)	1919	+				
78.	Устимчик Федор Григорьевич (1901—1937)	1919	+		+[11]	+[12]	Децист
79.	Шванштейн Лев Соломонович (1906—?)	1927			+		
80.	Эпштейн Яков Ефимович (1903—1937)	1925			+		

[9] Как слесарь завода «Электрик».
[10] Там же.
[11] Как студент ИНХ.
[12] Вне вузов.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
	Горный институт						
81.	Абрамович Илья Матвеевич (1901—после 1941)	1921		+			
82.	Алексеев Дмитрий Алексеевич (1905—?)	ВЛКСМ					
83.	Аржекаев Сергей Андреевич (1903—1938)	1921	+		+		
84.	Барабанов Петр Максимович (1903—?)	1924			+		
85.	Беседин Борис Иванович (1900—1938)	1918			+		
86.	Бобылев Иван Никифорович (1906—?)	1927			+		
87.	Бравый Зейлиг (Зиновий) Моисеевич (1904—?)	1925	+		+		
88.	Бродянский Борис Львович (1902—1945)	1921	+				
89.	Бураго Михаил Христофорович (1903—1938)	1920		+			
90.	Гречановская Елена Степановна (1904—1938)	1924		+	+		
91.	Гудзь Владимир Васильевич (1909—?)	1931				+	
92.	Елисеев Василий Сергеевич (1902—?)	1926			+		
93.	Козьмин Григорий Иванович (1903—?)	1923		+	+		
94.	Леман Николай Николаевич (1903—1982)	1919	+				
95.	Лысов Виктор Федорович (1902—?)	1919	+	+	+	+	

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
96.	Ометов Михаил Матвеевич (1904—1947)	1925			+		
97.	Осьмин Иван Емельянович (1904—1941)	1925 (кандидат в члены)			+		
98.	Паршуков Иван Григорьевич (1906—?)	ВЛКСМ				+	
99.	Петров Евдоким Петрович (1898—1937)	1919		+			
100.	Родионов Тимофей Яковлевич (1903—1972)	1927		+	+		
101.	Рожевский Лев Соломонович (1901—1940)	1920		+	+		
102.	Рычков Павел Яковлевич (1904—?)	1925		+	+		
103.	Сафронов Георгий Петрович (1902—1975)	1919	+	+	+		Децист
104.	Сачко Петр Васильевич (1903—1973)	1926			+		
105.	Скоморохов Алексей Федорович (1902—?)	1924				+	
106.	Усвяцев Леонид Ефремович (1899—?)	1917	+				
107.	Федотов Николай Тимофеевич (1899—после 1942)	1928				+	
108.	Чегодаева (Гаврилова) Валентина Матвеевна (1903—?)	1925			+	+[13]	
109.	Черепов Евграф Иванович (1898—после 1964)	1919		+	+		

[13] Также и на Урале.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
110.	Чинков Степан Иванович (1905—после 1954)	1924			+		
111.	Шаньгин Алексей Иванович (1904—после 1939)	1926			+		
112.	Яковлев Петр Александрович (1904—?)	1924			+		
	Рабфак Горного института						
113.	Барановский Дмитрий Степанович (1902—?)	1920		+			
114.	Богодухов Георгий Капитонович (1900—после 1942)	1918		+			
115.	Дмитриев Леонид Алексеевич (1901—?)	1924	+[14]		+		
116.	Дорошенко Анатолий Павлович (1898—1938)	1925			+	+	Эсер-максималист
117.	Звездов Василий Иванович (1903—1934)	1923		+	+		
118.	Котолынов Иван Иванович (1905—1934)	1926			+[15]	+	
119.	Кудинов Константин Дорофеевич (1899—1938)	1920		+			
120.	Мартов Николай Павлович (1906—1937)	1927				+	
121.	Рандоманский Владимир Владимирович (1897—после 1942)	1919			+		
122.	Рылов Федор Иванович (1896—?)	1917	+				«Рабочая Правда»

[14] Как рабочий Севкабеля.
[15] Вне Ленинграда.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
123.	Соловьев Антон Тимофеевич (1907—?)	1927				+	
124.	Соснушкин Илья Александрович (1900—после 1946)	1919		+			
125.	Студзинский Владислав Андреевич (1898—1937)	1920		+			
126.	Тимофеев А. С.	1927			+		
127.	Храпков Сергей Петрович (1899—?)	1925		+			
	Технологический институт						
128.	Альтгаузен Николай Лазаревич (1904—1937)	1924			+	+	
129.	Анурьев Василий Иванович (1905—после 1962)	1925			+		
130.	Горохов Иван Васильевич (1903—после 1951)	1920			+		
131.	Кривошей Давид Моисеевич (1898—1968)	1925			+		
132.	Лысенко Аркадий Иванович (1906—?)	1927 (кандидат в члены)			+		
133.	Мальчихин Михаил Георгиевич (1899—?)	1925			+		
134.	Москвин Валентин Михайлович (1904—после 1954)	1928			+		
135.	Мыльников Алексей Константинович (1903—?)	1920			+		

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
136.	Перепечко Феофан Андреевич (1893—?)	1920	+		+		
137.	Садовников Борис Данилович (1900—1937)	1919			+	+	
138.	Самохин Алексей Ефимович (1902—?)	1919			+		
139.	Серебрянников Федор Васильевич (1902—?)	1926 (кандидат в члены)			+		
140.	Сычев Григорий Андреевич (1899—после 1957)	1920			+		
	Рабфак Технологического института						
141.	Нейжмак Иван Остапович (1903—после 1945)	1927			+	+	
142.	Израилитин Александр Абрамович (1905—?)	1919		+	+		
143.	Румянцев Илья Александрович (1895—?)	1919			+		
	Институт живых восточных языков						
144.	Ильвес Хильда Ивановна (Микк Гильда Йохановна, 1901—1937)	1919			+		
145.	Козлов Борис Павлович (1906—?)	1927 (кандидат в члены)			+		
	Электротехнический институт						
146.	Авдеев Борис Ильич (1890—?)	1924			+		ПСР

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
147.	Александров Сергей Васильевич (1894—после 1942)	1919			+	+[16]	
148.	Антоневич Сергей Константинович (1893—после 1951)	1917	+		+	+[17]	Меньшевик-интернационалист
149.	Бальян Григорий Петрович (1900—?)	1919			+	+	
150.	Горбунов Петр Максимович (1897—1937)	1920	+				ПСР
151.	Исупов Георгий Васильевич (1907—1938)	б/п			+		
152.	Кузютин Алексей Филиппович (1906—1937(?))	1926	+[18]			+[19]	
153.	Ладогин Сергей Александрович (1902—1938)	1918	+				
154.	Лейбель Борис Соломонович (1900—1943)	1919			+	+	Бунд
155.	Мартинковская Марта Самойловна (1902—1938)	1918	+				
156.	Меллер Рафаэль Моисеевич (1905—?)	1926		+	+		
157.	Натансон Мария Яковлевна (1900—1937)	1917			+		
158.	Павловский Матвей Абрамович (1903—1940)	1920		+			

[16] В 1932 г. как работник Химкомбината.

[17] До 1929 г. в ЭТИ, в начале 1930-х гг. как работник фабрики им. Володарского.

[18] Выступал в Петроградском университете.

[19] Не был связан с подпольными группами, но подал в декабре 1931 г. заявление в ячейку ЭТИ о несогласии с политикой партии и зажимом демократии.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
159.	Палер Михаил Евельевич (1893—1937)	1919			+		
160.	Примакова Роня Григорьевна (1896—?)	1920			+		
161.	Сенников Василий Николаевич (1904—после 1943)	1925 (кандидат в члены)			+	+	
162.	Томах Леонид Афанасьевич (1896—1937)	1917			+		
163.	Цюнский Константин Антонович (1902—1937)	1920			+	+	
164.	Чекин Константин Иванович (1905—1939)	1920			+		
165.	Юшкин Петр Сергеевич (1895—1937)	1917	+		+[20]		Децист
	Рабфак Электротехнического института						
166.	Волокитин Антон Степанович (1905—?)	1927			+		
167.	Гусев Константин Иннокентьевич (1904—1938)	1924			+		
168.	Добрынин Михаил Михайлович (1905—?)	1927			+		
169.	Емелин Иван Сергеевич (1897—?)	1920			+		
170.	Лейзеренок Яков Маркович (Матвеевич, 1899—1981)	1918			+		
171.	Михеев Василий Иванович (1895—?)	1927		+	+		
172.	Носков Евграф Иванович (1897—?)	1918			+	+[21]	

[20] Как студент ИНХ.
[21] Как сотрудник Севхимкомбината в 1932 г.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
173.	Яковлев Николай Тимофеевич (1898—?)	1924			+		
	Институт народного хозяйства						
174.	Афанасьев Петр Михайлович (1903—?)	1926			+		
175.	Баскина Лия Семеновна (1902—после 1941[22])	1926			+		
176.	Бобров Зиновий Михайлович (1905—?)	1920		+			
177.	Гельштейн Адольф Абрамович (1898—1939)	1920		+	+		
178.	Гессен Юрий Юльевич (1906—1967)	ВЛКСМ			+		
179.	Годес Яков Аронович (1902—?)	1924			+		
180.	Дончак Яков Кононович (1905—1941)	ВЛКСМ			+	+	
181.	Егоров Александр Яковлевич (1903—1937)	1921		+[23]	+	+	Децист
182.	Зудин Вениамин Михайлович (1902—?)	1922			+		
183.	Капелевич Давид Яковлевич (1904—1936)	ВЛКСМ				+	
184.	Кацнельсон Лев Ефимович (1903—1943)	1918			+		
185.	Колесников Григорий Давидович (1900—1938)	1917			+		
186.	Кукин Александр Петрович (1898—1937)	1918		+			

[22] Эвакуирована из блокадного Ленинграда.
[23] Как сторонник новой оппозиции.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
187.	Малахова-Коновалова Клавдия Ионовна (1892—?)	1922			+		
188.	Рудской (Рудский, Руцкой) Иван Федорович (1897—1936)					+	
189.	Скалунов Яков Гаврилович (1896—?)	1922			+		
190.	Слепухин Василий Дормидонтович (1904—?)	1922			+		
191.	Стуринский Яков Борисович (1900—после 1945)	1919			+	+[24]	
192.	Якимова Зоя Николаевна (1896—1938)	1917		+			
	Политехнический институт						
193.	Айзенштадт Григорий Львович (1903—?)	1925			+		
194.	Алмазов Константин Степанович (1904—?)	1920			+		
195.	Арбузов Иосиф Владимирович (1900—после 1965)	ВЛКСМ			+		
196.	Барсуков Алексей Павлович (1905—?)	1925			+		
197.	Батраков Михаил Иванович (1903—?)	1927 (кандидат в члены)			+		
198.	Бахтин Павел Спиридонович (1888—?)	1918	+[25]				
199.	Беленький Яков Борисович (Янкель Беркович) (1909—1993)	ВЛКСМ				+	

[24] Вне вузов.

[25] Выступал на общем собрании вузов Московско-Нарвского района.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
200.	Берман Лев Александрович (1897—после 1955)	1917			+		
201.	Бобин Петр Михайлович (1901—1938)	1919	+		+		
202.	Боголепов Сергей Григорьевич (1894—1943)	1913	+		+		
203.	Борзенко Петр Павлович (1903—1938)	ВЛКСМ			+		
204.	Брамсон Лев Владимирович (Вольфович, 1901—1941)	1917	+				
205.	Бржезовский Франц Селиверстович (1896—?)	1925			+		
206.	Бригис Арвид Иванович (1899—?)	1917	+[26]				
207.	Вейнберг Леонид Леопольдович (1908—?)	ВЛКСМ			+		
208.	Волков Александр Александрович (1904—?)	1924			+		
209.	Ворчалов Михаил Степанович (1903—1937)	1925			+		
210.	Геллер Тимофей Маркович (1904—после 1963)	1925			+		
211.	Голинич Исаак Самуилович (1902—?)	ВЛКСМ			+		
212.	Гордин Арнольд Моисеевич (1903—1977)	1920	+		+		
213.	Гороховский Андрей Иванович (1902—?)	1923			+		

[26] Предлагал резолюцию в 1923 г. в Петроградском университете.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
214.	Готлибойм Иосиф Самойлович (1906—после 1957)	1924			+		
215.	Гребнева Софья Ивановна (1898—1949)	1917			+		
216.	Гуськов Павел Дмитриевич (1902—после 1956)	1920			+		
217.	Дранко Петр Васильевич (1901—?)	1924	+[27]		+		
218.	Захаров Николай Александрович (1902—1937)	1923			+		
219.	Зубов-Чесноков Михаил Никитич (1907—1937)	1926			+	+	
220.	Иванов Семен Иванович (1902—?)	1920			+		
221.	Казакевич Михаил Львович (1904—?)	1925			+		
222.	Калинин Ювеналий Федорович (1899—?)	1921			+		
223.	Кантемиров Иван Иванович (1903—1937)	1927			+		
224.	Кацер Арон Борисович (1898—после 1950)	1919			+	+	Бунд
225.	Кириенко Иван Клементьевич (1900—?)	1925			+		
226.	Кузьмин Иван Петрович (1902—?)	1919			+		
227.	Лавров Григорий Акимович (1888—1938)	1920			+	+	
228.	Лактионов Борис Иосифович (1898—?)	1925 (кандидат в члены)			+		

[27] В РККА.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
229.	Лалин Григорий Васильевич (1898—1942)	ВЛКСМ			+		
230.	Лебедев Николай Евгеньевич (1904—?)	1926			+		
231.	Леваков Алексей Иванович (1899—1937)	1920			+		
232.	Лулов Алексей Николаевич (1903—?)	1919			+		
233.	Лупачев Иван Владимирович (1904—?)	ВЛКСМ			+		
234.	Майоров Василий Федорович (1904—?)	ВЛКСМ					
235.	Максимович Иван Харитонович (1897—1937)	1918			+	+	
236.	Маневич Наум Силантьевич (1904—после 1939)	1920			+		
237.	Меерсон Илья Григорьевич (1897—1940)	1917		+	+		
238.	Михин Иван Георгиевич (1906—?)	1927			+		
239.	Могильницкий Исер Моисеевич (1902—после 1948)	1921			+		
240.	Мултасов Ефрем Ионович (1897—?)	1920			+		
241.	Муравьев Владимир Александрович (1900—?)	1919	+		+		
242.	Нарыков Алексей Иннокентьевич (1902—?)	1920			+		
243.	Нефедьев Иван Степанович (1904—1937)	1924			+		

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
244.	Никитин Максим Митрофанович (1902—?)	1923			+		
245.	Патрикеев Василий Яковлевич (1902—после 1941)	1919		+	+		
246.	Петров Василий Петрович (1895—?)	1919			+		
247.	Пивоваров Трофим Иванович (1900—1937)	1924			+		
248.	Пиотрович Владислав Антонович (1902—1937)	ВЛКСМ			+		
249.	Подрез Алексей Кузьмич (1895—1938)	1919		+			
250.	Позняк (Поздняк) Иван Францевич (1903—1938)	1925			+		
251.	Портнов Мирон Давидович (1900—1937)	1927			+		
252.	Рывкин Давид Миронович (1902—1946)	1921	+[28]		+		
253.	Савченко Мелания Григорьевна (1896—1979)	1914			+		
254.	Свердлов Евдоким Ефимович (1894—1951)	1918			+		
255.	Семичев (Семичов) Евгений Яковлевич (1895—1942)	1920			+		Меньшевик-интернационалист
256.	Сенченко Александр Кузьмич (1905—1938)	1926			+		

[28] Как студент МВТУ.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
257.	Сидоренко Федор Саввич (1905—?)	1923 (кандидат в члены)			+		
258.	Сильвестров Николай Никитич (1905—?)	ВЛКСМ			+		
259.	Сирак Иван Яковлевич (1906—?)	1925			+		
260.	Тимофеев-Копельсон Евгений Тимофеевич (1904—1976)	1919			+		
261.	Тюриков Александр Васильевич (1902—?)	1919			+		
262.	Фадеев Георгий Иванович (1903—1937)	1920			+		
263.	Цефт Михаил Лукьянович (1906—?)	ВЛКСМ					
264.	Цинцадзе Василий Васильевич (1900—1937)	1921			+		
265.	Цопп Эдуард Янович (1896—после 1957)	1919			+	+	
266.	Ченцев Владимир Васильевич (1900—?)	1920			+		
267.	Чернышева Евгения Андреевна (1900—1942)	1920	+		+		
268.	Чистяков Николай Никитич (1900—?)	1925			+		
269.	Шапиро Александр Самуилович (1908—?)	ВЛКСМ			+		
270.	Шебанов Иван Александрович (1899—?)	1918			+		
271.	Шеланкина Евдокия Степановна	1918	+		+		
272.	Шестопалов Михаил Иванович (1899—после 1949)	1926			+	+	

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
273.	Ширяев Дмитрий Николаевич (1902—?)	1920			+		
274.	Шклярман Соломон Аронович (1899—1938)	1919		+[29]	+	+	Бунд
275.	Шостак Константин Адамович (1902—1937)	1920			+		
276.	Шульман Григорий Абрамович (1900—?)	1925			+	+	
277.	Щеклейн Георгий Федорович (1907—?)	ВЛКСМ			+	+	
	Рабфак Политехнического института						
278.	Деулин Анатолий Михайлович (1898—?)	1917			+		
279.	Кругликов Иван Титович (1895—1939)	1919			+		
280.	Левчук Филипп Львович (1900—?)	1919			+		
281.	Ражиков Николай Николаевич (1904—1989)	1925			+		
282.	Якимец Елена Михайловна (1903—?)	1920			+		
	Консерватория						
283.	Данилов-Волгин Виктор Владимирович (1900—после 1939)	1919			+		
	Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена						
284.	Анашкин Степан Иванович (1905—после 1940)	ВЛКСМ			+		

[29] Как студент рабфака ЛГУ.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
285.	Андреев Василий Андреевич	1924			+		
286.	Артемов Василий Андреевич (1907—?)	1917					
287.	Арцутанов Николай Акимович (1905—1968)	ВЛКСМ			+		
288.	Бальцев Виктор Иванович (1904—?)	1927				+	
289.	Беднягин Владимир Алексеевич (1904—после 1952)	1925			+		
290.	Бергер Илья Самуилович (Самойлович, 1907—1937)	ВЛКСМ			+		
291.	Боголепова (Каплун) Мира Мордуховна (1894—1975)	1918			+		Бунд
292.	Бондарев Иван Иванович (1900—?)	1926				+	
293.	Вересов Александр Тимфеевич (1904—1938)	к/п (1927)			+		
294.	Волкова Анна Михайловна (1899—?)	1920		+			ПСР
295.	Даскалов Александр Томович (1904—1937)	1926			+		
296.	Дьяченко Иван Васильевич (1905—после 1939)	1925			+		
297.	Зельцер Зоря (Зора) Владимировна (1902—1937)	1919	+[30]		+		Еврейская социалистическая рабочая партия, Буфер

[30] В Совпартшколе г. Сумы.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
298.	Иванов Сергей Федорович	1925			+		
299.	Каганович Арон Лазаревич (1897—1941)	1920		+			Бунд
300.	Культашев Иван Дмитриевич (1903—?)	1924			+		
301.	Лотте Софья Андреевна (1901—1962)	1918			+		Буфер
302.	Малеев Терентий Филимонович (1905—1938)	ВЛКСМ			+		
303.	Омельянюк Иван Борисович (1891—?)	1924			+		
304.	Панин Иван Федорович (1903—1937)	1925			+	+	
305.	Рудницкая Ксения Ивановна (1899—после 1971)	1920		+			
306.	Рязанцев Владимир Иванович (1906—1938)	1928			+[31]	+	
307.	Семиглазов Илларион Демьянович (1907—1937)	1927			+		
308.	Семичева Екатерина Григорьевна (1895—?)	1920			+		Меньшевик-интернационалист, Буфер
309.	Стрелков Михаил Васильевич (1907—?)	1924		+	+		
310.	Шакулов Степан Семенович (1906—?)	ВЛКСМ			+		
311.	Шевченко Григорий Леонтьевич (1904—?)	1925 (кандидат в члены)			+		

[31] Как член ВЛКСМ.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
312.	Шуколюков Александр Михайлович (1902—после 1940)	1926 (кандидат в члены)			+		
313.	Юдин Иван Петрович (1904—1945[32])	1925			+		Буфер
	Рабфак ЛГПИ						
314.	Витковская София Александровна (1903—после 1951)	1926			+		
315.	Демидова Тамара Леонидовна (1909—1993)	ВЛКСМ				+	
316.	Доронин Борис Петрович (1907—1938)	1925 (кандидат в члены)			+		
317.	Евсюков Всеволод Тимофеевич (1903—?)	1926				+	
318.	Казанджиев Иван Семенович (1900—1937)	1919[33]			+		Коммунистические партии Болгарии и Франции
319.	Куликов Георгий Дмитриевич (1906—?)	1927			+		
320.	Левин Самуил Литманович (1902—после 1953)	1919			+	+	
321.	Майстер Клара Наумовна (1888—после 1939)	1919				+	
322.	Меньков Александр Федорович (1902—?)	1926			+		

[32] Погиб на фронте в годы ВОВ.
[33] Как член Коммунистической партии Болгарии, с 1926 г. в ВКП(б).

№	ФИО	Партстаж	1923—1924	1925—1926	1926—1928	1928—1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
323.	Пенджерков Борис Григорьевич (1898—1939)	1926			+	+	Анархист, Коммунистическая партия Болгарии
324.	Рабинович Яков Евсеевич (1903—1938)	ВЛКСМ			+	+	
325.	Факторович Израиль Моисеевич	ВЛКСМ			+		
326.	Фетищев Иван Артемьевич (1906—?)	ВЛКСМ			+		
327.	Шульдер Александр Моисеевич (1903—1974)	1927			+	+	
	Лесной институт						
328.	Антонов Василий Викторович (1901—?)	1927			+		
329.	Афанасьев Павел Иванович (1896—?)	1925			+		
330.	Ахминов Феофил Филиппович (1895—1938)	1918			+		
331.	Бром Иван Петрович (1901—после 1957)	1920	+[34]				
332.	Бурдин Андрей Григорьевич (1899—?)	1925			+		
333.	Буренков Василий Алексеевич (1901—?)	1926			+		
334.	Герасимов Михаил Владимирович (1903—?)	1926			+		
335.	Израилев Соломон Маркович (1897—?)	1920			+		Бунд

[34] Выступал на общем собрании вузов Московско-Нарвского района.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
336.	Кадан (Кодан) Иван Федорович (1903—1937)	1925			+		
337.	Келехсаев Георгий Алексеевич (1897—1937)	1919			+		
338.	Кузнецов Александр Дмитриевич (1903—после 1941)	1925			+		
339.	Мавричев Степан Иванович (1899—?)	1925			+	+	
340.	Мартынов Иван Сергеевич (1900—после 1941)	1926			+		
341.	Муравьев Иван Алексеевич (1902—?)	1925			+		
342.	Натесов Николай Павлович (1900—?)	1926			+		
343.	Полешев Николай Николаевич (1886—?)	1918			+		
344.	Радугин Сергей Николаевич (1899—?)	1919			+		
345.	Туманов Александр Тихонович (1903—после 1939)	1925			+		
346.	Холодов Иван Павлович (1898—?)	1918			+		
347.	Шмидре Петр Андреевич (1896—после 1956)	1912		+	+		
348.	Юдин Захар Семенович (1898—?)	1919			+		

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
	Рабфак Лесного института						
349.	Крестьяшин Дмитрий Васильевич (1904—1945[35])	1924			+		
350.	Укконе Виктор Иванович (1903—1938)	1918	+[36]		+		
	Сельскохозяйственный институт						
351.	Алексеев Иван Семенович (1899—?)	1917			+		
352.	Баклаев Михаил Павлович (1901—?)	1922			+		
353.	Богданова Анна Ивановна (1899—1942)	1919	+		+		
354.	Гайдукевич Семен Константинович (1902—?)	1924			+		
355.	Гусев Сергей Кириллович (1893—?)	1925		+	+		
356.	Егорова Ирина Игнатьевна	1918			+		
357.	Ждановский Александр Андреевич (1903—1937)	1925 (кандидат в члены)			+		
358.	Игнатьева Ирина Васильевна (1899—?)	1920			+		Децист
359.	Клыков Василий Михайлович (1906—?)	1925			+		
360.	Коган Авраам Л. (1894—?)	1919			+		Меньшевик
361.	Колобов Виталий Николаевич (1904—1953)	1924			+		
362.	Кошмаров Антон Антонович (1903—?)	1926			+		

[35] Погиб в годы ВОВ.
[36] Как рабочий «Красного Гвоздильщика».

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
363.	Рожкова Пелагея Семеновна (1901—1938)	1919			+		
364.	Савельев Савва Николаевич (1902—?)	1919			+		
365.	Салтыков Александр Александрович (1904—?)	1925			+		
366.	Соколов Александр Сергеевич (1897—?)	1919			+		
367.	Фоминых Иван Яковлевич (1904—?)	1925			+		
368.	Чобля Иван Петрович (1900—?)	1925			+		
369.	Чураков Федор Ефимович (1891—1949)	1919	+	+	+		ПСР
	Институт инженеров путей сообщения						
370.	Ануфриев Федор Титович (1896—после 1949)	1917			+		
371.	Афанасьев Александр Степанович (1904—?)	ВЛКСМ			+		
372.	Бахтин Павел Спиридонович (1888—?)	1918			+		
373.	Беленький Борис Ефремович (1900—1975)	1919			+		
374.	Воронин Николай Иванович (1898—1938(?))	1920			+		
375.	Гайсов Григорий Макарович (1900—?)	1920			+		
376.	Гогунц Аршак Григорьевич (1890—?)	1908			+		
377.	Голдин Михаил Иванович (1898—?)	1918			+		
378.	Горячкин Иван Иванович (1903—?)	1925			+		

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
379.	Енокьян Сенекерим Мкртичевич (1893—1937)	1917			+		
380.	Исаенко Михаил Данилович (1902—?)				+		
381.	Кантер Мария Зиновьевна (1904—?)	ВЛКСМ			+		
382.	Карамян (Гогунц) Феврония Айрапетовна (1895—?)	1922			+		
383.	Кобяк Николай Дмитриевич (1896—1937)	1919			+		
384.	Корнилов Иван Васильевич (1897—?)	1925			+		
385.	Коскин Василий Александрович (1898—?)	1919			+		
386.	Котов Петр Георгиевич (1903—после 1950)	1925			+		
387.	Красовский Михаил Павлович (1891—1968)	1912			+	+	
388.	Кулев Александр Васильевич (1900—?)	1919	+		+		
389.	Лукьянчиков Илья Гаврилович (1899—?)	1920			+		
390.	Московский Алексей Иванович (1894—?)	1920			+		
391.	Муратов-Косолапов Михаил Ильич (1902—1955)	1921			+		
392.	Никитин Михаил Степанович (1899—?)	1919			+		
393.	Павлов Павел Александрович (1896—1937)	1919			+		

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
394.	Палкин Капитон Андреевич (1902—?)	1920			+		
395.	Пуховицкий Федор Израилевич (1904—?)	1919			+		
396.	Рубцов Григорий Николаевич (1896—?)	1919			+		
397.	Самойлов Филипп Михайлович (1899—1937)	1919			+		
398.	Снегирев Марк Леонтьевич (1904—?)	1925			+		
399.	Строков Михаил Фролович (1904—?)	ВЛКСМ			+	+	
400.	Сусарев Иван Васильевич (1899—1938)	1918			+		
401.	Ткаченко Герасим Павлович (1897—после 1940)	1918			+		
402.	Фукалов Валентин Ильич (1905—?)	1924 (кандидат в члены)			+		
403.	Цигель Борис Карлович (1900—1938)	1918			+		
404.	Чигринец Иван Архипович (1903—1971)	1925			+		
	Рабфак Института инженеров путей сообщения						
405.	Войновский Виктор Кузьмич (1900—1938)	1923			+	+	
406.	Глушков Петр Петрович				+		
407.	Гойгель Ванифатий (Бонифатий) Степанович (1896—?)	1918	+				

№	ФИО	Партстаж	1923—1924	1925—1926	1926—1928	1928—1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
	Институт политпросветработы им. Крупской						
408.	Горелов Александр Иванович (1901—?)	1926	+		+		Децист
409.	Динер Фаня Григорьевна (1903—1990)	1925			+		
410.	Дитев Александр Иванович (1905—после 1951)	1926			+		
411.	Лобанова-Фальковская Станислава Болеславовна (1904—1938)	1925			+		
412.	Никитина Клавдия Михайловна (1899—после 1943)	1918			+		
413.	Санжин Цэдэм (Цедем, 1902—1937)	1925			+		
414.	Солопахо Михаил Николаевич (1906—1937)	1925			+		
415.	Тарасов Александр Филиппович (1904—?)	1927 (кандидат в члены)			+		
416.	Терентьев Михаил	1926			+		
417.	Феданин Михаил Константинович (1905—?)	1925			+		Буфер
418.	Штеренсон Лев Самойлович (Соломонович) (1904—1937)	1922			+		
419.	Юрьев Иван Александрович (1895—?)		+				Децист
	Военно-морская академия						
420.	Зиновьев Александр Иванович (1890—?)	1920	+				
	Государственный институт медицинских знаний						
421.	Молодцов Николай Иванович (1896—?)	1919	+				

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
422.	Фридман Овсей Соломонович (1896—после 1957)	1917	+				
	Военно-медицинская академия						
423.	Батик Иван Антонович (1898—?)	1920			+	+[37]	
424.	Гиндин Генрих Яковлевич (1901—1938)	1919			+	+	
425.	Граков Прокопий Трофимович (1901—1938)	1925			+	+	
426.	Райвичер Михаил Абрамович (1901—после 1946)				+		
427.	Язгур Яков Израилевич (1906—?)	ВЛКСМ			+		
	Военно-инженерная академия[38]						
428.	Емельянов Кондратий Николаевич (1901—1937)	1918			+	+[39]	Анархист
429.	Живновский Владимир Викторович (1901—?)	1919	+				
430.	Кащеев Михаил Иванович (1898—?)	1919			+		
431.	Либерман Григорий Борисович (1900—1940)	1918			+	+	
432.	Саравайский Самуил Абрамович (1900—1937)		+		+		Меньшевик-интернационалист

[37] Как аспирант и научный сотрудник Института совершенствования врачей.

[38] Слита с Военно-технической академией в 1925 г.

[39] Вне вуза.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
433.	Селиванов Михаил Максимович (1895—1937)	1919			+		
	Хозяйственная академия РККА						
434.	Плисс Семен Ефимович (1893—1938)	1917	+		+[40]	+[41]	Меньшевик
	Военно-политическая академия им. Толмачева						
435.	Барбэ Николай Казимирович (1903—1938)	1920		+	+		
436.	Богачев Василий Васильевич (1898—1944)	1918			+	+	
437.	Бушмелев Матвей Владимирович (1904—после 1942)	1919	+				
438.	Годес Михаил Соломонович (1901—1937)	1920			+		
439.	Голубев Василий Александрович (1895—?)	1919			+		
440.	Горб Василий Иванович (1897—1937)	1918[42]	+				
441.	Кузьминский Илья Самойлович (1896—1937)	1919			+	+	Бунд
442.	Лаптев Михаил Иванович (1901—?)	1921			+		
443.	Рябов Виктор Иванович (1901—1938)	1919			+		
444.	Самарец Кузьма Ильич (1901—после 1941)	1919		+		+[43]	

[40] Вне вуза.
[41] Вне вуза.
[42] По другим данным — 1920 г.
[43] Вне вузов.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
445.	Селезнев Василий Петрович (1901—?)	1919		+			
446.	Твалчрелидзе Арчил Григорьевич (1901—?)	1918			+	+	
447.	Цзян Цзинго (Елизаров Николай Владимирович, 1910—1988)	ВЛКСМ			+		
448.	Черепахин Василий Николаевич (1901—?)	1919		+	+[44]	+[45]	
449.	Шмуник Пиня Хаимович (1900—после 1940)	1920	+				
	Коммунистический университет						
450.	Анцев Георгий Васильевич (1900—после 1946)	1927		+			
451.	Белов Иван Андреевич (1905—1938)	1925			+		
452.	Белькевич Иосиф Игнатович (1901—?)	1919		+			
453.	Бойцов Георгий Павлович (1896—после 1949)	1917		+	+[46]		
454.	Бренгул Ян Давидович (1893—1938)	1917		+			
455.	Будрис Роберт Христофорович (1893—после 1956)	1910		+			
456.	Бураковский Михаил Цезаревич (1903—1939)	1919		+			

[44] Как преподаватель школы им. ВЦИК, Военно-теоретической школы воздушного флота.

[45] Вне вузов.

[46] Во Пскове.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
457.	Васильев Родион Васильевич (1903—?)	1919		+			
458.	Витковский Владимир Степанович (1897—после 1948)	1918			+		
459.	Гарин Кирилл Иович (1891—?)	1917	+				
460.	Горбачев Николай Захарович (1898—?)	1919		+			
461.	Горохов Иван Григорьевич	1918	+		+		
462.	Домовец Василий Иванович (1896—?)	1923			+		
463	Елагин Алексей Яковлевич (1902—1938)	1920		+			
464.	Жезлов Яков Сергеевич (1903—?)	1922	+				
465.	Завистовская Анна Гавриловна (1898—?)	1919		+			
466.	Золотых Павел Ильич (1898—?)	1920	+[47]		+		
467.	Калганов Всеволод Васильевич (1895—?)	1921			+		
468.	Карманников Михаил Илларионович (1881—1942[48])	1920			+		
469.	Козина Татьяна Тимофеевна (1897—?)	1917			+		
470.	Козлов Ф. Ф.	1924			+		
471.	Корюкин Николай Апполонович			+			
472.	Кривошеев Иван Дмитриевич (1898—?)	1921		+	+	+	

[47] Как рабочий «Красного октября», также активно выступал в Лесном институте.

[48] В блокадном Ленинграде.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
473.	Крылов Семен Иванович (1902—?)	1920		+			
474.	Кудрявцев Петр Степанович (1895—?)	1919		+			
475.	Кузнецов Игнатий Михайлович (1896—?)	1918		+			
476.	Кузовников Федор Михайлович				+		
477.	Кулаков Иван Иванович (1903—?)	1920			+	+[49]	
478.	Леонтьевский Герман Александрович (1903—?)	1921		+	+		
479.	Липатов Василий Андреевич (1895—после 1939)	1920		+			
480.	Лулов Григорий Николаевич (1899—1940)	1917	+		+		
481.	Мазнин Дмитрий Михайлович (1902—1937)	1920	+				
482.	Мареев Арсений Никитич (1895—?)	1917		+	+		
483.	Мартинковский Иерухим Самойлович (1904—?)	1919		+	+		
484.	Мистонов Григорий Иванович			+			
485.	Михайлов Степан Васильевич (1897—?)	1921			+		
486.	Нелогов Петр Матвеевич (1904—?)	1921	+		+		
487.	Ненадых Илья Абрамович (1898—1964)	1919			+		

[49] Как студент ЛГУ.

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
488.	Нуриджанян Арто Исаевич (1902—?)	1920		+			
489.	Очнев Мирон Иванович (1904—?)	1923			+		
490.	Павличенко Филипп Филиппович (1899—?)	1920		+			
491.	Пантюхин Константин Семенович (1904—1936)	1920		+	+		
492.	Панченко Наум Петрович (1902—?)	1919		+			
493.	Плохотников Деомид Федорович (1898—?)	1920		+			
494.	Рудовой (Рудовый) Иван Иванович (1901—?)	1921	+		+		
495.	Русскова Антонина Георгиевна (1903—?)	1920		+			
496.	Свиридович Михаил Артемьевич (1897—1937)	1919		+	+		
497.	Сертич Иван Иванович (1890—?)	1919		+			
498.	Слуцкая Любовь Петровна (1903—после 1942)	1920		+			
499.	Смирнов Иван Николаевич (1889—?)	1917		+			
500.	Сологуб (Сологубов) Григорий Степанович (1903—?)	1919		+			
501.	Текстилов Илья Вольфович (1898—1938)	1918		+			
502.	Тимофеева Надежда Ивановна (1900—?)	1919		+	+		
503.	Товаровский Борис Борисович (?—1937)	1919			+		

№	ФИО	Партстаж	1923 — 1924	1925 — 1926	1926 — 1928	1928 — 1932	Партия до вступления в ВКП(б) / Партийная группа
504.	Федотов Степан Федотович (1890—после 1941)	1917	+		+		
505.	Четкасов Николай Иванович			+			
506.	Шахмин Алил Александрович	1920		+			
507.	Швальбе Михаил Петрович (Пихусович) (1899—после 1941)	1917		+	+		
508.	Щедринский Яков Абрамович	1917			+		

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Здесь и далее см. Список сокращений на с. 369.

[2] См. подробнее: *Невский В. И.* Очерки по истории Российской коммунистической партии. Л., 1925. Т. 1; *Балабанов М. С.* Очерк истории революционного движения в России. Л., 1929; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М., 1998; *Оксенюк А. А.* Механизмы формирования массовых нелегальных организаций социалистических партий в России в начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

[3] См. подробнее: *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России. 1899—1907. М., 1971; *Ольховский Е. Р.* Студенческое движение в Петербургском университете в период ленинской «Искры» (1900—1903 гг.) // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 39—67.

[4] *Тютюкин С. В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 541.

[5] *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997. С. 50—51, 58, 60.

[6] *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М., 1998. С. 82, 86.

[7] *Кривенький В. В.* Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М., 2018. С. 150, 192.

[8] *Тютюкин С. В.* Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. № 6. С. 53—69; *Сыченкова А. В.* Отечественная историография партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Казань, 2006; *Кононеко А. А.* Партия социалистов-революционеров в 1901—1922 гг. Проблемы историографии. Тюмень, 2004; *Суслов А. Ю.* Российские социалисты после Октября 1917 года в отечественной историографии. Казань, 2013.

[9] Эсеры «на работе» против советов. (К предстоящему процессу.) Пг., 1922.

[10] *Зиновьев Г. Е.* Война, революция и меньшевизм. М.; Л., 1931; Меньшевики интервенты: Сб. статей. М., 1931; *Чарный М. Б.* Суд исторический и неизбежный. Меньшевики перед пролетарским судом. М., 1931; *Гришин П. П.* Меньшевики и Октябрьская революция. Л., 1932.

[11] *Горев Б. И.* Анархизм в России. (От Бакунина до Махно). М., 1930; *Черномордик С. И.* Махно и махновщина. (Анархисты за «работой»). М., 1933.

[12] *Гусев К. В.* 1) Крах партии левых эсеров. М., 1963. С. 237—238; 2) Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 371—373.

[13] *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2 т. 4-е изд. М., 1986. Т. 1—2.

[14] *Подболотов П. А.* Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975. С. 88, 115.

[15] *Подболотов П. А.*, *Спирин Л. М.* Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988. С. 196, 200.

[16] Там же. С. 200—202.

[17] *Сулемов В. А.* 1) «Ложные друзья» молодежи. (Из истории борьбы с троцкизмом в молодежном движении) // Оружие борьбы. М., 1970. С. 145—190; 2) Союз молодых борцов. М., 1971; *Злобина В. М.* Борьба партии большевиков против мелкобуржуазного влияния на рабочий класс в первые годы НЭПа (1921—1925 гг.). М., 1975.

[18] The Mensheviks: From the revolution of 1917 to the Second World War / Ed. L. H. Haimson; with contributions by D. Dallin, L. Lande et al. Chicago; London, 1974.

[19] Меньшевики: от революций 1917 года до Второй мировой войны. М., 2009.

[20] *Liebich A.* From the Other Shore. Russian Social Democracy after 1921. Harvard, 1997. P. 123—140.

[21] *Brovkin V.* The Mensheviks after October. Socialist opposition and the rise of the Bolshevik dictatorship. Ithaca; London, 1991.

[22] Там же. С. 139—140.

[23] *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917—1925 гг.). Л., 1984. С. 59—60.

[24] *Сафразьян Н. Л.* Борьба КПСС за строительство высшей школы (1921— 1927 гг.). М., 1977. С. 96—97; Комсомол — боевой помощник партии, 1918—1983: Сб. статей. М., 1984; *Бахарева А. Н.*, *Лейкин А. Я.* Комсомол — активный помощник РКП(б) в борьбе с непролетарскими партиями и союзами за молодежь (1917—1925 гг.). Историография проблемы // Исторический опыт борьбы КПСС с непролетарскими партиями, группами и течениями за молодежь (1903—середина 20-х годов). Л., 1990.

[25] *Разумов А*. Памяти юности Лидии Чуковской // Звезда. 1999. № 9.

[26] *Рублев Д. И*. Российский анархизм в XX веке. М., 2019. С. 436—496.

[27] *Леонтьев Я. В*. Левоэсеровское движение: организационные формы и механизмы функционирования. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2009.

[28] *Соколов М. В*. Провал ЦБ эсеров в Ленинграде // Родина. 2012. № 7. С. 130—134.

[29] *Тютюкин С. В*. Меньшевизм: страницы истории. С. 516, 520.

[30] *Слезин А. А*. Молодые меньшевики: государственно-правовые взгляды и историческая судьба // История государства и права. М., 2008. № 22. С. 31—34.

[31] *Соскин В. Л*. Высшая школа — конец автономии (1921—1922) // Alma mater. Вестник высшей школы. М., 1998. № 1—2. С. 73—77; *Чернов М. П*. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу в 1918—1922 годах // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 135—139.

[32] *Копеспу Р.* Builder and Deserters: Students, State and Community in Leningrad. Montreal, 1999.

[33] *Павлов Д. Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов, 1917—середина 1950-х годов. М., 1999; *Дьяков Ю. Л. и др*. Протестное движение в СССР (1922—1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью. М., 2012.

[34] *Резник А. В*. Троцкий и товарищи. Левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923—1924. СПб., 2018.

[35] *Стефаненко А. Ю*. Внутрипартийная борьба в Ленинграде. 1926—1933 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021.

[36] *Апальков Д. И*. Внутрипартийная борьба в ВКП(б). От «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. М., 2022.

[37] *Ярославский Е. М*. От критики внутри партийного режима к критике пролетарской диктатуры // Ярославский Е. М. Против оппозиции. М., 1928. С. 23.

[38] См., например: *Ярославский Е. М*. За последней чертой. М., 1930.

[39] *Голубев А. А*. Ленинградская партийная организация в борьбе с «новой оппозицией» и троцкистско-зиновьевским антипартийным блоком (1925—1927 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рукопись (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 7. Д. 2143).

[40] *Иванов В. М*. Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Л., 1965. С. 129—132.

[41] Там же. С. 47.

[42] Там же. С. 100, 143. См. также: *Иванов В. М*. Борьба партии против антиленинских течений (1921—1929). Л., 1973. С. 98—99.

[43] *Сулемов В*. 1) Союз молодых борцов; 2) «Ложные друзья» молодежи.

[44] *Дмитренко С. Л*. Борьба КПСС за единство своих рядов, октябрь 1917—1937. М., 1976. С. 228—242.

[45] *Абрамов Б. А.* Идейная борьба партии против троцкистов и зиновьевцев в период подготовки и проведения 14-го съезда ВКП(б). М., 1959; *Рыженко Ф. Д.*, *Угрюмов А. Л.* Ленинская партия в борьбе с троцкизмом (1903—1927 гг.). М., 1969; *Титов А. Г.*, *Смирнов А. М.*, *Шалагин К. Д.* Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период 1917—1934 гг. М., 1974; *Шмелев А.* Борьба РКП(б) против троцкизма за студенческую молодежь (1923—1924) // Борьба ленинской партии против оппортунизма. Л., 1980; *Стецура Ю. А.* Комсомол — активный помощник партии в борьбе против «новой оппозиции». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; *Ацаркин А. Н.*, *Галкова Д. Н.* Комсомол в борьбе с троцкизмом (1923—1927). М., 1985.

[46] *Дмитренко С. Л.* Сплоченными рядами. М., 1987. С. 19, 32—33.

[47] См., например: *Daniels R. V.* The conscience of the revolution: Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960; *Carr E. H.* Socialism in one country. 1924—1926. New York, 1968.

[48] *Дойчер И.* Троцкий. Безоружный пророк. 1921—1929. М., 2006.

[49] *Роговин В. З.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992.

[50] *Роговин В. З.* Власть и оппозиции. М., 1993.

[51] *Такер Р.* Сталин. Путь к власти, 1879—1929. История и личность. М., 1991.

[52] *Вихров В. М.* Коммунистический лидер Г. Е. Зиновьев во главе Петрограда—Ленинграда (конец 1917—начало 1926 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

[53] *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И.* Карл Радек: повесть о бесчисленных обличьях революционера, дипломата и публициста, политика и политикана, циника и острослова, оппозиционера и холопа. М., 2019.

[54] *Чернявский Г. И.*, *Станчев М. Г.*, *Тортика М. В.* Жизненный путь Христиана Раковского, 1873—1941. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2014.

[55] *Кочетова А. С.* Лев Каменев: «Я не согласен». М., 2022.

[56] *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. В 4 кн. М., 2013.

[57] *Баринов Д. А.* Исаак Маркович Альтер (1892—1937) — философ, историк, оппозиционер // Вече. Ежегодник русской философии и культуры. СПб., 2021. С. 150—159.

[58] *Решетов А. М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2. С. 147—192.

[59] *Брачев В. С.* Жизнь и судьба историка: Константин Вильгельмович Нотман (1901—1937) // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 3. С. 10—13.

[60] *Брачев В. С.* Историк Леонид Григорьевич Райский (1897—1936 гг.) // Там же. 2016. № 4. С. 24—29.

[61] *Брачев В. С.* Историк М. М. Цвибак и его судьба (1899—1937 гг.) // Там же. 2008. № 2. С. 33—54.

[62] *Корсаков С. Н.* Судьба философа: Максим Лазаревич Ширвиндт (1893—1936). Ч. I // Философские науки. 2015. № 10. С. 127—139.

[63] *Беленкин Б. И.* Репрессированные троцкисты — организованная политическая группа левого сопротивления сталинскому режиму (1927—1938): борьба как норма жизни. На материалах следственных дел Г. Я. Яковина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Матлы VI Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 352—367.

[64] *Гусев А. В.* Троцкистская оппозиция в конце 20-х—начале 30-х годов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

[65] *Шабалин В. В.* Пейзаж после битвы. Из истории левой оппозиции на Урале. Пермь, 2003.

[66] *Скоркин К. В.* Обречены проиграть. (Власть и оппозиция 1922—1934). М., 2011.

[67] *Резник А. В.* Троцкий и товарищи. С. 189—190.

[68] *Раков Т. Н.* Политические практики большевистской организации Ленинграда в дискуссиях 1921 и 1925 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2020.

[69] *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде.

[70] *Black C.* Manufacturing communists: “Krasnyi Putilovets” and the politics of soviet industrialization, 1923—1932. Ph. D. diss. Indiana University, 1996.

[71] *Halfin I.* Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918—1928. Pittsburgh, 2007; *Халфин И.* В поисках оппозиции: чистка 1924 г. в Ленинградском коммунистическом университете им. Г. Е. Зиновьева // Личность, общество и власть в истории России. Сб. науч. статей. Новосибирск, 2018. С. 404.

[72] *Двинов Б. Л.* От легальности к подполью, 1921—1922: Записки. Нью-Йорк, 1955. Также нами использовалось издание 1968 г. с приложением записки о нелегальной работе Г. Д. Кучина-Оранского (см.: *Двинов Б. Л.* От легальности к подполью. 1921—1922. Приложение: Г. Кучин-Оранский. Записки. Stanford, 1968).

[73] Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson, 1990.

[74] *Тиль Т. И.* Социал-демократическое движение молодежи 1920-х гг. // Память. Париж, 1980. Вып. 3. С. 165—283.

[75] *Жаба С. П.* Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Париж, [1924].

[76] *Олицкая Е. Л.* Мои воспоминания. Frankfurt am Main, 1971. Кн. 1.

[77] *Гарасева А. М.* Я жила в самой бесчеловечной стране... Воспоминания анархистки. М., 1997.

[78] *Чернова Е. Б.* «Я пишу то, что помню...». Воспоминания. СПб., 2011; *Гаген-Торн Н. И.* Memoria. М., 1994.

[79] *Sedova-Trotskaya N.*, *Serge V.* The Life and Death of Leon Trotsky. Chicago, 1973.

[80] *Зиновьев Г. Е.* Заслуженный приговор. М., 2022.

[81] *Серж В.* От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. М., 2001.

[82] *Дуне Э.* Демократический централизм // Архив Троцкого. Харьков, 2001. Т. 2.

[83] *Войтоловская А. Л.* По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар, 1991.

[84] *Иоффе Н. А.* Время назад. (Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха). М., 1992.

[85] *Полетика Н. П.* Виденное и пережитое. Иерусалим, 1990.

[86] *Павлов И. М.* 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001.

[87] *Григоров Г. И.* Повороты судьбы и произвол. Воспоминания, 1905—1927 годы. В 2 т. СПб., 2005—2010.

[88] *Абрамович И. Л.* Воспоминания и взгляды. В 2 т. М., 2004.

[89] *Беленький Б. Е.* «Враг народа». Мои воспоминания // Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=6649 (дата обращения: 10.07.2022).

[90] Нами были использованы все доступные протоколы крупнейших вузов Ленинграда: ЛГУ, Коммунистического университета, Горного, Педагогического, Политехнического, Технологического, Химико-фармацевтического, Лесного, Медицинского, Ветеринарного институтов, Институтов труда, живых восточных языков, народного хозяйства, усовершенствования врачей, медицинских знаний, политпросветработы, Академии художеств, Артиллерийской академии РККА, Государственной консерватории, ЛОКУНМЗа.

[91] Наибольший перечень дел о фракционной работе содержится в фонде Ленинградской губернской контрольной комиссии (Ф. 563).

[92] Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/385751 (дата обращения: 8.05.2022).

[93] РГАСПИ. Ф. 275 (меньшевики), Ф. 274 (эсеры).

[94] Русские социалисты и анархисты после Октября 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: https://socialist.memo.ru/ (дата обращения: 01.05.2022).

[95] В графе «1923—1924 гг.» учтены оппозиционеры времен дискуссии вокруг «Нового курса» и «Уроков Октября», в графе «1925—1926 гг.» участники новой оппозиции, в «1926—1927 гг.» — те, что продолжили работать в составе блока, графа «1928—1932 гг.» учитывает участников подполья.

[96] В ряде случае контрольно-партийные органы устанавливали, что связи обвиняемого с оппозицией носили случайный характер, а потому взы-

скание снималось сразу или заменялось на символическое товарищеское внушение. Такие персонажи в приложении не учитываются.

[97] Горный институт (ЦГАИПД СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 112), ЛГУ (Там же. Ф. 984. Оп. 1. Д. 295), ЭТИ (Там же. Ф. 119. Оп. 1. Д. 75), Лесной институт (Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 240), Институт политпросветработы (Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 433), Политехнический институт (Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 918), Коммунистический университет (Там же. Ф. 197. Оп. 1. Д. 723, 1141) и др.

[98] *Купайгородская А. В*. Высшая школа Ленинграда... С. 45—47.

[99] *Андреев Д. А*. «Красное студенчество» в начале 1920-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 26.

[100] См., например: *Кривоноженко А. Ф*. Петроградский университет в 1917—1922 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. Гл. 2, § 2.

[101] В момент образования они носили другие названия.

[102] *Купайгородская А. В*. Высшая школа Ленинграда... С. 151.

[103] Там же. С. 117.

Глава 1

[1] См. подробнее: *Баринов Д. А*. Студенческие организации Петроградского университета: крах и перерождение в революционную эпоху // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2022. № 15. P. 1—13.

[2] Устав Петроградского центрального общестуденческого комитета, принятый 1-й Петроградской конференцией представителей студенчества (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 91. Л. 41).

[3] Там же. Л. 41 об.

[4] Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 91. Л. 3, 79.

[5] Декларация 1-й Петроградской представит. студ. по вопросу о культурно-просв. деятельности (ЦГАИПД СПб. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 293. Л. 6—6 об.).

[6] Резолюция 1-го Петроградского съезда представителей студенчества по вопросу о социальном обеспечении (Там же. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 293. Л. 9).

[7] *Кривоноженко А. Ф*. Петроградский университет в 1917—1922 гг. Гл. 2, § 4.

[8] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 91. Л. 28.

[9] Там же. Л. 56.

[10] *Красникова А. В*. Первые коллективы РКП(б) Петроградского государственного университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1976. Т. 3. С. 19.

[11] Партийная жизнь // Петроградская правда. 1918. 8 октября. С. 3.

[12] *Чернова Е. Б*. «Я пишу то, что помню...». С. 106.

[13] *Солдатенков С. В*. Рабочий факультет — университет — наука // На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л., 1971. С. 46—47.

[14] Резолюция, предложенная революционно-социалистической группой собрания (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 91).

[15] Жаба Сергей Павлович, кличка «Мирный». 1914. Дневники наружного наблюдения (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1262). Дело содержит только материалы слежки и перечень фамилий, с которыми встречался Жаба.

[16] Личность С. П. Жабы часто упоминается в различных исследованиях, однако основные вехи его биографии остаются неизвестными. Приведем краткую биографическую справку: Сергей Павлович Жаба родился в 1894 г. в Минске. Вскоре семья переехала в Москву, где его отец занял должность почетного старшины московского Мариинского приюта. В июле 1913 г. он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В сентябре 1915 г. был мобилизован в армию, однако подал прошение об отсрочке, которое было удовлетворено. В 1915 г. Жаба вступил в ряды эсеров, имел кличку «Мирный». В декабре 1918 г. восстановился на историко-филологическом факультете. В 1921 г., находясь в заключении, подал на оптацию литовского гражданства. С тех пор находился в эмиграции. В 1927 г. принимал участие в заграничном конгрессе эсеров. Впоследствии отошел от социалистических взглядов, стал близким другом поэтессы и публициста — монахини Марии (Скобцовой), был членом созданного ею общества «Православное дело», работал совместно с Н. И. Бердяевым. Умер во Франции в 1982 г.

[17] *Чернова Е. Б.* «Я пишу то, что помню...». С. 106.

[18] Эта стенограмма позволяет выявить многие неточности в воспоминаниях С. П. Жабы и Е. Б. Черновой.

[19] Заседание Общестуденческой городской конференции. 4 мая 1919 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 293. Л. 20—25).

[20] ЦГАИПД СПб. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 293. Л. 46—48.

[21] Там же. Л. 68.

[22] Там же. Л. 82.

[23] Там же. Л. 79.

[24] Резолюция, предложенная революционно-социалистической группой собрания (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 91. Л. 84).

[25] О роспуске студенческих старостатов всех вузов // Собрание узаконений. 1919. № 35. С. 404—405.

[26] Заседание Общестуденческой городской конференции. 4 мая 1919 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 293. Л. 88).

[27] *Жаба С. П.* Петроградское студенчество... С. 13.

[28] *Жаба С.* Universitas Litterarum // Русская мысль. 1969. 6 марта. № 2728. Приложение II. С. 7.

[29] Протокол допроса С. П. Жабы [1920 г.] (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-87766. Л. 27).

[30] *Жаба С. П.* Петроградское студенчество... С. 21—22.

[31] Там же. С. 24—25.

[32] См. подробнее: *Ростовцев Е. А*. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX—XX вв. // Клио. 2011. № 4. С. 89—99.

[33] Общестуденческая конференция // Петроградская правда. 1920. 15 июня. С. 2.

[34] *Яр-вич*. На студенческой конференции // Красная газета. 1920. 15 июня. С. 3.

[35] Общестуденческая конференция.

[36] *Яр-вич*. На студенческой конференции.

[37] Заключительная речь т. Г. Зиновьева на Студенческой общегородской конференции в Петрограде // *Зиновьев Г. Е*. Студенчество и пролетарская революция. Пг., 1921. С. 30.

[38] Там же. С. 30—31

[39] Там же. С. 40.

[40] Культурная жизнь в СССР. 1917—1927. Л., 1975. С. 199.

[41] *Яр-вич*. На студенческой конференции... С. 3.

[42] *Жаба С. П*. Петроградское студенчество. С. 34.

[43] Как переломный момент эту конференцию вспоминали и 6 лет спустя: М. Бр. Октябрь в институте // Ленинградский технолог. 1926. 6 ноября.

[44] Протокол № 7 общего собрания коммунистов 1-го Петроградского университета совместно с сочувствующими беспартийными, состоявшегося 18 ноября 1920 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 21б. Л. 16, 19).

[45] ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 21б. Л. 5.

[46] См. также: *Сафразьян Н. Л*. Борьба КПСС за строительство высшей школы (1921—1927 гг.). М., 1977. С. 96.

[47] *Рыбаков В. В*. Некоммунистические политические и общественные объединения молодежи в 1917—первой половине 1920-х гг. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2013. Вып. 1. Ч. I. С. 65—66.

[48] *Тиль Т. И*. Социал-демократическое движение молодежи 1920-х гг. С. 177.

[49] *Двинов Б. Л*. От легальности к подполью... С. 10.

[50] *Wolin S*. The mensheviks under the NEP and in emigration // The Mensheviks from the Revolution of 1917 to the Second World War. Chicago, 1974. P. 264.

[51] Ibid. P. 260.

[52] *Лейкин А*. Против ложных друзей молодежи. 1917—1924. М., 1980. С. 162.

[53] Там же. С. 159.

[54] Анархисты и представители эсеров выступили одними из организаторов восстания. Позиция меньшевиков не была единой и колебалась от поддержки до призывов к переговорам. См. подробнее: *Wolin S*. The

mensheviks under the NEP and in emigration. P. 244—245; От легальности к подполью... С. 17.

[55] *Лейкин А.* Против ложных друзей молодежи. С. 160.

[56] *Тютюкин С. В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 517.

[57] Там же. С. 520.

[58] При этом ни в отношении бюро, ни в отношении главенствующей роли «Социалистического вестника» единого мнения у социал-демократов не было. См.: *Двинов Б. Л.* От легальности к подполью... С. 100.

[59] Циркулярное письмо ГПУ об отношении к меньшевикам [1923 г.] // Меньшевики в Советской России. Казань, 1998. С. 108—109.

[60] Там же. С. 102.

[61] *Тютюкин С. В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 520.

[62] Там же. С. 516.

[63] *Мартов Л.* Наша платформа // Социалистический вестник. 1922. № 19. С. 3—8.

[64] Меньшевики: от революций 1917 года до Второй мировой войны. С. 428—429.

[65] Подробнее о ее работе см.: Докладная записка о деятельности московского бюро социал-демократического союза рабочей молодежи // Меньшевики в Советской России. С. 93.

[66] Циркулярное письмо ГПУ об отношении к меньшевикам [1922 г.] // Меньшевики в Советской России. С. 98.

[67] *Wolin S.* The mensheviks under the NEP and in emigration. P. 307.

[68] Меньшевистские листовки и периодику см.: РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 66, 79, 228.

[69] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-86744. Т. 3. Л. 166.

[70] Там же.

[71] [Сводка ОГПУ о работе меньшевиков, 1925 г.] (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 150. Л. 27).

[72] *Тиль Т. И.* Социал-демократическое движение молодежи 1920-х гг. С. 211.

[73] См.: Меньшевики: от революций 1917 до Второй мировой войны. С. 412.

[74] Информация из справок, составленных Архивом УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и ЛО и материалов следственных дел анархиста С. Г. Боброва (П-87968, 44339), эсера О. Э. Визеля (П-49854, 20618), меньшевика М. Н. Кочкина (П-86744) и С. М. Малятского (П-87968).

[75] Визель О. Э. // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период. [Электронный ресурс]. URL: https://memory.pvost.org/pages/vizel.html (дата обращения 10.03.2022).

[76] Заключение по следственному делу № 149, 1923 г. (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-87968. Л. 428—428 об.).

[77] Там же. Л. 429.

[78] См.: Собрание коллектива [Медицинского института] 12 ноября 1920 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1а. Л. 22).

[79] Заключение по следственному делу № 149, 1923 г. Там же. Л. 429.

[80] Протокол допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО 13 апреля 1923 г. (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-87968. Л. 395).

[81] Показания по существу дела [1923 г.] (Там же. Д. П-88171. Л. 7—7 об.).

[82] Заключение по следственному делу № 149, 1923 г. (Там же. Л. 430 об.).

[83] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5919. Л. 2.

[84] Анкета коллектива университета. 27 ноября 1920 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 4. Д. 3795. Л. 23).

[85] Доклад о работе бюро коллектива РКП при Институте инженеров путей сообщения за май месяц 1922 г. (Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 490. Л. 6 об.).

[86] Информационная сводка Центрального городского района за август месяц [1922 г.] (Там же. Ф. 16. Оп. 4. Д. 4549. Л. 4); Доклад о работе бюро коллектива РКП при Институте инженеров путей сообщения за май месяц 1922 г. (Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 490. Л. 6 об.).

[87] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-87968. Л. 427 и след.

[88] Протокол Заседания Бюро коллектива РКП при Петроградском госуниверситете от 31 октября [1922 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 25. Л. 50 об.).

[89] *Жаба С. П.* Петроградское студенчество... С. 51.

[90] В 1918—1924 гг. Политехнический институт стал Первым политехническим институтом, а бывший Женский политехнический институт — Вторым. В 1924 г. они слились в единый Политехнический институт.

[91] Заключительное постановление (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-88168. Л. 103).

[92] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-44339. Л. 9.

[93] Там же. Д. П-88168. Л. 12.

[94] Там же. Л. 17—18.

[95] Доклад о состоянии вузов г. Петрограда за время с 1 ноября по 31 декабря 1923 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5919. Л. 14—15).

[96] См. подробнее: *Баринов Д. А.* Студенческие землячества императорского и советского университета // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 70—81.

[97] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6912. Л. 48, 152.

[98] *Леонтьев Я. В.* Левоэсеровское движение... С. 593.

[99] Обращение Петроградского комитета РСДРП в связи с голодом в Поволжье // Меньшевики в Советской России. С. 84—86.

[100] Первое мая. Ко всем рабочим (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1245. Л. 147).

[101] *Wolin S.* The mensheviks under the NEP and in emigration. P. 301.

[102] Информационная сводка за сентябрь месяц [1922 г.] райкома центрального городского р-на (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 4. Д. 4549. Л. 10).

[103] Из личного письма Г. Д. Кучина заграничной делегации. [Из Ленинграда в Берлин, 5—6 августа 1924 г.] // Меньшевики в 1922—1924 гг. М., 2004. С. 608; *Тиль Т. И.* Социал-демократическое движение молодежи 1920-х гг. С. 210.

[104] ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 39. Л. 45 об., 47.

[105] К студенчеству Петрограда, к рабочим, ко всем трудящимся. Студенческое бюро при ЦК РСДРП. Май 1924 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 54. Л. 76).

[106] Так, например, рабочие, привлеченные на свою сторону меньшевиками, заранее предупреждали руководство о том, что в случае задержки зарплаты будет объявлена забастовка. Помимо этого расклеивались листовки, устраивались собрания сторонников (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 33. Д. 297. Л. 11, 34, 39 и др.).

[107] Ко всем рабочим и работницам Петрограда [февраль 1924 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1245. Л. 146).

[108] *Соколов М. В.* Провал ЦБ эсеров в Ленинграде. С. 131.

[109] Заключительное постановление (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-66805. Л. 195).

[110] Там же. Л. 196.

[111] Из личного письма Г. Д. Кучина заграничной делегации. С. 605—606.

[112] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-86744. Т. 3. Л. 167.

[113] Там же. Л. 168.

[114] Там же. Л. 168—169.

[115] The mensheviks under the NEP and in emigration. P. 294.

[116] *Павлов Д. Б.* Предисловие // Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика. 1906—1924 гг. М., 2002. С. 9.

[117] *Аврус А. И.*, *Голосеева А. А.*, *Новиков А. П.* Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М., 2015. С. 290.

[118] *Соколов М. В.* Провал ЦБ эсеров в Ленинграде. С. 130—131.

[119] Там же. С. 132.

[120] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 172. Л. 63.

[121] Там же. Л. 8.

[122] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-82542 (первый лист, без пагинации).

[123] *Олицкая Е. Л.* Мои воспоминания. С. 170—172.

[124] *Соколов М. В.* Провал ЦБ эсеров в Ленинграде. С. 131.

[125] Показания по существу дела [1922 г.] (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-57382. Л. 136).

[126] *Леонтьев Я. В.* Левоэсеровское движение... С. 580—581.

[127] Там же. С. 583.

[128] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-82335. Л. 366 и след.

[129] Там же. Л. 367.

[130] *Леонтьев Я. В.* Левоэсеровское движение... С. 585.

[131] Листовка «К молодежи!» «Областного секретариата левонародников» г. Орла // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 93—104.

[132] См. подробнее: *Никитин А. Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 2000. С. 37—84.

[133] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 172. Л. 24.

[134] *Рублев Д. И.* Предисловие // Анархистское движение России и русского зарубежья. Документы и материалы 1922—1941 гг. М., 2021. С. 653 [примечание].

[135] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5905. Л. 9.

[136] Следственное заключение по делу (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-81001. Т. 2. Л. 511).

[137] *Рублев Д. И.* Предисловие. С. 665 [Примечание].

[138] Письмо анархистски М. П. Поздняковой В. М. Волину и С. И. Флешину о налаживании связей с анархистской эмиграцией // Анархистское движение России и русского зарубежья. Документы и материалы 1922—1941 гг. М., 2021. С. 172—173.

[139] *Рублев Д. И.* Предисловие. С. 665 [примечание].

[140] Следственное заключение по делу (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-81001. Т. 2. Л. 511—512).

[141] *Рублев Д. И.* Предисловие. С. 23—24.

[142] № 8. Товарищи [листовка анархистов-коммунистов, май 1924 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1245. Л. 148).

[143] Следственное заключение по делу (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-81001. Т. 2. Л. 513).

[144] Докладная записка заместителя председателя ОГПУ Т. В. Дерибаса секретарю ЦК РКП(б) В. М. Молотову и секретарю МК РКП(б) Н. А. Угланову. 15 февраля 1924 г. // Меньшевики в 1922—1924 гг. М., 2004. С. 168—169.

[145] *Леонтьев Я. В.* Встреча поколений. (Мои воспоминания об анархистах 1920-х—1980-х гг.) // Прямухинские чтения 2016 года. М., 2017. С. 136.

[146] Показания Гарасевой Т. М. 15.2.26 г. // Гарасева А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране... Воспоминания анархистки. М., 1997. С. 313.

[147] Письмо анархистски М. П. Поздняковой... С. 172. Ефим, по предположению составителей комментариев, — моряк Е. И. Герасимов, служивший в Кронштадте (Там же. С. 655 [Примечание]).

[148] Заключение по делу № 35890. [1926 г.] (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-87980. Л. 62).

[149] *Гарасева А. М.* Я жила в самой бесчеловечной стране... С. 87.

[150] Также Баронина.

[151] Показания Е. А. Борониной (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-86825. Т. 2. Л. 44).

[152] Заключение (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-86825. Т. 2. Л. 259).

[153] *Разумов А*. Памяти юности Лидии Чуковской.

[154] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-86825. Т. 2. Л. 260.

[155] *Разумов А*. Памяти юности Лидии Чуковской.

[156] *Рублев Д. И*. Российский анархизм в XX веке. С. 447.

[157] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-86825. Т. 2. Л. 279.

[158] *Гаген-Торн Н. И*. Memoria. С. 53.

[159] *Тиль Т. И*. Социал-демократическое движение молодежи 1920-х гг. С. 177.

[160] Состав студенчества и настроение [июнь 1923 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 2. Л. 18).

[161] *Кривоноженко А. Ф*. Петроградский университет в 1917—1922 гг. С. 229—230.

[162] См., например: Протокол общего собрания коллектива РКП(б) Петроградского государственного университета [март 1923 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 2. Л. 11); Протокол общего собрания коллектива РКП(б) Петроградского государственного университета от 19 апреля 1923 г. (Там же. Л. 14).

[163] Копия годичного обзора по вузам и школам за 1924 г. (Там же. Л. 4).

[164] Разумеется, репрессии были не единственным мотивом чистки. Так, Д. А. Андреев отмечает ее экономические причины: *Андреев Д. А*. «Красное студенчество» в начале 1920-х гг. С. 93.

[165] *Бианки В. В*. Автобиография. 1952 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3-1. Д. 18. Л. 10 об.—11).

[166] *Леонтьев Я. В*. «Все организации осведомлением обеспечены»: документы российских архивов о партии левых эсеров в середине 1920-х гг. // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 93—104.

[167] *Разумов А*. Памяти юности Лидии Чуковской.

[168] *Боронина Е. А*. Автобиография. 1939 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 59. Оп. 2. Д. 588. Л. 7).

[169] *Дьяков Ю. Л. и др*. Протестное движение в СССР (1922—1931 гг.). С. 57, 61.

[170] Там же. С. 58.

[171] Информация из справки, составленной Архивом УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и ЛО по материалам следственных дел П-51382, 33569, 88171.

[172] *Wolin S*. The mensheviks under the NEP and in emigration. P. 304.

Глава 2

[1] Подробнее этот сюжет был рассмотрен совместно с В. А. Лебедевым в статье: *Баринов Д. А.*, *Лебедев В. А*. Молодежь и проблема революционных поколений в партийной дискуссии 1923 г. // Клио. 2022. № 8 (188). С. 92—101.

[2] *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И*. Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 54.

[3] *Троцкий Л. Д*. Революция и задачи воспитания // Культура переходного периода. М.; Л., 1927. С. 289—355.

[4] Там же. С. 167—168.

[5] «Под молодыми я имею в виду, разумеется, не учащуюся только молодежь, но все вообще пооктябрьское поколение партии, начиная, прежде всего, с заводских и фабричных ячеек» (*Троцкий Л. Д*. Новый курс // Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 171).

[6] Там же. С. 168.

[7] Там же. С. 168, 171.

[8] Долой фракционность! (Ответ редакции ЦО тов. Троцкому) // Правда. 1924. № 1. С. 5.

[9] К вопросу о двух поколениях // Правда. 1924. 16 января. № 1. С. 5.

[10] Там же. С. 4.

[11] *Безыменский А*. Молодой // Там же. С. 1.

[12] Еще раз о двух поколениях // Там же. С. 4.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] *Сталин И. В*. О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого // За партию, за ленинизм. Пг., 1924. С. 168.

[16] Резолюция пленума ЦК РКСМ о внутрипартийной дискуссии 17 января 1924 г. // Троцкизм и молодежь: Сб. материалов. Л., 1924. С. 27—28.

[17] *Сафаров Г. И*. О ленинском воспитании молодежи. Л., 1924. С. 31.

[18] *Троцкий Л. Д*. Новый курс. С. 176.

[19] *Резник А. В*. Троцкий и товарищи. С. 143—144.

[20] *Троцкий Л. Д*. Новый курс. С. 174—175.

[21] *Зиновьев Г*. О фракционности тов. Троцкого. (Доклад тов. Зиновьева на общегородском собрании бюро коллективов петроградской организации 15 декабря 1923 г.) // За партию. За ленинизм. Сб. 1. Пг., 1924. С. 136.

[22] На какую молодежь берет ставку тов. Троцкий // Троцкизм и молодежь. С. 5.

[23] *Канатчиков С*. История одного уклона. Пг., 1924. С. 4.

[24] *Чаплин Н*. Под Ленинским руководством. Речь по поручению ЦК РКСМ на 13-м съезде РКП 26 мая 1924 года // Троцкизм и молодежь. Л., 1924. С 36; *Ханин Д. М*. Комсомол и оппозиция. М.; Л., 1928. С. 86.

[25] *Ханин Д. М.* Оппозиция и комсомол. Харьков, 1927. С. 30.

[26] *Троцкий Л. Д.* Новый курс. С. 188—189.

[27] *Тарханов О.* На страже партийного единства. Речь по поручению ЦК РКСМ на 13-й Всесоюзной конференции РКП 18 января 1924 г. // Троцкизм и молодежь. С. 29.

[28] *Ханин Д. М.* Комсомол и оппозиция. С. 15—17.

[29] Троцкизм и молодежь: Сб. материалов. Л., 1924. С. 5.

[30] *Зиновьев Г.* О фракционности тов. Троцкого. (Доклад тов. Зиновьева на общегородском собрании бюро коллективов петроградской организации 15 декабря 1923 г.) // За партию. За ленинизм. Сб. 1. С. 128.

[31] Там же.

[32] Доклад т. Бухарина — О работе среди молодежи // XIII съезд РКП(б) о молодежи. Самара, 1924. С. 18.

[33] Там же. С. 16.

[34] *Бухарин Н. И.* Старики и молодежь в нашей партии // За партию. За ленинизм. Сб. 1. С. 148.

[35] *Залуцкий П. А.* О современном троцкизме. Л., 1925. С. 46.

[36] *Троцкий Л. Д.* Новый курс. С. 201.

[37] *Дмитренко С. Л.* Сплоченными рядами. С. 19.

[38] С. Саравайский — Е. Ярославскому. 18 июля 1924 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 215).

[39] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9402. Л. 39—40.

[40] Там же. Л. 65.

[41] Там же. Оп. 5. Д. 5378. Л. 78.

[42] Протокол общего собрания коммунистов вузов Московско-Нарвского района. 20 декабря 1923 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1060 Оп. 1. Д. 156. Л. 32).

[43] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9402. Л. 52.

[44] Сост. по: Сводка итогов дискуссии по Ленинградской губернской организации РКП (Там же. Д. 9672. Л. 1—2).

[45] Сводка хода дискуссии о внутрипартийной демократии к 10 февраля 1924 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 284. Л. 147).

[46] Протокол общего собрания коммунистов вузов Московско-Нарвского района. 20 декабря 1923 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 156. Л. 33).

[47] Список выступавших против линии ЦК. 1923—1924. (Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175).

[48] См., например: *Халфин И.* В поисках оппозиции: чистка 1924 г. ... С. 404.

[49] Протокол закрытого собрания членов коллектива Военно-морской академии от 20 декабря [1923 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 66 об.).

[50] Протокол заседания пленума Ленинградской ГКК от 7 мая 1924 г. (Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 157. Л. 127).

[51] *Резник А. В.* Троцкий и товарищи. С. 190, 333.

[52] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 34. Л. 44.

[53] Организатору ВО райкома РКСМ. 3 марта 1924 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5379. Л. 4).

[54] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5379. Л. 4—4 об.

[55] Сведения об оппозиционерах по Центральному городскому району (ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4474. Л. 9 об.).

[56] Сводка итогов дискуссии по Ленинградской губернской организации РКП (Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9672. Л. 1).

[57] Стенограмма опроса тов. Карпова. 16 ноября 1927 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-57. Д. 453380. Л. 42).

[58] Там же.

[59] Выписка из протокола общего собрания коллектива Коммунистического университета им. Зиновьева от 19 декабря 1923 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 42. Д. 45. Л. 26—27).

[60] Материалы о политической линии членов ВКП(б) в дискуссии 1923 г. о внутрипартийной демократии (Там же. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1141. Л. 1—19).

[61] *Залуцкий П. А.* Среди зиновьевцев (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 42. Д. 45. Л. 31—32). См. также: Петроградская правда. 1923. 21 декабря.

[62] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 42. Д. 45. Л. 32.

[63] См., например, об И. Вардине: К итогам дискуссии в нашем университете // Зиновьевец. 1924. № 5—6. С. 9.

[64] О студентах, дискуссии и демократии // Там же. С. 10—11.

[65] О тенденциозной оппозиции и ее превращении в «рабочих и крестьян» // Там же. С. 12—15.

[66] ЦГАИПД СПб. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 294. Л. 36 об.

[67] Там же. Л. 54.

[68] Там же. Л. 64.

[69] О студентах, дискуссии и демократии // Зиновьевец. 1924. № 5—6. С. 11.

[70] С. Саравайский — Е. Ярославскому. 18 июля 1924 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 215).

[71] Сводка хода дискуссии о внутрипартийной демократии к 10 февраля 1924 г. (Там же. Оп. 11. Д. 284. Л. 144).

[72] ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 108. Л. 36.

[73] Там же. Оп. 3. Д. 34. Л. 62.

[74] Организатор коллектива ВКП(б) Лесного института в агитотдел Выборгского райкома ВКП(б) (ЦГАИПД СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 296. Л. 34—35).

[75] *Дмитренко С. Л.* Сплоченными рядами. С. 18.

[76] Там же. С. 33.

[77] Там же. Сплоченными рядами. С. 23.

[78] ЦГАИПД СПб. Ф. 601К. Оп. 1. Д. 509. Л. 24.

[79] Сводка хода дискуссии о внутрипартийной демократии к 10 февраля 1924 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 284. Л. 142—143).

[80] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-5. Д. 5378. Л. 58.

[81] Там же. Л. 57. См. также данные по районам (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6998. Л. 7—9).

[82] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5907. Л. 85.

[83] *Иванов В. М.* Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Л., 1965. С. 31.

[84] С. Минин — И. Сталину. 12 августа 1924 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 222—222 об.).

[85] *Дмитренко С. Л.* Сплоченными рядами. С. 44.

[86] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5907. Л. 159—161.

[87] [Донесение А. В. Бокова. Материалы об ЭТИ] (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5378. Л. 169 об.).

[88] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5378. Л. 169 об.

[89] Инфорсводка о политическом состоянии Ленинградской губернии за период с 22 января по 7 февраля 1925 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-6. Д. 6913. Л. 108).

[90] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1—6. Д. 6913. Л. 109.

[91] Левые коммунисты в России. 1918—1930-е гг. М., 2008.

[92] Группа «Рабочая правда». Обращение (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1245. Л. 144).

[93] *Будницкий И. И.* Очерки из деятельности коллектива «Рабочая правда» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 182. Л. 16—17).

[94] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 182. Л. 18—19.

[95] См., например: Ф. А. Булкин-Семенов — в ЦК ВКП(б). 12 ноября 1923 (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 178. Л. 105 и след.).

[96] Протокол заседания Ленинградской Губ. КК РКП от 8 февраля 1924 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 137. Л. 35).

[97] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-27. Д. 209883. Л. 7.

[98] Протокол допроса тов. Аграновым Семенова-Булкина от 8 ноября 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 180. Л. 132).

[99] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 11. Л. 38.

[100] Информационное сообщение председателя ГПУ Ф. Э. Дзержинского в ЦК РКП(б) «О рабочем стачечном движении и деятельности оппозиционных политических групп по данным на 1 сентября 1923 года». 2 сентября 1923 г. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/64711 (дата обращения: 10.03.2022).

[101] *Колосов В. А.* Ликвидаторство и нигилизм по отношению к философии в 1920-е годы в СССР и их преодоление // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 6. С. 61—67; *Малинов А. В.*, *Троицкий С. А.* Русская

философия под запретом. (К 90-летию «Философского парохода») // Новое литературное обозрение. 2013. № 1 (119). С. 53—66.

[102] *Енчмен Э. С.* Несколько слов. [1923] (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 22. Л. 21—22).

[103] *Енчмен Э. С.* Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии». Ростов-на-Дону, 1920.

[104] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 2. Л. 21.

[105] О популярности Енчмена в среде петроградского студенчества вспоминал В. Серж (*Серж В.* От революции к тоталитаризму... С. 250).

[106] *Енчмен Э. С.* Теория новой биологии и марксизм. Пб., 1923. С. 79—80.

[107] *Преображенский Е. А.* Ближайшие задачи Социалистической академии // Вестник Социалистической академии 1922. № 1. С. 5—6.

[108] Так ли мы понимаем (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 2. Л. 8—9).

[109] Там же. Л. 13—14.

[110] Там же. Л. 16.

[111] *Бухарин Н. И.* Енчмениада. (К вопросу об идеологическом вырождении.) Пг., 1923.

[112] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 2. Л. 27.

[113] О его дальнейшей биографии на материалах Архива РАН см.: *Windholz G.* Emmanuil S. Enchmen — a Soviet behaviorist and the commonality of ‘Zeitgeist’ // The Psychological Record. 1995. September, 22. [Электронный ресурс]. URL: https://www.thefreelibrary.com/Emmanuil+S.+Enchmen+-+a+Soviet+behaviorist+and+the+commonality+of...-a017757162 (дата обращения: 10.03.2022).

[114] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-8. Д. 62012. Ч. 1. Л. 4, 16.

[115] Текст, судя по стилю и формулировкам, был написан молодыми членами партии. Политбюро первоначально определило документ как децистский, однако Т. В. Сапронов эти обвинения опроверг, назвав текст провокацией (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 34. Л. 4, 41).

[116] *Зиновьев Г. Е.* Заслуженный приговор. С. 194.

[117] *Роговин В. З.* Была ли альтернатива? С. 218.

[118] Ф. Леонов — Н. Угланову. 3 октября 1925 г. (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 83. Л. 119—120).

[119] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 85. Л. 9—10. Вероятно, этот текст распространялся в виде листовки, так как начинался словами: «Возьми с собой. Прочитай на досуге. Надо начать это обдумывать».

[120] Вероятно, под этими инициалами скрывался известный бухаринец А. И. Стецкий.

[121] *Цвибак М.* Куда привело ликвидаторство товарища А. С. // Ленинградская правда. 1925. 15 декабря. С. 4.

[122] *Цвибак М.* Довольно полемической фразеологии! // Ленинградская правда. 1925. 19 декабря. С. 3.

[123] *Анишев Ан.* Об основном звене // Ленинградская правда. 1925. 19 декабря. С. 3.

[124] *Татаров И.* Наша действительность и наши перспективы // Ленинградская правда. 1925. 16 декабря. С. 3.

[125] *Сеф.* Тов. Астров «по-ленински» решает вопрос о госкапитализме // Ленинградская правда. 1925. 18 декабря. С. 3.

[126] *Минин С.* Второй выпуск // Зиновьевец. 1925. № 6. С. 2.

[127] См. подробнее: *Баринов Д. А.* Историки и оппозиция в Ленинграде (1920—1930-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 3. С. 25—37.

[128] *Горбачев Г.* 1917—1925 гг.: Сб. материалов для агитаторов. Л., 1925. С. 75.

[129] *Горбачев Г. Е.* Два года литературной революции. Л., 1926. С. 159.

[130] Там же. С. 160, 194.

[131] *Анишев А. И.* Очерки истории Гражданской войны. 1917—1920 гг. Л., 1925. С. 4.

[132] История РКП(б) в документах / Сост. Ш. М. Левин, И. Л. Татаров. Л., 1926. Т. 1. С. 557—566.

[133] Декларация, принятая XXII Ленинградской губернской партийной конференцией // Ленинградская правда. 1925. 16 декабря. С. 1.

[134] Протокол общего собрания к-ва ВКП(б) Университета им. Зиновьева и Института им. Крупской от 16 декабря 1925 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 204. Л. 25).

[135] *Halfin I.* Intimate enemies... P. 198.

[136] Решение Пленума ЦК от 1 января 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 97. Л. 119).

[137] Там же. Л. 120.

[138] *Чуев Ф. И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 304.

[139] Дискуссия 1925 года. Материалы и документы. М.; Л., 1929. С. 323.

[140] *Полетика Н. П.* Виденное и пережитое. С. 300.

[141] *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2002.

[142] Протокол собрания коллектива РКП(б) коммунистов Университета им. тов. Зиновьева от 31 декабря 1925 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 204. Л. 29).

[143] См. подробнее: *Никуленкова Е. В.* Подготовка экономистов-марксистов в Институте красной профессуры в 1920-е годы // Вестник Рязанского государственного университета. 2018. Вып. 4. С. 47—55.

[144] Некоторое время его имя носил один из районов города, более того, существовали планы по переименованию Царицына в Мининград.

[145] См.: *Будченко Л. И.* Организатор и вожак первых царицынских большевиков // Частные миры Великой русской революции: Сб. науч. трудов (на русском и татарском языках). Казань, 2017. С. 277—283.

[146] *Halfin I.* Intimate enemies... P. 193.

[147] *Григоров Г. И.* Повороты судьбы и произвол. Т. 1. С. 399.

[148] *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство...

[149] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 34. Л. 339.

[150] Там же. Л. 354—356.

[151] *Halfin I.* Intimate enemies... P. 199.

[152] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 34. Л. 331.

[153] Там же. Л. 344—345.

[154] Протокол заседания бюро коллектива Университета им. тов. Зиновьева от 30 декабря 1925 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 205. Л. 80).

[155] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 42. Д. 45. Л. 20.

[156] Протокол собрания коллектива РКП(б) коммунистов Университета им. тов. Зиновьева от 31 декабря 1925 г. (ЦГАИПД. Ф. 197. Оп. 1. Д. 204. Л. 32).

[157] Протокол № 2 расширенного заседания бюро коллектива совместно с президиумом кружков при Университете им. тов. Зиновьева от 9 января 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 208. Л. 3).

[158] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 42. Д. 45. Л. 21.

[159] Протокол № 2 объединенного собрания КУЗа и Института им. Крупской от 12 января 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 207. Л. 3 об.—4).

[160] *Halfin I.* Intimate enemies. P. 213.

[161] *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде. С. 81—82.

[162] Протокол собрания коллективов ВКП(б) Технического, Гражданского, Ветеринарного институтов, Политехникума путей сообщения и Латышского педагогического техникума (ЦГАИПД СПб. Ф. 1428. Оп. 1. Д. 32. Л. 1).

[163] Протокол № 1 общего собрания членов и кандидатов ВКП(б) Политехнического, Лесного и Физико-технического институтов [январь 1926 г.] (Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 64а. Л. 1).

[164] Протокол заседания бюро коллектива ВКП(б) Ленинградского медицинского института от 11 января 1926 г. (Там же. Ф. 257. Оп. 1. Д. 51. Л. 2—2 об.).

[165] Протокол № 11 заседания бюро коллектива Ленинградского горного института от 4 января 1926 г. (Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 33. Л. 1 об.).

[166] Протокол № 1 закрытого общего собрания членов и кандидатов ВКП(б) коллектива Ленинградского горного института от 4 января 1926 г. (Там же. Д. 62. Л. 1—1 об.).

[167] Автобиография (Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 408438. Ч. 2. Л. 23 об.).

[168] В партком ЛГИ (Там же. Оп. 1-32. Д. 248718. Ч. 1. Л. 17).

[169] Протокол № 8 общего собрания коллектива ВКП(б) ЛИНХ от 5 января 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 7354. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 об.).

[170] Протокол № 10 заседания бюро коллектива ВКП(б) ЛИНХ совместно с активными работниками 5 января 1926 г. (Там же. Д. 46. Л. 8).

[171] Протокол № 13 заседания бюро коллектива РКП(б) Электротехнического института совместно с активом [январь 1926 г.] (Там же. Д. 39. Л. 91—92).

[172] См.: *Важюлевич А. В.* Вокруг Маяковского. «Инженерица» Муся Натансон и другие // Литературный факт. 2017. № 5. С. 125—154; Протокол № 13 заседания Бюро коллектива РКП(б) Электротехнического института совместно с активом [январь 1926 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 39. Л. 94).

[173] Ленинградская правда. 1925. 18 декабря. С. 2.

[174] Протоколы заседание бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. 4 января 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 2—2 об.).

[175] Там же. Ф. 1158. Оп. 1-3. Д. 36. Л. 114—115.

[176] *Молотов В.* Отчетная компания в Ленинграде о работах XIV партийного съезда // Новая оппозиция. Л., 1926. С. 273.

[177] *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство...

[178] *Григоров Г. И.* Повороты судьбы и произвол. Т. 1. С. 412.

[179] Н. М. Маторин — Г. Е. Зиновьеву. 2/3 июля 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 94—111); [Письмо Маторина об экономическом положении Пскова] (Там же. Л. 112—116).

[180] Протокол заседания бюро коллектива ВКП(б) Ленинградского медицинского института от 11 января 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 51. Л. 2).

[181] *Тишкин С.* Итоги дискуссии и практические выводы // Зиновьевец. 1926. № 1. С. 3.

[182] См., например: Протокол № 3 общего партийного собрания коллектива ВКП(б) Лесного института от 4 февраля [1926 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 12. Л. 3 и след.); Протокол № 15 общего партийного собрания коллектива ВКП(б) Лесного института от 15 июля 1926 г. (Там же. Л. 35 и след.); Протокол № 16 общего объединенного собрания членов коллектива ВКП(б) Лесного института от 16 сентября 1926 г. (Там же. Л. 39 и след.).

[183] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 42. Д. 45. Л. 42.

[184] Эта цифра весьма спорная и явно преувеличенная.

[185] Г. И. Сафаров — в Политбюро ЦК ВКП(б). 8 июня 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 8. Л. 14).

[186] Г. Евдокимов — Пленуму ЦК ВКП(б). 31 марта 1926 г. (Там же. Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 34—35, 39).

[187] Например, Н. Г. Массиу, открепленный от коллектива Института народного хозяйства за сочувствие оппозиции, сумел построить успешную карьеру и в начале 1940-х гг. занимал должность секретаря парторганизации Райкоммунотдела Кировского района Ленинграда.

[188] См. разбирательства по делу 1933 г. в личных делах: ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-60. Д. 474909. Л. 3; Ф. 4505. Оп. 39. Д. 341. Л. 1; Ф. 1728. Оп. 1-68. Д. 539996. Л. 5.

Глава 3

[1] Стенограмма заседания пленума партколлегии Губ[ернской] КК ВКП(б) от 13 октября 1926 г. о работе оппозиционной группы Московско-Нарвского района (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 78854. Л. 17—18).

[2] *Зиновьев Г. Е.* Заслуженный приговор. С. 209.

[3] Информация о работе оппозиции в р-не т. Файвиловича (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 234. Л. 234).

[4] В бюро коллектива ВКП(б) фабрики «Советская звезда» от Ченцевой Г. [1926 г.] (Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 78854. Л. 226—227).

[5] Летом 1926 г., благодаря своим родственным связям (его брат был одним из секретарей Каменева), М. П. Швальбе привез в Ленинград рецензию В. А. Тер-Ваганяна на книгу Ярославского по истории партии, с которой он знакомил некоторых студентов. См.: Организатору Коллектива при Комуниверситете им. Зиновьева. 13 октября 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 42. Д. 45. Л. 14).

[6] Стенограмма заседания пленума партколлегии Губ[ернской] КК ВКП(б) от 13 октября 1926 г.... (Л. 17—18).

[7] *Зиновьев Г. Е.* Заслуженный приговор. С. 196.

[8] Там же. С. 199.

[9] *Дойчер И.* Троцкий. Безоружный пророк. С. 285.

[10] *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 187—188.

[11] *Троцкий Л. Д.* Блок с Зиновьевым // Архив Троцкого. М., 1990. Т. 1. С. 152—157.

[12] [Записка от 19 апреля 1926 г.] (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 91. Л. 1).

[13] *Дойчер И.* Троцкий. Безоружный пророк. С. 287.

[14] *Sedova-Trotskaya N.*, *Serge V.* The Life and Death of Leon Trotsky. P. 136.

[15] *Ярославский Е.* За последней чертой. С. 2.

[16] *Зиновьев Г. Е.* Проект соглашения ленинградской группы с троцкистами. 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 55. Л. 53).

[17] В разных редакциях соглашения общие места сводились в 7-, 8-, 10-му пунктам (Там же).

[18] *Сафронов Г. П.* Автобиография. 24 декабря 1934 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-52. Д. 408862. Ч. 5. Л. 22 (Горный)); В партколлегию ленинградского областного комитета ВКП(б) (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-44. Д. 346861. Ч. 4. Л. 5—6 (ИППР)).

[19] Письмо С. К. Минина в редакцию журнала «Большевик» с протестом против обвинения его в причастии к оппозиционному блоку. 9 января 1928 г. (ГАРФ. Ф. 9571. Оп. 1. Д. 5. Л. 3).

[20] *Серж В*. От революции к тоталитаризму... С. 258.

[21] Объяснение к заявлению. Н. Вихорев (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 1. Л. 22—22 об.).

[22] См. подробнее: *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И*. Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. Гл. 4, п. 1.

[23] *Апальков Д. И*. Внутрипартийная борьба в ВКП(б). С. 96—97.

[24] *Ярославский Е*. За последней чертой. С. 33; *Зиновьев Г. Е*. Заслуженный приговор. С. 215.

[25] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 98. Л. 332.

[26] Там же. Л. 335.

[27] Ал. Израилитин — в губернскую КК ЛО ВКП(б), февраль 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 176).

[28] Справка о настроении оппозиционеров в связи с подачей заявления их лидерами. 21 октября 1926 г. (Там же. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7297. Л. 106).

[29] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7297. Л. 73.

[30] Там же. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Л. 23—25; Там же. Оп. 1-51. Д. 401041. Л. 6—7.

[31] Объяснение к заявлению. Н. Вихорев (ЦГАИПД СПб. Д. 78855. Ч. 1. Л. 23).

[32] ЦГАИПД СПб. Д. 78855. Ч. 1. Л. 23.

[33] М. Миньков — В. М. Смирнову. 31 августа 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 156. Л. 153).

[34] Стенограмма опроса т. Гр. Федорова. 21 января 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 112). Подробнее о децистах см.: *Гусев А. В*. Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму // За справедливость и свободу: Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: История и современность. М., 2014. С. 53—61.

[35] *Сафронов Г. П*. Автобиография. 24 декабря 1934 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-52. Д. 408862. Ч. 5. Л. 22).

[36] Б. Шатор — в Выборский районный комитет. 1 августа 1926 г. (Там же. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7299. Л. 95—96).

[37] *Серж В*. От революции к тоталитаризму... С. 258—269.

[38] Стенограмма опроса т. Вихорева Н. 12 января 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 19).

[39] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 138, 198, 271 об. (В. М. Москвин, Технологический институт).

[40] Ал. Израилитин — в губернскую КК ЛО ВКП(б), февраль 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 172).

[41] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-3. Д. 16503. Ч. 6. Л. 8 об.

[42] Протокол допроса [М. Я. Натансон] 7 февраля 1933 г. (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-66652. Л. 6).

[43] *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде. С. 91—93; Ал. Израилитин — в губернскую КК ЛО ВКП(б), февраль 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 172).

[44] Выписки из стенограммы беседы т. Янсона с т. Бородицкой Е. П. от 4 января 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 196. Л. 14, 27).

[45] Показания Швальбе Филиппа Петровича, секретаря т. Каменева, данные 30 июня 1930 года начальнику Секретного отдела ОГПУ [стенограмма] // Как ломали нэп. М., 2000. Т. 4. С. 686.

[46] Стенограмма заседаний партколлегии Ленинградской губернской контрольной комиссии. 18 февраля 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 7—8).

[47] Информация о работе оппозиции в р-не. т. Файвиловича (Там же. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 234. Л. 234).

[48] Б. В. Хватский — О. А. Саакову. 15 сентября 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 51. Л. 6—7, 9).

[49] Выписка из протокола заседания президиума ГубКК ... от 6 октября 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-7. Д. 54768. Л. 10).

[50] Г. Д. Федоров — в губернскую КК ВКП(б) ЛО. 1 декабря 1926 г. (Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 194). При этом к троцкистам там относились с подозрением, на собрания пускали не более одного представителя.

[51] Заявление в Ленинградскую областную контрольную комиссию ВКП(б). 10 марта 1931 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-9. Д. 70473. Л. 3—3 об.).

[52] Б. В. Хватский — Саакову. 15 сентября 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 51. Л. 6—7, 9).

[53] Докладная записка в Зав. Орг. С.-З. бюро ЦК ВКП(б). 13 апреля 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7295. Л. 199—199 об.).

[54] Н. Маторин — Г. Е. Зиновьеву [1926 г.] (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 112).

[55] Н. Маторин — Г. Е. Зиновьеву. 2/3 июля 1926 г. (Там же. Л. 94).

[56] Ал. Израилитин — в губернскую КК ЛО ВКП(б), февраль 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 175).

[57] Мозырская окружная контрольная комиссия — Ленинградской губ. КК ВКП(б) (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78843. Л. 2).

[58] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 340. Л. 12.

[59] Там же. Ф. 1728. Оп. 1-9. Д. 69370. Л. 3 об., 6.

[60] *Антонов И.* В Пермскую окружную контрольную комиссию [1926] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-19. Д. 69985. Ч. 1. Л. 2—3).

[61] *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде. С. 92.

[62] *Серж В.* От революции к тоталитаризму... С. 252—253.

[63] Федоров — в губернскую КК ВКП(б) ЛО. 1 декабря 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 198).

[64] *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство... С. 176.

[65] Федоров — в губернскую КК ВКП(б) ЛО. 1 декабря 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 198).

[66] *Вихорев Н.* Объяснение к заявлению [1926 г.] (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 1. Л. 23).

[67] Поступил в институт еще в 1912 г. Из-за участия в революционной борьбе (член РСДРП(б) с 1913 г.) и Гражданской войне долгое время не мог его закончить.

[68] *Беленький Б. Е.* Враг народа.

[69] Выписка из протокола заседания пленума цехячеек № 1, 7, 8 от 31 января 1935 г. при фабрике «Пятилетка» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-1. Д. 3303. Ч. 1. Л. 13).

[70] Г. В. Ефремов — в Бюро коллектива ВКП(б) ЛПИ [1928 г., об А. И. Левакове] (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-83. Д. 662432. Л. 3).

[71] Протокол закрытого заседания парткома Ленгосрыбтреста от 5 февраля 1935 г. (Там же. Оп. 1-11. Д. 80688. Л. 10. (Б. А. Куржнир)).

[72] Объяснение к заявлению. Н. Вихорев (Там же. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 1. Л. 22 об.).

[73] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 433. Л. 5 об. (Штеренсон Л. С.).

[74] В Бюро коллектива ВКП(б) фабрики «Советская звезда» от Ченцевой Г. [1926] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 78854. Л. 227).

[75] *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде. С. 90.

[76] См. подробнее: Протокол бюро коллектива ВКП(б) ЛКУ от 24 января 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3222. Л. 53—56).

[77] *Троцкий Л. Д.* Вопросы и ответы, написанные мною для пропаганды // Архив Троцкого. М., 1990. Т. 2. С. 70.

[78] Членам ЦК и ЦКК. Заявление (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7295. Л. 259—264).

[79] *Радек К.* Об оппозиции // Архив Троцкого. М., 1990. Т. 2. С. 40—55.

[80] Есть основания полагать, что этот документ подготовлен совместно. В одном из писем Радеку Троцкий интересуется судьбой «вопросов и ответов» (Л. Троцкий — К. Радеку. 30 августа 1926 г. // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/386870 (дата обращения: 8.05.2022)).

[81] *Троцкий Л. Д.* Вопросы и ответы, написанные мною для пропаганды. С. 68.

[82] Там же. С. 73.

[83] *Троцкий Л. Д.* О единстве партии // Архив Троцкого. М., 1990. Т. 2. С. 77.

[84] Там же. С. 77.

[85] Федоров — в губернскую КК ВКП(б) ЛО. 1 декабря 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 193).

[86] Ал. Израилитин — в губернскую КК ЛО ВКП(б), февраль 1927 г. (Там же. Л. 173).

[87] Б. Шатор — в Выборский районный комитет. 1 августа 1926 г. (Там же. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7299. Л. 95—96).

[88] Губернский отдел народного образования.

[89] Характеристика поведения оппозиции в Центральном городском районе [1926 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7299. Л. 10).

[90] *Беленький Б. Е.* Враг народа.

[91] В Областную контрольную комиссию. 7 февраля 1928 (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-88. Д. 697021. Ч. 6. Л. 4).

[92] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-32. Д. 248718. Ч. 1. Л. 15.

[93] Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 103. Л. 67.

[94] Там же. Ф. 1728. Оп. 1-13. Д. 10095. Л. 1.

[95] Там же. Ф. 119. Оп. 1. Д. 58. Л. 81.

[96] Выписка из протокола заседания бюро ячейки ВЛКСМ физмата ЛГУ [1927 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 275. Л. 7).

[97] Выписка из протокола заседания парткома ЛИИ от 2 октября 1935 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-82. Д. 648952. Ч. 2. Л. 5).

[98] ЦГАИПД СПб. Ф. 4506. Оп. 12. Д. 1148. Л. 24; Протокол заседания бюро к-ва ВКП(б) ЛТИ от 28 декабря 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2995. Л. 139). Личность агента установить не удалось.

[99] Протокол № 3 заседания секретариата райкома ВКП(б) Московско-Нарвского района от 18 июня 1926 г. (Там же. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7300. Л. 80—81).

[100] Протокол опроса Новиковой М. П. 3 ноября 1926 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 2. Л. 5).

[101] Коллективное письмо Доронина, Коковина, Богданова, Кузнецова. 27 июля 1927 г. [Фабрика им. Слуцкой] (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 61. Л. 33).

[102] Из материалов ГПУ от 27 октября [1926 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7297. Л. 93).

[103] Стенограмма комиссии ЦКК ВКП(б) от 19 октября 1926 г. (до исправления) [опрос Г. Е. Зиновьева] (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 85. Л. 114).

[104] По свидетельству Бакаева речь Астрова строилась на прямой клевете, обвинении оппозиции в отказе от индустриализации, игнорировании крестьянства и др. См.: Стенограмма комиссии ЦКК ВКП(б) от 20 октября 1926 г. [опрос И. П. Бакаева] (Там же. Л. 204).

[105] О выступлении тов. Бакаева на Заводе имени тов. Казицкого [1926] (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2259. Л. 1, 4—5).

[106] *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство... С. 170.

[107] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 85. Л. 233.

[108] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7295. Л. 74.

[109] Сведения о партийных собраниях ... 7 октября [1926] г. в Петроградском районе (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7297. Л. 199).

[110] [Письмо оппозиционера в ЦК ВКП(б) без подписи и даты, 1927 г.] (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 85. Л. 1).

[111] Стенограмма комиссии ЦКК ВКП(б) от 20 октября 1926 г. [опрос И. П. Бакаева] (Там же. Оп. 171. Д. 85. Л. 204).

[112] ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2259. Л. 13 (Горный), Л. 21 (ЛГУ).

[113] Там же. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7295. Л. 105.

[114] *Зиновьев Г. Е.* Заслуженный приговор. С. 214.

[115] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7295. Л. 244.

[116] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 1991. С. 502.

[117] *Зиновьев Г. Е.* Заслуженный приговор. С. 206.

[118] *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство...

[119] *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде. С. 93.

[120] [Выступление Г. Л. Шкловского] // Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21—23 октября 1927 г. М., 2018. С. 146.

[121] Заявление «буфера» в ЦК и ЦКК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 64. Л. 13—15).

[122] Новое и старое в «новой» оппозиции // Правда. 1927. 26 июля. № 167 (3699). С. 3—6.

[123] Ответ «буфера» тов. Ярославскому (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 64. Л. 46).

[124] В президиум ЦК ВКП(б). 15 января 1930 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-29. Д. 230840. Ч. 3. Л. 1).

[125] ГАИМК — Смольнинский район [1935 г.] (Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 338775. Ч. 3. Л. 2).

[126] См.: *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде. С. 88.

[127] Заявление пленуму Ленинградского губкома ВЛКСМ. 5 октября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 604К. Оп. 1. Д. 80. Л. 3—5); Против атак на партию с комсомольского фланга. Л., 1927. С. 7.

[128] *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде. С. 88; *И. Я. Врачев*. Выдержка из письма. [Июль 1927 г.] // Архив Троцкого. Харьков, 2001. Т. 2. С. 469 (примечание).

[129] Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиция) к XV съезду ВКП(б). 1927. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0003_opo&object=translation&l=ru (дата обращения: 7.11.2022).

[130] Там же.

[131] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 433. Л. 25.

[132] Стенограмма опроса т. Вихорева Н. 12 января 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 27).

[133] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 45; Дела и люди оппозиции (Там же. Ф. 7. Оп. 4. Д. 4978. Л. 86).

[134] Сообщение о собрании партактива фабрики «Светоч», состоявшемся 5 октября 1926 г. (Там же. Ф. 16. Оп. 1-7. Д. 7297. Л. 181).

[135] Стенограмма опроса тов. Максимова. 27 августа 1927 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-4. Д. 28774. Ч. 1. Л. 15).

[136] Докладная записка в губком ВКП(б) (Там же. Ф. 24. Оп. 42. Д. 31. Л. 131).

[137] Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 10 февраля 1927 г. (Там же. Л. 2).

[138] Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 июня 1927 г. (Там же. Л. 9).

[139] Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 сентября 1927 г. (Там же. Л. 11).

[140] Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 3 ноября 1927 г. (Там же. Л. 20).

[141] Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 сентября 1927 г. (Там же. Л. 11).

[142] Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 3 ноября 1927 г. (Там же. Л. 20).

[143] Выписка из протокола заседания бюро ячейки ВЛКСМ физмата [1927 г.] (Там же. Д. 275. Л. 7).

[144] Протокол открытого собрания коллектива ВКП(б) при Педвузе им. Герцена от 20 октября 1927 г. (Там же. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 123. Л. 1—2).

[145] ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 123. Л. 3—4.

[146] В сентябре 1927 г. при раскрытии типографии оппозицию обвиняли в сотрудничестве с «врангелевским офицером», который якобы отвечал за создание военной группы. «Офицер» на деле оказался сотрудником ОГПУ, что было признано непосредственным организатором провокации В. Р. Менжинским. См.: *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 267—268.

[147] Протокол закрытого собрания коллектива ВКП(б) при Педвузе им. Герцена от 25 октября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 123. Л. 5—6).

[148] ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 123. Л. 7.

[149] Резолюция тов. Сосновкина [1927 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 4. Д. 4978. Л. 30—30 об.).

[150] *Бакаев И. П.* Членам районных конференций Москвы и Ленинграда. 1 ноября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 84. Л. 18).

[151] Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 19 мая 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 244. Л. 6).

[152] За ленинский ЦК. За единство // Товарищ. 1927. 16 ноября. С. 5.

[153] [Листовка от партийного коллектива ЛГУ] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-80. Д. 633087. Ч. 6. Л. 25—25 об.).

[154] В бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. 14 ноября 1927 (Там же. Д. 243. Л. 18—18 об.).

[155] Протокол опроса. 3 апреля 1928 г. (Там же. Оп. 1-95. Д. 752697. Л. 4 об.).

[156] Протокол опроса. 29 февраля 1928 г. (Там же. Оп. 1-9. Д. 71880. Л. 11 об.).

[157] *Троцкий Л. Д.* В редакцию «Дискуссионного листка». 2 ноября 1927 г. // Архив Троцкого. М., 1990. Т. 4. С. 236.

[158] Г. Е. Зиновьев, А. А. Петерсон, Н. И. Муралов, Л. Д. Троцкий в Политбюро ЦК ВКП(б), Президиум ЦКК, ИККИ. 6 сентября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 62. Л. 84).

[159] *Серж В.* От революции к тоталитаризму... С. 262.

[160] *Григоров Г. И.* Повороты судьбы и произвол. М., 2005. Т. 1. С. 444—445.

[161] Приложение к отчетному листку о партсобрании, состоявшемся 22 октября [1927 г.] в коллективе Института им. Крупской (ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2557. Л. 5 об.).

[162] Вероятно, Тартаковская Зоя Николаевна (1903—?) — студентка Коммунистического университета им. Зиновьева, член ВЛКСМ, участница оппозиции.

[163] *Иоффе Н. А.* Время назад. С. 80.

[164] Закрытое общее собрание коллектива ВКП(б) рабфака ЛГУ. 3 ноября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 67. Л. 57, 58 об.).

[165] Заявление оппозиции в ЦК и ЦКК ВКП(б). 15 ноября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 64. Л. 10).

[166] Собрание в аудитории МВТУ [листовка, 5 ноября 1927 г.] (Там же. Ф. 323. Оп. 2. Д. 81. Л. 7).

[167] См.: *Ярославский Ем.* 1) Новая оппозиция и троцкизм. Л., 1926; 2) «Рабочая оппозиция». «Рабочая группа». «Рабочая правда». М., Л., 1927.

[168] Факты и цифры. Против демагогии и измышлений оппозиции. М., 1927.

[169] Протоколы заседаний бюро коллектива ВКП(б) факультета советского права. 24 ноября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 273. Л. 20).

[170] Протокол открытого собрания коллектива ВКП(б) при Педвузе им. Герцена от 25 октября 1927 г. (Там же. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 123. Л. 33).

[171] *Беленький Б. Е.* Враг народа.

[172] В Районную КК Выборгского района. 19 января 1928 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-51. Д. 401057. Л. 7—8).

[173] В бюро коллектива ВКП(б) ЛПИ от Головизнина Вл. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80402. Л. 5).

[174] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80402. Л. 6 об.

[175] Секретарю районного комитета ВЛКСМ ЦГР тов. Зиме от З. Брейдо [декабрь 1927 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 601—К. Оп. 1 Д. 868. Л. 102—102 об.).

[176] Т. е. центральному печатному органу ВКП(б) «Правде». В бюро коллектива ВКП(б) Политехнического института им. Калинина от Кома-

нова С. М. 28 октября 1927 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80402. Л. 7—8).

[177] В бюро коллектива ВЛКСМ от А. Сираконян. 26 ноября 1927 г. (Там же. Оп. 1-26. Д. 201870. Л. 4).

[178] Автобиография (Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 684141. Ч. б. Л. 11).

[179] Сведения о представляемом административной высылке студенте Федоре Дингельштедте (ГАРФ. Ф. 102 Оп. 147 Д. 350. Ч. 8. Л. 2).

[180] *Солдатенко В. Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М., 2017. С. 30—31.

[181] [Автобиография, 1930 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-93. Д. 740848. Ч. 1. Л. 5).

[182] См. подробнее: *Баринов Д. А.* Исаак Маркович Альтер (1892—1937) — философ, историк, оппозиционер // Вече. Ежегодник русской философии и культуры. СПб., 2021. С. 150—159.

[183] *Григоров Г. И.* Повороты судьбы и произвол. Т. 1. С. 408—409; *Войтоловская А. Л.* По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар, 1991. С. 264.

[184] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 82. Л. 129.

[185] Подсчитано по: СПФ АРАН. Ф. 233. Оп. 2. URL: http://db.ranar.spb.ru/ru/list/id/74/ (дата обращения: 14.07.2022). Также заметное представительство оппозиции было в созданном в 1927 г. Ленинградском институте марксизма.

[186] *Григоров Г. И.* Повороты судьбы и произвол. Т. 1. С. 444—445.

[187] В Областную контрольную комиссию. 7 февраля 1928. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-88. Д. 697021. Ч. 6. Л. 3—3 об.).

[188] ЦГАИПД СПб. Ф. 601—К. Оп. 1. Д. 868. Л. 72—74.

[189] Протокол опроса Новиковой М. П. 3 ноября 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 2. Л. 5).

[190] Дела и люди оппозиции (Там же. Ф. 7. Оп. 4. Д. 4978. Л. 85).

[191] ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 155. Л. 65.

[192] Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 103. Л. 11.

[193] В бюро коллектива ВКП(б) от члена ВКП(б) Д. И. Селиванова. 18 ноября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80920. Ч. 1. Л. 46).

[194] ЦГАИПД СПб. Ф. 432. Оп. 2. Д. 30. Л. 28 об.

[195] В бюро коллектива ВКП(б) ЛПИ от Головизнина Вл. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80402. Л. 12 об.—13).

[196] Дела и люди оппозиции (Там же. Ф. 7. Оп. 4. Д. 4978. Л. 87).

[197] В бюро коллектива ВКП(б) ЛПИ от Головизнина Вл. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80402. Л. 10).

[198] В Бюро коллектива ВКП(б) фабрики «Советская звезда» от Ченцевой Г. [1926] (Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 78854. Л. 227).

[199] В бюро коллектива ЦОЗ им. Авдеева. Октябрь 1926 г. (Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 313. Л. 245).

[200] Из записок троцкиста Н. Н. Гаврилова // Память. Исторический сборник. Вып. 3. Париж, 1980. С. 386—387.

[201] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-33. Д. 258368. Ч. 4. Л. 9 (Н. М. Яковлев); Там же. Оп. 1-51. Д. 405814. Ч. 1. Л. 1 (З. М. Бравый).

[202] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 19. Л. 18. (В. А. Свешников).

[203] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-4. Д. 28774. Ч. 1. Л. 14.

[204] В партийный комитет завода «Красный гвоздильщик». 15 января 1935 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-25. Д. 192949. Л. 11).

[205] Протокол допроса, произведенный оперуполномоченным 1 отделения СПО Коган и уполномоченным Якушевым от 25 апреля 1933 г. (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-21027. Л. 145).

[206] Из записок троцкиста Н. Н. Гаврилова. С. 387.

[207] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-9. Д. 70473. Ч. 1. Л. 3—3 об.

[208] Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б). Партколлегия по Ленинградской области. 23 апреля 1935 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-57. Д. 455782. Ч. 1. Л. 1).

[209] ЦГАИПД СПб. Ф. 601К. Оп. 1. Д. 868. Л. 44.

[210] Информация о работе оппозиции в районе. Тов. Файвилович. 24 ноября 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 463. Л. 14).

[211] Стенограмма опроса тов. Максимова. 27 августа 1927 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-4. Д. 28774. Ч. 1. Л. 13 об.).

[212] Заявление в бюро ВКП(б) Экономического факультета. [Январь 1928 г.] (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-51. Д. 401091. Л. 3).

[213] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 410. Л. 131—132.

[214] Стенограмма опроса тов. Максимова. 29 августа 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-4. Д. 28774. Ч. 1. Л. 19 об.).

[215] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-69. Д. 548842. Л. 5.

[216] Список членов РКП(б) Петроградского района сторонников оппозиции. 1923—1924 (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 6). В списке ошибочно указан как Кюшкин.

[217] *Резник А. В*. Троцкий и товарищи. С. 204.

[218] В бюро коллектива ВЛКСМ от Л. Кондратьева [ноябрь 1927 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 4. Д. 4978. Л. 82).

[219] Дела и люди оппозиции (Там же. Ф. 7. Оп. 4. Д. 4978. Л. 88).

[220] *Серж В. И*. От революции к тоталитаризму... С. 270.

[221] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 433. Л. 24.

[222] Чернышев — в ЦК ВКП(б). 4 октября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 438. Л. 113).

[223] Сбор подписей под децистской платформой в Ленинграде, вероятно, был частной инициативой. В других городах такой практики не было.

[224] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 433. Л. 22.

[225] В бюро коллектива заводам им. Марти Павел Овчинников. 14 декабря 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 644342. Ч. 1. Л. 5).

[226] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 443. Л. 21 об.

[227] В контрольную комиссию ЦГР. 24 января 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-9. Д. 69985. Ч. 4. Л. 33).

[228] Протокол допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО [1927 г.] (Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 443. Л. 7).

[229] Характеристика. 25 июня 1928 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-52. Д. 408662. Ч. 2. Л. 8).

[230] Из записок троцкиста Н. Н. Гаврилова. С. 388.

[231] В бюро коллектива ВКП(б) Политехнического института им. Калинина от Команова С. М. 28 октября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80402. Л. 8 об.).

[232] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-87. Д. 695782. Л. 6.

[233] Подробнее о текстах, издаваемых в оппозиционном «самиздате», см.: *Беленкин Б. И.* Неподцензурные тексты, размножавшиеся и распространявшиеся группами левой оппозиции в СССР (1927—1929 гг.) в архиве ФСБ РФ // Acta samizdatica / Записки о самиздате. 2015. Вып. 2. С. 53—75.

[234] Из записок троцкиста Н. Н. Гаврилова. С. 387—388.

[235] Протокол допроса Емельянова Кондратия Николаевича от 19 декабря 1934 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199). URL: https://istmat.org/files/uploads/64134/rgaspi._f.17._op.171._d.199_protokol_doprosa_emelyanova.pdf (дата обращения: 11.04.2023).

[236] См., например: *Каменев Л.*, *Бакаев И.*, *Лидзин*, *Петерсон*, *Авдеев*, *Муралов*, *Раковский*, *Евдокимов*, *Смилга*. Заявление Объединенному пленуму ЦК и ЦКК 22 октября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-1. Д. 2233. Ч. 1. Л. 10—10 об.; *Смилга И.*, *Бакаев Ив.*, *Евдокимов Г.*, *Зиновьев Г.*, *Троцкий Л.* В Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиум ЦКК (Там же. Л. 11—14). (Личное дело студента М. Л. Казакевича).

[237] Истпарт — сокращенное название Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б).

[238] Институт Ленина при ЦК ВКП(б) — Ленинградский истпарт. 7 апреля 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 159. Л. 56).

[239] Протокол расширенного собрания Петр. совета проф. союзов, совместно с правлениями проф. союзов, от 9-го ноября 1917 г. // Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г.: Протоколы и материалы. СПб., 1997. С. 101.

[240] *Ленин В. И.* Выступление на заседании Петербургского комитета РСДРП(б). 1 (14) ноября 1917 г. // Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891—1922. М., 2017. С. 216.

[241] *Троцкий Л. Д.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 113.

[242] Впоследствии письмо стало основой изданной в Берлине в 1932 г. «Сталинской школы фальсификаций».

[243] Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) Технологического института от 16 декабря 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-60. Д. 472022. Л. 59).

[244] ЦГАИПД СПб. Ф. 4506. Оп. 12. Д. 1148. Л. 24.

[245] Там же. Ф. 1728. Оп. 1-53. Д. 422961. Ч. 4 (В. Д. Слепухин, Институт народного хозяйства); Там же. Ф. 1728. Оп. 1-82. Д. 650795 (М. М. Очнев, Коммунистический университет); Там же. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80920 (А. А. Ждановский, Сельскохозяйственный университет).

[246] *Устрялов Н. В*. Кризис ВКП (в порядке дискуссии) (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 56. Л. 13, 16).

[247] Проект платформы большевиков-ленинцев...

[248] Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21—23 октября 1927 г. С. 132.

[249] Заявление в областную Контрольную комиссию. 9 июня 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-9. Д. 71894. Л. 5) (И. Н. Бобылев, Горный институт).

[250] ЦГАИПД СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 58. Л. 90 (Н. Т. Яковлев, рабфак ЭТИ).

[251] *Иоффе Н. А*. Время назад. С. 78—79.

[252] См., например: «Как они борются с оппозицией» [1927] // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/387017 (дата обращения: 18.06.2022).

[253] Выписка из протокола Ленинградской ОКК ВКП(б) 6 апреля 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-53. Д. 416191. Ч. 3. Л. 6).

[254] *Григоров Г. И*. Повороты судьбы и произвол. Т. 1. С. 443.

[255] Г. Я. Ягода — И. В. Сталину, [июль] 1928 г. // Как ломали нэп. М., 2000. Т. 4. С. 694.

[256] Из записок троцкиста Н. Н. Гаврилова. С. 390.

[257] Там же. С. 391.

[258] Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) Института им. Крупской от 22 ноября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 60. Л. 23).

[259] Показания тов. Гришиной [1927 г.] (Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 438. Л. 11).

[260] *Иоффе Н. А*. Время назад. С. 77.

[261] *Рабинович М. Б*. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 88.

[262] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80920. Ч. 2. Л. 26, 30 об.

[263] *Серж В*. От революции к тоталитаризму... С. 252.

[264] В Детскосельский райком ВКП(б) от ... коллектива ЛСХИ Баклаева Михаила Павловича. 16 ноября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80920. Ч. 1. Л. 90).

[265] ЦГАИПД СПб. Оп. 1-53. Д. 422961. Ч. 4. Л. 1.

[266] Там же. Оп. 1-52. Д. 412365. Ч. 2. Л. 1.

[267] *Рабинович М. Б*. Воспоминания долгой жизни. С. 88.

[268] Стенограмма опроса т. Вихорева Н. 12 января 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 21).

[269] Г. Е. Зиновьев — Л. Д. Троцкому. [Июнь] 1927 г. // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/386954 (дата обращения: 18.06.2022).

[270] Л. Д. Троцкий — Т. В. Сапронову. 2 марта 1927 г. // Ibid. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/386921 (дата обращения: 18.06.2022).

[271] Платформа «15-ти». 27 июня 1927 г. // Исторические материалы. URL: https://istmat. org/node/59755 (дата обращения: 12.06.2022).

[272] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 1. Л. 7 об.

[273] Стенограмма опроса т. Вихорева. [Январь 1928 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 21).

[274] Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) Института им. Крупской от 22 ноября 1927 г. (Там же. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 60. Л. 23).

[275] Стенограмма опроса т. Вихорева Н. 12 января 1928 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 26).

[276] Объяснение к заявлению. Н. Вихорев (Там же. Ч. 1. Л. 23).

[277] Стенограмма опроса тов. Вихорева. 1 января 1928 г. (Там же. Ч. 3. Л. 12—13).

[278] Один из них — «Всепартийный городовой Сталин и его ищейка Ярославка».

[279] Стенограмма опроса т. Вихорева. 14 января 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 38).

[280] *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде... С. 163.

[281] Стенограмма опроса т. Дингельштедта. 21 января 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 160, 165).

[282] К. Радек — Ф. Н. Дингельштедту. 8 августа 1928 г. Томск (РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 55. Л. 1).

[283] Список большевиков-ленинцев (оппозиционеров) Верхне-Уральского изолятора // Бюллетень Оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 19.

[284] К. Радек — Е. Преображенскому [сентябрь 1928 г.] (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 152. Л. 161).

[285] *Дуне Э.* Демократический централизм // Архив Троцкого. Харьков, 2001. Т. 2.

[286] Стенограмма опроса т. Вихорева Н. 12 января 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 19—20).

[287] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. М., 1990. Т. 4. С. 250—264.

[288] См., например: *Маслов И. И.* КПСС в борьбе за укрепление единства своих рядов и осуществление политики социалистической индустриа-

лизации страны. М., 1955. С. 162; *Иванов В. М.* Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма. (1921—1929 гг.). Л., 1973. С. 109; *Дойчер И.* Троцкий. Безоружный пророк. С. 397—398; *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 276—278.

[289] [Письмо Николая, распространяемое в среде оппозиции] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-81. Д. 644342. Ч. 1. Л. 18).

[290] Письмо А. Николаева [1927 г.] (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 172).

[291] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 175.

[292] *Зиновьев Г.* Что случилось в Ленинграде. О политическом значении демонстрации пролетариата 17 октября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 100. Л. 3).

[293] Протокол Закрытого заседания парткома Ленгосрыбтреста от 5 февраля 1935 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80688. Ч. 2. Л. 9).

[294] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 506.

[295] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-81. Д. 644342. Ч. 1. Л. 20—21.

[296] *Зиновьев Г.* Что случилось в Ленинграде. О политическом значении демонстрации пролетариата 17 октября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 100. Л. 1—3).

[297] См. подробнее: *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 269.

[298] К демонстрации 7 ноября (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 63. Л. 195—196).

[299] Стенограмма опроса т. Вихорева. Январь 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78855. Ч. 3. Л. 30).

[300] См., например: Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б). Партколлегия по Ленинградской области. 23 апреля 1935 г. (Там же. Оп. 1-57. Д. 455782. Ч. 1); Стенограмма опроса т. Аксенова 10 декабря 1927 г. (Там же. Ф. 563. Оп. 23 Д. 411); Протокол № 5 заседания партколлегии ЛО КК ВКП(б) от 8 декабря 1927 г. (Там же. Л. 1).

[301] Как тов. Евдокимов «выполнил» задание Троцкого // Ленинградская правда. 1927. 3 ноября. С. 2.

[302] [Донесение т. Хаскиной] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-80. Д. 633087. Ч. 4. Л. 5).

[303] Радек «в гостях» у партийцев-бумажников // Ленинградская правда. 1927. 4 ноября. С. 3.

[304] Донесение от Грибова, Голованова и Парижера от 28 ноября (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 438. Л. 25).

[305] В Бюро ячейки отделения Военных сообщений Института инженеров путей сообщения ... от Фокина И. С. [1928 г.] (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-9. Д. 70160. Ч. 1. Л. 4—6).

[306] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-57. Д. 453380. Ч. 1. Л. 37.

[307] Там же. Оп. 1-32. Д. 249387. Ч. а. Л. 11.

[308] Докладная записка Ленинградской губернской контрольной комиссии ВКП(б). 28 ноября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-32. Д. 249387. Ч. а. Л. 26).

[309] В бюро коллектива ВЛКСМ от Л. Кондратьева. [Ноябрь 1927 г.] (Там же. Ф. 7. Оп. 4. Д. 4978. Л. 82).

[310] Дела и люди оппозиции (Там же. Л. 88).

[311] Правда о событиях 7 ноября в Ленинграде. 8 ноября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 63. Л. 197).

[312] Протокол заседания бюро Детскосельского райкома ВКП(б), совместно с Контрольной комиссией и членами райкома от 14 и 15 декабря 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80920. Ч. 1. Л. 37).

[313] В губернскую Контрольную комиссию от рабочего п/б фабрики им. Зиновьева С. Е. Дитриха [1927 г.] (Там же. Оп. 1-9. Д. 70160. Л. 4).

[314] Заявление в ЦКК ВКП(б) [1927 г.] (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 60. Л. 52).

[315] *Серж В*. От революции к тоталитаризму... С. 273—274.

[316] *Кун М*. Диссиденты 1927 года // Комсомольская правда. 1990. 7 ноября. С. 3.

[317] *Полетика Н. П*. Виденное и пережитое. С. 296—297.

[318] *Гонцов Г*. Снова по родной земле // Воля народа. 1928. Вып. 1. С. 65.

[319] До 1926 г. занимал пост ответственного организатора «Красного Путиловца». Как участник новой оппозиции был переведен в БССР.

[320] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 438. Л. 181 об.

[321] Протокол заседания бюро Детскосельского райкома ВКП(б), совместно с Контрольной комиссией и членами райкома от 14 и 15 декабря 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80920. Ч. 1. Л. 35).

[322] Стенограмма опроса тов. Карпова. 16 ноября 1927 г. (Там же. Оп. 1-57. Д. 453380. Л. 60).

[323] Протокол заседания тройки Василеостровского райкома ВКП(б) по разбору конфликтных дел от 13 января 1935 г. (Там же. Оп. 1-88. Д. 697021. Ч. 2. Л. 1).

[324] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 100. Л. 15.

[325] Правда о событиях 7 ноября в Ленинграде. 8 ноября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 63. Л. 198).

[326] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-13. Д. 96602. Ч. 1. Л. 1 об. Они же вместе с вождями оппозиции выступили составителями записки о событиях 7 ноября в адрес ЦК ВКП(б).

[327] Там же. Ф. 4505. Оп. 39. Д. 326. Л. 3.

[328] Заявление в ЦКК ВКП(б) [1927 г.] (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 60. Л. 52).

[329] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 438. Л. 180.

[330] Правда о событиях 7 ноября в Ленинграде. 8 ноября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 63. Л. 198).

[331] Стенограмма опроса тов. Карпова. 16 ноября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-57. Д. 453380. Л. 60).

[332] Секретарю Василеостровского районного комитета партии ВКП(б) т. Вольцит. 3 февраля 1935 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 408438. Л. 44).

[333] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-53. Д. 422961. Ч. 4. Л. 1.

[334] *Серж В*. От революции к тоталитаризму... С. 243.

[335] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-19. Д. 150136. Ч. а. Л. 6 об.

[336] Там же. Оп. 1-9. Д. 69370. Л. 3 об., 6.

[337] Там же. Оп. 1-32. Д. 249387. Ч. а. Л. 13.

[338] Г. Е. Зиновьев — Л. Д. Троцкому, Л. Б. Каменеву, И. Т. Смилге. 7 ноября 1927 г. // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:483039271$1i (дата обращения: 26.10.2022).

[339] К оценке демонстрации 7 ноября (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 56. Л. 66—67).

[340] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 56. Л. 68.

[341] Правда о событиях на демонстрации 7 ноября // Ленинградская правда. 1927. 10 ноября. С. 2.

[342] ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 155. Л. 66.

[343] Стенограмма расширенного заседания президиума ЦКК ВКП(б) совместно с членами ЦКК, МКК и РКК ВКП(б) гор. Москвы. 10 ноября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 110. Л. 15, 59—60).

[344] Заявление в бюро кол-ва ВКП (б) [фабрики «Красный швейник»] от т. Я. А. Семейникова (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-60. Д. 472022. Л. 68).

[345] Троцкий и Зиновьев вне партии. Да здравствуют Троцкий и Зиновьев [листовка, 13 ноября 1927 г.] (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 81. Л. 21).

[346] *Сталин И. В*. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 98.

[347] В бюро ячейки ВЛКСМ экономического факультета ЛПИ (ЦГАИПД СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 918. Л. 1).

[348] ЦГАИПД СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 58. Л. 89 (Михеев В. И., рабфак ЭТИ).

[349] Некоторые факты. 28 ноября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 55. Л. 83—84).

[350] *Назаров О. Г*. Сталин и борьба за лидерство...

[351] Речь тов. Минина // Стенографический отчет. XV съезд ВКП(б). М.; Л., 1928. С. 211.

[352] *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство...

[353] Речь тов. Кирова // Стенографический отчет. XV съезд ВКП(б). С. 238.

[354] *Дойчер И*. Троцкий. Безоружный пророк. С. 295.

[355] Протокол закрытого собрания членов коллектива Военно-морской академии от 20 декабря [1923 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 66 об.).

[356] См.: Протокол общего собрания коллектива РКП(б). Горный институт, 19 декабря 1923 г. (Там же. Д. 108. Л. 37); Протокол общего собрания членов РКП коллектива рабфака ПГУ. 20 декабря 1923 г. (Там же. Л. 39).

[357] Протокол общего собрания коллектива РКП(б) при Институте внешкольного образования. 18 декабря 1923 г. (Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1250. Л. 18 об.).

[358] См.: Протокол общего собрания (закрытого) коллектива РКП(б) 2-го Политехнического института, состоявшегося 19 декабря 1923 г. (Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 108. Л. 42 об., 44).

[359] В коллектив ВКП(б) при ЛГУ (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-100. Д. 793171. Л. 6—6 об.).

[360] Изложение дела (Там же. Оп. 1-104. Д. 824389. Л. 3 об.).

[361] Протокол открытого собрания коллектива ВКП(б) при Педвузе им. Герцена от 20 октября 1927 г. (Там же. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 123. Л. 3—4).

[362] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 8.

[363] Протокол опроса. 4 мая 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-24. Д. 186487. Ч. 3. Л. 4 об.).

[364] В РК ВКП(б) Центрального района [1927 г.] (Там же. Д. 191061. Ч. а. Л. 7).

[365] Шестовалов М. И. — в РКК Выборгского района Ленинграда. 16 ноября 1929 г. (Там же. Оп. 1-51. Д. 401186. Ч. 1. Л. 7).

[366] ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 14. Д. 2164. Л. 21—22.

[367] В центральный комитет ВКП(б) [от П. М. Нелогова] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-87. Д. 691486. Л. 8).

[368] Стенограмма опроса тов. Карпова. 16 ноября 1927 г. (Там же. Оп. 1-57. Д. 453380. Л. 44).

[369] *Павлов И. М.* 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001. С. 41.

[370] [Письмо оппозиционера в ЦК ВКП(б) без подписи и даты, 1927 г.] (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 85. Л. 1).

[371] [Письмо Л. С. Сосновского т. Микунису, 1928] (Там же. Оп. 171. Д. 151. Л. 57).

[372] Список выступавших против линии ЦК. 1923—1924 (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 1).

[373] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-52. Д. 409490. Л. 28.

[374] Протокол опроса (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-95. Д. 754545. Ч. 2. Л. 6 об.).

[375] ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 39. Д. 326. Л. 3.

[376] Там же. Ф. 1728. Оп. 1-26. Д. 201870. Л. 8 об.

[377] Заявление в бюро ВКП(б) Экономического факультета. [Январь 1928 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-51. Д. 401091. Л. 3).

[378] Протокол закрытого пленума парторганизации Института «Механобр» от 14 февраля 1935 г. (Там же. Оп. 1-81. Д. 640700. Ч. 3. Л. 2).

[379] В бюро коллектива ВКП(б) Политехнического института (Там же. Оп. 1-51. Д. 401041. Л. 6—7).

[380] О моей бывшей оппозиционной работе. В партком завода им. Калинина. 28 декабря 1934 г. (Там же. Оп. 1-9. Д. 71880. Ч. 2. Л. 4).

[381] См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 78881. Л. 2 и след.; Там же. Ф. 16. Оп. 1-8. Д. 8618 (Московско-Нарвский район); Там же. Д. 8548 (Володарский район).

[382] Выписка из протокола заседания партколлегии Лен. обл. КК ВКП (б) от 20 февраля 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-80. Д. 633087. Ч. 4. Л. 1; Там же. Оп. 1-53. Д. 416191. Ч. 4. Л. 7).

[383] Выписка из протокола № 18 заседания п/тройки Смольнинского районного комитета ВКП(б). 11 февраля 1935 г. (Там же. Оп. 1. Д. 230054. Л. 1).

[384] Выписка из протокола заседания бюро коллектива ВКП(б) ЛВИ от 18 января 1928 г. (Там же. Оп. 1-7. Д. 48166. Ч. б. Л. 2 (Х. И. Ильвес); Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 433. Л. 5 об., Л. 15 об. (Л. С. Штеренсон и А. И. Горелов)).

[385] Список выступавших против линии ЦК. 1923—1924 (Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 2).

[386] Выписка из протокола КК ВО от 5 марта 1927 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-52. Д. 408662. Ч. 2. Л. 3).

[387] Характеристика. 25 июня 1928 г. (Там же. Л. 8).

[388] И. Антонов — в Пермскую окружную контрольную комиссию [1926] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-19. Д. 69985. Ч. 1. Л. 2—3).

[389] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-1. Д. 5596. Ч. 1. Л. 179—181, 195—196.

[390] Там же. Л. 197.

[391] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 147. Д. 350. Ч. 8. Л. 8.

[392] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-7. Д. 49054. Л. 4.

[393] ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 2. Д. 1251. Л. 3.

[394] *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919—1927). М., 2001. С. 265.

[395] *Chiang Ching-kuo*. My Days in Soviet Russia // Chiang Ching-kuo remembered: the man and his political legacy. Washington, 1989. P. 159—162. Подробнее о его оппозиционной работе см. также: Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений... С. 252, 256.

[396] Протокол опроса (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 433. Л. 5 об.).

[397] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 433. Л. 22.

[398] Там же. Ф. 24. Оп. 42. Д. 45. Л. 16.

[399] Протокол опроса. 8 апреля 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-95. Д. 752697. Ч. 1. Л. 9 об.).

[400] *Taylor J.* The generalissimo's son : Chiang Ching-kuo a. the revolutions in China a. Taiwan. London, 2000. P. 31.

[401] Выписка из протокола Заседания общего собрания коллектива ВКП(б) ЛВИ от 19 января 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-7. Д. 48166. Ч. б. Л. 11, 13).

[402] ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 14. Д. 2164. Л. 21—22.

[403] Протокол № 13 заседания бюро коллектива РКП(б) Электротехнического института совместно с активом [1925 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 39. Л. 94).

[404] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 43. Л. 25.

[405] *Бродянский Б.* 1) Грани быта // Красный студент. 1923. № 11—12. С. 27—28; 2) От пассивной критики к активной работе // Там же. № 9—10. С. 32—33.

[406] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-51. Д. 405814. Ч. 4. Л. 3.

[407] Выписка из протокола общего собрания членов ВКП(б) 7-го парткружка коллектива ЛКУ от 22 октября 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-87. Д. 691486. Ч. 2. Л. 4—5).

[408] *Беленький Б. Е.* Враг народа.

[409] Д. Вихорев — т. Молотову. 29 сентября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 36. Л. 53). Завершалось письмо просьбой опубликовать текст или дать ответ, почему это невозможно.

[410] В бюро коллектива ВКП(б) ЛСХИ. А. Кошмаров. 8 декабря 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80920. Ч. 1. Л. 86).

[411] Личный листок по учету кадров (Там же. Оп. 1-81. Д. 640874. Л. 1—2).

[412] Автобиография (Там же. Оп. 1-53. Д. 421491. Ч. 2. Л. 5).

[413] Савченко Меланья Григорьевна // Все о Советском союзе. [Электронный ресурс]. URL: http://www.istoriacccr.ru/savthenko_melan_ya_g.html (дата обращения: 4.11.2022).

[414] См.: *Валюженич А. В.* Вокруг Маяковского. «Инженерица» Муся Натансон и другие // Литературный факт. 2017. № 5. С. 125.

[415] Там же. С. 130.

[416] Справка. 2 февраля 1931 г. (ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 312. Л. 7).

[417] Для некоторых оппозиционеров точные данные найти не удалось.

[418] *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда... С. 139.

[419] Там же. С. 151. Это объяснение не может быть справедливо только для Лесного института — 15,5 % рабочих и их детей на 1925 г.

[420] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 29. Л. 93 и след.

Глава 4

[1] *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 288—289.

[2] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-96. Д. 762063. Л. 8 об. (Гороховский А. И., Политехнический институт).

[3] Заявление 121 от 3/XII 1927 г. // XV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 1334.

[4] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 80. Л. 124—125.

[5] Принцип составления этих списков не вполне ясен, так как наряду с видными большевиками в нем находятся люди, чью биографию восстановить довольно сложно (см.: XV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. С. 1247).

[6] Протокол № 5 заседания партколлегии ЛО КК ВКП(б) от 8 декабря 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 411. Л. 1).

[7] *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 290.

[8] ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 411. Л. 118.

[9] Стенограмма опроса т. Куделинского. 8 декабря 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 411. Л. 152).

[10] Заявление в Ленинградскую областную Контрольную комиссию ВКП(б). 10 марта 1931 г. (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-9. Д. 70473. Ч. 1. Л. 4).

[11] Стенограмма опроса тов. Гайдеровой. 13 декабря 1927 г. (Там же. Оп. 1-93. Д. 740848. Ч. 3. Л. 18—19).

[12] *Григоров Г. И.* Повороты судьбы и произвол. Т. 2. С. 9.

[13] Там же. С. 10.

[14] Стенограмма опроса т. Дингельштедта. 21 января 1928 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 78855. Л. 159—162).

[15] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80400. Л. 3.

[16] Там же. Оп. 1-82. Д. 649159. Л. 36.

[17] Протокол заседания бюро к-ва ВКП(б) ЛТИ от 28 декабря 1927 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2995. Л. 139).

[18] Заявление в бюро ячейки ВКП(б) экономического факультета (Там же. Ф. 1728. Оп. 1-51. Д. 401186. Ч. а. Л. 6).

[19] Ф. Н. Дингельштедт — Л. Д. Троцкому. 8 июля 1928 г. // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:483121034$8i (дата обращения: 09.11.2021).

[20] Ламца-дрица Капитулянтская // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:483034197$1i (дата обращения: 12.12.22).

[21] Дневник Ф. П. Швальбе [ноябрь 1928 г.] (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 101. Л. 15).

[22] Там же. РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 101. Л. 19.

[23] [Заметки из блокнота Ф. П. Швальбе 1929 г.] (Там же. Д. 79).

[24] Менее подробно об этом периоде Швальбе упоминал на допросе в ОГПУ в 1930 г. См.: Показания Швальбе Филиппа Петровича, секретаря т. Каменева... С. 690—691.

[25] Заявление в Ленинградскую областную Контрольную комиссию ВКП(б). 10 марта 1931 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-9. Д. 70473. Л. 6—7).

[26] Сами оппозиционеры его таким образом не называли, этот термин последовательно вводился следователями ОГПУ.

[27] Обвинительное заключение по следственному делу № 74 (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68581. Т. 3. Л. 500).

[28] Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68581. Т. 2. Л. 267 об.

[29] [О работе оппозиции в комсомоле Ленинграда. 6 октября 1928 г.] (ЦА ФСБ. Д. Р30766. Л. 16).

[30] См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-1. Д. 4139. Л. 12 и след. Однако, по сообщениям ОГПУ, только в октябре количество арестованных составило 39 человек. См.: Докладная записка Г. Г. Ягоды И. В. Сталину об арестах троцкистов в Ленинграде. 30 октября 1928 г. // Политбюро и Лев Троцкий. 1922—1940. М., 2017. С. 390—391.

[31] См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-95. Д. 754545. Ч. 1—2.

[32] *Гусев А. В*. Троцкистская оппозиция... С. 150—151.

[33] *Ярославский Ем*. «Рабочая оппозиция». «Рабочая группа». «Рабочая правда». М.; Л., 1927. С. 63.

[34] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80400. Л. 11.

[35] *Троцкий Л. Д*. Циркулярное письмо. 9 мая 1928 г. // Троцкий Л. Д. Письма из ссылки. 1928. М., 1995.

[36] Там же.

[37] О намерении Троцкого создать вторую партию сообщал М. И. Бронштейн в письме И. Н. Смирнову. Первый ссылался на письмо Троцкого Б. Г. Мдивани из ссылки, в котором говорилось о том, что ВКП(б) будет и дальше идти по пути бюрократизации и потому не сможет привлекать передовых представителей рабочего класса. Следовательно, требуется создать новую организацию. Оригинал этого письма не сохранился, так как его якобы проглотил Мдивани при аресте в 1928 г. См.: М. И. Бронштейн — И. Н. Смирнову [1929 г.] (РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. 142. Л. 1). Намекал на это и Зиновьев: Зиновьев Г. Е. Заслуженный приговор. С. 217—218.

[38] Выдержки из письма Владимира Михайловича [Смирнова] к одному из сапроновцев. Июль—август 1928 г. // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/387659 (дата обращения: 09.11.2021).

[39] *Фельштинский Ю. Г*., *Чернявский Г. И*. Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 360—361.

[40] Письмо Т. И. Харечко неназванному автору [Осип]. 10 октября 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 152. Л. 169, 171).

[41] *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 360—361.

[42] См.: *Гусев А. В.* «За оппозицию большевиков-ленинцев!». Листовки левокоммунистического подполья, 1928—1929 гг. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 196—204.

[43] Т. е. итальянские забастовки.

[44] Кацер — Радзевичу. 6 июля [1928 г.] Л. 1 // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/387992 (дата обращения: 12.11.2021).

[45] Там же.

[46] Ленинградская группа троцкистов — Троцкому. 22 марта 1928. Л. 1 // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/387279 (дата обращения: 09.11.2021).

[47] Ленинградская группа троцкистов — Радзевичу. 29 июня 1928 г. Л. 1—2 // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/387279 (дата обращения: 09.11.2021).

[48] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-95. Д. 754545. Л. 2.

[49] Меморандум о Войнове Г. М., 1929 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80400. Л. 11).

[50] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-68581. Т. 3. Л. 501.

[51] Протокол заседания конфликтной комиссии при коллективе ВКП(б) ЛТИ от 11 марта 1929 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-7. Д. 54084. Л. 2).

[52] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-68581. Т. 3. Л. 503.

[53] А. С. Бубнов — К. Е. Ворошилову. 17 ноября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 82. Л. 152). Всего было выявлено около десятка оппозиционеров. Наиболее активным агитатором был преподаватель Военно-морского инженерного училища (Там же. Л. 129).

[54] [Листовка, октябрь 1928 г.] (Там же. Д. 153. Л. 12).

[55] Справка о работе оппозиции в Балтфлоте. 16 мая 1928 г. (Там же. Д. 82. Л. 246—247).

[56] Вероятно, через доверенных лиц в клубе немецкому эмигранту, рабочему «Красного гвоздильщика» М. Ш. Диаманту удалось переправить своего сына за границу (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-74469. Л. 13, 31 об.—32).

[57] Автор благодарит О. А. Новикову-Монтерде за эти сведения (предоставленные из личного архива), а также за указание на статью П. Бруэ.

[58] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-74469. Л. 31 об.—32.

[59] *Broué P.* Les trotskystes en Union Soviétique (1929—1938) // Cahiers Léon Trotsky. 1980. No. 6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/francais/broue/works/1980/00/broue_19800000i.htm (дата обращения: 07.11.2022).

[60] См.: *Шепель Я. Г.* Троцкисты в Восточной Пруссии: «История в осколках» // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 72—84.

[61] Протокол заседания конфликтной комиссии при коллективе ВКП(б) ЛТИ от 11 марта 1929 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-7. Д. 54084. Л. 2 об.).

[62] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-93. Д. 740793. Л. 3.

[63] Обвинительное заключение [1928] (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-83045. Т. 1. Л. 314—315).

[64] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-83045. Т. 1. Л. 316.

[65] Там же. Л. 314—315.

[66] Там же. Л. 316; Протокол допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО. 1 март 1928 г. (Там же. Л. 8—9).

[67] Я. С. Агранов — И. В. Сталину. 14 марта 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 37. Л. 52).

[68] Обвинительное заключение [1928] (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-83045. Т. 1. Л. 314—315).

[69] Пионеры революции уходят в карательную ссылку (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 82. Л. 169. Л. 169—170). В заметке к листовке отмечается, что переводить ее должен был некий военный Г. Тетерин.

[70] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-32810. Л. 17.

[71] XV съезд и оппозиция [1928 г.] (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 37. Л. 12—13).

[72] Обвинительное заключение [1928] (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-83045. Т. 1. Л. 325).

[73] *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 364.

[74] Протокол допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО [1928 г.] (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-83045. Т. 1. Л. 301—301 об.).

[75] Я. С. Агранов — И. В. Сталину. 14 марта 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 37. Л. 52).

[76] Обвинительное заключение по делу № 1900—1882 1929 г. // Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-74469. Л. 75—76.

[77] См.: *Ярославский Ем.* За последней чертой. С. 12.

[78] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 155. Л. 64.

[79] *Гусев А. В.* Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму. С. 56.

[80] Г. Г. Ягода, Я. С. Агранов — И. В. Сталину, 2 февраля 1929 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 155. Л. 64—65).

[81] В. М. Смирнов — Т. И. Харечко. 19 сентября 1928 г. (Там же. Д. 156. Л. 150); *Сапронов Т. В*. Пора подвести итоги дискуссии об объединении оппозиционных групп (РГАСПИ. Л. 173).

[82] О дискуссиях в среде ссыльных см. подробнее: *Гусев А. В*. Троцкистская оппозиция... Гл. 3.

[83] *Фельштинский Ю. Г.*, *Чернявский Г. И*. Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 377—392.

[84] Борис — Троцкому. 24 июля [1928 г.] // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/388194; Борис — Троцкому. 13 августа 1928 г. // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/388423 (дата обращения: 09.11.2021).

[85] *Беленкин Б. И*. Репрессированные троцкисты — организованная политическая группа левого сопротивления сталинскому режиму (1927—1938): Борьба как норма жизни. На материалах следственных дел Г. Я. Яковина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Матлы VI Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 356.

[86] Цыреф — Троцкому [июнь 1928] // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:483036622$1i (дата обращения: 12.11.2021).

[87] Там же.

[88] Цыреф — Троцкому 28 мая [1928]. Л. 1 // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/archival_objects/387628 (дата обращения: 12.11.2021).

[89] И. М. Альтер — К. Б. Радеку. 25 февраля 1929 г. (РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 97. Л. 60—60 об.).

[90] Арсений — ответ тов. Радеку. 8 февраля 1929 г. (Там же. Ф. 329. Оп. 2. Д. 27. Л. 75, 73).

[91] Председателю ОКК ВКП(б) т. Десову [1928] (Там же. Ф. 324. Оп. 2. Д. 58. Л. 106).

[92] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-32810. Л. 17.

[93] Бюллетень московской группы большевиков-ленинцев. 1929. 1 января. № 3 (8). С. 2 (РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 133. Л. 102 об.).

[94] Против версии оппозиции говорит тот факт, что в конце 1920—начале 1930-х гг. насилие к членам партии (тем более с таким стажем, как у Генрихсона) в ГПУ не применялось. Условия заключения были тяжелыми, однако не предполагали физического воздействия. Показания надзирателя ДПЗ, хранящиеся в следственном деле, также свидетельствуют в пользу версии о самоубийстве, произошедшем через 15—20 минут после отбоя. Однако там же содержатся и материалы, которые вносят путаницу в дело Генрихсона: 27 октября было утверждено постановление о его скором освобождении, о

чем Генрихсон знал. Вероятно, суицид стал следствием раскаяния и мук совести за дачу признательных показаний на допросе (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-66504. Л. 17). Отметим, что многие документы дела Генрихсона, до сих пор недоступные для исследователей, вероятно, могут уточнить обстоятельства его кончины. В переписке между ОГПУ и губкомом также фигурировала версия о том, что Генрихсон покончил с собой, так как переживал, что следствию стал известен факт его ареста и ссылки в 1908 г. в Тобольскую губернию за мелкое хищение. По версии супруги, в 1908 г. он был сослан за организацию забастовки на Калинкинском заводе (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 1Б. Д. 59. Л. 3—3 об).

[95] Информация из справки, составленной Архивом УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и ЛО по материалам следственного дела И. М. Альтера (П-68518).

[96] Протокол дополнительного допроса гр-на Яковина Григория Яковлевича. 19 октября 1928 г. (ЦА ФСБ. Д. Р. 30766. Л. 13—15).

[97] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-95. Д. 754545. Ч. 2. Л. 2.

[98] В КК Василеостровского райкома. 19 ноября [1928 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-11. Д. 80519. Ч. 1. Л. 4).

[99] ПП ОГПУ в ЛВО — Кирову, Десову. 1 февраля 1929 г. (Там же. Ф. 24. Оп. 1Б. Д. 59. Л. 1—2).

[100] Там же. Л. 504.

[101] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-68518. Т. 2. Л. 507—508.

[102] Там же. Т. 3. Л. 1069.

[103] Там же. Д. П-82610. Т. 2. Л. 400.

[104] Обвинительное заключение по следственному делу № 480 (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-82610. Т. 3. Л. 461 об.—463).

[105] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-82610. Т. 3. Л. 464—465.

[106] Там же. Т. 1. Л. 405 об.

[107] Обвинение по следствию (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-82610. Т. 1. Л. 401).

[108] Протокол допроса И. А. Батика 10 февраля 1931 г. (Там же. Д. П-74492. Л. 28 об.—29).

[109] Протокол допроса И. А. Батика 14 мая 1931 г. (Там же. Л. 36 об.).

[110] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-10. Д. 79482. Л. 1. Согласно материалу следственного дела арестован 11 ноября. См.: Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-74469. Л. 5 об. Подробнее о М. Ш. Диаманте см.: *Novikova Monterde O.* Leben und Tod von Michail Diamant zwischen der deutschen und der russischen Linken // Max Diamant: Sozialist, Exilant, Gewerkschafter Beiträge aus dem Archiv der Sozialen Demokratie. Bonn, 2017. Heft 7. P. 31—35.

[111] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-74492. Л. 59 об., 199.

[112] Обвинительное заключение по следственному делу № 5000. 29 мая 1931 г. (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-74492. Л. 198 и след.).

[113] Обвинительное заключение по делу № 1900-1882 1929 г. (Там же. Д. 74469. Л. 75—76).

[114] О реальном соответствии сталинской экономической политики программе оппозиции см.: *Гусев А. В*. Осуществил ли Сталин программу Троцкого. (К вопросу о ликвидации нэпа) // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 73—86.

[115] *Гусев А. В*. Троцкистская оппозиция... С. 145—146.

[116] Заявление в Ленинградскую областную Контрольную комиссию ВКП(б). 10 марта 1931 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-9. Д. 70473. Л. 10 об.—11).

[117] Ф. Н. Дингельштедт — Л. Д. Троцкому. 8 августа 1928 г. Л. 2 // Houghton Library. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:483171825$1i (дата обращения: 09.11.2021).

[118] Информация из справки, составленной Архивом УФСБ РФ по СПб. и ЛО по материалам следственных дел О. Б. Остроумова (П-12227, 66652).

[119] *Скоркин К. В*. Обречены проиграть: (Власть и оппозиция 1922—1934). М., 2011. С. 458.

[120] Протокол очной ставки, произведенной в ПП ОГПУ между М. И. Матюшевичем и О. Б. Остроумовым 30 марта 1930 г. (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-12227. Л. 173); Протокол опроса [О. Б. Остроумова] от 5 апреля [1930 г.] (Там же. Л. 176).

[121] *Стефаненко А. Ю*. Внутрипартийная борьба в Ленинграде. С. 105—106.

[122] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-12227. Л. 244.

[123] *Стефаненко А. Ю*. Внутрипартийная борьба в Ленинграде. С. 106. Ход следствия, по существу, выяснял личные связи оппозиционеров, которые продолжали активно общаться. Каких-то конкретных проявлений подпольной работы выявлено не было. См.: Там же. Д. 66652.

[124] Протокол допроса, произведенный оперуполномоченным 1-го отделения СПО Коган и уполномоченным Якушевым от 28 апреля 1933 г. (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-21027. Л. 99—101, 149—150).

[125] Протокол допроса [Е. И. Носкова] от 29 октября 1932 г. (Там же. Д. П-91278. Т. 3. Л. 41—42).

[126] Протокол допроса (Там же. Л. 16).

[127] Весь Ленинград: Адресная и справочная книга: 1932. Л., 1932. С. 39. Об оппозиционной работе А. С. Алимова см.: *Стефаненко А. Ю*. К истории оппозиции на фабрике «Работница»: группа А. С. Алимова // Россия на переломе: Войны, революции, реформы. XX век: Сб. статей / Отв. ред. М. В. Ходяков; отв. сост. А. А. Иванов. СПб., 2018. С. 230—241.

[128] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-91278. Т. 2. Л. 111—113.

[129] Н. Я. Натансон показывала на допросе, что летом—осенью 1932 г. с ней связывались бывшие товарищи по ЭТИ и вели разговоры «фракцион-

ного» характера, что совпадает с периодом активной работы группы Ахматова. См.: Протокол дополнительного допроса [М. Я. Натансон] 20 февраля 1933 г. (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. 66652. Л. 16).

[130] ЦА ФСБ. Д. Р. 35567. Л. 30, 45 об.—47.

[131] Протокол допроса (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-91278. Т. 3. Л. 16).

[132] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-91278. Т. 2. Л. 113.

[133] Обвинительное заключение по следственному делу № 4226 — 1932 г. (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-91278. Т. 2. Л. 3).

[134] ОГПУ — председателю Гор. КК тов. Киселеву. 13 января 1932 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-19. Д. 147819. Л. 3—4; Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-91278. Т. 2. Л. 115).

[135] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 42. Д. 36. Л. 93.

[136] Агранов — тов. Сталину. 13 апреля 1933 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 36. Л. 107—108).

[137] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 200. Л. 54.

[138] Зампред ОГПУ Г. Ягода — секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину. 31 мая 1930 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 158. Л. 40).

[139] Из СССР. Письмо оппозиционера // Бюллетень оппозиции. 1931. № 24.

[140] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-32810. Л. 15.

[141] Там же. Л. 22—23.

[142] Там же. Л. 12.

[143] См., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 154. Л. 1, 5, 20, 333; Ф. 17. Оп. 171. Д. 158. Л. 158.

[144] *Гусев А. В*. «За оппозицию большевиков-ленинцев!». С. 203.

[145] Список большевиков-ленинцев (оппозиционеров) Верхне-Уральского изолятора // Бюллетень оппозиции. 1931. № 19.

[146] Тетради Верхне-Уральского политического изолятора. 1932—1933: Сб. документов. М., 2022.

[147] *Дингельштедт Ф. Н*. Попытка краткого политического обзора за период от XV до XVI съезда // Бюллетень оппозиции. 1930. № 12—13.

[148] *Ardashelya T. D*., *Yakovin G. Ya*. Lettre à Trotsky sur l'Isolateur de Verkhnéouralsk (November 11, 1930) // Cahiers Lion Trotsky. 1981. (718). P. 184—193.

[149] Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-68518. Т. 3. Л. 1924.

[150] ЦА ФСБ. Д. Р40745. Л. 116.

[151] Подробнее об этом см.: *Полещиков В. М*. За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995. С. 71—72; *Байтальский М. Д*. Тетради для внуков: (Из книги воспоминаний) // Печальная пристань. Сыктывкар, 1991. С. 328—344.

[152] См.: *Фельштинский Ю. Г*., *Чернявский Г. И*. Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. С. 247.

[153] *Ярославский Е. М.* К вопросу об изучении истории партии // Пролетарская революция. 1930. № 2—3. С. 31—55.

[154] *Слуцкий А. Г.* Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса // Пролетарская революция. 1930. № 6. С. 38—72.

[155] *Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 84—102.

[156] Единственным исключением можно назвать статью: *Купайгородская А. П.* Институт истории Ленинградского отделения Коммунистической академии (1929—1936) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков: Сб. статей. СПб., 2006. С. 127—137.

[157] См. подробнее о мотивах письма: *Barber J.* Soviet historians in crisis, 1928—1932. London, 1981. P. 126—136.

[158] Биография этого крупнейшего партийного историка Ленинграда 1920-х гг. представлена в литературе только в самых общих чертах. Поэтому дадим краткую справку. Владислав Оттонович Волосевич родился в 1882 г. в семье участника польского восстания 1863 г., приговоренного к каторге, впоследствии замененной ссылкой. В 1901 г. он поступил в Харьковский университет, откуда дважды исключался за участие в студенческих беспорядках. В 1903 г. вступил в ряды большевистской партии, с 1907 г. работал в подполье. После одного из многочисленных арестов в 1910 г. был сослан в Енисейскую губернию, дер. Денисовка. Впоследствии жил в Иркутске, где работал в метеорологической обсерватории. В 1912 г. бежал за границу, жил сначала в Льеже, а затем в Лилле, где в 1918 г. окончил курс Промышленного института, но не сдавал экзамены. Во Франции занимался редакторской деятельностью в коммунистических газетах «Proletaire» и «L'humanite». В 1920 г. вступил во французскую компартию и в комитет 3-го Интернационала. В 1922 г. переехал в СССР и начал преподавательскую работу. В 1924—1925 гг. являлся заведующим Ленинградским отделением Центрального архива, с 1925 г. — руководитель кафедры истории ВКП(б) в Военно-инженерной академии, в это же время преподавал историю в областной совпартшколе, Институте национальных меньшинств Запада, с 1934 по 1937 г. в Институте инженеров железнодорожного транспорта. Первый год блокады историк провел в Ленинграде, после был эвакуирован в Киров. После снятия блокады Волосевич вернулся в Ленинград к преподаванию в Химико-техническом институте. В 1950 г. вышел на пенсию. Скончался в 1953 г. См.: Curriculum vitae (ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 683. Л. 3—4; *Баринов Д. А.* Владислав Оттонович Волосевич // Биографика СПбГУ. [Электронный ресурс]. URL: https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3421-volosevic-vladislav-ottonovic. html (дата обращения: 09.08.22).

[159] Прения по докладу т. Малахова «Письмо т. Сталина и очередные задачи на литературном фронте» [1931] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-80. Д. 633087. Л. 3—6).

[160] Протокол № 11 заседания Бюро ячейки Института истории от 8 декабря 1931 г. (Там же. Ф. 566. Оп. 1. Д. 82. Л. 23).

[161] [Резолюция, январь 1932 г.] (Там же. Л. 82).

[162] *Камегулов А. Д*. Троцкизм в литературоведении. (Об историко-чит. лит. и критич. работах Г. Горбачева). Л., 1932. С. 4.

[163] Там же. С. 34, 21.

[164] См. подробнее: *Баринов Д. А*. Историки и оппозиция в Ленинграде (1920—30-е гг.) // Вестник Костромского гос. ун-та. 2021. Т. 27. № 3. С. 25—37.

[165] Об итогах проработки письма тов. Сталина. 23 января 1932 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 6. Оп. 2. Д. 4608. Л. 6).

[166] Кузютин А. Ф. — Партийному комитету ЛЭТИ [1931 г.] (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-30. Д. 236941. Л. 3).

[167] ОГПУ — секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину. 3 января 1933 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 139. Л. 115).

Заключение

[1] *Konecny P*. Builders and deserters Konecny P. Builders and deserters: Students, state, and community in Leningrad, 1917—1941. Montreal, 1999. P. 103.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и ЛО

Следственные дела

1. П-12227 (О. Б. Остроумов и др., 1930 г.).
2. П-14079 (К. В. Нотман, 1935 г.).
3. П-15382 (Г. М. Дрязгов, 1928 г.).
4. П-20618 (О. Э. Визель, 1935 г.).
5. П-21027 (З. Н. Гайдерова, М. Л. Ширвиндт и др., 1933 г.).
6. П-23496 (М. Л. Ширвиндт, 1935 г.).
7. П-28852 (И. А. Батик, 1935 г.).
8. П-32810 (Ю. П. Шейн, 1936 г.).
9. П-33510 (З. Н. Гайдерова, 1936 г.).
10. П-33569 (Б. В. Чернов, декабрь 1923 г.).
11. П-44339 (С. Г. Бобров, 1935 г.).
12. П-57382 (Б. В. Чернов, Л. М. Глоцер и др. 1922 г.).
13. П-63001 (Ю. П. Шейн, 1935 г.).
14. П-65061 (Н. И. Карпов, 1929 г.).
15. П-66504 (А. А. Генрихсон, 1928 г.).
16. П-66652 (М. Я. Натасон, 1933 г.).
17. П-66723 (Н. И. Карпов, 1934 г.).
18. П-66805 (И. А. Коротнев, Б. К. Войт, Н. П. Зацкий и др., 1923 г.).
19. П-68518 (И. М. Альтер, В. Г. Денсов, В. К. Яцек и др., 1928 г.).
20. П-74469 (М. Ш. Диамант, А. П. Королев и др., 1929 г.).
21. П-74492 (И. А. Батик, П. Т. Граков, Б. Г. Пенджерков, А. М. Шульдер и др., 1931 г.).
22. П-81001 (А. А. Малиновский, М. Н. Полякова и др., 1925—1926 гг.).
23. П-81672 (В. В. Бианки, 1925 г.).
24. П-81753 (А. Л. Бронштейн, 1936—1937 гг.).

25. П-82335 (В. Я. Зильберман, 1922 г.).
26. П-82542 (Н. Н. Аловерт, 1923 г.).
27. П-82610 (Д. В. Редозубов, Ю. П. Шейн и др., 1929 г.).
28. П-83045 (Д. В. Вихорев, Ф. Н. Дингельштедт, Р. И. Коновалов и др., 1928 г.).
29. П-86744 (М. Н. Кочкин и др., 1923 г.).
30. П-86825. (Е. А. Боронина, Л. И. Чуковская и др., 1926 г.).
31. П-87766. (С. П. Жаба, 1920—1922 гг.).
32. П-87968 (С. Г. Бобров, О. Э. Визель, 1923 г.).
33. П-87980 (А. М. и Т. М. Гарасевы, 1926 г.).
34. П-88168 (П. В. Высоцкий, Л. В. Ионова, Г. А. Садовский, 1924 г.).
35. П-88171 (Б. В. Чернов, сентябрь 1923 г.).
36. П-91278 (М. И. Ахматов, С. К. Антоневич, Е. И. Носков и др., 1932 г.).

Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ)

Следственные дела

1. Р30766 (Г. Я. Яковин, 1929 г.).
2. Р35567 (В. Л. Кибальчич (Серж) и др., 1933 г.).
3. Р40745 (Л. Е. Думбадзе, В. Ф. Панкратов, Х. М. Певзнер, Г. Я. Яковин, 1935 г.).
4. Р41894 (Т. И. Харечко и др., 1927—1928 гг.).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 102. Департамент полиции МВД.
2. Ф. 111. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде (Охранное отделение) при Петроградском градоначальнике.
3. Ф. 5205. Институт красной профессуры при ЦИК СССР.
4. Ф. 9571. Минин Сергей Константинович, заведующий орготделом Северо-Западного областного бюро ЦК РКП(б).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

1. Ф. 17. Оп. 11. Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б).
2. Ф. 17. Оп. 71. Коллекция документальных материалов об оппозициях.
3. Ф. 17. Оп. 85. Секретный отдел ЦК ВКП(б).

4. Ф. 17. Оп. 171. Постановления политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС о деятельности антипартийных групп.
5. Ф. 74. К. Е. Ворошилов.
6. Ф. 76. Ф. Э. Дзержинский.
7. Ф. 82. В. М. Молотов.
8. Ф. 275. Центральный комитет РСДРП (меньшевиков) — Центральный комитет РСДРП (объединенной).
9. Ф. 323. Л. Б. Каменев.
10. Ф. 324. Г. Е. Зиновьев.
11. Ф. 326. К. Б. Радек.
12. Ф. 329. Н. И. Бухарин.
13. Ф. 613. Центральная контрольная комиссия РКП (б) — ВКП(б) (ЦКК).

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН)

1. Ф. 233. Научно-исследовательский институт при Коммунистическом университете в Петрограде.
2. Ф. 235. Ленинградский институт марксизма Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.)

1. Ф. 2555. Ленинградское отделение Главного управления научных учреждений академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР.
2. Ф. 3025. Ленинградский Ордена Октябрьской революции и Ордена Трудового Красного Знамени Технологический институт им. Ленсовета.
3. Ф. 3121. Санкт-Петербургский государственный технический университет Государственного Комитета РСФСР по делам науки и высшей школы.
4. Ф. 3295. Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).
5. Ф. 4331. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ им. А. И. Герцена).
6. Ф. 5301. Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при исполнительном комитете Петроградского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
7. Ф. 7240. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

8. Ф. 8811. Санкт-Петербургский государственный горный институт им. Г. В. Плеханова.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.)

1. Ф. 2. Выборгский районный комитет КПСС.
2. Ф. 3. Московско-Нарвский районный комитет ВКП(б).
3. Ф. 4. Василеостровский районный комитет КПСС.
4. Ф. 5. Невский районный комитет КПСС.
5. Ф. 6. Петроградский районный комитет КПСС.
6. Ф. 7. Центральный городской районный комитет ВКП(б).
7. Ф. 16. Ленинградский губернский комитет ВКП(б).
8. Ф. 24. Ленинградский областной комитет КПСС.
9. Ф. 40. Партийный комитет Ленинградского государственного технического университета (Политехнического института).
10. Ф. 47. Первичная организация КПСС Ленинградской лесотехнической академии им. С. М. Кирова (Лесного института).
11. Ф. 119. Первичная организация КПСС Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ленина.
12. Ф. 139. Первичная организация ВКП(б) рабочего факультета ЛГУ.
13. Ф. 197. Первичная организация ВКП(б) Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. И. В. Сталина.
14. Ф. 257. Первичная организация КПСС 1-го Ленинградского медицинского института им. академика И. П. Павлова.
15. Ф. 432. Контрольная комиссия ВКП(б)—РКИ Выборгского района.
16. Ф. 433. Контрольная комиссия ВКП(б)—РКИ Василеостровского района.
17. Ф. 461. Отдел Ленинградского Обкома ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б).
18. Ф. 563. Уполномоченный комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области.
19. Ф. 566. Ленинградский институт красной профессуры при ЦИК СССР.
20. Ф. 601К. Ленинградский губернский комитет ВЛКСМ.
21. Ф. 984. Партийный комитет Ленинградского государственного университета.
22. Ф. 1060. Партийный комитет Технологического института им. Ленсовета.
23. Ф. 1158. Первичная организация КПСС Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.
24. Ф. 1307. Первичная организация КПСС Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС.

25. Ф. 1428. Первичная организация КПСС Ветеринарного института.
26. Ф. 1728. Коллекция личных дел.
27. Ф. 1842. 1-й Городской районный комитет РКП(б).
28. Ф. 1850. Первичная организация КПСС Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института.
29. Ф. 4000. Ленинградский институт историко-политических исследований.
30. Ф. 4505. Контрольно-ревизионная комиссия Ленинградской областной организации КПСС.
31. Ф. 4506. Комиссия партийного контроля при Ленинградском горкоме КПСС.
32. Ф. 7354. Коллектив ВКП(б) Ленинградского института народного хозяйства им. Ф. Энгельса.
33. Ф. 9087. Коллекция учетных партийных документов членов и кандидатов в члены РСДРП(б)—РКП(б).
34. Ф. 9088. Коллекция учетных карточек членов и кандидатов в члены партии.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.)

1. Ф. 59. Высшие государственные курсы искусствоведения при Институте истории искусств Ленинградского областного отдела народного образования.
2. Ф. 371. Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России.
3. Ф. 328. Ленинградский институт истории, философии, литературы и лингвистики (ЛИФЛИ) Наркомпроса РСФСР.

Houghton Library. Harvard University (Хогтонская библиотека, Гарвардский университет)

1. Leon Trotsky Soviet papers. [Электронный ресурс]. URL: https://hollisarchives. lib. harvard. edu/repositories/24/resources/1546 (дата обращения: 8.05.2022).

Сборники документов

1. Анархистское движение России и русского зарубежья. Документы и материалы 1922—1941 гг. М.: РОССПЭН, 2021. 810 с.
2. XIII съезд РКП(б) о молодежи. Самара: Газ. «Голос молодежи», 1924. 27 с.
3. Дискуссия 1925 года. Материалы и документы. М.; Л.: Госиздат, 1929. 392 с.

4. История РКП(б) в документах / Сост. Ш. М. Левин, И. Л. Татаров. Л.: Госиздат, 1926. Т. 1. 696 с.
5. Как ломали НЭП. М.: МФД, 2000. Т. 4. 767 с.
6. Культурная жизнь в СССР. 1917—1927. Л.: Наука, 1975. 768 с.
7. Меньшевики в Советской России. Казань, [б. и.], 1998. 229 с.
8. Меньшевики в 1922—1924 гг. / Сост. А. Ненароков; отв. ред. З. Галили. М.: РОССПЭН, 2004. 726 с.
9. Новая оппозиция: Сб. материалов о дискуссии 1925 года. Л.: Прибой, 1926. 317 с.
10. О роспуске студенческих старостатов всех вузов // Собрание узаконений. 1919. № 35. С. 404—405.
11. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), 21—23 октября 1927 г.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2018. 470 с.
12. Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г.: Протоколы и материалы. СПб.: «Третья Россия», 1997. 259 с.
13. Политбюро и Лев Троцкий, 1922—1940 гг.: Сб. документов / Сост. О. Б. Мозохин. М.: Историческая литература, 2017. 789 с.
14. Против атак на партию с комсомольского фланга: Факты и цифры / Сост. АПО Севзапбюро ЦК ВКСМ. Л.: Прибой, 1927. 62 с.
15. РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. М.: РОССПЭН, 2004. 462 с.
16. Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика. 1906—1924 гг. М.: РОССПЭН, 2002. 421 с.
17. Стенографический отчет. XV съезд ВКП(б). М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 1416 с.
18. Тетради Верхне-Уральского политического изолятора. 1932—1933: Сб. документов / Сост. А. В. Гусев и др. М.: Тровант, 2022. 476 с.
19. Троцкизм и молодежь: Сб. материалов. Л.: Прибой, 1924. 49 с.
20. Факты и цифры. Против демагогии и измышлений оппозиции. М.: Московский рабочий, 1927. 157 с.
21. Эсеры «на работе» против советов. (К предстоящему процессу). Пг., [Б. и.], 1922. 48 с.

Источники личного происхождения

1. *Абрамович И. Л.* Воспоминания и взгляды. В 2 т. М.: КРУК-Престиж, 2004.
2. *Байтальский М. Д.* Тетради для внуков. (Из книги воспоминаний) // Печальная пристань. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. С. 328—344.
3. *Беленький Б. Е.* «Враг народа». Мои воспоминания // Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. [Электронный ресурс]. URL: https://www. sakharov-center. ru/asfcd/auth/?t=book&num=6649

4. *Войтоловская А. Л.* По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 334 с.
5. *Гаген-Торн Н. И.* Memoria. М.: Моск. ист.-лит. о-во «Возвращение», 1994. 412 с.
6. *Гарасева А. М.* Я жила в самой бесчеловечной стране... Воспоминания анархистки. М.: Интеграф Сервис, 1997. 335 с.
7. *Гонцов Г.* Снова по родной земле // Воля народа. 1928. Вып. 1. С. 59—71.
8. *Григоров Г. И.* Повороты судьбы и произвол. В 2 т. СПб., 2007—2010.
9. *Двинов Б. Л.* От легальности к подполью, 1921—1922: записки. Нью-Йорк, [Б. и.], 1955. 183 с.
10. *Жаба С. П.* Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Париж: Русское книгоиздательство J. Povolozky, [1924]. 61 с.
11. *Жаба С.* Universitas Litterarum // Русская мысль. 1969. 6 марта. № 2728. Приложение II. С. 7.
12. *Зиновьев Г. Е.* Заслуженный приговор. М.: Концептуал, 2022. 400 с.
13. *Иоффе Н. А.* Время назад. (Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха). М.: Биол. науки, 1992. 237 с.
14. *Кучин-Оранский Г. Д.* Записки // Двинов Б. Л. От легальности к подполью. 1921—1922. Stanford: The Hoover inst. on war, revolution and peace, 1968. С. 167—196.
15. Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson: Chalidze, 1990. 292 с.
16. *Олицкая Е. Л.* Мои воспоминания. Frankfurt am Main: Посев, 1971. Кн. 1. 318 с.
17. *Павлов И. М.* 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб.: Петербург — XXI в.; Cambridge: Iskra Research, 2001. 123 с.
18. *Полетика Н. П.* Виденное и пережитое. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990. 433 с.
19. *Серж В.* От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. Оренбург: Оренбург. кн.; М.: Праксис, 2001. 686 с.
20. *Солдатенков С. В.* Рабочий факультет — университет — наука // На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 46—47.
21. *Тиль Т. И.* Социал-демократическое движение молодежи 1920-х гг. // Память. Париж: YMCA-Press, 1980. Вып. 3. С. 165—283.
22. *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М.: Панорама, 1991. 621 с.
23. *Троцкий Л. Д.* Письма из ссылки, 1928. М.: Изд-во гуманит. лит., 1995. 261 с.
24. *Чернова Е. Б.* «Я пишу то, что помню...». Воспоминания. СПб.: Европейский дом, 2011. 250 с.
25. *Чуев Ф. И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Изд. центр «Терра», 1991. 604 с.

26. *Ardashelya T. D., Yakovin. G. Ya.* Lettre à Trotsky sur l'Isolateur de Verkhnéouralsk (November 11, 1930) // Cahiers Lion Trotsky. 1981. (718). P. 184—193.
27. *Chiang Ching-kuo*. My Days in Soviet Russia // Chiang Ching-kuo remembered: the man and his political legacy. Washington: United States Global Strategy Council, 1989. P. 147—188.
28. *Sedova-Trotskaya N., Serge V*. The Life and Death of Leon Trotsky. Chicago: Haymarket Books, 1973. 328 p.

Периодическая печать, публицистика, сочинения политических деятелей

1. *Анишев Ан.* Об основном звене // Ленинградская правда. 1925. 19 декабря. С. 3.
2. Архив Троцкого. В 2 т. Харьков: «ОКО», 2001.
3. *Безыменский А*. Молодой // Правда. 1924. 16 января. № 1. С. 1.
4. *Бродянский Б*. Грани быта // Красный студент. 1923. № 11—12. С. 27—18.
5. *Бродянский Б*. От пассивной критики к активной работе // Красный студент. 1923. № 9—10. С. 32—33.
6. *Бухарин Н. И*. Енчмениада. (К вопросу об идеолог. вырождении). М.; Пг.: Госиздат, 1923. 72 с.
7. За ленинский ЦК. За единство // Товарищ. 1927. 16 ноября. С. 5.
8. За партию. За ленинизм. Сб. 1. Пг.: Прибой, 1924. 216 с.
9. *Зиновьев Г. Е.* Война, революция и меньшевизм. М.; Л.: Огиз — Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 212 с.
10. Бюллетень московской группы большевиков-ленинцев. 1929. 1 января. № 3 (8). РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 133.
11. *Горбачев Г.* 1917—1925 гг.: Сб. материалов для агитаторов. Л.: Прибой, 1925. 160 с.
12. *Дингельштедт Ф. Н.* Попытка краткого политического обзора за период от XV до XVI съезда // Бюллетень оппозиции. 1930. № 12—13. [Электронный ресурс]. URL: https://iskra-research.org/FI/BO/BO-12.shtml
13. *Дингельштедт Ф. Н.* Отповедь капитулянту // Бюллетень оппозиции. 1929. № 6. Октябрь. [Электронный ресурс]. URL: https://iskra-research.org/FI/BO/BO-06. shtml
14. Долой фракционность! (Ответ редакции ЦО тов. Троцкому) // Правда. 1924. 16 января. № 1. С. 5.
15. *Енчмен Э. С.* Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии». Ростов н/Д: Ростово-Нахичев. воен.-рев. ком, 1920. 36 с.

16. *Енчмен Э. С.* Несколько слов. [1923 г.]. РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 22. Л. 21—12.
17. *Енчмен Э. С.* Теория новой биологии и марксизм. Пб.: Политпросвет студкома Рабфака П. Г. У. «Вулкан», 1923. 83 с.
18. Еще раз о двух поколениях // Правда. 1924. 16 января. № 1. С. 4.
19. *Зиновьев Г. Е.* Студенчество и пролетарская революция. Пб.: Госиздта, 1921. 40 с.
20. Из СССР. Письмо оппозиционера // Бюллетень оппозиции. 1931. № 24.
21. К вопросу о двух поколениях // Правда. 1924. 16 января. № 1. С. 5.
22. К итогам дискуссии в нашем университете // Зиновьевец. 1924. № 5—6. С. 9.
23. Как тов. Евдокимов «выполнил» задание Троцкого // Ленинградская правда. 1927. 3 ноября. С. 2.
24. *Камегулов А. Д.* Троцкизм в литературоведении. (Об историко-чит. и критич. работах Г. Горбачева). Л.; М.: ГИХЛ, 1932. 79 с.
25. *Канатчиков С. И.* История одного уклона. Пг.: Прибой, 1924. 156 с.
26. *Ленин В. И.* Выступление на заседании Петербургского комитета РСДРП(б). 1 (14) ноября 1917 г. // Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891—1922. М.: РОССПЭН, 2017. С. 215—119.
27. *М. Бр.* Октябрь в институте // Ленинградский технолог. 1926. 6 ноября.
28. Меньшевики интервенты: Сб. статей. М.; Л.: Огиз, 1931. 136 с.
29. *Минин С.* Второй выпуск // Зиновьевец. 1925. № 6. С. 2.
30. Новое и старое в «новой» оппозиции // Правда. 1927. 26 июля. № 167 (3699). С. 4—6.
31. О студентах, дискуссии и демократии // Зиновьевец. 1924. № 5—6. С. 10—11.
32. О тенденциозной оппозиции и ее превращении в «рабочих и крестьян» // Зиновьевец. 1924. № 5—6. С. 12—15.
33. Общестуденческая конференция // Петроградская правда. 1920. 15 июня. С. 2.
34. Партийная жизнь // Петроградская правда. 1918. 8 октября. С. 3.
35. *Преображенский Е. А.* Ближайшие задачи Социалистической академии // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1. С. 7—9.
36. Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиция) к XV съезду ВКП(б). 1927. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0003_opo&object=translation&l=ru
37. Радек «в гостях» у партийцев-бумажников // Ленинградская правда. 1927. 4 ноября. С. 3.
38. *Радек К.* Об оппозиции // Архив Троцкого. М., 1990. Т. 2. С. 40—55.
39. *Сафаров Г. И.* О ленинском воспитании молодежи. Л.: «Прибой», 1924. 32 с.
40. *Сеф.* Тов. Астров «по-ленински» решает вопрос о госкапитализме // Ленинградская правда. 1925. 18 декабря. С. 3.

41. Список большевиков-ленинцев (оппозиционеров) Верхне-Уральского изолятора // Бюллетень оппозиции. 1931. № 19. Март.
42. *Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 84—102.
43. *Сталин И. В*. Ответ Олехновичу и Аристову: По поводу письма в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 126—131.
44. *Татаров И*. Наша действительность и наши перспективы // Ленинградская правда. 1925. 16 декабря. С. 3.
45. *Тишкин С*. Итоги дискуссии и практические выводы // Зиновьевец. 1926. № 1. С. 3—4.
46. *Троцкий Л. Д*. В редакцию «Дискуссионного листка». 2 ноября 1927 г. // Архив Троцкого. В 4 т. М.: Издательский центр «Терра», 1990. Т. 4. С. 235—137.
47. *Троцкий Л. Д.* Вопросы и ответы, написанные мною для пропаганды // Архив Троцкого. В 4 т. М.: Издательский центр «Терра», 1990. Т. 2. С. 64—75.
48. *Троцкий Л. Д*. Новый курс // Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 164—103.
49. *Троцкий Л. Д*. О единстве партии // Архив Троцкого. В 4 т. М.: Издательский центр «Терра», 1990. Т. 2. С. 77—82.
50. *Троцкий Л. Д*. Революция и задачи воспитания // Культура переходного периода. М.; Л., 1927. С. 289—355.
51. *Троцкий Л. Д.* Сталинская школа фальсификаций. М.: «Наука», 1990. 332 с.
52. *Ханин Д. М*. Комсомол и оппозиция. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 130 с.
53. *Цвибак М*. Довольно полемической фразеологии! // Ленинградская правда. 1925. 19 декабря. С. 3.
54. *Цвибак М.* Куда привело ликвидаторство товарища А. С. // Ленинградская правда. 1925. 15 декабря. С. 4.
55. *Яр-вич*. На студенческой конференции // Красная газета. 1920. 15 июня. С. 3.
56. *Ярославский Е. М*. За последней чертой. Троцкистская оппозиция после XV съезда: Сб. статей. М.; Л.: Госиздат, 1930. 196 с.
57. *Ярославский Е. М.* К вопросу об изучении истории партии // Пролетарская революция. 1930. № 2—3. С. 31—55.
58. *Ярославский Е. М*. Против оппозиции: Сб. статей. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 328 с.
59. *Ярославский Е. М.* «Рабочая оппозиция». «Рабочая группа». «Рабочая правда». М.; Л.: Молодая гвардия, 1927. 80 с.

Литература

1. *Абрамов Б. А.* Идейная борьба партии против троцкистов и зиновьевцев в период подготовки и проведения 14-го съезда ВКП(б). М.: Знание, 1959. 48 с.
2. *Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П.* Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М.: Ключ-С, 2015. 367 с.
3. *Андреев Д. А.* «Красное студенчество» в начале 1920-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 187 с.
4. *Анишев А. И.* Очерки истории Гражданской войны. 1917—1920 гг. М., [Б. и.], 1925. 288 с.
5. *Апальков Д. И.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б). От «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. М.: АИРО-XXI, 2022. 192 с.
6. *Ацаркин А. Н., Галкова Д. Н.* Комсомол в борьбе с троцкизмом (1923—1927). М.: Изд-во МГУ, 1985. 190 с.
7. *Балабанов М. С.* Очерк истории революционного движения в России. Л.: Прибой, 1929. 304 с.
8. *Баринов Д. А.* Исаак Маркович Альтер (1892—1937) — философ, историк, оппозиционер // Вече. Ежегодник русской философии и культуры. СПб., 2021. С. 150—159.
9. *Баринов Д. А.* Историки и оппозиция в Ленинграде (1920—30-е гг.) // Вестник Костромского гос. ун-та. 2021. Т. 27. № 3. С. 25—37.
10. *Баринов Д. А.* Студенческие землячества императорского и советского университета // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 70—81.
11. *Баринов Д. А.* Студенческие организации Петроградского университета: крах и перерождение в революционную эпоху // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2022. N 15. P. 1—13.
12. *Баринов Д. А., Лебедев В. А.* Молодежь и проблема революционных поколений в партийной дискуссии 1923 г. // Клио. 2022. № 8 (188). С. 92—101.
13. *Бахарева А. Н., Лейкин А. Я.* Комсомол — активный помощник РКП(б) в борьбе с непролетарскими партиями и союзами за молодежь (1917—1925 гг.). Историография проблемы // Исторический опыт борьбы КПСС с непролетарскими партиями, группами и течениями за молодежь (1903—середина 20-х годов). Л.: Изд-во ЛГПИ, 1990. С. 98—106.
14. *Беленкин Б. И.* Неподцензурные тексты, размножавшиеся и распространявшиеся группами левой оппозиции в СССР (1927—1929 гг.) в архиве ФСБ РФ // Acta samizdatica / Записки о самиздате: Альманах. М., 2015. Вып. 2. С. 53—75.
15. *Беленкин Б. И.* Репрессированные троцкисты — организованная политическая группа левого сопротивления сталинскому режиму (1927—1938): борьба как норма жизни. На материалах следственных дел

Г. Я. Яковина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2010. С. 352—367.
16. *Брачев В. С.* Жизнь и судьба историка: Константин Вильгельмович Нотман (1901—1937) // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 3. С. 10—13.
17. *Брачев В. С.* Историк Леонид Григорьевич Райский (1897—1936 гг.) // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 24—29.
18. *Брачев В. С.* Историк М. М. Цвибак и его судьба (1899—1937 гг.) // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 2. С. 33—54.
19. *Будченко Л. И.* Организатор и вожак первых царицынских большевиков // Частные миры Великой русской революции. Сб. науч. трудов (на русском и татарском языках). Казань: Институт истории, 2017. С. 277—283.
20. *Важюлевич А. В.* Вокруг Маяковского. «Инженерица» Муся Натансон и другие // Литературный факт. 2017. № 5. С. 125—154.
21. *Вихров В. М.* Коммунистический лидер Г. Е. Зиновьев во главе Петрограда—Ленинграда (конец 1917 г. — начало 1926 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 227 с.
22. *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2 т. М., 1986.
23. *Голубев А. А.* Ленинградская партийная организация в борьбе с «новой оппозицией» и троцкистско-зиновьевским антипартийным блоком (1925—1927 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 7. Д. 2143.
24. *Горбачев Г. Е.* Два года литературной революции. Л.: Прибой, 1926. 200 с.
25. *Горев Б. И.* Анархизм в России. (От Бакунина до Махно). М.: Молодая гвардия, 1930. 144 с.
26. *Гришин П. П.* Меньшевики и Октябрьская революция. Л.: Партийное издательство, 1932. 40 с.
27. *Гусев А. В.* «За оппозицию большевиков-ленинцев!». Листовки левокоммунистического подполья, 1928—1929 гг. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 196—204.
28. *Гусев А. В.* Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму // За справедливость и свободу: Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. М.: URSS, 2014. С. 53—61.
29. *Гусев А. В.* Осуществил ли Сталин программу Троцкого. (К вопросу о ликвидации нэпа) // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 73—86.
30. *Гусев А. В.* Троцкистская оппозиция в конце 20-х—начале 30-х годов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 222 с.
31. *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. М.: Соцэкгиз, 1963. 259 с.

32. *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: Исторический очерк. М.: Мысль, 1975. 383 с.
33. *Дмитренко С. Л.* Борьба КПСС за единство своих рядов, октябрь 1917—1937. М.: Политиздат, 1976. 320 с.
34. *Дмитренко С. Л.* Сплоченными рядами. М.: Мол. гвардия, 1987. 198 с.
35. *Дойчер И.* Троцкий. Безоружный пророк. 1921—1929. М.: Центрополиграф, 2006. 494 с.
36. *Дьяков Ю. Л. и др.* Протестное движение в СССР (1922—1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью. М.: Прометей, 2012. 330 с.
37. *Злобина В. М.* Борьба партии большевиков против мелкобуржуазного влияния на рабочий класс в первые годы НЭПа (1921—1925 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 168 с.
38. *Иванов В. М.* Борьба партии против антиленинских течений (1921—1929). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 132 с.
39. *Иванов В. М.* Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Л.: Лениздат, 1965. 280 с.
40. *Колосов В. А.* Ликвидаторство и нигилизм по отношению к философии в 1920-е годы в СССР и их преодоление // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. С. 61—67.
41. Комсомол — боевой помощник партии, 1918—1983: Сб. статей. М.: ИНИОН, 1984. 347 с.
42. *Кононеко А. А.* Партия социалистов-революционеров в 1901—1922 гг. Проблемы историографии. Тюмень: Вектор Бук, 2004. 287 с.
43. *Корсаков С. Н.* Судьба философа: Максим Лазаревич Ширвиндт (1893—1936). Ч. I // Философские науки. 2015. № 10. С. 127—139.
44. *Кочетова А.* Лев Каменев: «Я не согласен». М.: РОССПЭН, 2022. 463 с.
45. *Красникова А. В.* Первые коллективы РКП(б) Петроградского государственного университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. Т. 3. С. 18—14.
46. *Кривоноженко А. Ф.* Петроградский университет в 1917—1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 262 с.
47. *Кун М.* Диссиденты 1927 года ... // Комсомольская правда. 1990. 7 ноября. С. 3.
48. *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917—1925 гг.). Л.: Наука, 1984. С. 59—60.
49. *Купайгородская А. П.* Институт истории Ленинградского отделения Коммунистической академии (1929—1936) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков: Сб. статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 127—137.

50. Левые коммунисты в России. 1918—1930-е гг. М.: Праксис, 2008. 331 с.
51. *Лейкин А. Я.* Против ложных друзей молодежи. 1917—1924. М.: Молодая гвардия, 1980. 223 с.
52. *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 511 с.
53. *Леонтьев Я. В.* «Все организации осведомлением обеспечены». Документы российских архивов о партии левых эсеров в середине 1920-х гг. // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 93—104.
54. *Леонтьев Я. В.* Встреча поколений. (Мои воспоминания об анархистах 1920-х—1980-х гг.) // Прямухинские чтения 2016 года. М.: Регтайм, 2017. С. 134—138.
55. *Леонтьев Я. В.* Левоэсеровское движение: организационные формы и механизмы функционирования. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2009. 823 с.
56. Листовка «К молодежи!» «Областного секретариата левонародников» г. Орла // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 93—104.
57. *Малинов А. В., Троицкий С. А.* Русская философия под запретом. (К 90-летию «Философского парохода») // Новое литературное обозрение. 2013. № 1 (119). С. 53—66.
58. *Мартов Л.* Наша платформа // Социалистический вестник. 1922. № 19. С. 3—8.
59. *Маслов И. И.* КПСС в борьбе за укрепление единства своих рядов и осуществления политики социалистической индустриализации страны. М.: Госполитиздат, 1955. 176 с.
60. Меньшевики: от революций 1917 года до Второй мировой войны. М.: Собрание, 2009. 551 с.
61. *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 623 с.
62. *Невский В. И.* Очерки по истории Российской коммунистической партии. Л.: Прибой, 1925. Т. 1. 701 с.
63. *Никитин А. Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М.: Аграф, 2000. 343 с.
64. *Никуленкова Е. В.* Подготовка экономистов-марксистов в Институте красной профессуры в 1920-е годы // Вестник Рязанского гос. ун-та. 2018. Вып. 4. С. 47—55.
65. *Оксенюк А. А.* Механизмы формирования массовых нелегальных организаций социалистических партий в России в начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 318 с.
66. *Павлов Д. Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов, 1917—середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. 230 с.
67. *Подболотов П. А.* Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 120 с.

68. *Подболотов П. А., Спирин Л. М.* Крах меньшевизма в Советской России. Л.: Лениздат, 1988. 246 с.
69. *Полещиков В. М.* За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 270 с.
70. *Рабинович М. Б.* Воспоминания долгой жизни. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1996. 365 с.
71. *Разумов А.* Памяти юности Лидии Чуковской // Звезда. 1999. № 9. [Электронный ресурс]. URL: https://magazines. gorky. media/zvezda/1999/9/pamyati-yunosti-lidii-chukovskoj. html
72. *Раков Т. Н.* Политические практики большевистской организации Ленинграда в дискуссиях 1921 и 1925 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2020. 210 с.
73. *Резник А. В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923—1924. СПб.: Европейский университет, 2018. 389 с.
74. *Решетов А. М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. М.: «Вост. лит.» РАН, 2003. Вып. 2. С. 147—192.
75. *Роговин В. З.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М.: Терра, 1992. 399 с.
76. *Роговин В. З.* Власть и оппозиции. М.: Журнал «Театр», 1993. 398 с.
77. *Ростовцев Е. А.* Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX—XX вв. // Клио. 2011. № 4. С. 89—99.
78. *Рублев Д. И.* Российский анархизм в XX века. М.: Родина, 2019. 703 с.
79. Русские социалисты и анархисты после Октября 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: https://socialist. memo. ru/
80. *Рыбаков В. В.* Некоммунистические политические и общественные объединения молодежи в 1917—первой половине 1920-х гг. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2013. Вып. 1. Ч. I. С. 59—77
81. *Рыженко Ф. Д., Угрюмов А. Л.* Ленинская партия в борьбе с троцкизмом (1903—1927 гг.). М.: Высшая школа, 1969. 178 с.
82. *Сафразьян Н. Л.* Борьба КПСС за строительство высшей школы (1921—1927 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 158 с.
83. *Скоркин К. В.* Обречены проиграть. (Власть и оппозиция 1922—1934). М.: VividArt, 2011. 890 с.
84. *Слезин А. А* Молодые меньшевики: государственно-правовые взгляды и историческая судьба // История государства и права. М., 2008. № 22. С. 31—34.
85. *Слуцкий А. Г.* Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса // Пролетарская революция. 1930. № 6. С. 38—72.
86. *Соколов М. В.* Провал ЦБ эсеров в Ленинграде // Родина. 2012. № 7. С. 130—134.

87. *Солдатенко В. Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М.: РОССПЭН, 2017. 422 с.
88. *Соскин В. Л.* Высшая школа — конец автономии (1921—1922) // Альма-матер. Вестник высшей школы. М., 1998. № 1—2. С. 73—77.
89. *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде. 1926—1933 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 277 с.
90. *Стефаненко А. Ю.* Инициативные группы и внутрипартийная оппозиция: случай Ленинградского горного института (1925—1939 гг.) // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2021. № 4 (37). С. 397—401.
91. *Стефаненко А. Ю.* К истории оппозиции на фабрике «Работница»: группа А. С. Алимова // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сб. статей. СПб.: Лема, 2018. С. 230—141.
92. *Стецура Ю. А.* Комсомол — активный помощник партии в борьбе против «новой оппозиции». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 24 с.
93. *Сулемов В. А.* «Ложные друзья» молодежи. (Из истории борьбы с троцкизмом в молодежном движении) // Оружие борьбы. М., 1970. С. 145—190.
94. *Сулемов В.* Союз молодых борцов. [М.]: Молодая гвардия, 1971. 303 с.
95. *Суслов А. Ю.* Российские социалисты после Октября 1917 года в отечественной историографии. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. 487 с.
96. *Сыченкова А. В.* Отечественная историография партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Казань: Изд-во Казанского гос. технического ун-та, 2006. 121 с.
97. *Такер Р.* Сталин. Путь к власти, 1879—1929. История и личность. М.: Прогресс, 1991. 479 с.
98. *Титов А. Г., Смирнов А. М., Шалагин К. Д.* Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период 1917—1934 гг. М.: Высшая школа, 1974. 359 с.
99. *Тютюкин С. В.* Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 558 с.
100. *Тютюкин С. В.* Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. № 6. С. 53—69.
101. *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.* Карл Радек: повесть о бесчисленных обличьях революционера, дипломата и публициста, политика и политикана, циника и острослова, оппозиционера и холопа. М.: Терра, 2019. 412 с.
102. *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Кн. 3: Оппозиционер. 1923—1929 гг. М.: Центрполиграф, 2013. 464 с.
103. *Халфин И.* В поисках оппозиции: чистка 1924 г. в Ленинградском коммунистическом университете им. Г. Е. Зиновьева // Личность, общество и власть в истории России. Сб. науч. статей, посвященный

70-летию докт. ист. наук, проф. В. И. Шишкина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. С. 398—420.
104. *Чарный М. Б.* Суд исторический и неизбежный. Меньшевики перед пролетарским судом. М.: Огиз; «Моск. рабочий», 1931. 61 с.
105. *Чернов М. П.* Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу в 1918—1922 годах // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 135—139.
106. *Черномордик С. И.* Махно и махновщина. (Анархисты за «работой»). М.: Изд-во политкаторжан, 1933. 54 с.
107. *Чернявский Г. И., Станчев М. Г., Тортика М. В.* Жизненный путь Христиана Раковского, 1873—1941: европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М.: Центрполиграф, 2014. 556 с.
108. *Шабалин В. В.* Пейзаж после битвы. Из истории левой оппозиции на Урале. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2003. 169 с.
109. *Шепель Я. Г.* Троцкисты в Восточной Пруссии: «история в осколках» // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 72—84.
110. *Шмелев А.* Борьба РКП(б) против троцкизма за студенческую молодежь (1923—1924) // Борьба ленинской партии против оппортунизма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 116—126.
111. *Barber J.* Soviet historians in crisis, 1928—1932. London; Basingstoke: Macmillan press, 1981. 194 p.
112. *Black C.* Manufacturing communists: «Krasnyi Putilovets» and the politics of soviet industrialization, 1923—1932. Ph. D. diss. Indiana University, 1996. 379 p.
113. *Brovkin V. N.* The Mensheviks after October: socialist opposition and the rise of the Bolshevik dictatorship. Ithaca; London: Cornell univ. press, 1991. 329 p.
114. *Broué P.* Les trotskystes en Union Soviétique (1929—1938) // Cahiers Léon Trotsky. 1980. N 6. [Электронный ресурс]. URL: https://www. marxists. org/francais/broue/works/1980/00/broue_19800000i. htm
115. *Carr E. H.* Socialism in one country. 1924—1926. New York: Macmillan, 1968. 178 p.
116. *Daniels R. V.* The conscience of the revolution: Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge: Harvard univ. press, 1960. 526 p.
117. *Halfin I.* Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918—1928. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh press, 2007. 416 p.
118. *Konecny P.* Builders and deserters. Students, state, and community in Leningrad, 1917—1941. Montreal: McGill-Queen's univ. press, 1999. 358 p.
119. *Liebich A.* From the Other Shore. Russian Social Democracy after 1921. Cambridge, London: Harvard univ. Press, 1997. P. 123—140.
120. *Novikova Monterde O.* Leben und Tod von Michail Diamant zwischen der deutschen und der russischen Linken // Max Diamant:

Sozialist, Exilant, Gewerkschafter Beiträge aus dem Archiv der Sozialen Demokratie. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2017. Heft 7. P. 31—35.

121. *Taylor J*. The generalissimo's son: Chiang Ching-kuo a. the revolutions in China a. Taiwan / Jay Taylor. Cambridge (Mass.); London: Harvard univ. press, 2000. 520 p.
122. The Mensheviks: From the revolution of 1917 to the Second World War / Ed. L. H. Haimson. Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1974. 476 p.
123. *Windholz G.* Emmanuil S. Enchmen — a Soviet behaviorist and the commonality of 'Zeitgeist // The Psychological Record. 1995. September, 22. [Электронный ресурс]. URL: https://www.thefreelibrary.com/Emmanuil+S.+Enchmen+-+a+Soviet+behaviorist+and+the+commonality+of...-a017757162

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК — Анархистская конфедерация
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВМА — Военно-медицинская академия
ВПАТ — Военно-политическая академия им. Н. Г. Толмачева
ВТА — Военно-техническая академия
ВФА — Всероссийская федерация анархизма
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИМЗ — Государственный институт медицинских знаний
Гипромез — Государственный институт по проектированию металлургических заводов
ИКП — Институт красной профессуры
ИНХ — Институт народного хозяйства им. Ф. Энгельса
ИППР — Институт политико-просветительской работы им. Н. К. Крупской
КК — Контрольная комиссия
КУЗ — Коммунистический университет им. Г. Е. Зиновьева
ЛВИ — Ленинградский восточный институт
ЛВО — Ленинградский военный округ
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛИИ — Ленинградский индустриальный институт
ЛИИПС (ИПС) — Ленинградский институт инженеров путей сообщения
ЛИНХ — Ленинградский институт народного хозяйства
ЛОКУНМЗ — Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинство Запада
ЛЭТИ (ЭТИ) — Ленинградский электротехнический институт
МВТУ — Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана
МКК — Московская контрольная комиссия
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
ОА СПбГУ — Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета

ОГПУ (ГПУ) — Объединенное государственное политическое управление
ОКК — Областная контрольная комиссия
Оторг — Ответственный организатор
ПВО — Петроградский военный округ
ПГУ — Петроградский государственный университет
ПЛСР — Партия левых социалистов-революционеров
ПП ОГПУ в ЛВО — Полномочное представительство Объединенного государственного политического управления Ленинградского военного округа
ПСР — Партия социалистов-революционеров
Пуокр — Политическое управление округа
РВС — Революционный военный совет
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГПУ им. А. И. Герцена — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РК — Районный комитет
РКК — Районная контрольная комиссия
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи
РСДРП — Российская социал-демократическая партия
РСДСРМ — Российский социал-демократический союз рабочей молодежи
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СПО — Секретно-политический отдел
— Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
УФСБ по СПб. и ЛО — Управление Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦГА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАИПД СПб. — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГАКФФД СПб. — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга
ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГР — Центральный городской район
ЦК — Центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия
Ямфак — Факультет языка и материальной культуры

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5
Историография 8
Источники 18
Глава 1. Социалисты против коммунистов 30
Студенческий «парламентаризм». 1918—1920 гг. 30
От легальности к подполью. 1920—1926 гг. 41
Глава 2. Между «Новым курсом» и новой оппозицией. 1923—1926 гг. 66
«Новый курс» и студенческая молодежь 67
Вокруг XIV съезда 93
Глава 3. Оппозиционный блок. 1926—1927 гг. 115
Формирование блока 115
Практика борьбы 137
Вузовский оппозиционер: коллективный портрет и мотивация борьбы 181
Глава 4. Подполье и «контрабанда». 1928—1932 гг.. 200
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 236
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Студенты-меньшевики, эсеры и анархисты в Петрограде/Ленинграде (1920—1926 гг.) 246
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Преподавательский, научный и административный состав вузов Петрограда/Ленинграда в Левой оппозиции (1923—1932 гг.) 251
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Студенты Петрограда/Ленинграда в Левой оппозиции (1923—1932 гг.) 262
ПРИМЕЧАНИЯ 300
БИБЛИОГРАФИЯ 351
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 369

Научное издание

Дмитрий Андреевич Баринов

ЗИНОВЬЕВ. ТРОЦКИЙ. УНИВЕРСИТЕТ

Левое движение в высшей школе Петрограда/Ленинграда (1918—1932 гг.)

Редактор *Н. М. Пак*
Художник *П. Палей*
Корректор *А. К. Рудзик*

Формат 60×88 $^{1}/_{16}$. Уч.-изд. л. 21.0.

ФГБУ «Издательство «Наука»
117997 г. Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com
https://naukapublishers.ru, https://naukabooks.ru

Отдел редакционной подготовки гуманитарной
и естественнонаучной литературы

199034 г. Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28

+7(495)276-77-35, e-mail: info@naukapublishers.ru

https://naukapublishers.ru, https://naukabooks.ru

СТУДЕНТЫ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ В ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ

А. П. Капитонова

Б. Д. Садовников

В. Ф. Лысов

Г. М. Дрязгов

Д. В. Вихорев

Д. В. Редозубов

Е. И. Носков

Е. И. Ходе

Е. Ф. Косолапов

З. В. Тартаковская

З. Н. Гайдерова

И. А. Острецов

И. Г. Паршуков

И. С. Кузьминский

К. В. Нотман

М. И. Рыбин

М. С. Ворчалов

М. Я. Натансон

Н. В. Вихорев

О. Г. Лифшиц

Н. Л. Альтгаузен

С. В. Александров

О. Е. Юргенс

С. Г. Боголепов

Ф. Г. Устимчик

Ф. И. Рылов

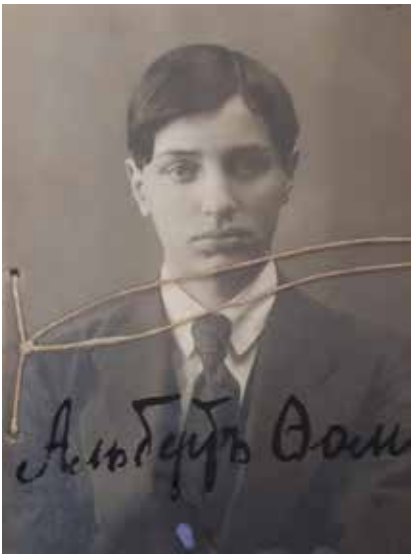
Я. К. Дончак

Ф. Н. Дингельштедт

СТУДЕНТЫ – МЕНЬШЕВИКИ, ЭСЕРЫ И АНАРХИСТЫ

А. П. Денисов

А. С. Вольпе



А. Ф. Абрамович

Б. А. Колеров

Б. В. Чернов

Г. А. Садовский

Д. М. Бацер

Е. А. Боронина

Л. В. Ионова

О. Э. Визель

С. Г. Бобров

С. П. Жаба